

ISSN 2311-696X (Print)
ISSN 2782-2761 (Online)

научно-практический журнал

ПРАВОПОРЯДОК

история, теория, практика

4(39)/2023

ПРАВООРЯДОК

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

2023 | № 4 (39)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Электронная версия журнала доступна на сайте <https://правопорядок74.рф>.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ Андрей Владимирович доктор юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИОГОЛЕВИЧ В. А. кандидат технических наук, доцент, генерал-майор полиции (председатель совета)
АГАПОВ П. В. доктор юридических наук, профессор
БИРЮКОВ П. Н. доктор юридических наук, профессор
БОГДАН В. В. доктор юридических наук, доцент
ВАЛЕЕВ Р. М. доктор юрид. наук, профессор кафедры
ВЫДРИН И. В. доктор юридических наук, профессор
ГОНЧАРОВ Д. Ю. доктор юрид. наук, доцент, проф. кафедры
ГУСАК В. А. доктор юридических наук
ЗУЕВ С. В. доктор юрид. наук, доцент, профессор кафедры
КОБЕЦ П. Н. доктор юридических наук, профессор
КИРЕЕВ В. В. доктор юрид. наук, доцент, проф. кафедры
КУДИНОВ В. В. доктор юридических наук
ЛАЗУТИН Л. А. доктор юридических наук, профессор
МАЙОРОВ В. И. доктор юридических наук, профессор
ПУЧКОВ О. А. доктор юридических наук, доцент
САБИТОВ Р. А. доктор юридических наук, профессор
СЕВРЮГИН В. Е. доктор юридических наук, профессор
СЕРГЕЕВ А. Б. доктор юрид. наук, профессор кафедры
СКАРИДОВ А. С. доктор юридических наук, профессор
ТУГАНОВ Ю. Н. доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист Российской Федерации

ЧЕРНЯДЬЕВА Н. А. доктор юрид. наук, доцент, проф. кафедры
ШАРОНОВ С. А. доктор юридических наук, доцент
ШАЙХУТДИНОВ Е. М. кандидат юридических наук
БАЗЕЛЮК В. В. доктор педагогических наук, профессор
КОСТЕНОК П. И. доктор педагогических наук, профессор
ТАНАЕВА З. Р. доктор пед. наук, доцент, проф. кафедры
МАХРОВА Т. К. доктор исторических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВИННИКОВА Р. В. кандидат юридических наук
ВАНЮШИН Я. Л. кандидат юридических наук, доцент
ДОЛГОПОЛОВ К. А. кандидат юридических наук, доцент
КОНДРАТЬЕВ С. М. кандидат юридических наук, доцент
МАГДЕНКО А. Д. кандидат юридических наук, доцент
МАЙОРОВ А. В. доктор юридических наук, доцент
МИХАИЛОВ К. В. кандидат юридических наук, доцент
ТЮЛЬПАНОВ Ф. М. кандидат юридических наук, доцент
ШМИДТ А. А. кандидат юридических наук, доцент
МАЙСАК В. Н. кандидат исторических наук, доцент
СЕМЕНОВ А. И. кандидат ист. наук, доцент, доцент кафедры
ДЕККЕРТ Д. В. кандидат пед. наук, доцент кафедры
СУХОРОУКОВА А. Х. начальник ГУ ФССП России по Свердловской обл., генерал-майор внутренней службы

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: ООО «ЭСКУЭЛА»

Россия, 454091, г. Челябинск,
ул. Коммуны, 139-39.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № ФС77-54870 от 26 июля 2013 г.
Подписной индекс 94267 «Урал-Пресс»

В журнале отражаются результаты
фундаментальных и прикладных научных
исследований, экспериментальных разработок
ведущих ученых и исследователей, аспирантов
и докторантов, а также практический опыт
сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность
цитат, имен, названий и иных сведений, а также
за соблюдение законов об интеллектуальной
и иной собственности несут
авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИЯ:

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.

Тел.: +7 (908) 570-73-15

E-mail: pravoporyadok74@bk.ru

Сайт: <http://правопорядок74.рф>

Корректурa, комп. верстка: **ВОРОНИН С. В.**
Перевод: **ВОЛОШИНА М. А.**

Подписано в печать: 22.12.2023.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 29,99.

Тираж 150 экз. Заказ № 572.

Отпечатано в издательстве

Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

Дата выхода в свет: 29.12.2023.

Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история,
теория, практика», 2023.

В НОМЕРЕ

История и общая теория обеспечения правопорядка

(5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.4 Уголовно-правовые науки)

Пучков В. О.

РИМСКОЕ ПРАВО И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ У ИСТОКОВ ПРАВОВЕДЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ (ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	10
--	----

Конституционное право

*(5.1.2 Публично-правовые
(государственно-правовые) науки)*

Киреев В. В.

ИДЕЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ	18
---	----

Соловьев С. Г.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПАЛАТЫ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	26
---	----

Административное право и процесс

(5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Квитчук А. С.

ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНАЯ СЛУЖБА: ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)	32
--	----

Койнов М. Ю.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ, СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ С РОССИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ «БЕЗОПАСНЫЙ ГОРОД»	38
---	----

Административная деятельность

(5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Майорова Е. Н., Полякова С. В.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ООН В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА	45
---	----

Уголовное право и процесс

(5.1.4 Уголовно-правовые науки)

Баранчикова М. В.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ НАКАЗАННОСТЬ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ	52
--	----

---

*Бегишев И. Р., Денисович В. В., Сабитов Р. А.,
Пасс А. А., Скоробогатов А. В.*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕТАВСЕЛЕННЫХ:
КОЛЛИЗИИ В ПРАВЕ 58

Григорьева М. К.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ДЕТОРОЖДЕНИЮ
И ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ПЕРЕДАЧА ДЕТЕЙ
В КОНТЕКСТЕ СОДЕРЖАНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ «ГЕНОЦИД» 63

Драничникова Н. В.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ИНСТИТУТА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 69

Зуев С. В.

ТЕХНОЛОГИИ ДОКАЗЫВАНИЯ УЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ:
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ 78

Мирасов Р. Р., Гончаров Д. Ю.

КЛАССИФИКАЦИЯ МОТИВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 83

Рябчиков С. А.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 89

Сафонов В. Н., Агаев Г. А.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ
К ПОНИМАНИЮ И УСТАНОВЛЕНИЮ ОБЪЕКТА
ИНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА 96

Фомичев А. А., Тихомирова О. Г.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ПОНИМАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ 103

Черецких А. В.

ЦИФРОВЫЕ (ЭЛЕКТРОННЫЕ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 110

Чикулина А. Р.

«ОБОСНОВАННОЕ ПОДОЗРЕНИЕ»
КАК УСЛОВИЕ ИЗБРАНИЯ СУДОМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ 118

Шершикова И. А.

ИНИЦИИРОВАНИЕ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 124

Шипунова О. В.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ 133

Ястребова Т. И., Ордан А. В.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА
В ВЫДВИЖЕНИИ ВЕРСИЙ, ПЛАНИРОВАНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ
И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 140

Теория и практика противодействия преступности

(5.1.4 Уголовно-правовые науки)

Киселев А. С., Горбунова К. А.

ОСОБЕННОСТИ РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ 147

Кайгородова О. С.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: ЗАЩИЩЕНЫ ЛИ МЫ? 155

Перемолотова Л. Ю.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА
КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ 162

Сагайдак А. Ю., Рубан А. Д.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФИНАНСИРОВАНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 169

Сумачев А. В., Шахмаев М. М.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
КАК СПОСОБ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ 179

Соколов М. С.

ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИИ
ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 184

Филоненко Т. В.

ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЦИДИВА 193

Хлебунова С. А.

СУБЪЕКТЫ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 202

Хотькина О. К.

КОРРЕЛЯЦИЯ КАТЕГОРИЙ В СИСТЕМЕ
АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ 211

Международное право

(5.1.4 Уголовно-правовые науки;
5.1.5. Международно-правовые науки)

Чернядьева А. С.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ СПОРТСМЕНОВ
ПО ДЕЛАМ ОБ «АНТИДОПИНГОВОЙ ЧИСТОТЕ» 216

Проблемы правопорядка: взгляд молодых исследователей

(Коды специальностей: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4; 5.1.5)

Сибгатуллин Ф. С.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ УРЯДНИК В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЦАРСКОЙ РОССИИ
В КОНЦЕ XIX ВЕКА — НАЧАЛА XX ВЕКА
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) 223

Научные мероприятия. Отзывы. Рецензии

(Коды специальностей: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4; 5.1.5)

Кабанов П. А.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ САЕТГАРАЕВА ВИЛЬСУРА ФИРДАВИСОВИЧА НА ТЕМУ «ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ»	227
---	-----

Законопроекты

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Шутова А. А., Бегушев И. Р.

ПРОЕКТ ЭТИЧЕСКОГО КОДЕКСА СУБЪЕКТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СОЗДАНИЮ, ПРИМЕНЕНИЮ И УТИЛИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ НА ОСНОВЕ БИОПРИНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ПО ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ПАЦИЕНТАМИ И ДОНОРАМИ КЛЕТОК, ПО ОБОРОТУ ДОНОРСКИХ КЛЕТОК, БИОЧЕРНИЛ И БИОПРИНТНЫХ ТКАНЕВЫХ (ОРГАННЫХ) КОНСТРУКТОВ	239
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	248
---------------------------	-----

CONTENTS

History and General Theory of Legal Order

(5.1.1 Theoretical and historical legal sciences; 5.1.4 Criminal law sciences)

Puchkov V. O.

ROMAN LAW AND JURISPRUDENCE AT THE ORIGINS OF LEGAL SCIENCE OF THE DIGITAL AGE (CONCEPTO-TERMINOLOGICAL ISSUE)	10
--	----

Constitutional Law

(5.1.2 Public law (state law) sciences)

Kireev V. V.

THE IDEA OF CITIZENSHIP IN MODERN RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: PROBLEMS OF LEGAL INSTITUTIONALIZATION	18
---	----

Solovev S. G.

MUNICIPAL PUBLIC CHAMBERS: LEGAL PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE	26
---	----

Administrative Law and Procedure

(5.1.2 Public law (state law) sciences)

Kvitchuk A. S.

THE ROAD PATROL SERVICE: THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF ROAD SAFETY IN RUSSIA (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)	32
--	----

Koynov M. Yu.

IMPLEMENTATION OF NATIONAL AND PUBLIC SECURITY IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA, COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS WITH THE RUSSIAN CONCEPT OF "SAFE CITY"	38
---	----

Administrative Activity

(5.1.2 Public law (state law) sciences)

Mayorova Ye. N., Polyakova S. V.

INTERNATIONAL INITIATIVES OF THE UNITED NATIONS IN THE FIELD OF ROAD SAFETY UNTIL 2030	45
---	----

Criminal Law and Proceeding

(5.1.4 Criminal law sciences)

Baranchikova M. V.

ADMINISTRATIVE PUNISHMENT AS A SIGN OF THE SUBJECT OF A TRAFFIC CRIME	52
--	----

<i>Begishev I. R., Denisovich V. V., Sabitov R. A., Pass A. A., Skorobogatov A. V.</i>	
CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE OF METAVERSES: COLLISIONS IN LAW	58
<i>Grigoryeva M. K.</i>	
FORCED PREVENTION OF BIRTH AND FORCED TRANSFER OF CHILDREN IN THE CONTEXT OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME OF "GENOCIDE"	63
<i>Dranichnickova N. V.</i>	
THE MAIN DIRECTIONS OF INTERSECTORAL IMPROVEMENT OF THE INSTITUTE OF PROCEDURAL COSTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS	69
<i>Zuev S. V.</i>	
TECHNOLOGIES OF PROVING PARTICIPATION IN A CRIME: HISTORY OF DEVELOPMENT AND PROSPECTS	78
<i>Mirasov R. R., Goncharov D. Yu.</i>	
CLASSIFICATION OF MOTIVES FOR CRIME	83
<i>Ryabchikov S. A.</i>	
ORGANIZATIONAL AND TECHNICAL SUPPORT FOR THE ACTIVITIES OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES ON THE USE OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS	89
<i>Safonov V. N., Agayev G. A.</i>	
AXIOLOGICAL AND STRUCTURAL-CONTENT APPROACHES TO UNDERSTANDING AND ESTABLISHING THE OBJECT OF OTHER VIOLENT ACTS OF A SEXUAL NATURE	96
<i>Fomichev A. A., Tikhomirova O. G.</i>	
SYSTEMIC APPROACH IN THE UNDERSTANDING OF FORENSIC IDENTIFICATION	103
<i>Cheretskikh A. V.</i>	
DIGITAL (ELECTRONIC) EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS	110
<i>Chikulina A. R.</i>	
"REASONABLE SUSPECTION" AS A CONDITION FOR ELECTING A MEASURE OF PRESTRESSION BY THE COURT	118
<i>Shershikova I. A.</i>	
INITIATION OF APPEAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS	124
<i>Shipunova O. V.</i>	
FEATURES OF THE USE OF VIDEO CONFERENCING IN INVESTIGATIVE ACTIVITIES	133
<i>Yastrebova T. I., Ordan A. V.</i>	
CERTAIN ASPECTS OF THE PARTICIPATION OF A CRIMINOLOGIST IN THE PROMOTION OF VERSIONS, PLANNING OF INVESTIGATION AND DISCLOSURE OF CRIMES	140

Theory and Practice of Combating Crime

(5.1.4 Criminal law sciences)

Kiselev A. S., Gorbunova K. A.

PECULIARITIES OF SEARCH MEASURES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES
COMMITTED IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION 147

Kaigorodova O. S.

REGULATORY AND LEGAL SUPPORT OF CYBERSECURITY: ARE WE PROTECTED? 155

Peremolotova L. Yu.

THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM
AS A SUBJECT OF PREVENTION OF RECIDIVISM 162

Sagajdak A. Yu., Ruban A. D.

PREVENTING THE FINANCING OF EXTREMIST ACTIVITIES:
A CRIMINOLOGICAL PERSPECTIVE 169

Sumachev A. V., Shakhmaev M. M.

DIGITAL TECHNOLOGIES USED IN THE LEARNING PROCESS
AS A WAY TO PREVENT CORRUPTION IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS 179

Sokolov M. S.

PREVENTION OF CORRUPTION
THROUGH DIGITAL AND INFORMATION TECHNOLOGIES 184

Filonenko T. V.

PROBLEMS OF ACCOUNTING FOR POST-PENITENTIARY RECIDIVISM 193

Khlebunova S. A.

SUBJECTS OF ANTI-TERRORIST AND ANTI-EXTREMIST ACTIVITY
IN THE RUSSIAN FEDERATION 202

Khotkina O. K.

CORRELATION OF CATEGORIES
IN THE SYSTEM ANTI-CORRUPTION LEGISLATION IN RUSSIA 211

International Law

*(5.1.4 Criminal law sciences;
5.1.5 International legal sciences)*

Chernyadyeva A. S.

PROCEDURAL ASPECTS
OF THE INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF THE RIGHTS
OF ATHLETES IN CASES "ANTI-DOPING PURITY" 216

Problems of Legal Order: the View of young Researchers

(Specialty codes: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4; 5.1.5)

Sibgatullin F. S.

POLICE OFFICER IN THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM
OF TSARIST RUSSIA IN THE LATE XIX CENTURY — EARLY XX CENTURY
(HISTORICAL AND LEGAL ASPECT) 223

Scientific Event. Comments. Reviews

(Specialty codes: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4; 5.1.5)

Kabanov P. A.

REVIEW OFFICIAL OPPONENT ON THE THESIS OF VILSUR F. SAETGARAYEV ON THE TOPIC “ORGANIZATIONAL-LEGAL MECHANISM OF COOPERATION BETWEEN INTERNAL AFFAIRS BODIES AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE FIELD OF COMBATING CORRUPTION”	227
---	-----

Draft laws

(5.1.1 Theoretical and historical legal sciences)

Shutova A. A., Begishev I. R.

PROJECT OF AN ETHICAL CODE OF SUBJECTS IMPLEMENTING ACTIVITY OF CREATING, APPLYING AND UTILIZING MEDICAL PRODUCTS BASED ON BIOPRINTING TECHNOLOGIES, INTERACTING WITH PATIENTS AND CELL DONORS, TURNOVER OF DONOR CELLS, BIOINK AND BIOPRINT TISSUE (ORGAN) CONSTRUCTS	239
INFORMATION ABOUT AUTHORS	248

ИСТОРИЯ И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Научная статья

УДК 340.15

DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-10-17

С. 10–17

РИМСКОЕ ПРАВО И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ У ИСТОКОВ ПРАВОВЕДЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ (ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Владислав Олегович Пучков^{1,2}

¹Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия;

²Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия

v.o.puchkov@uslu.su

 <https://orcid.org/0000-0002-0700-1562>

Аннотация. В статье рассматриваются методологические особенности римского права и юриспруденции в контексте понятийно-терминологических оснований. Аргументируется, что юридическая картина мира Рима, ставшая онтологической основой правовой догматики, являлась натурализованной. Отсюда юридические конструкции мыслились не как абстрактные теоретические построения (понятия), а как функционально-номинативные производные от естественного языка (термины, обозначающие правовые явления и процессы). Доказывается, что способ построения юридического знания в римской юриспруденции осуществлялся в логике «объект — номинация — конструкция». Целевым образом воздействуя на организацию континентального юридического мышления, такой способ рассуждения во многом остаётся востребованным и юриспруденцией цифровой эпохи. Показывается, что базовые конструкции догмы права предопределили невозможность представления в их логике многих явлений и процессов современного высокотехнологичного мира. В частности, заложенное ещё в эпоху Рима понимание вещи стало препятствием к разработке вещно-правовых теорий цифрового имущества. В связи с этим, делается вывод о том, что для правоведения цифровой эпохи наиболее значимыми являются вопросы методологии.

Ключевые слова: римское право, юриспруденция, юридическая конструкция, юридическое понятие, юридический термин, понятийно-терминологический аппарат

Для цитирования: Пучков В. О. Римское право и юриспруденция у истоков правоведения цифровой эпохи (понятийно-терминологический аспект) // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 10–17. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-10-17

ROMAN LAW AND JURISPRUDENCE AT THE ORIGINS OF LEGAL SCIENCE OF THE DIGITAL AGE (CONCEPTO-TERMINOLOGICAL ISSUE)

Vladislav O. Puchkov^{1,2}

¹Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

²Liberal Arts University, Yekaterinburg, Russia

v.o.puchkov@uslu.su

 <https://orcid.org/0000-0002-0700-1562>

Abstract. The article considers methodological features of Roman law and jurisprudence within the context of their concepto-terminological foundations. The study argues the naturalized character of Roman legal *imago mundi*, which became the ontological base of legal dogmatics. Taking from this Roman legal constructs were thought as *functio-nominative* entities derived from the natural language (terms for the legal events and processes), and not as abstract theoretical structures (concepts). The research proves the way of Roman legal cognition to be organized in the logic of “an object — a nomination — a construct”. Affecting objectively the organization of continental legal thought, this method remains in demand in jurisprudence of digital age. The author shows that basic constructs of legal dogma predetermined the impossibility of representation of many phenomena and processes of modern high-tech world, especially digital property. The study concludes that methodological issues are most significant for the legal science in digital age.

Keywords: Roma law, jurisprudence, legal construct, legal concept, legal term, concepto-terminological apparatus

For citation: Puchkov VO. Roman law and jurisprudence at the origins of legal science of the digital age (concepto-terminological issue). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):10-17. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-10-17 (In Russ.)

Введение

В области права, как замечал дореволюционный юрист Б. А. Кистяковский, «сперва создаётся техника и техническое знание явления, а затем уже благодаря технике развивается само явление и возникает потребность теоретического изучения его» [6, с. 280–281]. Приведённое замечание очень точно отражает историко-методологический аспект изучения понятийно-терминологического аппарата правоведения: юридические термины (такие как «иск», «реституция» и подобные им) возникают первоначально как средства *юридической техники*, номинативные единицы, используемые для описания юридической деятельности, практики [2, с. 61]. За ними изначально «стоят» конкретные объекты — действия, предметы материального мира, — и лишь впоследствии за этими номинациями возникает *теория*, система понятий о правовой действительности. По крайней мере, такая ситуация складывается в юриспруденции континентальной традиции, которая формируется как практическое искусство римских юристов и достаточно поздно приобретает черты научного знания. Неслучайно, в связи

с этим, О. Шпенглер замечает: «Римляне не были... ни систематиками, ни историками, ни теоретиками, а исключительно блестящими практиками. Их юриспруденция — это *опытная наука единичных случаев*, одухотворённая техника, а вовсе не какое-то абстрактное построение» [20, с. 62]. В том же ключе рассуждает и классик европейской философии Г. В. Ф. Гегель: «Часто говорят... о римских... *правовых понятиях...*, между тем как там нет и речи о понятиях, а есть только... *рассудочные положения...*» [1, с. 63].

Ярким примером этому является понятие о цессии и соответствующий юридический термин: в латинском языке слово *cedo* обозначало движение, перемещение. Гай в своих Институциях (*Gai. Inst. II. 24–37*), замечает, что от слова *cedo* в дальнейшем образуется слово *cessio*, которое впоследствии вводится в употребление практикующими юристами при обозначении уступки, перехода субъективного права от первоначального кредитора (цедента) к лицу, приобретающему это право (цессионарию). Так в римской юридической лексике появляется термин «цессия»; разработка соответствующего *понятия* была

осуществлена при этом значительно позднее и произведена, главным образом, германской пандектистикой [29, s. 29].

Отмеченное обстоятельство позволяет сделать следующий вывод: несмотря на то, что терминологический аппарат юридической науки во многом формируется уже в римском праве, разработка релевантных *теоретических* понятий осуществляется значительно позднее. Причиной этому является тот факт, что юриспруденция как наука оформляется существенно позже, чем юриспруденция как отрасль практической деятельности; причём последняя традиционно оценивается как сфера, которая избегала всякого нормативного (в методологическом смысле) теоретического определения понятий [23, s. 8], и для которой, как писал ещё римский юрист I–II вв. Яволен Приск, «...всякое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может быть опрокинуто» [8, с. 114] (D. 50.17.202). Отсюда, имея развёрнутый терминологический аппарат, остающийся востребованным и поныне, римская юриспруденция не только не ставила вопрос о том, каково содержание соответствующих понятий, но и в целом практически не актуализировала какую-либо теоретико-понятийную работу в собственном смысле¹.

Данное обстоятельство очень точно отмечает В. А. Томсинов. Характеризуя теоретико-методологические основания Институций Гая, учёный пишет: «Предложенная Гаем система расположения правового материала... кажется логичной. Но сам Гай в своих „Институциях“ постоянно её нарушал. В разделе „О лицах“, например, он вёл речь не только о статусе различных лиц, но и о способах приобретения и передачи вещей» [18, с. 112]. Значимый вывод В. А. Томсинов делает впоследствии: «Определения, которые римские юристы давали правовым явлениям, фиксировали, как правило, не природу их, а состав, содержание... — отмечает он. — Этого было мало для науки, но для практики оказывалось вполне достаточно. Римские правовые дефиниции — это с научной точки зрения не определения, а скорее изречения (выделено мною. — В.П.)» [18, с. 114].

Таким образом, Рим, впоследствии давший Европе не только образцы практической юридической деятельности, но и терминологический аппарат юриспруденции, не поднял последнюю до уровня науки, системы теоретического знания. В этом смысле, в качестве наиболее ранней «точки отсчёта» *научной истории*

юриспруденции называется эпоха глоссаторов и комментаторов [17, с. 37] или, чаще, XIX столетие [34, р. 400]. На первый взгляд, данное обстоятельство деактуализирует рассмотрение римского периода юридической истории — периода, когда понятийно-терминологического аппарата правовой науки не было постольку, поскольку не было и самой этой науки. Однако такое отношение видится неоправданным, поскольку тот факт, что в Риме не была создана наука о праве, не позволяет утверждать, что в Риме отсутствовала *юридическая мысль*. Памятники этой мысли донесли до наших дней систему юридических конструкций римского частного права, правовые определения и терминологию, и в этом смысле оправданно считать, что именно в римской юриспруденции сформировались *истоки понятийно-терминологического аппарата правоведения*².

Изложенное предопределяет необходимость более тщательного рассмотрения понятийно-терминологических оснований римской юриспруденции.

Описание исследования

Античная римская культура долгое время была восприимчива (и во многом воспринимается и сейчас) как своеобразный идеал, неисчерпаемый в плане его познания и теоретического осмысления [13, с. 16]. Это более всего заметно среди юристов, которые, начиная с глоссаторов и заканчивая германскими

² Употребляя здесь и в дальнейшем термин «юриспруденция» применительно к римско-византийской эпохе, мы говорим о юриспруденции не в значении науки, а в смысле юридической деятельности, притом — деятельности, всецело проникнутой прагматическими началами и не видевшей своей целью разработки общих, абстрактных представлений о праве. «Римская юриспруденция, — пишет, в связи с этим, В. А. Томсинов, — всегда и во всём своём объёме служила практике и качества теоретического... знания о праве она приобретала лишь в той степени, в какой это требовалось для эффективного обслуживания потребностей практического судопроизводства, не более того (выделено мною. — В.П.)» [18, с. 113]. Конечно, в дошедших до нас фрагментах кодификации Юстиниана мы можем встретить некоторое подобие теоретических определений у римских юристов (к примеру, действия права (D. 1.3.7), гражданского права (D. 1.1.7) и т. п.). Однако эти определения не строились по правилам формирования научных абстракций, характерных для современного понимания науки, в том смысле, что отражали не столько содержание понятий, сколько их объём. Между тем, как верно замечал ещё Б. Спиноза, «правильное определение... не заключает в себе и не выражает ничего, кроме природы определяемой вещи (выделено мною. — В.П.)» [16, с. 366]. Потому, употребляя термин «юриспруденция» при характеристике римско-византийского этапа развития континентальной правовой традиции, мы не используем этот термин в качестве синонима терминов «правовая наука», «правоведение» и т. п.

¹ См. *contra*: [7, с. 191; 15, с. 24; 22, р. 126; 26, s. 26].

пандектистами, преимущественно концентрировали свою деятельность на разработке доктринальных основ римского права. Достаточно отметить, что, по свидетельству К. Цвайгерта и Х. Кётца, исследовательские акценты смещаются из области романистики в сферу национальных правопорядков только к XX столетию — веку становления национальных правовых систем и юридических доктрин [19, с. 95; 21, с. 77, 83]. Не случайно в 1917 г. И. А. Покровский напишет: «Наука права, воспитанная на римском праве, уделяет... национальным основам сравнительно малое внимание; вся... юриспруденция проникнута романистическим духом: истинным правом, правом самого разума — *ratio scripta* — считается только римское право» [10, с. 54].

При этом не может не обратить на себя внимание то обстоятельство, что римская юриспруденция (по крайней мере, в том виде, в котором её памятники дошли до наших дней) никогда не поднималась до уровня развёрнутой теории права: разработка её есть заслуга последующих эпох, но не самих римлян. Отсюда кажется удивительным, что при всей своей казуистичности, доктринальной неразработанности, логической противоречивости (а подчас и ошибочности) юриспруденция Рима оказала фундаментальное влияние на всю последующую правовую историю и продолжает — по крайней мере, в понятийно-терминологическом контексте — во многом сохранять актуальность.

Например, замечание О. Шпенглера о том, что «над нами всё ещё довлеет античное понятие телесной вещи» [20, с. 85; 32, р. 531], сделанное в середине прошлого столетия, в полной мере применимо и к характеристике современной теории права. Римское понимание вещи как предмета материального мира прочно укоренилось в современном гражданском праве и стало существенным препятствием на пути к разработке вещно-правовой теории виртуального имущества [9, с. 48] — теоретической концепции, в основе которой лежит идея о распространении вещно-правового режима (и соответствующих способов защиты, к примеру, виндикации) на элементы виртуального мира, имеющие экономическую ценность (в частности, на дополнительный функционал в онлайн-игре) [14, с. 127]. Как отмечается в западной литературе, попытки учёных-юристов обосновать вещную сущность виртуального имущества оказались несостоятельными постольку, поскольку методологически не вписывались в традиционную теорию вещного права, для которой продолжает оставаться актуальным

римское понимание вещи как исключительно чего-то овеществлённого (правда, следует отметить, что к II в. римская юриспруденция формулирует конструкцию бестелесной вещи (лат.: *res incorporales*) в контексте оборота субъективных прав; однако сама теория бестелесного имущества не получила в римской юриспруденции какого-либо развития, а потому и во времена Рима, и в последующие эпохи продолжало доминировать материальное понимание вещи [24, р. 73]).

Примечательно, что влияние сложившихся ещё в Риме представлений о вещах и специфике вещного права прослеживается и в современном законодательстве и судебной практике. Так, в деле *Skatteverket v. David Hedqvist*¹ перед Судом Европейского Союза (далее — Суд ЕС) встал вопрос о квалификации криптовалюты в качестве имущества для целей определения налоговой базы в соответствии с Директивой об общей системе налогообложения добавленной стоимости². С учётом отсутствия легальной дефиниции понятий «вещь» и «имущество» в актах Европейского Союза, Суд ЕС, обратившись к данным европейского правоведения, отметил, что виртуальная валюта не является вещью (имуществом) в традиционном цивилистическом понимании, поскольку не имеет телесной оболочки, а потому операции с такого рода активами не влекут налогово-правовых последствий. К сопоставимым выводам пришёл Высший суд г. Берлина, отметив в одном из своих недавних постановлений, что криптоактивы не могут быть признаны законным средством платежа постольку, поскольку по своей природе не согласуются с устоявшимися теоретико-правовыми понятиями о вещи³.

Примечательно, что теоретические и правореализационные аспекты рассматриваемого подхода впоследствии были учтены германским законодателем в контексте нормативной регламентации оборота криптоактивов: с 1 января 2020 г. на них был распространён правовой режим средства платежа *suigeneris*⁴.

¹ Case C-264/14, *Skatteverket v. David Hedqvist* [2015] BVC 34.

² Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the Common System of Value Added Tax // OJ L 347, 11 December 2006.

³ Kammergericht Berlin Rechtsprechung — (4) 161 Ss 28/18 (35/18) vom 25. September 2018 // NJW 2018, 3734.

⁴ Gesetz zur Umsetzung der Änderungsrichtlinie zur Vierten EU-Geldwäscherichtlinie vom 12. Dezember 2019 // Bundesgesetzblatt. Teil. 2019. Nr. 50. S. 2602.

Сопоставимая нормативная модель криптоактивов также нашла своё отражение в статьях 3 (1) (2), 68 и 69 Проекта Регламента Европейского Парламента и Совета о рынках криптоактивов от 24 сентября 2020 г.¹

Отмечая вышеизложенные обстоятельства, польский юрист П. Палка приходит к заключению, что, с точки зрения современной теории континентального права, «...онтологическая структура реальности, выражаемая в основных юридических понятиях, не претерпела каких-либо изменений с римских времён» [30, p. 150; 3, с. XI]. Развивая данное утверждение, исследователь замечает, что римская юридическая картина мира всецело натуралистична, и потому для неё имя и объект не противостоят друг другу как фрагменты идеального и материального, но существуют нераздельно [30, p. 151]. Отсюда римскому правовому мышлению чужды всякие абстрактные, теоретические построения, и это отмеченное ещё И. Кантом «опасение... пустых идеальностей» [5, с. 63] наложило свой отпечаток на всё последующее теоретическое развитие юриспруденции.

В связи с этим, характеризуя концептуальную методологию римской юриспруденции, Ф. Виакер пишет, что для неё «невозможно... принципиальное различие факта и теоретического понятия о нём» [33, s. 181]. Такая методологическая установка прослеживается, к примеру, в том описании, которое Гай даёт римскому формулярному процессу. В частности, в структуре исковой формулы он выделяет так называемую интенцию (лат.: *intentio*), то есть часть формулы (лат.: *pars formulae*), выражающую исковое прошение (*Gai. Inst. IV. 41*). Слово *intentio* производно от слова *intendere*, которое, по данным средневекового исследователя Исидора Севильского, изначально обозначает в латыни *следование (движение) в направлении* [4, с. 258]. Учитывая приведённые этимологические основания, И. А. Покровский задаётся вопросом: что лежит в основе понятия об интенции и его терминологической формы — абстрактное понятие о формуле или аналогия со следованием (движением) как материальным явлением? «Уже *apriori* мы должны предположить последнее, — отвечает он. — Подобно тому, как слова „*demonstrare*“, „*condemnare*“ и т. д. имели известное материальное значение прежде, нежели появились

demonstratio и *condemnatio*, как *partes formulae*, так же точно должно быть и со словом „*intendere*“. Все эти материальные понятия не произведены от *partes formulae*, а напротив самые эти *partes formulae* получили своё название от того материального содержания, которое они заключают (выделено мною. — В.П.)» [11, с. 137].

Из изложенного можно сделать вывод, что методология римской юриспруденции основывалась на натурализованных представлениях о мироустройстве, в которых не находилось оснований для различения материального и идеального. В силу этого, для римского правового мышления право предстаёт как нечто о веществе (пусть и подчас невидимое глазу), а потому сами юридические понятия были для римских юристов «действительными существами, жизнь и происхождение которых им стали близко знакомы, благодаря продолжительному тесному общению с ними» [31, s. 29]. В этом смысле, римская юриспруденция не знает различий между правовым явлением, понятием об этом явлении и самим термином (словом), которым оно обозначается. Отсюда, содержание правовых явлений не выводится римскими юристами по правилам фундаментальных абстракций и не опосредуется каким-либо теоретическим пониманием права, а задаётся *устоявшимися в естественном языке правилами номинирования*. В этом состоит фундаментальное отличие римской юриспруденции от юриспруденции последующих эпох: для неё познавательный процесс строится в логике, обратной той, которая присуща современному научному познанию права. В римской юриспруденции он движется не от выделения объекта (в научном смысле) к построению теории о нём и последующему выражению этой теории в терминах (как принято в современной исследовательской традиции): для римлян процесс познания заключается в «*подведении*» юридической сущности явления под *устоявшиеся номинации*. Схематически такую концептуальную логику можно изобразить следующим образом:

объект → слово (номинация) →
юридическая конструкция

Безусловно, такая методология никак не могла способствовать возникновению научного (теоретического) подхода к познанию права в римской юриспруденции [12, с. 90–96]. Этим обуславливается отсутствие в ней общих учений о договоре, деликте, юридическом лице и т. п., поскольку сама теория есть идеальная реконструкция мироустройства,

¹ См.: Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593> (дата обращения: 21.05.2023.).

в то время как римское право — это, по выражению О. Шпенглера, «право тела.., ибо различает в составе мира телесные личности и телесные вещи и устанавливает отношения между ними» [20, с. 69].

С точки зрения принятой периодизации римского права, вышеизложенный подход формируется в предклассический период (III–I вв. до н. э.); постепенный отход от него начинается ближе к концу классического периода (II–III вв.) и связан, прежде всего, с именами Павла и Ульпиана, которые впервые в истории римской юриспруденции предпринимают попытки формирования абстрактных правовых понятий, широко используя при этом категориальный аппарат греческой философии. Так, Павел обращается к представлениям о *сущности* обязательства (D. 44.7.3 pr.), а Ульпиан рассуждает о понятии вины, говоря о последней не как о чём-то, имеющем вещественное основание, а как о юридической абстракции *в собственном смысле* (D. 2.14.5). Даже если учитывать, что этот первый опыт теоретических обобщений был продиктован практическими соображениями (главным образом — целями преподавания права), он, тем не менее, показателен в том смысле, что иллюстрирует качественно новую тенденцию в концептуальном развитии римской юриспруденции. Эта тенденция заключается в постепенном отказе от натурализованной картины правовой действительности в пользу идеи о дихотомии её материальных и идеальных проявлений.

Наиболее ярко она проявляется в византийской юриспруденции VI в. вследствие усиления влияния греческой философии [12, с. 99]. В этом смысле, как отмечается в литературе, целый ряд новых определений был дан юристами VI в. как результат восприятия философских идей Аристотеля. К примеру, отражённые в Дигестах представления о синаллагматическом обязательстве стали следствием восприятия аристотелевских идей о добровольном и недобровольном обмене [27, р. 357–358]. Другим примером подобного влияния могут служить изречения о естественном праве (D. 50.17.206), в которых также заметно влияние греческих этико-правовых учений. Тем самым, прежняя идея телесности, овеществлённости всего правового начинает постепенно деактуализироваться, а рассуждения византийских юристов начинают приобретать всё большую абстрактность [25, р. 56]. Отсюда в византийском правовом сознании назревает необходимость различения идеального и материального в области права, а значит — и обоснования различий между

правовым явлением, понятием о нём и термином, обозначающим это понятие [28, р. 86].

Однако начавшиеся процессы теоретизации римско-византийской юриспруденции так и не были завершены: стремительное ослабление геополитического влияния Византии в VII в. ознаменовало пришествие европейских «тёмных веков», сопровождавшихся культурным упадком. В этих условиях юриспруденция не просто прекращает своё развитие в обозначенном выше направлении, но и практически исчезает как род деятельности в Западной Европе. Потому византийская юриспруденция, сделавшая первые шаги на пути собственного *теоретического* оформления, не смогла осилить этот путь, во многом оставшись «затрапезницей» натурализованной картины мира.

Заключение

В целом, изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, юридическую мысль Рима в понятийно-терминологическом контексте оправданно разделить на два периода.

Первый — начиная с процесса становления правовой системы и заканчивая классическим периодом (III в. до н.э. — II в.) — характеризуется господством натурализованной картины мира, в контекстах которой правовое явление и его номинация нераздельны, причем первое (в концептуальном аспекте) вторично по отношению к последней. С этих позиций не проводится различие между правовым явлением, понятием о нём и терминологической формой понятия, поскольку само представление о дихотомии идеального и материального, а значит — понятия и термина, — отсутствует в юридическом мышлении. Отсюда, формируя *терминологический* аппарат, римская юриспруденция данного периода не занимается разработкой системы теоретических понятий.

Второму периоду — с III до VII вв. — присущи зачатки теоретизации. В это время усилившееся влияние греческого философского наследия обуславливает *точечное* введение абстрактных понятий, обращение юридической мысли к идеальным аспектам правовой действительности. Здесь начинает проследиваться *зарождение* исследовательского отношения к праву, в основе которого — идея о нетождественности правового бытия и содержания познающего это бытие юридического мышления. Тем не менее, эти процессы остаются незавершёнными по причине стремительного ослабления византийского влияния в Западной Европе и разрушения прежних культурных практик.

Во-вторых, терминология римской юриспруденции не приобрела характер *терминологии науки*. В силу этого, функцию терминов римского права можно обозначить как *референтно-номинативную*, в том смысле, что они оформляли не теоретико-правовые понятия, а конкретные явления материального мира, с которыми связывались представления о структурных элементах права (в частности, ритуальные действия, которым предписывались юридически значимые последствия). Понятийная форма юридического знания возникнет существенно позже, и первые значительные шаги в этом направлении связаны, прежде всего, с периодом Возрождения XII в., когда начинают свою деятельность глоссаторы.

В-третьих, для правоповедения цифровой эпохи продолжают оставаться актуальными юридические конструкции, выработанные римской юриспруденцией. Историческое самовоспроизводство догмы права стало фактором, препятствующим, к примеру, разработке вещно-правовых способов защиты прав на виртуальное имущество. Натурализм юридической картины мира существенным образом нивелирует восприятие цифровых феноменов традиционными средствами познания, в связи с чем наиболее значимым — в реалиях информационного общества — направлением развития юридической мысли становятся методологические вопросы правоповедения.

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Москва : Мысль, 1990. 524 с.
2. Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. Санкт-Петербург : Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та : Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 847 с.
3. Деларов П. В. Очерк истории личности в древнеримском гражданском праве: историко-юридический опыт. Санкт-Петербург : Издание книгопродавца Н. Г. Мартынова, 1895. 156 с.
4. Исидор Севильский. Этимологии. Глава XIX. 1–4 / пер. с лат. и коммент. О. С. Павловой // Вестник древней истории. 2017. № 1 (77). С. 252–266.
5. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 2 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Москва : Мысль, 1965. 477 с.
6. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. Санкт-Петербург : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1998. 798 с.
7. Нерсесян В. С. Современное право: теория и методология : монография / под ред. В. В. Лапаевой. Москва : Норма, 2012. 303 с.
8. Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. 703 с.
9. Перепёлкина Я. А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29). С. 45–59.
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Москва : Статут, 1998. 349 с.
11. Покровский И. А. Право и факт в римском праве. Ч. I. Право и факт, как материальное основание исков (*Actiones in jus et in factum conceptae*). Киев : Типография Императорского университета Св. Владимира, 1898. 145 с.
12. Полдников Д. Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII–XVI вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2016. 571 с.
13. Розин В. М. Предпосылки и особенности античной культуры. Москва : Институт философии Российской Академии Наук, 2004. 296 с.
14. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 1.
15. Славова Н. А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 2. С. 23–32.
16. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. 631 с.
17. Сулина И. А. Отраслевая принадлежность философии права: историко-правовой аспект // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2010. № 1 (6). С. 35–41.
18. Томсинов В. А. Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества: историко-сравнительное юридическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Гродно, 1993. 352 с.
19. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоповедение в сфере частного права: В 2-х т. Т. 1. Основы / пер. с нем. Москва : Международные отношения, 2000. 478 с.

20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. Москва : Мысль, 1998. 611 с.
21. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. Полутом 1. Введение и общая часть. Москва : Издательство иностранной литературы, 1949. 432 с.
22. Biondi V. Funzione della giurisprudenza romana nella scienza giuridica e nella vita moderna // *Revue Internationale des droits de l'antiquite*. 1964. Vol. 11. P. 121–140.
23. Coing H. Das Recht als Element der europäischen Kultur // *Historische Zeitschrift*. 1984. Vol. 238. P. 1-33.
24. Data Rights Law 1.0: The Theoretical Basis. Key Laboratory of Bid Data Strategy / Ed. by L. Yuming. London: Peter Lang, 2019. 258 p.
25. Dorandi T. Organization and Structure of the Philosophical Schools // *The Cambridge History of Hellenistic Philosophy* / Ed. by K. Algra, J. Barnes, J. Mansfeld and M. Schofield. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 55–62.
26. Günther J. Romanistische Beiträge zur modernen Zivilrechtswissenschaft // *Archiv für die civilistische Praxis*. 1968. Bd. 168.
27. Held H.-R. Philosophical Background of the *Condictio* Claims in Classical Roman Law // *Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu*. 2019. Vol. 69, no. 3. P. 347–375.
28. Husa J. Transformation of Legal Language — Early Byzantine Legal Discourse // *International Journal of Legal Discourse*. 2017. Vol. 2. Iss. 1. DOI: 10.1515/ijld-2017-0003
29. Kämper L. Forderungsbegriff und Zession. Geschichte und Dogmatik der Abtretung in Frankreich und Deutschland. Tübingen: Mohr Siebeck, 2018. 272 p.
30. Pałka P. Virtual Property: Towards a General Theory: Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Laws. Florence: European University Institute, 2017. DOI: 10.32782/2524-0390/2020.1.49
31. Savigny F. C. von. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft / 3 Aufl. — Heidelberg: Verlag von J. C. B. Mohr, 1840.
32. Steeg R. ver. The Roman Law Roots of Copyright // *Maryland Law Review*. 2000. Vol. 59. Iss. 2. P. 17-27. DOI: 10.1007/978-3-319-15913-3_3
33. Wieacker F. Rechtsbegriff und juristische Fiktion: Eine Besprechung // *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. 1942. Bd. 102.
34. Wolff H. J. Commentary: Greek Legal History — Its Functions and Potentialities // *Washington University Law Review*. 1975. Vol. 1975. P. 395-408.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 22.06.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 09.10.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 342.41
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-18-25

С. 18–25

ИДЕЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Валерий Витальевич Киреев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

kireevvv@is74.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>

Аннотация. *Введение.* Российский конституционализм охватывает не только его идейно-философские аспекты, но и нормативную основу. При этом особое значение имеет воплощение в тексте Конституции РФ тех конституционных идей, которые придают новый импульс укреплению и устойчивому развитию российского общества. Одной из них является идея гражданственности, нашедшая выражение в новейших изменениях нашего Основного Закона. В настоящее время актуальным остается вопрос о развитии конституционных положений, охватывающих соответствующую сферу. Его решение предполагает определение подходов к институционализации норм конституционного права, перспективам определения степени их единства и возможности совершенствования. Многообразие политических, идеологических, психологических, социальных и других аспектов гражданственности формирует сложную для исследований сферу, предполагающую анализ конституционализма, правовой институционализации и теоретических проблем развития гражданственности с позиций конституционно-правовой науки, рассмотрение возможностей развития идеи гражданственности в конституционных нормах, воздействующих на эту специфическую область общественных отношений.

Результаты. Установлены подходы к определению места и особенностей выражения идеи гражданственности в современном российском конституционализме, характеризуются соотношение понятий «гражданство» и «гражданственность», методологическое значение исследования доверия для правовой институционализации рассматриваемой сферы, формулируются выводы о государственно-общественных аспектах конституционной идеи гражданственности и ее нормативном выражении в настоящее время, вносятся предложения, охватывающие отражение идеи гражданственности в конституционных нормах, оказывающих ценностно-ориентационное и иное воздействие на отношения, складывающиеся в сфере взаимодействия общества и государства.

Выводы. Значение конституционной идеи гражданственности для устойчивого развития российского государственно организованного общества предполагает обращение к проблематике, связанной с определением особенностей ее выражения в элементном составе отечественного конституционализма, специфики нормативного закрепления, в том числе и в положениях Конституции РФ. Наполненность гражданства как правовой формы связи лица и государства тем содержанием, которое охватывает экономические, политические, идеологические, а также другие аспекты, позволяет предположить, что наличие у личности такого качества как гражданственность относится к числу факторов, обуславливающих эффективность взаимодействия гражданина и государства во всех сферах существования и развития России. Учитывая важность гражданственности и краткость ее упоминания в тексте Конституции РФ, думается, что конституционный потенциал развития правовых основ идеи гражданственности далеко не полностью реализован. Поэтому при решении вопросов правовой институционализации в указанной сфере, в том числе с учетом ценностного содержания идеи гражданственности, предпочтительным представляется ее отражение в систематизированных положениях Конституции РФ, имеющих более высокий уровень обобщения и единства, направленных

на определение фундаментальных основ взаимодействия общества и государства, в том числе определяющих участие общества в решении государственных задач.

Ключевые слова: конституционные идеи, гражданственность, российский конституционализм, нормы конституционного права, правовая институционализация, взаимное доверие государства и общества, взаимодействие общества и государства

Для цитирования: Киреев В. В. Идея гражданственности в современном российском конституционализме: проблемы правовой институционализации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 18–25. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-18-25

Research article

THE IDEA OF CITIZENSHIP IN MODERN RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: PROBLEMS OF LEGAL INSTITUTIONALIZATION

Valery V. Kireev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
kireevvv@is74.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>

Abstract. *Introduction.* Russian constitutionalism covers not only its ideological and philosophical aspects, but also its normative basis. At the same time, the embodiment in the text of the Constitution of the Russian Federation of those constitutional ideas that give new impetus to the strengthening and sustainable development of Russian society is of particular importance. One of them is the idea of citizenship, which has found expression in the latest changes to our Basic Law. Currently, the issue of developing constitutional provisions covering the relevant area remains relevant. Its solution involves identifying approaches to the institutionalization of norms of constitutional law, prospects for determining the degree of their unity and the possibility of improvement. The variety of political, ideological, psychological, social and other aspects of citizenship forms a complex area for research, involving the analysis of constitutionalism, legal institutionalization and theoretical problems of the development of citizenship from the perspective of constitutional legal science, consideration of the possibilities of developing the idea of citizenship in constitutional norms affecting this specific area public relations.

Results. Approaches to determining the place and features of the expression of the idea of citizenship in modern Russian constitutionalism are established, the relationship between the concepts of “citizenship” and “citizenship”, the methodological significance of the study of trust for the legal institutionalization of the area under consideration are characterized, conclusions are formulated about the state-social aspects of the constitutional idea of citizenship and its normative expression in Currently, proposals are being made covering the reflection of the idea of citizenship in constitutional norms that have a value-oriented and other impact on the relations that develop in the sphere of interaction between society and the state.

Conclusions. The importance of the constitutional idea of citizenship for the sustainable development of Russian state-organized society involves addressing issues related to determining the features of its expression in the elemental composition of domestic constitutionalism, the specifics of normative consolidation, including in the provisions of the Constitution of the Russian Federation. The fullness of citizenship as a legal form of connection between a person and the state with content that covers economic, political, ideological, as well as other aspects, suggests that the presence of such a quality as citizenship in an individual is one of the factors determining the effectiveness of interaction between a citizen and the state in all spheres of existence and development of Russia. Considering the importance of citizenship and the brevity of its mention in the text of the Constitution of the Russian Federation, it seems that the constitutional potential for the development of the legal foundations of the idea of citizenship is far from being fully realized. Therefore, when addressing issues of legal institutionalization in this area, including taking into account the value content of the idea of citizenship, it seems preferable to reflect it in the systematized provisions of the Constitution of the Russian Federation, which have a higher level of generalization and unity, aimed at determining

the fundamental principles of interaction between society and the state, including among those that determine the participation of society in solving government problems.

Keywords: constitutional ideas, citizenship, Russian constitutionalism, norms of constitutional law, legal institutionalization, mutual trust of state and society, interaction between society and state

For citation: Kireev VV. The idea of citizenship in modern Russian constitutionalism: problems of legal institutionalization. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):18-25. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-18-25 (In Russ.)

Введение

Рассмотрение проблем правовой институционализации применительно к идее гражданственности, представленной в современном российском конституционализме, требует, прежде всего, обращения к теоретическим основам, характеризующим соответствующие идейные представления. Едва ли кто-либо будет оспаривать вывод о том, что развитие гражданственности является насущной потребностью России, сталкивающейся с враждебным идеологическим и иным воздействием со стороны США и примкнувших к ним зарубежных государств и международных организаций. При этом гражданственность обладает и весьма важными ценностными характеристиками. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹, гражданственность отнесена к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, которые являются объектом защиты, обеспечиваемой, в том числе, посредством укрепления гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности. Причем соответствующие ценностные аспекты нашли отражение и в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809². Однако основополагающее значение для правового выражения идеи гражданственности имеет Конституция РФ³, при этом представля-

ется, что существующие особенности закрепления указанной идеи в конституционном тексте не исчерпывают ее ценностную глубину, содержательность и значение для взаимодействия общества и государства, что и послужило причиной исследования проблематики, определенной названием статьи.

Описание исследования

Понятие гражданственности является сложным и охватывает многообразные признаки. Так, Э. В. Зауторова и И. А. Макеева в результате анализа существующих подходов к определению явления гражданственности, их систематизации, понимают гражданственность как «социально обусловленное, сложно структурированное интегративное развивающееся мета-качество, отражающее сформированность комплекса личностных характеристик (патриотизм, гражданское самосознание, гражданская ответственность, целеустремленность, самостоятельность, организованность, трудолюбие и др.), обеспечивающих готовность к реализации гражданского долга» [5, с. 98]. Важным является и соотношение понятий «гражданственность» и «патриотизм». Н. В. Задруцкая указывает на то, что «между понятиями «патриотизм» и «гражданственность» существует сходство — положительное отношение к своей стране и желание быть ей полезным, эти чувства используются обществом для защиты от внешней агрессии. Вместе с тем, они отличаются друг от друга: гражданственность является более осознанным чувством и подразумевает наличие определенных действий человека, т. о. можно соотносить гражданственность с социально-правовым поведением» [4, с. 187]. Как раз такое соотношение и представляется наиболее значимым. Нетрудно заметить производность термина «гражданственность» от терминов «гражданин», «гражданство». В ст. 4 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»⁴ гражданство

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 11.09.2023).

³ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 11.10.2023).

⁴ О гражданстве РФ : Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304280013> (дата обращения : 16.09.2023).

определяется как устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. Несмотря на то, что гражданство определяется именно как правовая связь лица и государства, целесообразно выделять как форму, так и содержание гражданства. Если по форме связь лица с Российской Федерацией является правовой, то ее содержание, как представляется, не исчерпывается совокупностью прав и обязанностей. И эта правовая форма наполнена многообразным содержанием, охватывающим экономические, политические, идеологические и другие аспекты. Связь между различными гранями гражданства и гражданственностью является очевидной. Иными словами, поведение личности, обладание ей таким качеством как гражданственность будет зависеть от взаимодействия гражданина и государства во всех сферах существования и развития России.

Отдельного внимания заслуживает идеологическое содержание гражданства. В тексте Присяги гражданина Российской Федерации, установленном ст. 21 указанного выше закона, лицо, принимая гражданство Российской Федерации, не только обязуется соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации, права и свободы ее граждан, исполнять обязанности гражданина Российской Федерации на благо государства и общества, защищать свободу и независимость Российской Федерации, что вполне укладывается в совокупность обязанностей в их конституционно-правовом измерении, но и клянется быть верным России, уважать ее культуру, историю и традиции. И закономерно, что Конституция РФ, закрепляя положения, касающиеся особого отношения к России, оперирует понятиями, охватывающими, скорее, государственные гарантии, обязанности государства. Так, ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ, применительно к воспитанию в детях гражданственности использует понятие «государство создает условия». Думается, что этот вывод вполне распространим и на содержание ст. 75.1 Конституции РФ, употребляющей, помимо указанного выше термина, слова «гарантируются», «обеспечиваются».

Учитывая то, что гражданственность нашла отражение в тексте Конституции РФ, она приобрела новое звучание как конституционная идея. О. С. Смородина справедливо полагает, что «конституционные идеи могут пониматься в широком и в узком смысле, причем в широком смысле они охватывают такую сферу как внесение изменений в действующую Конституцию и конституционное

законодательство, а в узком смысле под конституционными идеями понимаются идеи, непосредственно исходящие из Конституции и конституционного законодательства и имеющие конституционный смысл» [9, с. 21–22]. С учетом указанных выше соображений, можно сделать промежуточный вывод о том, что отнесение гражданственности к конституционным идеям предполагает, в том числе, и оценку ее выражения и возможности дальнейшего развития в нормах конституционного права. Такая оценка неизбежно будет основываться на представлениях, охватывающих динамику российского конституционализма. Признавая высокую значимость вывода С. А. Авакьяна, который выделяет четыре главные составляющие конституционализма: конституционные идеи; наличие соответствующего нормативного правового фундамента; достижение определенного фактического режима; систему защиты конституционного строя и конституции [2, с. 230], следует отметить, что, исходя из особенностей рассматриваемой идеи, она непосредственно представлена в первых трех составляющих, а применительно к четвертой составляющей имеет важное, но опосредованное отношение.

Гражданственность, в качестве конституционной идеи одновременно охватывает как неформализованные, так и формализованные (нашедшие выражение в Конституции РФ представления). Неформализованные идеи, относящиеся к пониманию, развитию гражданственности широко представлены в обществе и составляют теоретическую, идеологическую базу для дальнейшего совершенствования положений Конституции РФ. Формализованная идея гражданственности представлена в Конституции РФ в весьма специфическом выражении, которое, впрочем, обусловлено теми возможностями по изменению Основного Закона, без его кардинального пересмотра, которые имеются сегодня у нашего конституционного законодателя. Что касается достижения определенного фактического режима, то рост гражданственности, единения граждан и государства налицо, однако сегодня трудно говорить о наличии комплексных и универсальных измерителей этого качества. И в то же время идея гражданственности на уровне Конституции РФ не представлена в виде системы норм, определяющих как ее ценностные основы, так и содержательные характеристики. Однако значение гражданственности как явления свойственного современной России трудно переоценить. Ее систематизированное изложение, обеспечение эффективной взаимосвязи с уже имеющимися

институтами конституционного права имеет важное значение для развития России, способны укрепить правовую основу нашей международной конкурентоспособности в условиях формирования многополярного мира, совершенствовать способность ее многонационального народа противостоять различного рода внешним угрозам.

Поэтому наиболее значимым для идеи гражданственности представляется ее развитие в нормах Конституции РФ. Это, исходя из указанных выше теоретических предпосылок, требует обращения к проблематике правовой институционализации применительно к этой важной сфере. То есть, сегодня, с позиций структуры конституционного права, актуальным является поиск места конституционной идеи гражданственности в его институтах, исходя из особенностей соответствующих общественных отношений. Если обратиться к понятийным основам институционализации, то обоснованным представляется вывод О. М. Куницкой о том, что «при наличии разных трактовок понятия современные исследователи в большинстве случаев воспринимают институционализацию как процесс образования (формирования) правовых институтов» [7, с. 68]. Причем институционализация является сложным правовым процессом. Р. Г. Валиев справедливо полагает, что «в правовой институционализации выделяются два начала, две стороны ее процесса, которые обуславливают его двойственное содержание. Одна из сторон этого процесса — это правовая актуализация социальных правил и формирование норм права, в которых легализуется общенормативная модель правовых отношений, правового статуса, прав и обязанностей, поведения и деятельности их субъектов. Очевидно, что эта сторона правовой институционализации связана с правотворчеством и выступает его важнейшей составляющей. Тем не менее правовая институционализация не подменяет правотворчество вследствие того, что в парадигме правотворчества такая ее сторона, как приведение в систему норм права, или систематизация норм права, не выделяется» [3, с. 109]. Рассматривая отдельные аспекты институционализации в конституционно-правовом преломлении В. В. Невинский обоснованно отмечал, что «правовая институционализация общественных отношений представляет собой условно обособленное регулирование нормами права сущности, содержания и места какой-либо группы общественных отношений, составляющих сплоченный предмет регулирования, в системе

общественных отношений в целом» [8, с. 108]. Указанные выше теоретические посылки позволяют наметить подход к решению проблем, охватываемых названием статьи.

В настоящее время идея гражданственности нашла выражение в гл. 3 Конституции РФ. Означает ли это, что гражданственность относится к федеративному устройству? Думается, что нет, т. к. речь идет о качестве более высокого или, если угодно, более специфического (применительно к связи этой идеи с гражданством) уровня. Так, С. А. Авакьян, рассматривая конституционный статус человека и гражданина в Российской Федерации в качестве подотрасли конституционного права, включает в ее состав гражданство [1, с. 90]. Однако выражение рассматриваемой конституционной идеи в нормах, посвященных гражданству, представляется не вполне продуктивным, и, с учетом многоаспектности гражданственности, оно способно «перегрузить» эти нормы положениями, относящимися к характеристикам личности и общества в целом.

По этой причине представляется предпочтительным отражение идеи гражданственности в конституционных нормах, устанавливающих основы взаимодействия общества и государства, определяющих участие общества в решении государственных задач. В современном конституционном праве такие нормы отражены лишь частично, содержатся в разных подотраслях (институтах) и рассуждать об их комплексности и системном взаимодействии можно лишь с позиций научных прогнозов. Если рассматривать реформирование Конституции РФ как политико-правовой процесс, политическая составляющая этого прогнозирования не позволяет с высокой точностью смоделировать упорядоченную совокупность указанных норм, определить их место в системе конституционного права. Тем не менее, развитие таких норм, их совершенствование может осуществляться по такому направлению как конституционное воздействие на отношения гражданин-государство. Поэтому придание им системности возможно посредством выделения норм, осуществляющих ценностно-ориентационное и иное воздействие на отношения общества и государства. Конституция современной России не содержит положений о возможности позитивной и негативной оценки государством деяний гражданина, которые направлены на причинение вреда государству и обществу и противоречат самим основам гражданственности. Возможно, частичное решение этой проблемы лежит в плоскости

определения принципов конституционного подхода к уголовно-правовой политике государства в тех сферах, которые, прежде всего, предполагают наличие особых отношений между ним и гражданином, охватывают, по меньшей мере, особые конституционные основания преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, а также преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. В этом контексте следует задуматься и над проблемой более широкого порядка, а именно — возможностями формирования системы норм, устанавливающих принципы государственного поощрения и наказания граждан, исходя из признания особого содержания связи между гражданином и государством, самой миссии идеи гражданственности в непростые для нашей страны времена. Самостоятельного внимания заслуживает инициативная деятельность институтов гражданского общества. Такая деятельность очень кратко выражена в ст. 114 Конституции РФ, в виде осуществления Правительством РФ мер по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечению их участия в выработке и проведении государственной политики, поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности. Вместе с тем принципы деятельности такого рода, ее содержание, структурирование на уровне общественных объединений не нашла системного выражения в Конституции РФ.

Несмотря на многообразие проблем институционализации идеи гражданственности с конституционно-правовых позиций, в качестве генеральной, основной из них видится выражение механизма, направленного на обеспечение взаимного доверия государства и общества. Без постоянной деятельности, направленной на поддержание и развитие такого доверия, затруднительно рассуждать о самом явлении гражданственности. В этом контексте трудно переоценить важность подхода А. Н. Кокотова, согласно которому, в конечном итоге, доверие, недоверие, обнаруживают себя в праве как: «а) его сущностная подоснова; б) значимые внешние факторы влияния на право; в) особый предмет правового воздействия, регулирования; г) элементы правосознания, в частности, мотив правового поведения правотворческих органов, адресатов правовых норм; д) фоновые результирующие состояния правовой действительности, правовой жизни; е) ценности, играющие роль объективных критериев поверки социальной действительности» [6, с. 43].

Инструментально-познавательное содержание этих теоретических положений позволяет применить их и к тем аспектам доверия, которые охватываются вопросами институционализации конституционной идеи гражданственности, ее развития в тексте Конституции РФ. Предусмотренное ст. 75.1 Конституции РФ создание условий для взаимного доверия государства и общества, базируется сегодня на всей системе норм нашего Основного закона, текущего законодательства, правоприменительной практике и, охватывая самые широкие ценностные, экономические, политические, правовые, социальные, идеологические аспекты, составляет фундамент существования, развития и укрепления нашего государственно организованного общества. Поэтому конституционно-правовой механизм укрепления доверия является своего рода сверхмеханизмом, нуждающемся в анализе его правовой полноты с позиции, представленной А. Н. Кокотовым и требующим дальнейших исследований исходя из особенностей такого явления как гражданственность.

Применительно к гражданственности доверие имеет еще одну весьма важную грань, особенно в период проведения специальной военной операции. Искренний интерес к предполагаемым действиям нашего руководства, прежде всего во внешнеэкономической и военно-политической сферах, является позитивным и отражает единение граждан, их заинтересованность в процветании России. Поэтому граждане, особенно в непростые периоды нашей истории и с учетом современных возможностей распространения информации хотят получать детальные сведения как о предполагаемых шагах в реализации нашей политики, так и о мотивах принимаемых политических решений. Причем отсутствие, несвоевременность или недостаточность такой информации могут заполняться в сети Интернет различными домыслами, «вариантами» развития событий, которые, в условиях проводимой против нас информационной войны, представляют собой, в том числе, и сознательные, предпринимаемые враждебными государствами и другими организациями вбросы информации, направленные на политическую и иную дестабилизацию России. Естественно, что публичное распространение сведений о различных готовящихся государственных решениях не всегда возможно, учитывая потребности обеспечения национальной безопасности и реализации наших национальных интересов. Представляется, что обоснованная неполнота таких сведений предполагает дополнительное информирование общества

об особенностях содержания и реализации положений ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, устанавливающей право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом и с учетом того, что федеральным законом определен перечень сведений, составляющих государственную тайну.

Еще одно соображение охватывает проблему взаимодействия социальных регуляторов в такой сфере как гражданственность. В ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ гражданственность упоминается в контексте воспитания в детях этого важного качества. Думается, что само обретение и развитие гражданственности определяется, в том числе эффективностью взаимодействия конституционно-правовых и неправовых регуляторов, в том числе таких, как нормы морали, нравственности, обычаи, традиции. И если, согласно положениям указанной выше статьи, именно государство создает условия, способствующие воспитанию в детях гражданственности, то возникает вопрос о том, в какой мере в этом процессе участвует общество, а также о неправовых социальных механизмах, которые работают в настоящее время и, возможно, нуждаются в совершенствовании и развитии, прежде всего, в виде создания соответствующей конституционно-правовой основы.

Заключение

Сложность и многообразие вопросов, охватываемых проблематикой детального и систематизированного конституционно-правового выражения идеи гражданственности, не позволяют претендовать на их исчерпывающее рассмотрение в этой статье. Более того,

высокой является и дискуссионность указанной сферы, определяющаяся различием научных подходов к возможности выражения в тексте Конституции РФ относительно обособленной системы норм, устанавливающих принципы взаимодействия общества и государства, исходя из особенностей отношений, складывающихся в этой области. Несовпадение научных позиций свойственно и применительно к вопросу о необходимости, а также возможности реформирования Конституции РФ, от решения которого зависит и формирование фундаментальных регулятивных основ развития гражданственности. Вместе с тем, исследование перспектив реализации регулятивного потенциала Конституции РФ в указанной сфере может представлять научный интерес как с теоретических, так и с прикладных, прежде всего, правотворческих позиций. Исследование обозначенных в статье проблем предполагает анализ возможностей выражения в нормах права характеристик такого явления как гражданственность, соотношения понятия «гражданственность» с похожими, но нетождественными понятиями, развитие представлений о доверии как необходимой предпосылке гражданственности, содержании отношений гражданства, определении подходов к оценке динамики идеи гражданственности в современном российском конституционализме в ее доформализованном и формализованном выражениях, изучение особенностей связи норм конституционного права и неправовых регуляторов общественных отношений при их воздействии на гражданственность как неотъемлемый элемент базовых основ взаимодействия общества и государства в современной России.

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие: в 2 т. Том 1. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : Инфра-М, 2010. 864 с.
2. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. Москва : РЮИД, Сашко, 2000. 528 с.
3. Валиев Р. Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // Lexrussica. 2020. Т. 73, № 4. С. 103–116.
4. Задруцкая Н. В. К вопросу о соотношении понятий «патриотизм» и «гражданственность» // Вестник ИрГТУ. 2007. № 1 (29). С. 186–188.
5. Зауторова Э. В., Макеева И. А. Гражданственность как междисциплинарная категория и интегративная характеристика личности // Пенитенциарная наука. 2016. № 3 (35). С. 94–99.
6. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право : монография. Репр. изд. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. 192 с.
7. Куницкая О. М. К вопросу об институционализации инвестиционного права (общие положения) // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 3. С. 65–78.
8. Невинский В. В. Сущность и правовая институционализация общественных инициатив в Российской Федерации // Демократическое участие граждан в публично-властных процессах: современные тенденции

развития, проблемы гарантирования : Междунар. науч.-практ. форум / Администрация Губернатора Самар. обл., Правительство Самар. обл. [и др.] : под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. 2019. С.103–114.

9. Смородина О. С. Современные конституционные идеи как элемент российского конституционализма : монография. Челябинск : СитиПринт, 2012. 257 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 25.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 342.51
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-26-31

С. 26–31

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПАЛАТЫ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сергей Геннадьевич Соловьев

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
solovevsg@susu.ru*

Аннотация. В работе анализируются проблемные теоретические и практические правовые вопросы, связанные с правовым статусом и перечнем вопросов деятельности муниципальных общественных палат.

В целях выстраивания логичной правовой конструкции, регламентирующей статус и вопросы деятельности муниципальных общественных палат, в исследовании предложен комплекс правовых мер, направленных на ее совершенствование.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная власть, муниципальные общественные палаты

Для цитирования: Соловьев С. Г. Муниципальные общественные палаты: правовые проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 26–31. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-26-31

Research article

MUNICIPAL PUBLIC CHAMBERS: LEGAL PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Sergey G. Solovev

*South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
solovevsg@susu.ru*

Abstract. The paper analyzes problematic theoretical and practical legal issues related to the legal status and the list of issues related to the activities of municipal public chambers.

In order to build a logical legal structure regulating the status and issues of the activities of municipal public boards, the study proposes a set of legal measures aimed at improving it.

Keywords: local self-government, municipal power, municipal public chambers

For citation: Solovev SG. Municipal Public chambers: legal problems of theory and practice. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):26-31. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-26-31 (In Russ.)

*Нельзя объять необъятное...
Козьма Прутков*

Введение

Современное состояние системы местного самоуправления в Российской Федерации характеризуется широким распространением достаточно специфических субъектов

муниципально-правовых отношений — общественных палат муниципальных образований, представляющих собой, исходя из анализа их достаточно однотипных организационных документов, коллегиальные совещательные

органы, обеспечивающие взаимодействие граждан Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования и некоммерческих организаций, созданных для представления и защиты прав и законных интересов профессиональных и социальных групп, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования, с органами местного самоуправления в целях учета потребностей, интересов населения и привлечения граждан и организаций к решению вопросов местного значения¹.

Отмечая важную роль около 2,5 тысяч общественных палат муниципальных образований, созданных в Российской Федерации (по данным Минюста России на 1 января 2022 года) в сфере согласования интересов населения и органов муниципальной власти, которая признается многими учеными и практиками [2, с. 35; 6, с. 34; 7, с. 54; 5, с. 37], следует указать на тот факт, что на сегодня правовой статус данных субъектов муниципально-правовых отношений определен достаточно поверхностно, вопросы и цели их деятельности очень объемны и излагаются в предельно общем виде, требуемые результаты их функционирования четко не определены, полномочия (если вообще можно говорить о полномочиях применительно к подобным невластным субъектам правоотношений) закрепляются в предельно общем виде, правовое регулирование на федеральном уровне и уровне Субъектов РФ является отрывочным и фрагментарным.

Проблемные вопросы, связанные с закреплением правового статуса и вопросов деятельности муниципальных общественных палат

Анализируя правовой статус муниципальных общественных палат, как коллегиальных совещательных органов, обеспечивающих взаимодействие граждан и органов местного самоуправления, в первую очередь следует определиться с публично-властной природой их деятельности. Очевидно, что в процессе

своей деятельности, связанной с осуществлением функций:

- организации диалога между населением и органами власти;
  - общественного контроля;
  - согласования интересов различных социальных групп;
  - выдвижения и поддержки гражданских инициатив;
  - проведения общественных обсуждений общественно значимых вопросов и проектов решений органов местного самоуправления;
  - проведения общественной экспертизы проектов муниципальных нормативных правовых актов;
  - выработки рекомендаций органам местного самоуправления,
- они объективно преследуют публичные интересы (интересы больших групп местных жителей или всего населения муниципально-образованного образования) и их деятельность должна быть признана публичной.

Однако, предполагает ли публичная природа их деятельности властное содержание их компетенции? Можно ли их рассматривать в качестве органов публичной власти? Как указывает Конституционный суд РФ в своем постановлении от 1 декабря 2015 года № 30-П муниципальные общественные палаты не являются органами местного самоуправления, а соответственно они не могут быть признаны субъектами, входящими в единую систему публичной власти в Российской Федерации. Кроме того следует учитывать и тот факт, что наличие муниципальных общественных палат в муниципальном образовании не является обязательным, они, как отмечают Т. Н. Михеева и Е. С. Шугрина, являются органами общественного контроля и формой участия населения в осуществлении местного самоуправления, создаются по усмотрению органов местного самоуправления [4, с. 16], которые (в случае необходимости) наделены правом принять решение об их ликвидации.

При этом, муниципальные общественные палаты реализуют функцию общественного контроля (в том числе и в отношении органов и должностных лиц местного самоуправления) по своему содержанию относящуюся к формам непосредственного народовластия, что позволяет сделать вывод о присутствии определенных властных начал в их деятельности. Однако, наличие властных начал в их деятельности не означает наличие у них публично-властного статуса, что ставит под вопрос правомерность использования в отношении данных субъектов муниципального права таких категорий, как

¹ Положение «Об Общественной палате Миасского городского округа», утвержденное Решением Собрания депутатов Миасского городского округа от 26.09.2014 г. № 15. URL: http://xn--c1arfcc.xn--p1ai/?page_id=66 (дата обращения: 14.04.2023) ; Положение «Об Общественной палате городского округа город Стерлитамак», утвержденное Постановлением главы администрации городского округа город Стерлитамак от 24.09.2020 г. № 2012. URL: <https://www.sterlitamakadm.ru/about/komsov/the-public-chamber/pozition-the-public-chamber/> (дата обращения: 14.04.2023).

«компетенция муниципальных общественных плат», «полномочия муниципальных общественных плат», не редко используемых как в нормотворческой практике, так и в научной литературе¹ [3, с. 33].

Если исходить из определения компетенции органа публичной власти, как совокупности полномочий по предметам его ведения, то применительно к муниципальным общественным палатам очевидным становится факт, что данные субъекты муниципально-правовых отношений не наделены властными полномочиями, реализация которых является одновременно для них правом и обязанностью.

Применительно к муниципальным общественным палатам практика идет по пути закрепления перечня их прав, реализация которых прямо не закреплена в качестве их обязанностей. В связи с этим, несомненный научный интерес представляет вопрос об определении субъектов, в отношении которых муниципальные общественные палаты несут нормативно закреплённые обязанности.

Очевидно, что орган, принимающий решение об учреждении муниципальной общественной палаты и утверждающий положение о ее деятельности (Глава муниципального образования либо местный представительный орган), не может не обладать правом потребовать в нормативно определенной форме от соответствующей общественной палаты исполнения обязанностей, закреплённых в ее организационных документах. Кроме того, не нужно забывать об ответственности муниципальной общественной палаты перед населением муниципалитета в интересах которого она и создается.

Практика работы местных общественных палат показывает, что именно наличие ответственности муниципальной общественной палаты перед населением муниципалитета обуславливает необходимость конкретизации ее основных подконтрольных вопросов, так как в противном случае муниципальные общественные палаты становятся беззащитными в отношении отдельных представителей населения изначально негативно настроенных в отношении представителей действующей муниципальной власти и любых связанных с нею органов. В современных муниципально-правовых реалиях

на деструктивную критику указанных субъектов, беспелляционно требующих от муниципальных общественных палат постоянного осуществления экспертной и контрольной работы по абсолютно всем вопросам местного значения, действующим членам муниципальных общественных палат в настоящее время достаточно сложно находить убедительные и аргументированные ответы.

Помимо этого, в теоретическом плане именно отсутствие четкой регламентации перечня основных вопросов деятельности муниципальных общественных палат и полное отсутствие в нормативной базе даже «наметок» на критерии эффективности их деятельности, позволяет ряду исследователей ставить под сомнение их состоятельность, как реального института гражданского общества, апеллируя к тому, что подобные навязанные государством конструкции диалога государства с гражданским обществом на самом деле создают лишь видимость общественной активности граждан, по сути представляя собой эрзац-институты гражданского общества [1, с. 89; 8, с. 9].

Также следует указать на тот факт, что существующая правовая неопределенность в сфере закрепления перечня основных вопросов деятельности муниципальных общественных палат порождает вопросы о разграничении вопросов их деятельности с другими субъектами общественного контроля, а также специализированными общественными советами, создаваемыми в муниципалитетах (к примеру, с общественным экологическим советом), и не позволяет организовать согласованное функционирование и взаимодействие указанных субъектов с должным коэффициентом общественно-полезного действия.

Кроме того, закрепление за муниципальными общественными палатами неограниченного круга подконтрольных вопросов местного значения, в совокупности с нормативно закреплённой возможностью постоянного проведения акций общественного контроля, с неизбежностью приводит активно работающие муниципальные общественные палаты к регулярным столкновениям с соответствующими органами местного самоуправления, объективно не заинтересованными в осуществлении каких-либо регулярных проверок их деятельности. Определенным подтверждением вышеуказанной мысли является тезис, достаточно активно продвигаемый практиками местного самоуправления о том, что целесообразным и эффективным является понимание общественного контроля не за органами местного самоуправления,

¹ Ст. 3 Положения «Об Общественной палате города Ставрополя», утвержденное Решением Ставропольской городской Думы от 25 марта 2015 г. № 623. URL: <https://dumast.ru/public-chamber/9652/> (дата обращения: 05.05.2023).

а **совместно** с органами местного самоуправления [9, с. 25].

Также не следует забывать о том, что закрепление за муниципальными общественными палатами неограниченного круга подконтрольных вопросов местного значения превращают муниципальные общественные палаты в чрезвычайно привлекательные общественные институты для представителей разного рода общественно-политических движений, которые стараются использовать площадки общественных палат как арену для политической борьбы, затрудняя тем самым обсуждение и решение вопросов, связанных с повседневными нуждами населения муниципалитетов.

Комплекс правовых мер, направленных на совершенствование правовой конструкции, закрепляющей вопросы деятельности муниципальных общественных палат

Тезисно обозначив ряд актуальных теоретических и практических проблем, связанных с закреплением правового статуса и вопросов деятельности муниципальных общественных палат, представляется целесообразным предложить на обсуждение научного сообщества следующие направления совершенствования действующего законодательства, регламентирующего соответствующие муниципально-правовые конструкции.

Во-первых, в целях унификации нормативной базы, механизмов и форм деятельности муниципальных общественных палат назрела необходимость:

— на федеральном уровне нормативно закрепить легальную дефиницию муниципальной общественной палаты как коллегиального совещательного общественного органа, создаваемого по решению представительного органа муниципального образования, действующего на основании положения и обеспечивающего взаимодействие граждан Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования и некоммерческих организаций, созданных для представления и защиты прав и законных интересов профессиональных и социальных групп, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования, с органами и должностными лицами местного самоуправления;

— нормативно закрепить на федеральном уровне единый подход к правовому статусу, целям, функциям, вопросам деятельности и формам работы муниципальных общественных палат, приняв рамочный Федеральный

закон «Об общих принципах организации и деятельности муниципальных общественных палат»;

— нормативно закрепить обязательность создания муниципальных общественных палат во всех муниципальных образованиях Российской Федерации с ключевым функционалом площадки для осуществления обязательного регулярного очного общения руководителей муниципалитетов с населением.

Во-вторых, в связи отсутствием у муниципальных общественных палат публично-властного статуса, в целях грамотного юридического обозначения сфер их деятельности и делегированных им прав, предлагается нормативно закрепить для обозначения указанных феноменов термин «вопросы деятельности муниципальных общественных палат», обозначающий сферы местных общественных отношений в которых муниципальные общественные палаты обладают нормативно закрепленными правами.

В-третьих, в целях четкой фиксации перечня направлений деятельности муниципальных общественных палат предлагается нормативно закрепить следующие их основные функции:

— организация диалога между населением и органами власти;

— осуществление общественного контроля;

— согласование интересов различных социальных групп в муниципалитетах;

— выдвижение и поддержка гражданских инициатив;

— проведение общественных обсуждений общественно значимых вопросов и проектов решений органов местного самоуправления;

— проведение общественной экспертизы проектов муниципальных нормативных правовых актов.

В-четвертых, в целях определения приоритетов в вопросах деятельности муниципальных общественных палат предлагается нормативно выделить:

— блок обязательных вопросов деятельности муниципальных общественных палат, связанных с организацией диалога между населением и органами власти, проведением общественных обсуждений общественно значимых вопросов и проектов решений органов местного самоуправления;

— блок факультативных вопросов деятельности муниципальных общественных палат, связанных с осуществлением общественного контроля, согласованием интересов различных социальных групп в муниципалитетах, выдвижением и поддержкой гражданских

инициатив, проведением общественной экспертизы проектов муниципальных нормативных правовых актов.

В-пятых, в целях выстраивания логичной конструкции правового статуса муниципальных общественных палат есть смысл нормативно закрепить следующий перечень их основных обязанностей:

— проведение пленарных заседаний не реже 1 раза в два месяца;

— организация общественных обсуждений общественно значимых вопросов по обращениям органов местного самоуправления и инициативных групп местных жителей в количестве не менее 1 % от числа жителей муниципалитета;

— проведение общественных обсуждений проектов решений органов местного самоуправления по обращениям органов местного самоуправления и инициативных групп местных жителей в количестве не менее 1 % от числа жителей муниципалитета;

— проведение рейдов общественного контроля по обращениям органов местного самоуправления и инициативных групп местных жителей в количестве не менее 1 % от числа жителей муниципалитета;

— проведение общественной экспертизы проектов муниципальных нормативных правовых актов по обращениям органов местного самоуправления и инициативных групп местных жителей в количестве не менее 1 % от числа жителей муниципалитета.

В-шестых, для формирования механизмов объективной оценки продуктивности работы муниципальных общественных палат предлагается нормативно закрепить перечень критериев эффективности их деятельности.

В-седьмых, в целях обеспечения стабильного и эффективного функционирования муниципальных общественных палат назрела необходимость на федеральном уровне нормативно закрепить обязанность органов местного самоуправления по организационному и финансовому обеспечению деятельности муниципальных общественных палат.

Заключение

Рассмотрев ключевые правовые проблемы, связанные с неопределенностью правового статуса муниципальных общественных палат и безразмерностью перечня вопросов их деятельности, в заключение приведенного исследования хотелось акцентировать внимание на том обстоятельстве, что муниципальные общественные палаты представляют собой относительно новых и достаточно специфических субъектов муниципально-правовых отношений. В связи с этим, если с учетом мирового опыта [10, р. 21] спрогнозировать развитие долгосрочных нормотворческих тенденций в муниципальной сфере, то можно сделать вывод о том, что для грамотного описания правового статуса муниципальных общественных палат рано или поздно потребуются собственная теоретическая база и адекватные правовые конструкции. Практику же механического использования в отношении муниципальных общественных палат правовых конструкций, разработанных для описания элементов правового статуса публично-властных субъектов муниципально-правовых отношений, следует признать чрезвычайно спорной, что несомненно является проблемой и, соответственно, требует формирования соответствующего научного дискурса [11, р. 89].

Список источников

1. Авдеев М. Ю., Грудцына Л. Ю. Демократия, народ и гражданское общество в России // Евразийская адвокатура. 2013. № 5 (6). С. 87–93.
2. Гриб В. В. Место и роль общественных палат в системе общественного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 33–38.
3. Кокотова М. А. Местные общественные палаты (советы) в России и региональные экономические, социальные и экологические советы во Франции как субъекты общественного контроля // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 32–41.
4. Михеева Т. Н., Шугрина Е. С. Формирование законодательства о муниципальных общественных палатах (советах) на федеральном уровне // Доклад об организации и деятельности муниципальных общественных палат (советов) в Российской Федерации. Москва, 2022. 159 с.
5. Соловьев С. Г. Развитие правовых форм регулярной публичной самоорганизации жителей муниципалитетов: в поисках утраченных идеалов // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 9. С. 33–38.
6. Чеботарев Г. Н. Конституционализация общественного участия граждан в управлении делами государства // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 33–36.
7. Чекрыга М. А. Общественный контроль в муниципальных образованиях субъектов Российской Федерации Сибирского федерального округа // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 46–59.

8. Уваров А. А. Теоретико-правовые вопросы функционирования современного гражданского общества в России // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 7–10.

9. Шугрина Е. С. Общественный контроль на муниципальном уровне // Российская муниципальная практика. 2023. № 3. С. 20–27.

10. McLennan G. Held P. Hall St. (eds.) The idea of Modern State. Philadelphia. 1994. 471 p.

11. Foucault M. L'Ordre du discours. Paris : Gallimard, 1971. 348p.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 09.08.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.09.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Научная статья

С. 32–37

УДК 340

DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-32-37

ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНАЯ СЛУЖБА: ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Анатолий Сергеевич Квитчук*Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия**pr.ankvt@mail.ru* <https://orcid.org/0000-0002-8248-3004>

Аннотация. В статье рассмотрены историко-правовые аспекты становления, формирования и функционирования института обеспечения дорожного движения в России, дорожно-патрульной службы. В современных условиях развития российского и мирового сообщества, резко возрос интерес к истории как отечественного, так и международного характера. Изучение истории — это своеобразный тренд современности. Развитие автодорожного комплекса, самым тесным образом связано с такими аспектами, как развитие института дорожного движения в целом, а также развитие субъектов его обеспечивающих, в том числе и органов, которые контролировали реализацию процесса дорожного движения. Дорожно-патрульная служба зародилась в условиях явно очерченной потребности обеспечения безопасности дорожного движения, а также в сопровождении процесса принятия соответствующих нормативных правовых актов, которые издавались в ответ на конкретные запросы общества. Впервые подобные структуры, службы, появились и начали свое функционирование в конце 17 века, когда был принят целый ряд нормативных правовых актов, положивших начало регулированию государством дорожной обстановки сначала в крупных городах, а затем по всему государству. К историческому моменту создания Госавтоинспекции в 1936 году у государства был накоплен весьма богатый опыт в вопросах правового и организационного регулирования безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: дорога, транспортные средства, безопасность дорожного движения, нормативные акты, дорожно-патрульная служба

Для цитирования: Квитчук А. С. Дорожно-патрульная служба: формирование института обеспечения дорожного движения в России (историко-правовой аспект) // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 32–37. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-32-37

THE ROAD PATROL SERVICE: THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF ROAD SAFETY IN RUSSIA (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Anatoly S. Kvitchuk

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia
pr.ankvt@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-8248-3004>

Abstract. The article examines the historical and legal aspects of the formation, formation and functioning of the Institute of traffic Safety in Russia, the road patrol service. In the modern conditions of the development of the Russian and world community, interest in the history of both domestic and international character has sharply increased. The study of history is a kind of modern trend. The development of the road complex is most closely connected with such aspects as the development of the institute of road traffic as a whole, as well as the development of its supporting entities, including the bodies that controlled the implementation of the road traffic process. The road patrol service was born in the conditions of a clearly outlined need to ensure road safety, as well as accompanied by the process of adopting appropriate regulatory legal acts that were issued in response to specific requests from society. For the first time such structures, services, appeared and began their functioning at the end of the 17th century.

Keywords: road, vehicles, road safety, regulations, road patrol service

For citation: Kvitchuk AS. The Road Patrol Service: the formation of the Institute of Road Traffic in Russia (historical and Legal aspect). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):32-37. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-32-37 (In Russ.)

Введение

Российское государство в своем развитии прошло длительный путь. За более чем десять веков, в нашем государстве сменилось множество правителей, режимов, территориальных особенностей; имело место быть огромное количество всевозможных военных столкновений, иностранных интервенций, внутренних остросоциальных противоречий. Однако на протяжении всего периода времени имелось несколько явлений, организационно-правовых и социальных институтов, которые неизменно существовали, постоянно совершенствовались и через которые возможно определять место и роль конкретных периодов развития нашего государства. Почетное место среди прочих занимает институт обеспечения дорожного движения, в особенности его важная составляющая — дорожно-патрульная служба, которая функционирует с целью предотвращения дорожно-транспортных происшествий и повышения уровня защищенности участников дорожного движения от дорожно-транспортных происшествий и их последствий, что является упорядоченным процессом, прошедшим определенную эволюцию от элементарных правил и правовых предписаний на начальном этапе своего развития до сложных многоаспектных

процессов в наши дни. По мнению В. И. Майорова, «для общества очень важно сокращение абсолютных потерь от аварийности, снижение вероятности для каждого человека попасть в дорожно-транспортное происшествие» [4, с. 190].

Описание исследования

Автотранспорт на сегодняшний день является отражением объективной действительности, совмещающей в себе социальный запрос на возможность владеть и использовать автомобиль в повседневной жизнедеятельности и научно-технический прогресс, который в состоянии удовлетворить данный социальный запрос. То есть, в основе автомобилизации лежит паритет между субъективным и объективным факторами. И если относительно первого в целом, каких-либо вопросов не возникает, так как он характеризует желание и возможность человека приобрести личное средство передвижения, которые, в свою очередь, как правило, зависят лично от самого человека, его финансовых возможностей, личностной точки зрения на необходимость наличия автомобиля и иных субъективных факторов, то в отношении второго имеются некоторые аспекты, требующие более пристального внимания.

Повествуя о научно-техническом прогрессе, мы имеем в виду наличие производства автомобилей, как на территории самого государства, так и на территории зарубежных стран, наличие налаженного трафика купли-продажи автомобилей и их комплектующих. Однако помимо этого в число объективных факторов автомобилизации населения входит также уровень дорожно-транспортной инфраструктуры и обеспеченности автодорожного комплекса в государстве. В самом простом виде данный фактор можно описать следующим, практически безальтернативным тезисом: «если в государстве не будет автомобильных дорог соответствующего качества, иных объектов автодорожного комплекса, необходимых для дорожного движения, автомобилизация населения, либо вообще не начнется, либо остановится в той точке, на момент наличия которой прекратится развитие автодорожного комплекса». Последнее говорит также о том, что мало создать изначальный автодорожный комплекс, необходимо также постоянно его развивать и приводить в соответствие с динамическими запросами населения и развитием инфраструктуры в целом. То есть можем сказать, что автодорожный комплекс — это исключительно динамическое явление, которое находится в постоянном развитии, прослеживаемом, в том числе и при ретроспективном анализе.

При этом важно понимать, что развитие автодорожного комплекса, самым тесным образом связано с такими аспектами, как развитие института дорожного движения в целом, а также развитие субъектов его обеспечивающих, в том числе и органов, которые контролировали реализацию процесса дорожного движения.

В современных условиях развития российского и мирового сообщества, резко возрос интерес к истории как отечественного, так и международного характера. Изучение истории — это своеобразный тренд современности. О необходимости обращения к историческим истокам деятельности служб и подразделений органов внутренних дел не раз говорил министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольников¹.

Важно выявить первоначальные причины и условия, под воздействием которых зародилась дорожно-патрульная служба, стал

действовать тот или иной институт, сделать вывод о наличии либо об отсутствии первопричин, обосновавших деятельность указанной службы или возникновения конкретного института на их современном этапе развития. Рассмотреть особенности деятельности службы и реализации того или иного института на их различных этапах, впоследствии сопоставив выявленные особенности с современными реалиями и сделать вывод о положительности определенных исторических особенности либо же об архаичности некоторых из них.

Сказанное в полной мере относится и к особенностям функционирования автодорожного комплекса в нашем государстве, а также конкретных служб и подразделений осуществляющих контроль и надзор за дорожным движением.

Следует отметить, что на сегодняшний день имеется достаточное количество различных точек зрения на природу возникновения дорожно-патрульной службы в нашем государстве. При этом своеобразным камнем преткновения в данном случае выступает определение начальной точки, от которой пошло развитие дорожно-патрульной службы. Так, в частности, некоторыми исследователями делается вывод о советских корнях возникновения дорожно-патрульной службы. В основу своего мнения исследователи ставят нормативный подход, в соответствии с которым о начале развития службы следует делать вывод, исходя из конкретных правовых актов, которые были изданы в соответствующей сфере. В частности, в данном случае речь идет о постановлении № 1182, утвердившим «Положение о Государственной автомобильной инспекции Главного управления рабоче-крестьянской милиции СССР»², датированном, соответственно, 3 июля 1936 года. Некоторые же исследователи берут правоприменительный подход, в соответствии с которым о начале функционирования этих подразделений следует говорить, исходя из возникшей правоприменительной необходимости, осознанной государством, им принятой и начатой обеспечиваться и реализовываться в соответствии с возложенными на государство обязательствами. А. С. Квитчук пишет о том, что «началом развития дорожного дела в России считается первая четверть XVII в. С воцарением Романовых в 1613 г. оживают ремесла и торговля. Особое значение приобретают

¹ Текст официального выступления В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 2018 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/3172398> (дата обращения: 11.06.2023).

² Положение о ГАИ ГУРКМ НКВД СССР : утв. постановлением СНК СССР от 3 июля 1936 г. // СЗ СССР. 1936. № 36. Ст. 381.

надежные пути сообщения» [3, с. 31]. Как отмечает Е. А. Войтенков, «с 1720 года указами Петра I нормы законодательства в сфере организации движения получили свое развитие. В частности, были введены законодательные ограничения относительно передвижения гужевого транспорта по Санкт-Петербургу» [2, с. 47].

Введенный в 1722 году Табель о рангах упорядочил и детализировал особенности организации дорожного движения в части установления обязанности за каждым сословием в виде установления размера экипажей и количества лошадей¹.

В означенный период особое значение приобретали надежные транспортные пути сообщения.

В данном случае исследователями делается определенная отсылка к положениям общепринятой и известной концепции происхождения государства, так называемой теории общественного договора (создателями которой были английские ученые Джон Локк и Томас Гоббс). В соответствии с указанной теорией, государство образовалось в результате заключенного вербального договора между населением и отдельной его частью (представителями государства), в соответствии с которым население, его граждане жертвуют частью своей свободы в пользу государства наделяют государство определенными монополиями (на насилие, соби́рание налогов, нормотворчество, регулирование общественной и политической жизнью и так далее), а взамен, государство обязуется обеспечивать потребности граждан, защищать их важнейшие права, свободы и интересы, предотвращать посягательства на них и всяческим иным способом реализовывать защиту и безопасность. В соответствии с мнением сторонников указанного подхода, подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения появились в нашем государстве с момента возникновения у населения и осознания государством потребности обеспечивать безопасность дорожного движения [1, с. 13].

На наш взгляд, при определении ответа на заданный вопрос (с какого момента возникли и стали функционировать в нашем государстве подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения?) нельзя полностью опираться на тот или иной подход. По-нашему мнению, все они заслуживают определенного внимания и содержат в себе верные мысли.

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. СПб., 1830. № 3890. С. 493.

Безусловно, нормативный подход заслуживает особого внимания, так как в правовом государстве, каким являлось и является наше государство, создание любой государственной службы или подразделения, безусловно, сопровождается принятием определенных нормативных актов.

С другой же стороны, также аксиоматичными и верным, на наш взгляд, является тезис о том, что правоприменительная необходимость в обеспечении безопасности дорожного движения явилась мощнейшим детерминантом для принятия тех нормативных правовых актов, о которых мы говорили выше и фактически созданию соответствующей службы.

Однако, на наш взгляд, определяющим является подход, учитывающий особенности и положения каждого из перечисленных. По нашему мнению, дорожно-патрульная служба зародилась в условиях явно очерченной потребности обеспечения безопасности дорожного движения, а также в сопровождении процесса принятия соответствующих нормативных правовых актов, которые издавались в ответ на конкретные запросы общества. Учитывая положения указанного подхода, можем предположить, что впервые подобные структуры, службы, появились и начали свое функционирование в конце 17 века. Так, в частности, в период правления царей Петра и Ивана Алексеевичей, при регентстве Софьи, на территории государства участились случаи совершения дорожно-транспортных происшествий, в том числе и с летальными исходами [5, с. 10]. В связи с данными событиями и ситуацией, был принят ряд нормативных правовых актов, которые положили начало регулированию государством дорожной обстановки в стране. Прежде всего, речь идет об Указе от 3 января 1683 года. В своей основе, данный правовой акт впервые установил скоростное ограничение на движение по дорогам Москвы и ряда иных крупных городов государства. В 1720 г. генерал-адъютант А. О. Девиер, начальник полицмейстерского управления зачитал указ Петра 1, в котором было написано: «На спине у каждого извозчика должен быть номер, зарегистрированный в полиции для того, чтобы знать, кого первое нарушение правил дорожного движения бить кошками, а за второе — бить кошками и штрафовать, а за третье нарушение правил дорожного движения ссылат на каторгу» [2, с. 70].

Отметим, что определенные изменения в сфере правового регулирования деятельности дорожно-патрульной службы произошли в период так называемой эпохи дворцовых переворотов. В данный период развития

нашего государства происходили частые смены различных правителей, каждый из которых привносил что-то новое в порядок организации, в том числе, дорожного движения в государства и особенности организации контроля за ним. Например, императрица Анна Иоановна внесла законодательные изменения, в соответствии с которыми в полномочия полицейских, осуществлявших надзор и контроль за обстановкой на дорогах, могли применять существенные меры принуждения в отношении всех правонарушителей правил дорожного движения. Так, в частности, за превышение установленных норм скорости движения на дорогах, предусматривалось наказание в виде битья кнутом. Помимо этого, в 1732 году был издан указ, запрещающий так называемое «необыкновенное» движение на лошадях и повозках. Например, запрещалось осуществлять наезды на пешеходов, отвлекаться от управления повозкой, иными способами создавать неблагоприятную дорожную ситуацию. Можно сказать, что более трехсот лет назад был создан прообраз ныне действующего понятия «опасное вождение».

Принятый в 1802 году Указ «О запрещении скорой езды» [2, с. 91].

— детализировал субъектов, в отношении которых могут применяться меры государственного принуждения за нарушение правил передвижения гужевого транспорта по улицам (теперь речь шла не только об ответственности извозчика, но и на владельце экипажа);

Важным этапом в развитии института безопасности дорожного движения стало Наставление старостам извозчицким и извозчикам (1812), которое содержало в себе общеобязательные правила при следовании на транспорте и, по мнению Е. А. Войтенкова, было «прообразом современных правил дорожного движения» [2, с. 51];

Конец 19 века ознаменовался достаточно существенными изменениями правовой основы деятельности в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Так, в частности, в 1883 году издается ведомственная инструкция, предназначенная для упорядочивания всех видов пассажирского и грузового транспорта. Также были утверждены конкретные обязанности полицейских в сфере обеспечения безопасности дорожного движения на дорогах и тротуарах улиц городов. Помимо этого, названной инструкцией утверждались конкретные правила, соблюдение которых было обязательно всеми участниками дорожного движения и контроль за соблюдением которых, соответственно, возлагался именно на отдельных должностных

лиц соответствующих правоохранительных органов, в данном случае — полицию.

В первые десятилетия XX века в России продолжал преобладать гужевой транспорт, автомобили же были большой редкостью и считались чудом техники. Пришедшие к власти большевики поставили перед собой цель — нивелировав старую правовую систему, создать совершенно новую нормативно-правовую базу и механизм управления государством. Одним из направлений в данном случае стала реформа правоохранительной системы. На смену ранее действовавшим органам полиции пришла рабоче-крестьянская милиция. Отметим, что декрет о ее создании был принят 10 ноября 1917 года, то есть на заре советской власти. Поэтому возложить так скоро весь комплекс обязанностей в правоохранительной сфере на данный орган большевики не могли, в связи с чем, некоторые направления в данной деятельности взяли на себя так называемые «друзья общественного порядка» — дружинники революционной охраны, действовавшие в соответствии с Инструкцией о несении патрульно-постовой службы [6, с. 29]. Одним из направлений деятельности подобных подразделений был контроль и надзор в сфере дорожного движения.

С созданием рабоче-крестьянской милиции стало происходить постепенное освоение основных направлений деятельности, полномочий и правомочий в сфере контроля за безопасностью дорожного движения именно данным правоохранительным органом. Так, в частности, были определены конкретные обязанности милиции в данной сфере.

Всего шестнадцать подобных обязанностей было поставлено перед милицией. Отметим, что все они носили чисто казуальный характер. То есть, законодатель ставил задачи по обеспечению безопасности дорожного движения не как некую абстракцию, что зачастую бывает на современном этапе развития правовой системы, а в конкретном виде. Это, с одной стороны, позволяло конкретным чиновникам в сфере обеспечения безопасности дорожного движения четко понимать, что требует от него государство в лице законодателя, а с другой, несколько сужало рамки деятельности подобных органов и подразделений. Законодатель не мог предусмотреть всех возможных случаев и ситуаций, которые создавали или могли создать угрозу для участников дорожного движения, а потому, вполне реальной могла быть ситуация, при которой «происшествие на дороге было допущено ввиду отсутствия в законе типовой ситуации и, соответственно, отсутствия правового мотива к действию сотрудника милиции,

осуществляющего обеспечение безопасности дорожного движения» [5, с. 10].

Таким образом, к моменту создания Госавтоинспекции у государства был накоплен весьма богатый опыт в вопросах правового и организационного регулирования безопасности дорожного движения, к сожалению, по большей части данный опыт был отрицательным, однако имелись и положительные аспекты. К слову, к созданию Госавтоинспекции привели именно удачные попытки советского законодателя середины 20-х — начала 30-х годов двадцатого века.

Как мы уже отметили ранее, 3 июля 1936 г. была создана Государственная инспекция безопасности дорожного движения. Данное подразделение входило в состав Народного комиссариата внутренних дел СССР и было частью рабоче-крестьянской милиции. Круг полномочий вновь созданного органа был весьма широким, даже более широким, нежели это есть в настоящий момент. Что важно, законодатель впервые расширил сферу деятельности подобного органа, отойдя от «привычной схемы», при которой специализированные органы в сфере обеспечения безопасности дорожного движения выполняли «работали только непосредственно на дорогах и, по сути, имели дело уже со следствием, а именно с дорожно-транспортными происшествиями» [5, с. 10].

Заключение

Повышение безопасности дорожного движения, направленное на сохранение жизни

и здоровья граждан, является на современном этапе одним из приоритетных направлений государственной политики и важным фактором обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития страны.

В рамках реализации этого направления проводится большая работа по повышению эффективности Госавтоинспекции, ведется постоянный поиск путей совершенствования и оптимизации ее деятельности. Прежде всего, внимание при этом уделяется нормативно-правовой базе, которая динамично развивается и улучшается. Кроме того, уделяется повышенное внимание и вопросам популяризации Госавтоинспекции МВД России, повышению ее авторитета, в сложившихся условиях на передовое место в установлении порядка на дорогах выходит дорожно-патрульная служба государственной инспекции безопасности дорожного движения, которая отслеживает нарушения законодательства участниками дорожного движения, а также лицами, которые участвуют в проектировании, формировании и обслуживании дорог, дорожных сооружений, конструкций и т. д. Для эффективности реализации возложенных на ГИБДД МВД РФ задач органы федеральной государственной власти наделили данное ведомство широким спектром полномочий, которые позволяют эффективно проводить контрольно-надзорную и административно-юрисдикционную деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения.

Список источников

1. Дмитриев С. Н. Дорожно-патрульная служба : Пособие для сотрудников ГИБДД. Москва : Спарк, 2000. 656 с.
2. Войтенков Е. А. Государственно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в России: исторический опыт и перспективы : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 354 с.
3. Квитчук А. С. Система обеспечения безопасности дорожного движения в России : Историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Санкт-Петербург, 2006. 360 с.
4. Майоров В. И. Государственно-правовое обеспечение безопасности в сфере дорожного движения: теоретико-прикладные проблемы : монография. Челябинск, 2008. 190 с.
5. Махмутов В. А. Правовой статус ГИБДД в системе органов внутренних дел МВД России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 28 с.
6. Молчанов П. В. Ретроспективный анализ административно-правового статуса Госавтоинспекции МВД СССР и России // Административное право и процесс. 2017. № 7. С. 29–34.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 13.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 351.754
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-38-44

С. 38–44

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ, СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ С РОССИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ «БЕЗОПАСНЫЙ ГОРОД»

Максим Юрьевич Койнов

*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия
koynovmax@mail.ru*

Аннотация. Исследование направлено на раскрытие особенностей реализации обеспечения национальной и общественной безопасности в Китайской Народной Республике как Единой системы управления силами и средствами по обеспечению общественной и национальной безопасности, используемой при чрезвычайных ситуациях. Акцент сделан на рассмотрении Единой системы управления силами и средствами, как совокупности уникальных программ, основанных на внедрении и использовании инновационных технологий в деятельности служб и подразделений правопорядка, с учетом ментальности общества и государства. В исследовании проводится сравнительный анализ с реализуемой в Российской Федерации концепцией обеспечения общественной безопасности посредством аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». Формируются выводы и предложения по совершенствованию обеспечения общественной безопасности, путем преобразования аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в систему «Умного города».

В статье использованы нормативные правовые акты, направленные на регулирование административных, информационных, цифровых и иных отрасль права, определяющие порядок использования передовых технологий в сфере обеспечения общественной и национальной безопасности, а также аналогичные источники права зарубежных стран. Основу исследования составили общенаучные и частно-научные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников.

Ключевые слова: обеспечение общественной безопасности, безопасный город, система управления службами, инновационные технологии

Для цитирования: Койнов М. Ю. Особенности реализации национальной и общественной безопасности в Китайской Народной Республике, сравнительно правовой анализ с российской концепцией «Безопасный город» // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 38–44. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-38-44

Research article

IMPLEMENTATION OF NATIONAL AND PUBLIC SECURITY IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA, COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS WITH THE RUSSIAN CONCEPT OF "SAFE CITY"

Maksim Yu. Koynov

*Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Russian Ministry of Internal Affairs, Tyumen, Russia
koynovmax@mail.ru*

Abstract. The research is aimed at revealing the features of ensuring national and public safety in the People's Republic of China, as a unified system for managing forces and means used in emergency situations. The emphasis is placed on considering the Unified management system as a set of unique programs to ensure national and public safety based on the innovative technologies, taking into account social and state mentality. The comparative analysis with the concept of ensuring public safety implemented in the Russian Federation through the hardware and software complex "Safe City" is conducted. Conclusions and proposals are being formed to improve public safety by transforming the hardware and software complex "Safe City" into a "Smart City" system.

The article uses normative legal acts aimed at regulating administrative, information, digital and other branches of law, defining the procedure for using advanced technologies in the field of public and national security, as well as similar sources of law of foreign countries. The research was based on general scientific and private scientific methods of scientific cognition, analysis of theoretical and normative legal sources.

Keywords: ensuring public safety, safe city, service management system, innovative technologies, law and order, police forces and means

For citation: Koynov MYu. Implementation of national and public security in the people's republic of China, comparative legal analysis with the Russian concept of "Safe City". *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):38-44. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-38-44 (In Russ.)

Введение

Необходимым условием динамичного развития страны является переход на инновационный путь развития, оказывающий влияние на становление научно-технической, производственной, финансовой и правоохранительной сфер. Не исключением становится и сфера обеспечения общественной и национальной безопасности, особый путь совершенствования в данном направлении реализуется в Китайской Народной Республике, данный путь основан на создании Единой системы управления силами и средствами, используемой при чрезвычайных ситуациях.

Описание исследования

Характерной особенностью обеспечения общественной безопасности в Китайской Народной Республике (далее — КНР) является её строгая централизация от позиции власти. Процессы обеспечения национальной, а также общественной безопасности в КНР вызывают

большой интерес в научной среде, это, в первую очередь, связано с отличием к подходу в обеспечении национальной и общественной безопасности в КНР от других стран мира. Глубокое исследование вопросов обеспечения национальной и общественной безопасности провел А. Ю. Манцуров, согласно его определению, «под обеспечением следует понимать создание наилучших условий для реализации поставленных задач, а под общественной безопасностью — организационную систему сил, средств, различных организаций, граждан, призванных решать задачи по обеспечению национальной и общественной безопасности» [1, с. 250].

При рассмотрении вопросов обеспечения национальной и общественной безопасности следует учитывать ментальность китайского общества. Менталитет китайского общества сформирован под воздействием многовековой истории и представляет собой всецелое подчинение человека общественным интересам,

а общества — интересам государства. В связи с этим государственная политика национальной и общественной безопасности в КНР напрямую зависит от внешней и внутренней силы страны. Позиция «сильная страна» — это залог высокой национальной и общественной безопасности, находит подтверждение в научной среде исследующей особенности развития стран востока. Так, О. С. Гайдаев отмечает, что «по мнению китайского руководства, национальная безопасность напрямую зависит от мощи государства. Главными ее компонентами считаются экономика, наука и техника, внутривластная стабильность и военная мощь» [2].

Поэтому система безопасности в КНР строится в первую очередь на вопросах национальной безопасности, а защита общественной безопасности является только следствием безопасности страны.

Концепция обеспечения и развития национальной и общественной безопасности нашла свое отражение в Основных положениях «14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочные цели на период до 2035 года», принятого 13 марта 2021 года. Так, глава 15 плана развития посвящена общественной безопасности Китая и строится:

— на укреплении системы национальной безопасности и наращивание потенциала (ст. 52);

— укреплении национальной экономической безопасности (ст. 53);

— всестороннем повышении уровня общественной безопасности (ст. 54);

— поддержании социальной стабильности и безопасности (ст. 55).

Рассматривая содержание статьи 54 «Всестороннее повышение уровня общественной безопасности» пятилетнего плана развития КНР, можно заметить, что одним из основных факторов обеспечения общественной безопасности является использование инновационных технологий и внедрение их на практике во все стороны жизнедеятельности человека.

Уже в самом начале статьи закрепляются следующие положения: «КНР придерживается общей концепции национальной безопасности, призванной поддерживать и формировать общественную безопасность в соответствии с традиционными положениями и инновационными решениями во всех сферах общественной жизни, направленной для устранения различных угроз, путем модернизации страны и технического прогресса

в целях создания стены национальной и общественной безопасности»¹.

Данная программа рассматривает национальную и общественную безопасность в широком смысле, она затрагивает вопросы производственной, экологической, энергетической, пищевой, здравоохранительной и правоохранительной безопасности в целом, не делая между ними ощутимых различий. При этом в разделе 4 основная роль по обеспечению национальной и общественной безопасности отводится созданию Единой системы управления в чрезвычайных ситуациях, подчинённой единому руководству. В программе разъясняется, что Единая система управления в чрезвычайных ситуациях должна представлять собой постоянно действующую, специализированную, интерактивную программу реагирования на угрозы национальной и общественной безопасности. В плане заложены требования к строгой иерархии структуры Единой системы управления, при этом указывается на распределение ответственности от центра до регионов и обязывает входящие в неё службы к тесному межведомственному взаимодействию.

Другим нормативным правовым актом, содержащим положения об обеспечении национальной и общественной безопасности, является Закон КНР «О национальной безопасности»². Как следует из текста закона, основными принципами обеспечения национальной и общественной безопасности являются:

— системность и комплексность обеспечения национальной безопасности;

— централизованная политика обеспечения национальной безопасности;

— ответственность центральной руководящей организации в области национальной безопасности;

— приоритет предупредительных мер в целях обеспечения национальной безопасности.

¹ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要 [Основные положения 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочные цели на период до 2035 года] / пер. А. Ю. Манцулова. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 20.10.2023).

² 中华人民共和国国家安全法 (2015 年 7 月 1 日第十二届全国人民代表大会常务委员会第十五次会议通过中华人民共和国主席令第二十九号公) [О национальной безопасности : Закон КНР от 1 июля 2015 года] / пер. А. Ю. Манцулова. URL: <http://www.mps.gov.cn> (дата обращения: 20.10.2023).

Данные принципы свидетельствуют о централизованном подходе в КНР к системе обеспечения национальной и общественной безопасности, при этом вся полнота ответственности и контроля ложится на органы власти, в Китае это политбюро Центрального комитета Коммунистической партии Китая (далее — ЦК КПК), а также Комитет государственной безопасности КНР. Контроль над обеспечением национальной и общественной безопасности на столь высоком уровне демонстрирует её высокую значимость для государства. Это подтверждается значительным финансированием, выделяемым государством на развитие инновационных технологий в области обеспечения национальной и общественной безопасности. Власти КНР, обладая значительными финансовыми и производственными ресурсами, направляли их службам, отвечающим за обеспечение общественной безопасности, которые на протяжении длительного времени активно внедряли в свою деятельность передовые технологии, такие как видеомониторинг, искусственный интеллект, интерактивные системы управления и другие. При этом все службы, обеспечивающие общественную безопасность, находятся под строгим контролем со стороны государственных органов и обязаны осуществлять межведомственное взаимодействие. На определенном этапе под воздействием централизованных процессов в КНР образовалась единая система управления силами и средствами по обеспечению национальной и общественной безопасности. Такая единая система управления стала аналогом аппаратно-программного комплекса «Safe City» (рус. — «Безопасный город»), появившийся в странах западной Европы в начале 2000-х годов. В китайском языке отсутствует понятие «Безопасного города», вместо этого используется понятие «интерактивная программа управления силами и средствами по обеспечению национальной, социальной, производственной безопасностью интегрированная с систему силовых ведомств» (кит. — 确保国家、社会和工业安全), а также понятие «благополучного Китая» (кит. — 平安城市).

Для реализации данной программы ставятся под контроль все стороны жизнедеятельности общества вплоть до регулирования поведения в семье или процессов личной жизни. Одним из масштабных решений по обеспечению национальной и общественной безопасности стала интерактивная программа «Золотой Щит», неофициальное название — «Великий Китайский файрвол», позволяющая на глобальном уровне проводить

мониторинг всего интернет-трафика, проходящего по территории КНР. Хотя в западноевропейских средствах массовой информации (далее — СМИ) данная программа преподносится как исключительно политическая и направленная на цензуру деятельности СМИ, но при этом следует отметить, что программой «Золотой Щит» оснащаются строевые подразделения полиции КНР. Так, патрульные службы полиции КНР в обязательном порядке экипируются планшетами и коммуникаторами обладающих доступом к оперативным данным, а также интерактивными видеорегистраторами, которые способны по биометрии лиц выявлять правонарушителей, находящихся в розыске.

При этом следует учитывать большой экономический рост Китая, который позволяет ему внедрять наиболее передовые и крайне дорогие технологии обеспечения общественной безопасности. Китай активно использует возможности технического прогресса, внедряя инновационные средства мониторинга угроз общественной безопасности, так в 2010 году в аэропортах Китая была введена автоматическая система выявления пассажиров с повышенной температурой тела в целях обнаружения лиц, имеющих заболевания и прибывающих из других регионов. Стоит отметить, что такая система мониторинга была внедрена до начала эпидемии (COVID-19), что свидетельствует об умении Китая прогнозировать и реагировать на угрозы общественной безопасности на самых ранних этапах. Эффективность использования системы «Золотой Щит», а также системы управления силами и средствами по обеспечению общественной безопасности, была продемонстрирована при локализации эпидемии (COVID-19) в городе Ухань в 2020 году. Введение строгих ограничений передвижений по городу и прекращение контактов с заболевшими легли на плечи полиции, при этом программа «Золотой Щит» позволила провести тотальный мониторинг информации с камер видеонаблюдения, а автоматизация режима выявления правонарушителей карантина позволила локализовать очаги заражения. Аналитические системы программы «Золотой Щит» позволяют проводить анализ и прогнозирование оперативной обстановки. При этом контроль над карантином осуществлялся, в том числе и с помощью коммунальных служб, все данные которых стекались в Единый центр ликвидации Чрезвычайной ситуации. Что, в свою очередь, позволило КНР преодолеть эпидемическую катастрофу, которая произошла в других странах.

Использование передовых технологий и централизация усилий по обеспечению национальной и общественной безопасности в КНР позволило выстроить эффективную систему управления силами и средствами служб, а также привлечь к данной деятельности всех заинтересованных в этом субъектов.

Следует отметить, что централизация усилий по обеспечению общественной безопасности путем внедрения и использования инновационных технологий — тенденция, наблюдаемая в большинстве стран мира, в том числе и в Российской Федерации. Так, в ноябре 2013 года Президентом России была утверждена «Концепция общественной безопасности Российской Федерации», в которой дается определение понятия общественной безопасности: «общественная безопасность — это состояние защищённости человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹. А уже в следующем году правительство Российской Федерации утвердило «Концепцию построения аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»², разработанную Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее — МЧС России) в тесном сотрудничестве с федеральными органами исполнительной власти и представителями профессионального сообщества.

В 2017 году Правительство России поручило МЧС России дополнить концепцию Аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» элементами «Умного города», то есть развить её, создав цифровую инфраструктуру для автоматизации муниципального управления городами и предоставления населению разного рода цифровых услуг и интеллектуальных сервисов.

Модернизация аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» — задача непростая и требует значительных усилий по её эффективной реализации. В последнее время

появилась концепция перехода от системы «Безопасного города» к системе «Умного города». Под трансформацией системы должно подразумевается не просто смена названия, а комплексно новый подход к системе обеспечения общественной безопасности. Необходимо понимать, что обеспечение общественной безопасности — это задача не только силовых ведомств, но общества в целом, а значит в данный процесс необходимо интегрировать предприятия, общественные и государственные организации, а также граждан.

Концепция перехода от «Безопасного города» к «Умному городу» завоевывает прочные позиции в науке. Так, в своей научной работе Л. А. Видясова подчеркивает, что «Умные города» (англ. — Smart city) представляют собой сложные социотехнические системы, способствующие повышению качества жизни за счет применения передовых технологий для принятия решений в сфере общественной, экономической и экологической безопасности посредством использования городских систем жизнедеятельности» [3]. Интересную концепцию «Умного города» в своей работе предлагает коллектив исследователей из Казанского федерального университета, представляющий концепт как совокупность интеллектуальных систем транспорта, общественной безопасности, управления расходом энергии, защиты окружающей среды и информационно-телекоммуникационных технологий [4, с. 233].

Заключение и вывод

Следовательно, можно определить следующие направления развития системы «Безопасного города»:

Во-первых, вовлечение в систему обеспечения общественной безопасности граждан. В настоящее время возможности граждан по мониторингу общественной безопасности очень высоки, обладая доступом к телефонии, техническими возможностями фиксации информации и доступом к интернету, граждане могут собрать и передать важную для обеспечения общественной безопасности информацию там, где это сделать обычными средствами нельзя. Такой подход получил в науке термин «социотехнический».

Во-вторых, использование при обеспечении общественной безопасности всей инфраструктуры города, в том числе возможности жилищно-коммунальных сетей, сервиса в сфере услуг, торговли, транспорта и общественных организаций. Так, использование системы мониторинга загруженности транспортных потоков, применяемых

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685. URL <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 20.10.2023).

² Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» : распоряжение Правительства РФ от 03.12.2014 № 2446-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7220.

в таксопарках, возможно использовать для обеспечения безопасности дорожного движения, а оборудование такси видеорегистраторами, подключенными к единой системе хранения данных «Безопасного города», позволит оперативно получать информацию о дорожно-транспортных происшествиях. Так, Правительство Тюменской области утвердило региональные нормативы градостроительного проектирования (постановление Правительства Тюменской области от 20.07.2023 № 447-п «О внесении изменений в постановление от 19.03.2008 № 82-п»)¹. В соответствии, с которым на застройщиков многоквартирных домов при проектировании инженерных систем возлагается обязательство, учитывать возможность подключения новостройки, к системам видеонаблюдения, а также передачи данных в «Единый центр хранения и обработки данных систем видеонаблюдения Тюменской области». Возможность оперативным службам использовать в своей деятельности по обеспечению общественной безопасности записей с видеонаблюдения многоквартирных домов мгновенно, минуя многочисленные запросы и снятия данных с источников хранения информации, позволит реагировать на угрозы общественной безопасности наиболее эффективно.

В-третьих, использование искусственного интеллекта в алгоритмах анализа и планирования возникающих угроз, поможет освободить дежурных операторов от рутинной работы. Так, внедрение в систему видеонаблюдения алгоритмов фиксации опасного вождения на транспортных магистралях города позволит выявлять водителей, склонных к нарушению правил дорожного движения, и отслеживать их передвижение. При этом окончательное решение о привлечении граждан к ответственности за опасное вождение должно оставаться за дежурным оператором.

В-четвертых, следует устранить противоречие в междуведомственном взаимодействии, в основе которого лежит дублирование функций служб и подразделений,

обеспечивающих общественную безопасность. Устранение противоречий необходимо провести на законодательном уровне, поэтому сначала следует привести к универсальности все нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность ведомств, служб и подразделений, обеспечивающих общественную безопасность. А также, привести к единообразию используемые правовые и технические регламенты, централизовать в единую систему все элементы управления силами и средствами обеспечения общественной безопасности.

В-пятых, для управления такой сложной и многофункциональной системой необходима высокая компетенция задействованного персонала. Такую компетенцию можно получить только при целенаправленном обучении, поэтому при центрах аппаратно-программных комплексов «Безопасный город» необходимо создавать образовательные платформы в целях подготовки персонала к управлению силами и средствами по обеспечению общественной безопасности. Следует отметить, что в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России уже действует ряд образовательных программ, направленных на повышение уровня интерактивной грамотности сотрудников полиции [5, с. 8]. Создание и развитие подобных программ обучения персонала возможно на базе и других образовательных учреждений МВД.

Таким образом, функционирование такой сложной системы и, как следствие, принятие «умных» решений по управлению городом невозможно без участия всех субъектов обеспечения общественной безопасности, их массовой интеграции в единую службу управления сил и средств.

Участие в процессах принятия решений также требует высокого уровня информированности о новых технологических возможностях и определенного уровня образования и компетентности в сфере использования инновационных технологий. Совершенствования в данном компоненте обеспечения общественной безопасности путем создания Единой системы управления как совокупности уникальных программ обеспечения национальной и общественной безопасности, основанных на инновационных технологиях, позволит обеспечить общественную безопасность на самом высоком уровне.

¹ О внесении изменений в постановление от 19.03.2008 № 82-п : постановление Правительства Тюменской области от 20.07.2023 № 447-п. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/7200202307240011> (дата обращения: 20.10.2023).

Список источников

1. Манцуров А. Ю. Общая характеристика системы обеспечения национальной безопасности Китайской Народной Республики // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXI международной научно-практической конференции. 2016. С. 250–254.

2. Гайдаев О. С. Концепции национальной безопасности Индии и Китая. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/koncepcii-nacionalnoy-bezopasnosti-indii-i-kitaya> (дата обращения: 20.10.2023).

3. Видясова Л. А. Концептуализация понятия «умный город»: социотехнический подход // International Journal of Open Information Technologie. 2017. Vol. 5, no. 11. P. 52–57.

4. Глебова И. С., Ясницкая Я. С. Возможности реализации концепции «Умного города»: практика российских городов // Экономика и предпринимательство. 2014. № 1-3. С. 232–235.

5. Койнов М. Ю. К вопросу использования учебно-практического полигона «Сквер» в процессе обучения сотрудников патрульно-постовой службы полиции // Полицейская деятельность. 2021. № 6. С. 1–9.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 20.11.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ООН В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА

Елена Николаевна Майорова¹, Светлана Владимировна Полякова²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
major.a@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-3705-0402>

²Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
vip.polyakovasv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются международные инициативы ООН в области обеспечения безопасности дорожного движения до 2030 года. Проведен сравнительный анализ двух проектов: Глобальный план «Десятилетие действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2011–2020 годы» и Глобальный план «Десятилетие действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2021–2030 годы». Отмечается, что второй проект разработан на основе комплексного подхода, имеет четкую структуру, ряд компонентов и направлен на реализацию концепции: дорожное движение как «Безопасная система».

Аргументируются положительные результаты реализации в Российской Федерации двух Федеральных целевых программ, рассчитанных на периоды 2006–2012 гг. и 2013–2020 гг., позволивших значительно снизить количество жертв дорожно-транспортных происшествий. Рассматриваются современные проекты, в том числе НП «Безопасные качественные дороги», направленные на решение национальных задач в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Сделаны выводы о целесообразности международных инициатив и реализации национальных программ и проектов с целью повышения безопасности дорожного движения и минимизации социального риска для его участников.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, инициатива ООН, федеральная целевая программа, национальный проект «Безопасные качественные дороги»

Для цитирования: Майорова Е. Н., Полякова С. В. Международные инициативы ООН в области обеспечения безопасности дорожного движения на период до 2030 года // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 45–51. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-45-51

Research article

INTERNATIONAL INITIATIVES OF THE UNITED NATIONS IN THE FIELD OF ROAD SAFETY UNTIL 2030

Yelena N. Mayorova¹, Svetlana V. Polyakova²¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
major.a@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-3705-0402>²South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
vip.polyakovasv@mail.ru

Abstract. The article discusses international UN initiatives in the field of road safety until 2030. A comparative analysis of two projects was carried out: the Global Plan “Decade of Action for Road Safety 2011-2020” and the Global Plan “Decade of Action for Road Safety 2021-2030”. It is noted that the second project was developed on the basis of an integrated approach, has a clear structure, a number of components and is aimed at implementing the concept: road traffic as a “Safe System”.

The positive results of the implementation in the Russian Federation of two Federal target programs designed for the periods 2006-2012 and 2013-2020, which made it possible to significantly reduce the number of victims of road accidents. Modern projects are being considered, including the NP “Safe Quality Roads”, aimed at solving national problems in the field of road safety.

Conclusions are drawn about the feasibility of international initiatives and the implementation of national programs and projects in order to improve road safety and minimize social risk for its participants.

Keywords: road safety, UN initiative, federal target program, national project “Safe Quality Roads”

For citation: Mayorova YeN, Polyakova SV. International initiatives of the united nations in the field of road safety until 2030. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):45-51. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-45-51 (In Russ.)

Введение

На рубеже XX — начала XXI веков перед мировым сообществом актуализировалась проблема, связанная с прогрессирующим ростом жертв дорожно-транспортных происшествий. На основе сравнительного исследования ООН, проведенного в 2004 году и составленного пассивного прогноза на ближайшее десятилетие ситуация, складывающаяся в области безопасности дорожного движения, была признана на уровне глобального кризиса [1]. За пятилетний период 2004–2009 гг. в мировом масштабе положение только усугубилось. По результатам исследования, проведенного Всемирной организацией здравоохранения (далее — ВОЗ) через пять лет в 2009 году было установлено, что более 50 млн человек ежегодно становятся жертвами дорожно-транспортных происшествий, получая травмы разной степени тяжести и более 1,35 млн человек погибают, в том числе дети, подростки и молодые люди до 30 лет. Мониторинг ООН показал системный характер проблемы, которая в силу демографических и медицинских характеристик была отнесена к компетенции ВОЗ.

Описание исследования и обсуждение

Проблема снижения количества человеческих жертв (социальный риск) в результате дорожно-транспортных происшествий (транспортный риск) относится к различным областям общественной практики: социальной, экономической, технической, правовой, медицинской, следовательно, требует комплексного решения. В 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН в рамках Повестки дня устойчивого развития до 2030 года резолюцией 64/255 провозгласила 2011–2020 годы Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения¹ (далее — первое Десятилетие действий). Так как предварительный пассивный прогноз показал возможность увеличения количества человеческих жертв на 80 % в ближайшие годы, то в первую очередь была поставлена цель достижения стабилизации и постепенного снижения.

¹ Глобальный план Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2011–2020. URL: http://www.who.int/roadsafety/decade_of_action/plan/russian.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

Разработку проекта, контроль и отчетность по реализации Глобального плана первого Десятилетия действий ООН делегировало ВОЗ. Мониторинг результатов осуществлялся через работу региональных комиссий международного уровня ООН, в которые входят Североамериканский, Latinoамериканский, Африканский, Европейский и Азиатско-Тихоокеанский регионы.

Анализ международного опыта позволил ВОЗ сформулировать магистральные направления, выявить эффективные меры, определить ключевые критерии и индикаторы, следуя которым можно значительно повысить безопасность дорожного движения, включая страны как с высоким, так и низким экономическим уровнем. Уровень обеспечения безопасности дорожного движения, снижение количества жертв дорожно-транспортных происшествий в первую очередь зависит от государственной политики в указанной области безопасности. Высокий уровень безопасности дорожного движения для его участников, это показатель качества жизни граждан [2]. В большинстве стран мира разрабатываются и утверждаются на государственном уровне (правительством, парламентом) специальные программы повышения безопасности дорожного движения в среднесрочной (обычно на пять лет) или долгосрочной перспективе. Такие программы позволяют консолидировать и поэтапно реализовывать значительные финансовые ресурсы и проводить политическую волю по защите прав граждан как участников дорожного движения в качестве водителя, пешехода, пассажира. Ряд стран, такие как Китай, Новая Зеландия, а также Франция и Австрия существенно пересмотрели или приняли новое законодательство в области безопасности дорожного движения.

Глобальный план первого Десятилетия действий стал для правительств государств «дорожной картой» по разработке национальных целевых программ, что позволяет ориентироваться на ключевые компоненты: государственное управление в области безопасности дорожного движения; своевременное изменение законодательства; повышение безопасности дорожной инфраструктуры, безопасности транспортных средств, безопасности участников дорожного движения, оказания медицинской помощи после дорожно-транспортных аварий. ВОЗ, регулярно отслеживая прогресс в реализации первого Десятилетия действий, представила международному сообществу серию докладов «Global Status Report on Road Safety». Первый доклад

был опубликован в 2013 году, последующие в 2015 году и 2018 году, то есть с интервалом в три года.

В первом докладе ВОЗ 2013 года отмечается, что появилась возможность более точного учета количества дорожно-транспортных происшествий и количества жертв, в том числе со смертельным исходом, не смотря, на то, что в странах существуют различия в этой области статистики. На отчетный период, анти-лидерами являлись Китай и Индия, как самые крупно населенные страны, поэтому за сравнительный критерий было взято количество летальных исходов в результате дорожно-транспортных происшествий на 100 тыс. человек, без привязки к общему количеству населения и количеству транспортных средств. Выбор данного критерия позволил провести более корректный сравнительный анализ по странам мира. Так, в 2013 году в Китае показатель смертности в дорожно-транспортных происшествиях составлял — 18,8 на 100 тыс. чел., а в Индии — 16,6 [3]. В 2013 году в России данный показатель был достаточно высок — 18,9; особенно учитывая, тот факт, что народонаселение в России в 9 раз меньше, указанных стран, а техническая оснащенность выше.

Во втором докладе ВОЗ 2015 года констатируется, что мониторинг проведен в 180 странах мира. Особое внимание уделяется странам с низким уровнем экономического развития: несоответствующее качество дорожного покрытия или грунтовые дороги, отсутствие дорожной инфраструктуры, технически устаревшие модели автомобильного транспорта, низкое качество медицинской помощи после аварии, слабая подготовленность граждан к участию в дорожном движении (в том числе в качестве водителей). Известно, что наиболее уязвимыми участниками дорожного движения являются пешеходы и велосипедисты [4]. Исследования 60–70 гг. XX века в США доказали высокую эффективность дополнительных способов снижения смертности в дорожно-транспортных происшествиях на 15–20 % при соблюдении ключевых правил и относительно недорогих средств: 1) ограничение скорости и соблюдение скоростного режима движения; 2) запрет на вождение в состоянии алкогольного опьянения; 3) обязательное использование ремней безопасности; 4) введение мотоциклетных и велосипедных шлемов; 5) детские удерживающие устройства. В докладе отмечается, что 17 стран изменили законодательство в пользу вышеперечисленного. Однако совершенно очевидно, что изменения идут слишком медленно.

В третьем докладе ВОЗ 2018 года отмечается, что ситуацию удалось стабилизировать, не смотря, на то, что за этот период увеличилось количество как населения, так и транспортных средств. Анализ количественных и качественных параметров позволил конкретизировать наиболее проблемные аспекты: в общей сложности на ликвидацию последствий дорожно-транспортных происшествий государства вынуждены тратить 518 млрд долл. в год, учитывая страховые взносы на лечение, выплаты по потере кормильца семьи, потерю имущества, восстановление дорожной инфраструктуры, оплата труда спецслужб и др. Безусловно, более разумным представляется направить затраченные средства на предупреждение дорожно-транспортных происшествий и человеческих жертв, чем на ликвидацию их последствий. Также было отмечено, что существует огромный разрыв в обеспечении безопасности дорожного движения в социально-экономически развитых странах и странах догоняющей автомобилизации, где количество транспортных средств увеличивается, а вопросы повышения безопасности в указанной области остаются на низком уровне.

В 2019 году были опубликованы доклады региональных комиссий ООН¹ (указанных выше) которые позволили провести более дифференцированный анализ. Максимальное внимание к безопасности участников дорожного движения, повышению конструкторско-технической безопасности транспортных средств и создание высокого уровня дорожной инфраструктуры, позволяет ежегодно на 4–5 % снижать смертность в дорожно-транспортных происшествиях в Европейском регионе, а также некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Статистические данные это подтверждают, так стабильную динамику снижения смертности показывают 48 стран. В 68 странах наоборот зафиксирована динамика увеличения смертности в дорожно-транспортных происшествиях. Таким образом, в большинстве стран мира прогресс в области обеспечения безопасности дорожного движения идет слишком медленно.

В 2020 году — период завершения первого Десятилетия действий (2011–2020 гг.) по повышению обеспечения безопасности дорожного движения были представлены ключевые

результаты. По странам мира среднестатистический показатель уровня смертности на 100 тыс. составляет — 17 человек [17]. В том числе определен статистический показатель — 4,0 случаев смертности на 100 тыс. человек, как отвечающий современным характеристикам допустимого социального риска для участников дорожного движения. К рейтингу стран-лидеров, имеющих указанную и более низкую величину статистического показателя, относится ряд стран: Финляндия (4,0), Италия (4,0), Франция (3,9), Австрия (3,9), Словения (3,8), Израиль (3,6), Нидерланды (3,5), Германия (3,3). Плеяда стран, имеющих статистический показатель 3,0 и менее, включает: Ирландия (3,0), Испания (2,9), Сингапур (2,8), Дания (2,8), Швейцария (2,6), Япония (2,3), Исландия (2,2), Великобритания (2,2), Швеция (2,0), Норвегия (1,7). Таким образом, статистический показатель 4,0 стал «красной чертой», показывающий достигнутые успехи государств в области обеспечения безопасности дорожного движения в современном мире.

В рамках достижения целей устойчивого развития (17 ЦУР) стран мира на период до 2030 г. Генеральная Ассамблея ООН (резолюция 74/229) провозгласила второе Десятилетие действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2021–2023 годы (далее — второе Десятилетие действий)². Поставлена амбициозная цель — снижение на 50 % смертности и травматизма людей в дорожно-транспортных происшествиях. В современном мире значение дорожно-транспортной системы настолько велико, что это невозможно переоценить, первую очередь удовлетворяется огромный спектр человеческих потребностей. Уменьшается неравенство социальных страт общества в доступности образования, здравоохранения, трудовой занятости, доставке продуктов питания, социальной защите и мн. др. Открываются новые возможности в реализации государственного и частного секторов экономики, что прямо или косвенно содействует достижению семнадцати ключевых целей в области устойчивого развития (17 ЦУР) стран мира на период до 2030 года.

Новая концепция Глобального плана второго Десятилетия действий (2020–2030 гг.), в области повышения безопасности дорожного движения является более четкой и базируется на комплексном подходе создания

¹ Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в Европейском регионе ВОЗ 2019. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/333758/9789285055154-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 01.07.2023).

² Глобальный план Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения в 2021–2030 гг. URL: <https://www.who.int/ru/publications/m/item/global-plan-for-the-decade-of-action-for-road-safety-2021-2030> (дата обращения: 01.07.2023).

«Безопасной системы». Комитет по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии ООН подготовил и принял на 82-ой сессии (ЕСТ/ TRANS/2020/9), Рекомендации по ключевым компонентам направлены на укрепление национально-правовых систем, включающих обеспечение безопасности дорожного движения. В указанных Рекомендациях, комплексно представлены пять основных компонентов Глобального плана второго Десятилетия действий: организация дорожного движения (целесообразное землепользование, мультимодальная дорожная система), безопасность участников дорожного движения, безопасность транспортных средств, безопасность дорог, быстрое оказание медицинской помощи при ДТП.

Страны мира могут достичь значительного прогресса в указанной области безопасности при условии применения комплексного подхода «Безопасная система». Также правительствам государств следует обратить внимание на ведущую роль нормативно-правового законодательства и правоприменительной практики для достижения положительного результата в данной области безопасности.

— В целях обеспечения безопасности участников дорожного движения в законодательных актах должны быть закреплены правила дорожного движения для водителей, пассажиров, пешеходов. Правоприменительная деятельность направлена на поддержание правомерного поведения участников дорожного движения, что входит в компетенцию инспекторов дорожной полиции.

— В целях обеспечения безопасности транспортных средств (ТС) в законодательных актах должны быть закреплены правила и стандарты допуска и эксплуатации транспортных средств. Правоприменительная деятельность направлена на проведение сертификации и инспектирование организаций высококвалифицированными специалистами.

— В целях обеспечения безопасности дорог в законодательных актах должны быть закреплены стандарты проектирования, строительства, установления дорожных знаков и обслуживания дорог. Правоприменительная деятельность направлена на проведение проверок, оценку и инспекцию, проводимую высококвалифицированными группами специалистов.

— В целях повышения эффективности реагирования в случае дорожной аварии, в том числе дорожно-транспортного происшествия, в законодательных актах должны быть закреплены стандарты, включающие сбор данных, быстроту реагирования специальных служб

после дорожной аварии и расследование ее последствий. Правоприменительная деятельность направлена на надзор и контроль за деятельностью служб спасения, оказанием первой медицинской помощи пострадавшим, лица ответственные за расследование дорожных аварий.

Глобальный план второго Десятилетия действий включает шесть частей: 1) концептуальная основа; 2) рекомендуемые действия; 3) необходимые условия реализации плана; 4) общая ответственность за обеспечение безопасности дорожного движения; 5) мониторинг и оценка достижений; 6) перспективы будущего. Таким образом, в Глобальном плане второго Десятилетия действий, представленном ВОЗ и региональными комиссиями ООН, определены основные направления, целевые компоненты, содействующие разработке национальных программ действий по повышению обеспечения безопасности дорожного движения на основе системного и комплексного подхода «Безопасная система» на период до 2030 года, отвечающая современным требованиям.

Глобальный план второго Десятилетия действий определяет двенадцать основных целевых показателей снижения факторов риска для участников дорожного движения (пользователей дорог), достижение которых максимально будет способствовать уменьшению на 50 % человеческих жертв в результате дорожно-транспортных происшествий к 2030 году. Рассмотрим подробнее.

Первый целевой показатель. Все страны мира присоединились к правовым документам ООН, отвечающим содержанию повышения безопасности в области дорожного движения.

Второй целевой показатель. Все страны мира к 2020 году приняли комплексные национальные программы (планы) по повышению безопасности дорожного движения с указанием сроков достижения на период до 2030 года.

Третий целевой показатель. Все страны мира на период до 2030 года нацелены на строительство новых дорог, предназначенных для участников дорожного движения, и осуществляют эту деятельность в соответствии с техническими стандартами, учитывающим требования дорожной безопасности.

Четвертый целевой показатель. Во всех странах мира не менее 75 % поездок осуществляются по дорогам, которые соответствуют техническим стандартам безопасности, предназначенных для пользователей дорог.

Пятый целевой показатель. Все страны мира к 2030 году достигли такого положения,

что 100 % поездок, осуществляемых пользователями дорог, проходят по трассам, соответствующим техническим стандартам безопасности.

Шестой целевой показатель. Все страны мира к 2030 году снизили на 50 % количество человеческих жертв дорожно-транспортных происшествий, в первую очередь посредством повышения качества и стандартов безопасности дорожно-транспортной сети, предназначенной для участников дорожного движения.

Седьмой целевой показатель. Все страны мира к 2030 году повысили до 100 % долю мотоциклистов и велосипедистов, пользующихся стандартными шлемами в целях повышения безопасности странах мира

Восьмой целевой показатель. Во всех странах мира к 2030 году 100 % водителей и пассажиров автотранспортных средств пользуются в обязательном порядке ремнями безопасности, а также соответствующими детскими удерживающимися устройствами.

Девятый целевой показатель. Во всех странах мира к 2030 году на 50 % сократилось количество жертв на дороге в связи с управлением автотранспортных средств в состоянии алкогольного или иного опьянения.

Десятый целевой показатель. Все страны мира к 2030 году имеют национальное законодательство, в котором прописано запрещающее или ограничивающее пользование мобильными телефонами (в том числе без специальной гарнитуры) при управлении автотранспортным средством.

Одиннадцатый целевой показатель. Все страны мира к 2030 году ввели правила, закрепленные в нормативно-правовых документах, в отношении продолжительности управления автотранспортным средством, соблюдения баланса «работа-отдых» для профессиональных водителей.

Двенадцатый целевой показатель. Все страны мира к 2030 году ввели национальные правила (стандартные целевые показатели), определяющие минимальный интервал времени прибытия и оказания профессиональной медицинской помощи, и временем, когда произошло дорожно-транспортное происшествие.

Российская Федерация в полной мере включилась в процесс активных действий по снижению человеческих жертв в результате дорожно-транспортных аварий. По статистическим данным в 2005 году в стране зафиксировано 204 тыс. дорожно-транспортных происшествий, в которых погибла 31 тыс. человек. Правительством РФ утверждена Федеральная целевая программа «Повышение безопасности

дорожного движения в 2006–2012 годах»¹. Не все результаты были достигнуты в полной мере, однако произошла динамика снижения смертности и травмирования людей в результате дорожно-транспортных происшествий. В 2008 году была разработана «Транспортная стратегия Российской Федерации»². В 2009 году состоялась Первая всемирная министерская конференция по безопасности дорожного движения по итогам которой была принята Московская декларация (Москва, 2009), содержащая обращение к ООН о принятии более консолидированных усилий в данной области безопасности.

Опыт работы по повышению безопасности дорожного движения на основе программно-целевого подхода признан эффективным и разработана следующая Федеральная целевая программа «Повышения безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах». На национальном уровне поставлена цель к 2020 г. снизить уровень смертности в результате дорожно-транспортного травматизма на 42 % (результат — 43,6 %) и достичь установленного показателя социального риска до статистического показателя 10,9 (результат в 2020 году — 10,8, а в 2021 году — 10,2) [5]. Далее стали применяться иные виды и методы управления, направленные на повышение обеспечения безопасности дорожного движения, в том числе на основе риск-ориентированного подхода принята «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы»³ [6]. По последним официальным статистическим данным за 2022 год в дорожно-транспортных происшествиях погибли 14 тыс. человек⁴, соответственно за период 2005–2022 годы произошло снижение на 60 %. В настоящее время реализуется Национальный проект (НП) «Безопасные качественные дороги», который в полной

¹ О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» : постановление Правительства Российской Федерации от 20.02.2006 № 100 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 9. Ст. 1020.

² О Транспортной стратегии Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 50. Ст. 5977.

³ Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 8 января 2018 г. № 1-р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2022 год : информационно-аналитический обзор. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4761994> (дата обращения: 01.07.2023).

мере соотносится с национальными целями развития Российской Федерации на период до 2030 года¹, в контексте создания комфортной и безопасной среды для жизни [7].

Выводы

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Начало нового тысячелетия и нового XXI века было ознаменовано актуальной Повесткой работы ООН, направленной на цели устойчивого развития (17 ЦУР) мирового сообщества в перспективе до 2030 года. Постоянно повышающийся уровень смертности и травмирования людей в результате дорожных аварий (в том числе дорожно-транспортных происшествий) актуализировали международные инициативы под эгидой ООН в области повышения обеспечения безопасности дорожного движения.

2. Ключевой целью Глобального плана Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2011–2020 годы

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента России от 21.07.2020 № 474 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

являлось стабилизация и постепенное снижение человеческих жертв в результате дорожно-транспортных происшествий. Деятельность ВОЗ была направлена на сбор информации, налаживание координации соответствующих структур, мониторинг достижений, поиск эффективных мер.

3. Ключевой целью Глобального плана Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2021–2030 годы является реализация концепции «Безопасная система», основанная на комплексном подходе. Создание «Безопасной системы», реализация ее ключевых компонентов должна стать основой для планирования целевых национальных программ по повышению безопасности дорожного движения.

4. В Российской Федерации за период 2006–2022 годы произошло значительное снижение социального риска участников дорожного движения, что является результатом последовательной реализации двух Федеральных целевых программ 2006–2012 гг. и 2013–2020 гг. и продолжающейся работы в данном направлении, в том числе при осуществлении Национального проекта «Безопасные качественные дороги».

Список источников

1. Майоров В. И. Обеспечение безопасности дорожного движения как глобальная проблема современности // Административное право и процесс. 2022. № 6. С. 16–22.
2. Петров А. И. Автотранспортная аварийность как идентификатор качества жизни граждан // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3 (45). С. 154–170.
3. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Сравнительный анализ обеспечения безопасности дорожного движения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: Китай, Монголия, Сингапур, Япония // Евразийский юридический журнал. 2018. № 37 (122). С. 166–170.
4. Степанов А. В., Рябушенко А. В. Мировые тенденции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения пешеходов // Вестник ХНАД. 2013. Вып. 61-62. С. 95–101.
5. Баканов К. С., Антонов С. Н., Ляхов П. В. и др. Состояние и тенденции безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2011-2020 годах: аналитический обзор. Москва : НЦ БДД МВД России, 2022. 368 с.
6. Майоров В. И., Волошин П. В., Полякова С. В., Дунаева О. Н. Обеспечение безопасности участников дорожного движения в России на основе риск-ориентированного подхода // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. № 1 (64). С. 152–159.
7. Баканов К. С., Гайнетдинов Т. Ш. Оценка вклада федеральных проектов в достижение целевого показателя снижения смертности в ДТП // Современная наука. 2020. № 2. С. 18–22.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 30.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 343.346
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-52-57

С. 52–57

АДМИНИСТРАТИВНАЯ НАКАЗАННОСТЬ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Марина Вячеславовна Баранчикова

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
marina-baranchikova@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-003-2707-9874>

Аннотация. Изучение предпосылок криминализации, общественной опасности и специфики новых видов дорожно-транспортных преступлений, предусмотренных ст. 264.2–264.3 УК РФ, демонстрирует особенности их законодательного оформления и выявления. Несмотря на то, что угроза гибели или ранения людей в результате неоднократных наиболее опасных видов нарушений правил дорожного движения носит вероятностный характер, исследования подтверждают, что ее потенциал неизбежно претворяется в более опасных маневрах, угрожающих или причиняющих реальный вред сфере безопасности дорожного движения. В статье показано, что установление и дифференциация уголовной ответственности в отношении лиц, подвергнутых административному наказанию за повторное нарушение правил дорожного движения в виде существенного превышения скоростного режима, выезда на встречную полосу движения, управления транспортным средством, будучи лишенным прав на такое управление, связаны с необходимостью решения проблем квалификационного и организационного характера.

Особое внимание уделяется обязательному признаку субъектов дорожно-транспортных преступлений в виде «административной наказанности» и ее специфике. Обосновывается необходимость единообразного толкования, закрепленных в уголовно-правовых нормах особенностей лица как подвергнутого административному наказанию и лишенного права управления транспортным средством.

Ключевые слова: лишение права управления транспортным средством, криминализация, повторные нарушения правил дорожного движения, лицо, управляющее транспортным средством, административная наказанность, систематичность, преюдиция, дорожно-транспортное преступление

Для цитирования: Баранчикова М. В. Административная наказанность как признак субъекта дорожно-транспортного преступления // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4(39). С. 52–57. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-52-57

ADMINISTRATIVE PUNISHMENT AS A SIGN OF THE SUBJECT OF A TRAFFIC CRIME

Marina V. Baranchikova

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia

marina-baranchikova@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-003-2707-9874>

Abstract. The study of the prerequisites for criminalization, public danger and the specifics of new types of road traffic crimes provided for in Articles 264.2-264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation demonstrates the peculiarities of their legislative registration and identification. Despite the fact that the threat of death or injury to people as a result of repeated most dangerous types of traffic violations is probabilistic in nature, studies confirm that its potential inevitably translates into more dangerous maneuvers that threaten or cause real harm to road safety. The article shows that the establishment and differentiation of criminal liability in relation to persons subjected to administrative punishment for repeated violation of traffic rules in the form of a significant excess of the speed limit, driving into the oncoming lane, driving a vehicle in a state of deprivation of rights to such management, are associated with the need to solve problems of a qualifying and organizational nature.

Special attention is paid to the mandatory feature of subjects of road traffic crimes in the form of “administrative punishment” and its specifics. The necessity of a uniform interpretation of the features of a person as subjected to administrative punishment and deprived of the right to drive a vehicle fixed in criminal law norms is substantiated.

Keywords: deprivation of the right to drive a vehicle, criminalization, repeated violations of traffic rules, a person driving a vehicle, administrative punishment, systematic, prejudice, traffic crime

For citation: Baranchikova MV. Administrative punishment as a sign of a subject of a traffic crime. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):52-57. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-52-57 (In Russ.)

Введение

Нарастание уровня автомобилизации имеет многочисленные позитивные последствия для современного общества, повышения эффективности его логистических систем. Однако стремительное развитие транспортных потоков неизбежно связано с рисками, неблагоприятными показателями дорожно-транспортного травматизма, необходимостью их устранения или минимизации.

Оптимизация ответственности за опасные виды нарушений правил дорожного движения, соответствующие основным факторам риска совершения дорожно-транспортных происшествий, имеет приоритетное значение в обеспечении безопасности дорожного движения.

Официальные обзоры состояния аварийности, связанной с повторными нарушениями правил дорожного движения, показывают, что тяжесть последствий, причиняемых в результате превышения скоростного режима, выезда на полосу встречного движения является самой высокой и имеет тенденцию к росту. В случаях их совершения водителями, ранее административно наказанными, находящимися

в состоянии опьянения, лишенными права управления транспортными средствами, опасность и тяжесть вреда еще более нарастают.

В современных условиях криминализация повторных нарушений правил дорожного движения указанных видов была признана законодателем адекватным методом уголовной политики, позволяющим минимизировать для участников дорожного движения риски, исходящие от наиболее опасных категорий водителей.

Введение статей 264.2–264.3 УК РФ, отражающее тенденцию установления уголовной ответственности для лиц, неоднократно совершающих административные правонарушения, ставит вопросы об их правильном толковании и квалификации, порождает необходимость изучения и поиска подходов к их эффективному применению.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы уголовно-правового регулирования ответственности за дорожно-транспортные преступления,

специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников, статистический, герменевтический методы.

Описание исследования

При сохранении ведущей роли человеческого фактора в системе обеспечения безопасности дорожного движения приоритетным направлением остается улучшение качественного состава его участников. Важной задачей выступает снижение числа водителей, представляющих высокую общественную опасность, относящихся к категории злостных правонарушителей.

Водители, ранее подвергнутые административному наказанию за повторные факты административных правонарушений, являются особым субъектом преступлений, оцениваются как склонные к систематическим нарушениям правил дорожного движения. Их «правонарушающий опыт» может приобрести конструктивное, квалификационное значение, быть отягчающим обстоятельством в статьях 264–264.3 УК РФ.

Разноплановость уровня опасности нарушений правил дорожного движения детерминирует различия в их вредоносности, тяжести предполагаемого в результате их совершения причиняемого вреда. Ряд из них официально признаны видами, соответствующими основным факторам риска совершения дорожно-транспортных происшествий. Для них характерна самая высокая тяжесть последствий. Например, она составляет при выезде на полосу встречного движения 16,4, при превышении установленной скорости движения — 12,6, при управлении в состоянии опьянения — 12,4 погибших на 100 тысяч пострадавших. В связи с этим закономерно явилась реакция законодателя на то, что именно эти три вида нарушения правил дорожного движения при их повторном совершении были признаны преступлениями, закреплены в ст. 264.1–264.2 УК РФ. Их введение законодатель обосновал необходимостью ужесточения наказания для водителей, чьи нарушения традиционно приводят к наиболее тяжким последствиям дорожно-транспортного травматизма.

Высокий социальный риск ожидается со стороны лиц, превышающих скоростной режим, выезжающих на встречную полосу движения, управляющих транспортными средствами, в состоянии опьянения, будучи лишенными прав управления ими. Часто

перечисленные нарушения сопутствуют друг другу, усугубляя опасность от их совершения.

Существует прямое и нарастающее влияние кратности административных правонарушений, соответствующих основным факторам риска совершения дорожно-транспортных происшествий, на рост тяжести их вреда. Она формирует становление личности систематического нарушителя, относящегося к злостному типу.

Официальные обзоры дорожно-транспортной аварийности подтверждают вывод о том, что особенности личности водителей с повышенной склонностью к откровенному системному игнорированию норм и правил в области безопасности дорожного движения особо очевидно проявляются в происшествиях с особо тяжкими последствиями [1, с. 35]. Дополнение уголовного закона новыми статьями априори призвано содействовать как снижению социального риска, так и числа неоднократных нарушителей дорожно-транспортной дисциплины.

Целью новых норм, «выступает исключение из системы дорожного движения так называемых ненадлежащих операторов — лиц, по различным причинам не способных безаварийно эксплуатировать транспортные средства» [2, с. 59]. При этом акцент сделан не столько на деяниях, сколько на опасности субъектов, представляющих собой злостный тип водителей-нарушителей правил.

Среди водителей, виновных в дорожно-транспортных происшествиях с криминальными последствиями, более половины составляют те, кто ранее допускал нарушения, относящиеся к категории злостных, высокоопасных деликтов в сфере дорожного движения. Их признак в уголовном законе сформулирован как «лицо, подвергнутое административному наказанию».

А. В. Сумачев предлагает ввести в теорию правоохранительных отраслей права категорию «административно-преюдиционный рецидив», называя в качестве его признаков наличие у лица «состояния наказанности» за совершение административного правонарушения и повторное совершение аналогичного (схожего) деяния [3, с. 81].

Наличие статуса административной наказанности за определенные виды повторных нарушений правил дорожного движения (далее — ПДД) является конструктивным признаком субъекта в статьях 264.2, 264.3 УК РФ. Обязательным условием ответственности в них предусмотрено наличие административной повторности, которая при сохранении состояния административной наказанности у субъекта,

дополняется еще одним фактом аналогичного нарушения правил дорожного движения.

Если в статье 264.1 УК РФ содержится первичная повторность, то в ст. 264.2, 264.3 УК РФ — «двойная повторность». Первичная повторность означает, что криминальным является второй по счету факт указанного в статье 264.1 УК РФ нарушения. В свою очередь двойная повторность появляется при совершении водителем третьего по счету факта административного нарушения, следующего за тождественным повторным.

В ст. 264.2 УК РФ предусмотрено наказание за третий по счету факт существенного превышения скорости (более 60 км/ч) и выезда на полосу встречного движения. Ее принятие было обосновано ростом числа повторных фактов данных видов административных правонарушений. Продолжением схожей тенденции стало оформление статьи 264.3 УК РФ, условием применения которой предусмотрен третий факт управления транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортным средством.

Н. А. Лопашенко называет рассматриваемый вид преступлений составами с явной административной преюдицией, отмечая предпочтительность точного указания тех составов административных правонарушений, которые лицо должно совершить ранее [4, с. 52]. Законодатель определил круг таких деяний, перечисляя номера статей КоАП РФ, по которым лицо ранее было наказано.

Так, согласно диспозиции ч. 1 ст. 264.2 УК РФ деяние заключается в нарушениях правил дорожного движения, предусмотренных чч. 4, 5 ст. 12.9 или ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ. Уголовная ответственность наступает, если ранее лицо было лишено права управления транспортным средством за любое из деяний, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ. Иными словами, для привлечения к уголовной ответственности по ст. 264.2 УК РФ лицо должно нарушить установленный скоростной режим более, чем на 60 км/ч или выехать на полосу встречного движения не менее трех раз, где каждое нарушение имело юридическую ответственность. Тем самым криминализована «двойная повторность» отдельных видов нарушений.

Схожая конструкция характерна для привлечения к уголовной ответственности по ст. 264.3 УК РФ, где лицо, ранее лишенное прав и подвергнутое наказанию по ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ, должно управлять автотранспортом, находясь в состоянии административной наказанности. Фактически оно незаконно управляет им в третий раз, где два

предыдущих аналогичных факта уже влекли административную ответственность.

Нарушение определенного вида правил содержится в составе транспортных преступлений как криминообразующий признак при их повторении в определенном сочетании (ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ). Такое все более заметное использование вида нарушенных правил безопасности и их повторяемости на протяжении юридически значимого периода стало основной тенденцией развития уголовного законодательства об ответственности за транспортные преступления последних лет [5].

Субъект состава транспортного преступления напрямую очерчивает сферу применения той или иной уголовно-правовой нормы, имеет первостепенное значение для квалификации [6, с. 5] Общность совершенного им предикатного и последующего административного правонарушения учтена при построении «преюдиционных» уголовно-правовых норм, сформирована по признакам их вредоносности и схожей наказуемости.

Обязательным признаком субъекта в рассматриваемых статьях является его нахождение в состоянии административной наказанности за правонарушения, указанные в их диспозициях.

Административная наказанность означает состояние лица, привлеченного к административной ответственности после привлечения к ней и окончания исполнения наказания, когда правонарушитель еще ощущает негативные последствия своего проступка в виде дополнительных ограничений или обязанностей [7, с. 45]. Она представляет собой особый правовой статус лица, характеризующийся возможностью назначения более строгого наказания в случае совершения им повторного правонарушения.

Наличие состояния административной наказанности является основанием для оценки личности дорожно-транспортного преступника и совершенных им в данном состоянии новых правонарушений как обладающих повышенной общественной опасностью.

Особый статус субъекта как лица, подвергнутого административному наказанию, ограничен определенным сроком. Его временной промежуток, определен со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания и до момента истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Ограничение состояния «административной наказанности» водителей в статьях 264.2–264.3 УК РФ годичным сроком вытекает из ст. 4.6 КоАП РФ.

Другой особенностью субъектов новых видов преступлений наряду со статусом «административной наказанности», является то, что они должны быть лишены права управления транспортным средством.

Лица, лишённые такого права, среди водителей, ранее подлежащих наказанию за административные правонарушения, представляют наибольшую опасность. Тяжесть последствий ДТП, совершенных по вине таких водителей, достигает показателя 12,7, что является самой высокой из всех. Более половины из них совершают ДТП в состоянии опьянения, обуславливая 62,2 % погибших в происшествиях по вине лишённых прав водителей [8, с. 39].

Лишение права управления транспортным средством как вид административного наказания действует с момента вступления в силу соответствующего постановления суда по делу об административном правонарушении, применяется к лицам, имеющим такое специальное право. К данной категории относится лицо, в отношении которого имеется вступивший в законную силу приговор суда о назначении наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами.

Лицо, лишённое права управления автотранспортом, отличается особенно высокой опасностью в виду устойчивости стереотипа противоправного поведения, относящегося к факторам, провоцирующим аварийность. Факт привлечения лица к ответственности, повлекший лишение его прав, является характеристикой субъекта дорожно-транспортного преступления. Такая лишённость является квалифицирующим признаком в статье 264 УК РФ, а в статьях 264.2 и 264.3 УК РФ — его обязательным состоянием.

Рассматриваемые статьи образуют вместе со ст. 264.1 УК РФ новую систему уголовно-правовых норм, содержащих как административную, так и уголовную преюдицию. Наличие непогашенной судимости за указанные в них преступления выступает условием криминализации деяний с признаками идентичного или однородного административного правонарушения. В отличие от административной наказанности наличие судимости у субъекта выступает обязательным признаком, предусмотренным ч. 2 ст. 264.2 и ч. 2 ст. 264.3 УК РФ.

Учитывая, что все статьи с административной преюдицией подразумевают выявление водителей, повторно нарушающих правила дорожного движения уполномоченными лицами, без применения средств

фото- и видеофиксации, число потенциальных субъектов преюдиционных норм ожидаемо ограничено [10, с. 53]. Приоритетность установления фактов превышения скорости и выезда на встречную полосу с помощью такого рода средств снижает квалификационные возможности уголовно-правовых норм.

Официальная статистика первого года действия новых статей демонстрирует складывающийся опыт их применения. В 2022 году по ст. 264.2 УК РФ было осуждено 35 человек, по ст. 264.3 УК РФ — 16 человек [9, с. 47]. При этом каждый седьмой водитель был осужден по вторым частям данных статей, оказавшись лицом, ранее имевшим преступный опыт нарушения правил дорожного движения. Такие невысокие показатели были прогнозируемы, детерминированы низкой долей выявляемости предусмотренных в статьях правонарушений сотрудниками Госавтоинспекции.

Другим обстоятельством, ограничивающим круг потенциальных субъектов преюдиционных норм, является ограниченность временными рамками состояния административной наказанности. Истечение ее сроков с правовой точки зрения обнуляет факты ранее совершенных нарушений, нивелирует повторность как их признак.

Сомнения в необходимости своевременности создания самостоятельных уголовно-правовых норм с административной преюдицией часто обосновываются ссылками на отсутствие относительной распространенности рассмотренных административных правонарушений и снижение их количества [11, с. 154]. Однако число лиц, повторно их допускающих, напротив, имело тенденцию к росту.

Количество правонарушений, связанных с повторным управлением транспортным средством водителем, лишённым права управления, увеличивалось на протяжении трех лет и начало снижаться лишь в 2022 году, что связывают с принятыми законодательными мерами [9, с. 25].

Дополнение уголовного закона новыми статьями априори призвано содействовать дальнейшему снижению числа неоднократных нарушителей дорожно-транспортной дисциплины, а также социального риска. Такой риск повышается в случае, когда водитель не просто трижды допустил нарушение правил дорожного движения, был подвергнут лишению права управления транспортным средством, но и в состоянии административной наказанности вновь повторил ранее совершенное нарушение.

Заключение и вывод

Нахождение субъекта «преюдиционных» преступлений в сфере дорожного движения в статусе административно наказанных водителей влияет на квалификацию преступлений в сфере дорожного движения. Его повышенная опасность обусловлена тем, что, будучи подвергнутым одному из самых строгих наказаний в виде лишения права управления транспортным средством, назначаемому за наиболее опасные и повторные нарушения правил дорожного движения, оно не меняет правонарушающего стереотипа, напротив, закрепляется в нем. Потенциально высокая степень тяжести возможных неблагоприятных

последствий, ожидаемых от таких лиц становится максимально неблагоприятной.

Перспективы эффективности действия новых преюдиционных норм в современных условиях остаются труднопредсказуемыми, как и ожидаемый профилактический потенциал.

Рост числа неоднократных нарушителей правил дорожного движения в последние годы вызывает опасения и требует специфических, принципиально новых подходов к их минимизации. Повышение ответственности водителей, демонстрирующих склонность к систематическому нарушению правил дорожного движения, ориентировано на повышение дорожно-транспортной дисциплины и снижение аварийности.

Список источников

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2023 года. Информационно-аналитический обзор. Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023, 40 с.
2. Чучаев А. И. Формирование норм об обеспечении условий безопасности автотранспорта // Уголовное право. 2022. № 11. С. 58–66.
3. Сумачев А. В. Уголовно-правовая категория «административно-преюдиционный рецидив»: характеристика и правовые последствия // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4 (31). С. 78–85.
4. Лопашенко Н. А. Составы преступлений с административной преюдицией — «свои среди чужих»? // Российский следователь. 2022. № 5. С. 51–55.
5. Пикуров Н. И. Основные тенденции развития законодательства об ответственности за транспортные преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4. С. 87–92.
6. Шарапов Р. Д., Шатилович С. Н., Зворыгина С. А. Субъект транспортного преступления : монография. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 114 с.
7. Морозова Н. А. Состояние административной наказанности // Lex russica. 2021. Т. 74, № 9. С. 44–53.
8. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2022 год. Информационно-аналитический обзор. Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023. 150 с.
9. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2022 году : информационно-аналитический обзор / К. С. Баканов, П. В. Ляхов, М. М. Исаев [и др.]. Москва : НЦ БДД МВД России, 2023. 126 с.
10. Баранчикова М. В. Криминализация повторных нарушений правил дорожного движения как направление повышения безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3. С. 49–52.
11. Трофимов В. Е. Социальная обусловленность нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами // Юрист-Правоведь. 2022. № 4 (103). С. 153–155.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 04.11.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 340.440+343.9
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-58-62

С. 58–62

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕТАВСЕЛЕННЫХ: КОЛЛИЗИИ В ПРАВЕ

И. Р. Бегишев¹, В. В. Денисович², Р. А. Сабитов³, А. А. Пасс⁴, А. В. Скоробогатов⁵

^{1,5}Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

^{2,3,4}Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹begishev@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

²LtybctyejV1984@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-3125-6570>

³Profsabitov@rambler.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5659-5571>

⁴pass_andrey@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>

⁵av.skorobogatov@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Аннотация. Статья посвящена анализу глобальных вопросов существования в праве совершенно нового объекта уголовно-правовой охраны — метавселенных. Авторы считают необходимым регулировать не только интерактивное пространство метавселенных, но и тех отношений, которые складываются внутри них. Человек способен реализовать себя внутри цифрового пространства.

Метавселенная вошла в социальную жизнь, экономику и право. К одной из десяти технологий, влияющих на эффективность бизнеспроцессов, они отнесли технологию метавселенной. По оценкам аналитиков, ожидается существенный рост виртуальной экономики, базирующейся на цифровых активах, а к 2027 г. 40 % компаний будут использовать комбинацию Web3, облачной дополненной реальности и цифровых двойников. И конечно, это потребует от цифрового права комплексной правовой регламентации технологии метавселенной, которая сегодня отсутствует как явление.

Появились жалобы пользователей о необходимости защиты их прав в процессе использования интерактивного контента, в частности: защита персональных данных, собственности, денежных средств, физической неприкосновенности, возможности реализовать свои интеллектуальные права. Однако, прежде чем очертить круг преступлений, которые могут быть совершены в совершенно новых условиях, необходимо определить в концепции уголовного права необходимость охраны этого пространства, регламентировать деятельность человека в нем.

Ключевые слова: метавселенные, искусственный интеллект, нейросеть, виртуальное пространство, киберпреступления, цифровые технологии, интерактивные технологии, правовое пространство метавселенных

Для цитирования: Бегишев И. Р., Денисович В. В., Сабитов Р. А., Пасс А. А., Скоробогатов А. В. Уголовно-правовое значение метавселенных: коллизии в праве // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 58–62. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-58-62

**CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE OF METAVERSES:
COLLISIONS IN LAW****I. R. Begishev¹, V. V. Denisovich², R. A. Sabitov³, A. A. Pass⁴, A. V. Skorobogatov⁵**^{1,5}*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*^{2,3,4}*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia*¹*begishev@mail.ru* <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>²*LtybctyejV1984@yandex.ru* <https://orcid.org/0000-0003-3125-6570>³*Profsabitov@rambler.ru* <https://orcid.org/0000-0002-5659-5571>⁴*pass_andrey@mail.ru* <https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>⁵*av.skorobogatov@mail.ru* <https://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Abstract. The article is devoted to the analysis of global issues of the existence in law of a completely new object of criminal legal protection — metaverses. The authors consider it necessary to regulate not only the interactive space of the metaverses, but also the relationships that develop within them. A person is able to realize himself inside the digital space.

The metaverse has entered social life, economics and law. They attributed metaverse technology to one of the ten technologies that affect the efficiency of business processes. According to analysts, a significant growth of the virtual economy based on digital assets is expected, and by 2027 40 % of companies will use a combination of Web3, cloud augmented reality and digital twins. And of course, this will require from digital law a comprehensive legal regulation of the metaverse technology, which is absent today as a phenomenon.

There were complaints from users about the need to protect their rights in the process of using interactive content, in particular: protection of personal data, property, money, physical integrity, the ability to exercise their intellectual rights. However, before outlining the range of crimes that can be committed in completely new conditions, it is necessary to define in the concept of criminal law the need to protect this space, to regulate human activity in it.

Keywords: metaverses, artificial intelligence, neural network, virtual space, cybercrimes, digital technologies, interactive technologies, legal space of metaverses

For citation: Begishev IR, Denisovich VV, Sabitov RA, Pass AA, Skorobogatov AV. Criminal-legal significance of Metaverses: Collisions in Law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):58-62. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-58-62 (In Russ.)

Введение

Концепция метавселенных обоснована рядом ключевых факторов. Еще в 2021 году эксперты американского Forbes оценили рынок метавселенных как минимум в 1 трлн долларов. Финансовые аналитики предполагают, что с развитием искусственного интеллекта интерес к метавселенным также пропорционально возрастет¹. Наличие нового объекта

общественных отношений приведет к необходимости развития соответствующих общественных отношений, их уголовно-правовой охране.

Это подразумевает коллизию между национальным правом о сборе и сохранении данных и необходимостью правового регулирования и уточнения правил обработки данных [2, с. 140]. Стоит вспомнить яркие примеры боев в виртуальном пространстве (Хабиб и его соперники), игры киберспортсменов, которые признаны официальным видом спорта. Обозначим заранее, в метавселенной общаются и встречаются не живые люди, а их аватары, которые выполняют

¹ The Metaverse Is A \$1 Trillion Revenue Opportunity. Here's How To Invest... // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2021/12/20/the-metaverse-is-a-1-trillion-revenue-opportunity-heres-how-to-invest/?sh=2175e3da4df9> (дата обращения: 07.11.2023).

функции тех людей, по образу и подобию, которых они созданы. Такие отношения сложно представить в реальности с точки зрения механизма правового регулирования, однако они существуют и могут представлять угрозу безопасности человека, как физической, так и психо-эмоциональной.

Материалы и методы

В научной статье использованы теоретические источники и комментарии специалистов из различных областей права, регламентирующие вопросы правового регулирования метавселенных, а также правового статуса человека в них. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников, статистический.

Описание исследования

Метавселенным, или виртуальным мирам, посвящено огромное количество исследований в современных гуманитарно-общественных науках. Ученые обращают внимание на многочисленные риски и вызовы современному человеку, а также экономические выгоды в развитии этих миров¹. Отмечается, что метавселенные представляют собой новый этап в развитии Интернета и мировой экономики, что это еще один шаг в неизвестность, таящий угрозы индивиду, среди которых манипуляция сознанием, девальвация традиционных ценностей, распад идентичности индивида и т. д. [1].

При этом в исследовании О. Н. Гурова подчеркивается, что технологии, ассоциирующиеся с метавселенными, уже активно используются в повседневной культуре. Метавселенная выступает не только в качестве нового игрового мира, но и как глобальное виртуальное пространство для общения и работы. По мнению автора, ее следует рассматривать и как способ контроля и наблюдения за людьми, только более инновационный и менее очевидный [1, с. 141]. В современной юридической литературе уже немало работ, посвященных анализу перспектив правового регулирования метавселенных. К их числу следует отнести публикации, в которых предлагается признать важность исследования правовой и политической природы этого нового феномена цифрового прогресса [4], в них выявляются

публично-правовые и частноправовые грани этого феномена [3, с. 31].

Вопросы уголовно-правовой охраны виртуального игрового имущества затронуты в статье П. П. Степанова и М. А. Филатовой, отмечающих, что преступные посягательства на данный вид имущества необходимо квалифицировать как преступления против собственности, а не только как компьютерные преступления. Выход авторы статьи видят в расширении объема толкования «вещного и экономического признаков предмета хищения, а также широкого подхода к владению и изъятию» [3, с. 32]. Существует и противоположное мнение среди ученых, согласно которому кража виртуальной собственности не будет считаться преступлением, а лицо, ее совершившее, — подлежать уголовной ответственности, если подобная возможность предусмотрена правилами игры. Речь идет об использовании концепции так называемого «магического круга» для решения вопроса о необходимости применения мер ответственности реального права при совершении «преступления» в виртуальном мире, которая была разработана американским правоведом Б. Т. Дюранске. В последующем данная концепция раскрывалась и в ряде работ отечественных исследователей [3, с. 29].

Слово «метавселенная» образовано от приставки греч. *μετά-* (между, после, через) и слова «вселенная» (что иначе означает мир). Получается, метавселенной можно дать такую краткую дефиницию, как мир между мирами. Представьте, что вы завтра купите специальное устройство, которое позволит вам переместиться в некий отдельный мир со своими правилами и, в целом, со своей обособленной системой абсолютно всего [3, с. 27].

Одним из интересных проектов в области метавселенных можно назвать GTA Role Play (GTA RP). GTA RP — это неофициальный мод (у каждого проекта в этой области он может быть своим) для игры Grand Theft Auto (GTA) с элементами реальной жизни, в которой игроки отыгрывают различные роли. Star Atlas — метавселенная с тремя фракциями (цивилизациями), которые ведут борьбу за территории, ресурсы, политическое господство. Игроки за помощь своей фракции получают награды, в том числе в виде токенов.

Технически метавселенная представляет собой замкнутую регуляторную систему со своим регулятором и мерами принуждения. Вместе с тем любое государство стремится сохранять юрисдикцию в отношении своих граждан и своей территории. Это хорошо заметно на примере борьбы за юрисдикцию рассмотрения споров в цифровом пространстве.

¹ Агатева В., Бузько Р. Юридические аспекты метавселенной // Buzko Krasnov. URL: <https://www.buzko.legal/content-ru/yuridicheskie-aspekty-metavselennyoy> (дата обращения: 12.11.2023).

Поэтому стоит ожидать усиления давления национальных регуляторов на метавселенные, а в ряде стран они, вероятно, будут полностью запрещены. С правовой точки зрения ключевые инструменты государственного воздействия, скорее всего, будут сосредоточены в сфере антимонопольного регулирования, законодательства об обороте информации и защите персональных данных [1, с. 176].

В Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) содержатся в большинстве своем материальные составы преступления, когда необходимо доказать, какой конкретно ущерб был причинен, в каком объеме и кому. С точки зрения криминологии необходимо обосновать, какова «цена преступности в данном случае». В процессе нахождения в метавселенной человек с использованием личного аватара не подвергается физическому насилию в общепринятом понимании, но его аватар может пострадать. Пока нет норм, которые бы защищали и регламентировали эти отношения, но это лишь вопрос времени. Чем распространнее будут отношения с использованием цифровых технологий и нейросетей, тем больше человек будет погружен в новые правоотношения киберпространств. Следовательно, причинение ущерба не физическому лицу, а участнику «метамира» станет вполне реальным, ощутимым и потребует уголовно-правовой охраны, обозначению в структуре УК РФ.

Ведь метавселенные уже сегодня способны на многое. В них есть запахи, в некоторых даже тактильные ощущения. Там уже проводят свадьбы, которые удобнее и дешевле реальных. В метавселенных зарабатывают на создании и продаже виртуальных предметов. А за компьютерную недвижимость в прошлом году заплатили полмиллиарда реальных долларов. Люди осваивают альтернативную реальность¹.

С целью аргументировать позицию по тематике исследования необходимо обратиться к цифрам. За последние 10 лет количество времени, проводимого людьми за экраном (screentime), выросло в разы. Мы уже очень сильно зависим от наших компьютеров и мобильных устройств, и, скорее всего, с легкостью примем появление в нашей жизни новых «игрушек» под названием «метавселенные»².

¹ Гопка А. Следующая версия интернета: как изменится жизнь в метавселенной // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/439893-sleduusaa-versia-interneta-kak-izmenitsa-zizn-v-metavselennoj> (дата обращения: 17.09.2023).

² Метавселенная под контролем: как Китай строит свою Chinaverse // vc.ru : [интернет-издание]. URL: <https://vc.ru/future/502403-metavselennaya-pod-kontrolem-kak-kitay-stroit-svoyu-chinaverse?ysclid=lh0jdy5t7h814559195> (дата обращения: 18.09.2023).

Среди множества уже обсуждаемых проблем в уголовном праве, могут возникнуть вопросы включения в структуру уголовного права новых составов преступлений в те главы, которые на первый взгляд в корректировке не нуждаются, например, преступления против семьи и несовершеннолетних. В интерактивной реальности проводить можно достаточно большое количество времени, однако есть и предел допустимых значений. Для ребенка, несовершеннолетнего его необходимо будет установить императивным путем. Возникнет необходимость решить вопрос, какие действия несовершеннолетний сможет сделать в метавселенной и за какой период времени, как наказать тех, кто виноват в склонении к совершению преступлений в метавселенных несовершеннолетних. А что делать, если за аватаром скрывается ребенок, а аватар обозначен, как взрослый человек. Это очередной виток вопросов, которые пока не нашли своего ответа ни в теории, ни в практике.

Вполне возможны и ограничения на авторизацию в метавселенной. Для ее прохождения может быть необходимо предоставление паспортных или иных данных, либо авторизация через государственные порталы, например, Госуслуги. В противном случае интероперабельность может не быть обеспечена.

Обязательно появятся и требования к самим администраторам метавселенных³. Основной задачей является сохранение персональных данных участников и пользователей, архивация этих данных. «Все то же, что делают с ними и сейчас: используют для рекламы, продают банкам и иным лицам. Не зря же Facebook (теперь уже Meta), так любящая собирать персональные данные, решила выбрать для себя метавселенные основным направлением деятельности»⁴.

Заключение и выводы

Метавселенная в перспективе — это объединение виртуальных пространств. Трёхмерный интернет — это часть пространственного бытия, в которой человек может уйти от реальности с помощью электронного гаджета (очки, шлем), но такой побег может спровоцировать неконтролируемое поведение, безнаказанность. Пояснения участников

³ Ершов О. Добро пожаловать в «Матрицу»: юристы рассказали про право метавселенных // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/238960/> (дата обращения: 12.11.2023).

⁴ Метавселенная под контролем: как Китай строит свою Chinaverse.

общения внутри метавселенной, что это просто VR-чат с 3D-аватарами, не является обоснованным и аргументированным, поскольку управляет аватаром конкретный живой человек¹.

Все вышеназванные проблемы потребуют поправок, в частности в закон о рекламе, обновления правил работы СМИ и корректировки других сфер информационного законодательства. Возможно, будут установлены требования к внутренним правилам метавселенных.

Вероятно, метавселенные будут приравнены к азартным играм, либо будут подпадать под схожее регулирование, либо же такое регулирование будет покрываться существующим законодательством в области регулирования рынка криптовалют.

Соответственно, могут появиться «операторы метавселенных» и отдельные требования

к ним, а сама их деятельность может стать лицензируемой². Первое время не будет отдельных правил, метавселенные и их деятельность будут регулироваться на базе уже существующих законов и разъяснений регулирующих органов, которые будут появляться по мере развития метавселенных.

Если говорить про метавселенные с криптой, то к ним, в первую очередь, будет применен Федеральный закон о цифровых финансовых активах. В остальной части они будут регулироваться нормами Гражданского кодекса, Федеральных законов об информации и информационных системах и о персональных данных.

Необходимо рассмотреть новые виды правонарушений: причинение ущерба в рамках метавселенной; причинение вреда цифровому имуществу, репутации.

¹ Метавселенная под контролем: как Китай строит свою Chinaverse.

² Гопка А. Следующая версия интернета: как изменится жизнь в метавселенной.

Список источников

1. Измайлова А. А. Метавселенная как новая экономическая система // *Modern Economy Success*. 2021. № 6. С. 175–179.
2. Медведев А. И. Правовые отношения в пространстве виртуальных игровых миров: проблемы теории и практики // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2018. № 2 (31). С. 139–150.
3. Овчинников А. И., Ширинский П. И. Метавселенные и право: вызовы новых технологий в условиях дальнейшего развития интернета // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2023. Т. 10, № 2. С. 27–34. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-2-4
4. Майоров А. В. Влияет ли цифровизация на виктимизацию в современном обществе? // *Виктимология*. 2022. Т. 9, № 2. С. 148–156. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19202 EDN: MLRFKH.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

Дата поступления статьи / Received: 13.11.2023.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.11.2023.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ДЕТОРОЖДЕНИЮ И ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ПЕРЕДАЧА ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОДЕРЖАНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ «ГЕНОЦИД»

Марта Константиновна Григорьева

*Эксперт по международным отношениям ООО «Севергрупп», Москва, Россия
talakina.marta@gmail.com*

Аннотация. В статье представлен уголовно-правовой анализ действий, входящих в объективную сторону преступления геноцид, включающих насильственное воспрепятствование деторождению и принудительную передачу детей. Выделена проблематика, связанная с отсутствием в международных актах указания на насилие при воспрепятствовании деторождению, в отличие от отечественного уголовного закона. Констатируется, что опасность проявления геноцида, выраженного в принудительной передаче детей, состоит в том, что, воспитываясь в другой демографической среде, с другой культурой и традициями, ребенок утрачивает связь со своими корнями, с особенностями своей национальной или этнической принадлежности. Акцентировано внимание, что особенностью данного признака является такое перемещение, которое производится не просто в другую местность или семью, но целенаправленно туда, где существует и находится иная, отличная от той, к которой принадлежит ребенок, национальная, этническая, расовая или религиозная группа. Указывается, что принудительное перемещение ребенка в специальные учреждения должно нести в себе стремление уничтожить культурные связи ребенка со своей демографической группой, т. е. в таких учреждениях должно пропагандироваться отличное, от присущего ребенка, представление о религии, традициях, культуре, национальностях и т. п.

Ключевые слова: геноцид, международные преступления, объективная сторона преступления, национальная группа, насильственное воспрепятствование деторождению, нация, принудительная передача детей

Для цитирования: Григорьева М. К. Насильственное воспрепятствование деторождению и принудительная передача детей в контексте содержания объективной стороны преступления «геноцид» // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 63–68. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-63-68

FORCED PREVENTION OF BIRTH AND FORCED TRANSFER OF CHILDREN IN THE CONTEXT OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME OF “GENOCIDE”

Marta K. Grigoryeva

*Expert on international relations of Severgroup LLC, Moscow, Russia
talakina.marta@gmail.com*

Abstract. The article presents a criminal law analysis of the actions included in the objective side of the crime of genocide, including the forcible obstruction of childbearing and the forced transfer of children. The problems associated with the absence in international acts of reference to violence in preventing childbearing, in contrast to the domestic criminal law, are highlighted. It is stated that the danger of manifestation of genocide, expressed in the forced transfer of children, lies in the fact that, being brought up in a different demographic environment, with a different culture and traditions, the child loses touch with his roots, with the peculiarities of his national or ethnic identity. It is emphasized that the peculiarity of this sign is such a movement that is made not just to another locality or family, but purposefully to where there exists and is different from the one to which the child belongs, national, ethnic, racial or religious group. It is pointed out that the forced transfer of a child to special institutions should carry the desire to destroy the child's cultural ties with their demographic group, i.e. in such institutions, an idea of religion, traditions, culture, nationalities, etc., different from the inherent child, should be promoted.

Keywords: genocide, international crimes, the objective side of the crime, national group, forcible prevention of childbearing, nation, forced transfer of children

For citation: Grigoryeva MK. Forced prevention of birth and forced transfer of children in the context of the objective side of the crime of “genocide”. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):63-68. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-63-68 (In Russ.)

Введение

Зарождение и развитие понятий о преступлениях, относящихся к геноциду, исторически происходило значительно позже самих деяний, совершаемых с целью полного или частичного уничтожения представителей национальных, расовых, этнических или религиозных групп. Постепенный подход к определению данных преступлений как геноцида произошел благодаря осознанию обществом бесчеловечного характера многих аспектов военных действий и признанию преступными отдельных наиболее жестоких методов ведения войны. Предотвращение последствий жестокого отношения к гражданскому населению во время войн становилось предметом правового регулирования национально-законодательства цивилизованных стран постепенно, под влиянием формировавшихся гуманистических идей и развивавшихся международных отношений.

Геноцид представляет собой сложносоставное преступление, которое складывается из разных деяний, преступных самих по себе:

убийства, истязания, унижение чести и достоинства личности, уничтожение имущества, причинение вреда здоровью [1, с. 409].

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы уголовно-правового регулирования ответственности за преступление геноцид, специальная литература по предмету исследования, материалы, размещенные в СМИ. В качестве специальных правовых частнонаучных исследовательских методов использованы: формально-юридический метод, метод правового прогнозирования, метод правовой герменевтики.

Описание исследования

Одним из деяний, составляющих объективную сторону геноцида, представляет собой насильственное воспрепятствование деторождению. В результате совершения таких деяний у членов расовой, национальной, этнической или религиозной группы отсутствует

возможность к воспроизведению, рождению детей и продолжению генетического существования такой группы.

В международном праве к таким действиям относят не только непосредственные насильственные действия, которые препятствуют физически продолжению рода, но и такие, как стерилизация, кастрация, прерывание беременности. Примером может служить решение международного трибунала по делу «Prosecutor v. A. Musema»¹, в котором отмечено, что к воспрепятствованию деторождению следует относить и такие насильственные действия, как кастрация и стерилизация, причем насилие может быть как физическим, так и психическим.

В отечественном законе такие действия подпадают под смысл причинения тяжкого вреда здоровью, в связи с чем возникает вопрос о том, как квалифицировать их — как причинение тяжкого вреда здоровью или же как насильственное воспрепятствование деторождению?

А. Г. Кибальник и И. Г. Соломоненко отмечают, что «к таким действиям не может относиться медицинское вмешательство с проведением соответствующих операций» [2, с. 98].

Е. Д. Ветошкина полагает, что «кастрация и стерилизация относятся к признаку причинения тяжкого вреда здоровью» [3, с. 72].

Г. Л. Москалев предлагает считать эти признаки «альтернативными и квалифицировать деяния, связанные со стерилизацией, кастрацией или прерыванием беременности как препятствование деторождению, а не причинение тяжкого вреда здоровью» [4, с. 84].

Разделяя подобный подход к толкованию рассматриваемых признаков, отметим, что в данной ситуации возникает конкуренция общей и специальной нормы. По общим правилам квалификации, при таком виде конкуренции предпочтение должно отдаваться специальной норме, которая по своему содержанию уточняет и конкретизирует общую [5, с. 119].

Таким образом, в случае установления факта насильственной кастрации, стерилизации или прерывания беременности содеянное следует квалифицировать как насильственное воспрепятствование деторождению.

Подтверждением этому является тот факт, что при проведении подобных процедур лицо теряет возможность к деторождению, теряет способность воспроизводить себе подобных, продолжать передачу генов той или иной

расы, национальности или этноса, что в результате приводит к их исчезновению, а следовательно, такая группа будет истреблена. Данные действия полностью подпадают под смысл геноцида и соответствуют тем целям, которые виновный ставит перед собой при проведении подобных манипуляций.

К насильственному воспрепятствованию деторождению относят также следующие деяния:

- недопущение заключения браков между людьми одной расы, этноса или национальности;
- недопущение совместного проживания лиц противоположного пола;
- недопущение контактов на сексуальной почве между такими людьми (таким способом активно пользовались в период Второй мировой войны в отношении евреев-узников концлагерей [6, с. 66]);
- медикаментозное подавление сексуальной функции и применение препаратов, снижающих половое влечение;
- принудительное использование контрацепции (в частности, в виде таблеток).

Здесь следует остановиться на таком признаке, как насильственность при воспрепятствовании деторождению. В международных актах указание на насилие при совершении таких действий отсутствует, в отличие от отечественного уголовного закона. История знает случаи, когда стерилизация женщин проводилась без применения насилия, однако путем обмана или злоупотребления доверием. Наиболее показательны в этом смысле действия, которые предпринимались в отношении индейских женщин в США в середине прошлого века и в Перу в 90-х годах.

В США женщин индейского происхождения убеждали в необходимости удаления матки при проведении других хирургических манипуляций (например, при удалении аппендицита). В результате таких действий пострадало более 20 тысяч женщин, рождаемость коренных американцев снизилась в рекордных количествах².

Подобная политика проводилась и в Перу в конце прошлого века под руководством президента Фухимори, который таким бесчеловечным способом решил бороться с бедностью. За время действия этой программы более 300 тысяч женщин было стерилизовано, причем 90 % из них — насильно. Некоторым

¹ Case No. ICTR9613T. 27 January 2000. § 158. URL: <http://unhcr.org/refworld/pdfid/48abd5791a.pdf> (дата обращения: 25.06.2023).

² Почему настоящий и самый большой холокост скрыт от общественности? Стерилизация индейцев... URL: <https://sorokovs.livejournal.com/574568.html> (дата обращения: 25.06.2023).

проводили стерилизацию под прикрытием другой операции, других убеждали, запугивали, шантажировали, большинство было подвергнуто вмешательству насильно¹.

Другим альтернативным деянием, входящим в объективную сторону геноцида, является принудительная передача детей. Опасность такого проявления геноцида состоит в том, что, воспитываясь в другой демографической среде, с другой культурой и традициями, ребенок утрачивает связь со своими корнями, с особенностями своей национальной или этнической принадлежности.

Международные нормы говорят о необходимости уважения прав детей, сохранения их индивидуальных свойств и особенностей, которые включают не только имя и личные данные, но и гражданство, связь с семьей. В соответствии с Конвенцией о правах ребенка, не допускается изъятие ребенка из семьи и разлучение с родителями². Исключение составляют случаи, когда семья или родители несут угрозу жизни и благополучию детей, однако решение о передаче ребенка в другую семью должно приниматься только судом.

Ребенок, переданный в другую демографическую среду, не теряет физических свойств, которые присущи ему от рождения, но в такой ситуации не происходит передача культурного наследия, правил и традиций, которые передаются между поколениями в той группе, из которой он изъят. Такой ребенок вырастает в иной культурной или религиозной среде, которую в итоге начинает воспринимать как свою и дальше уже передает ее своим потомкам.

Таким образом происходит уничтожение культурной и религиозной составляющей, которые определяют мышление ребенка, его поведение и отношение к миру [7, с. 59].

Законодатель прямо указывает на признак насилия при переселении детей, используя термин «принудительное», т. е. происходящее против воли потерпевшего и его близких. Потерпевшими в такой ситуации выступает сам ребенок, а также его родители либо законные представители, которые возражают против переселения ребенка.

¹ Как из-за решения одного человека более 300 000 женщин не смогли иметь детей. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/300319/42691/> ; Операция «Бесплодие» : документальный фильм. URL: <https://doc.rt.com/filmu/operaciya-besplodie/> (дата обращения: 25.06.2023)

² Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 25.06.2023).

Согласно действующему законодательству³, ребенком признается лицо, не достигшее возраста 18 лет.

Относительно возраста потерпевшего в литературе можно встретить мнения о том, что насильственная передача возможна только в отношении лиц, не достигших 16 лет [4, с. 79].

Полагаем, что при определении возраста потерпевшего следует исходить из общепринятых в отечественном законодательстве категорий, а снижение возраста лиц, которые могут быть принудительно переселены, приведет к снижению общественной опасности геноцида.

Истории известны случаи, когда перемещенные дети выросли в чужой для них среде и полностью перенимали традиции того места, куда их переместили. Такую практику проводили в Османской империи вплоть до 19 века, перевоза захваченных на Балканах детей. Славянские мальчики обращались в ислам и служили султану, становясь преданными его воинами [8, с. 432].

В Конвенции 1948 года перемещение детей обозначено признаком «насильственное». В литературе высказываются мнения о том, что такой подход связан с особенностями времени, в котором принимался этот нормативный акт [9, с. 17], поскольку введение в действие УК РФ 1996 года основывалось на более поздних уголовно-правовых исследованиях, которые и легли в основу законодательства нашей страны.

Еще одной особенностью рассматриваемого признака следует назвать то, что такое перемещение должно производиться не просто в другую местность или семью, но целенаправленно туда, где существует и находится иная, отличная от той, к которой принадлежит ребенок, национальная, этническая, расовая или религиозная группа. Если же ребенок перемещается в другую местность, в которой существуют те же традиции, признак геноцида отсутствует, поскольку в таком случае ребенок не утрачивает связь с правилами, традициями, культурой своих предков, соответственно, не теряет своей идентичности. Только в случае перемещения ребенка в иную демографическую среду, в которой он утратит индивидуальные признаки своей группы, можно говорить о геноциде, поскольку такое перемещение будет направлено именно на истребление национальной, этнической, расовой или религиозной группы.

³ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

В литературе можно встретить мнение о возможности передачи детей не в семьи, но в специальные учреждения, создаваемые для содержания детей [10, с. 876]. Здесь мы не видим противоречия с общими трактовками рассматриваемого признака, однако важно иметь в виду, что такое перемещение также должно нести в себе стремление уничтожить культурные связи ребенка со своей демографической группой, т. е. в таких учреждениях должно пропагандироваться отличное, от присущего ребенку, представление о религии, традициях, культуре, национальностях и т. п.

На наш взгляд, термин «принудительное» является более удачным, поскольку охватывает не только насильственные способы изъятия и перемещения детей, но и иные, в том числе психическое принуждение или издание нормативно-правовых актов, результатом применения которых является перемещение детей в иную среду. Это могут быть и не насильственные методы, но тем не менее совершаемые без согласия как самих детей, так и их законных представителей.

Результаты исследования и обсуждение

Воспрепятствование деторождению может происходить не только с применением насилия, но и путем обмана и злоупотребления доверием, когда членам какой-либо демографической группы внушается мысль о необходимости таких операций, как стерилизация, кастрация или прерывание беременности. Полагаем, что отечественное законодательство следует уточнить и исключить из диспозиции ст. 357 УК РФ указание на насильственный способ воспрепятствования деторождению.

Вызывают вопросы использование формулировки «детей» в множественном числе при описании действий по их принудительной передаче. Полагаем, что такая форма использована законодателем для того, чтобы подчеркнуть массовый характер, который свойственен геноциду, и при принудительном перемещении одного ребенка содеянное не должно квалифицироваться как геноцид. Однако, на наш взгляд, принижать значение жизни и дальнейшего развития одного ребенка по сравнению с большим количеством детей, не совсем правильно.

Заключение и вывод

Полагаем, что для квалификации перемещения детей как геноцида, необходимо конкретизировать, что дети передаются именно в другую социально-демографическую группу, которая отличается от той, к которой ребенок принадлежал ранее и в которой воспитывался. Это важно, поскольку в случае перемещения детей в ту же национальную, расовую, этническую или религиозную группу, не произойдет истребления группы, в которой дети находились и в связи с чем были перемещены.

На наш взгляд, даже при перемещении одного ребенка, если это сделано в целях дальнейшего уничтожения той группы, к которой он принадлежит, содеянное должно квалифицироваться как геноцид. Полагаем, что диспозиция статьи 357 УК РФ в этой части должна быть конкретизирована и сформулирована следующим образом: «принудительная передача одного или более лиц, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, в другую национальную, религиозную, расовую или этническую группу, либо в специализированное учреждение, принадлежащее другой группе».

Список источников

1. Васильев С. С. Особенности правового регулирования преступлений против мира и безопасности человечества // Экономика и социум. 2021. № 6 (85). С. 505–508.
2. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Преступления против мира и безопасности человечества = Crimes against peace and security of mankind. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 385 с.
3. Ветошкина Е. Д. Геноцид в российском и международном уголовном праве : учебное пособие / под ред. Л. А. Воскобитовой. Москва : ИНФРА-М, 2015. 128 с.
4. Москалев Г. Л. Уголовная ответственность за геноцид (статья 357 УК РФ) : монография. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. 187 с.
5. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. Москва : Юрист, 1999. 304 с.
6. Кошкарров И. И. Великая Отечественная война в цифрах и фактах, 1941–1945 гг. : [книга о войне]. Глазов : ГГПИ, 2013. 236 с.
7. Бобылов Ю. А. О биобезопасности населения России // Качественная клиническая практика. 2023. № 1. С. 55–65.
8. Бальфур, Джон Патрик. Османская империя: шесть столетий от возвышения до упадка, XIV–XX вв. Москва : Центрполиграф, сор. 2018. 638 с.

9. Гертель Е. Разграничение понятий «насилие» и «принуждение» в уголовном праве // Уголовное право. 2010. № 5. С. 17–19.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. проф. А. И. Рарог. Москва : Проспект, 2017. 910 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 07.09.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 14.09.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.152.9
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-69-77

С. 69–77

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Наталья Владимировна Драничникова

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
dr131nt@gmail.com*

Аннотация. Исследуются основные направления совершенствования института процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве, призванного отчасти компенсировать нагрузку на федеральный бюджет, в части межотраслевой унификации для формирования единой нормативной основы.

Решаемая задача. Несмотря на пристальное внимание законодателя и высших судебных инстанций к соответствующим нормам права, их системное толкование и применение все еще вызывает сложности, преодоление которых обуславливает необходимость углубленного и междисциплинарного анализа этого правового института. Доказано, что для правильного толкования и реализации норм о процессуальных издержках, расширения практики применения указанного института, а также минимизации судебных ошибок необходимо формирование единой нормативной основы регулирования правоотношений.

Методы исследования. Применены методы сравнительно-правовой, а также общие и специальные (анализ и синтез, логический, специально-юридический).

Заключение. Представлен вывод о том, что для формирования нормативного единства института процессуальных издержек необходимо законодательно закрепить правомочие суда на уменьшение размера процессуальных издержек, срок подачи заявления в суд о возмещении понесенных затрат, распространить для всех видов судебного процесса с учетом дифференциации механизмов возмещения и взыскания принципы распределения расходов, сформировать единые критерии определения размера для оплаты расходов на представителя.

Ключевые слова: институт процессуальных издержек, возмещение расходов, федеральный бюджет, единая нормативная основа

Для цитирования: Драничникова Н. В. Основные направления межотраслевого совершенствования института процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 69–77. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-69-77

Research article

THE MAIN DIRECTIONS OF INTERSECTORAL IMPROVEMENT OF THE INSTITUTE OF PROCEDURAL COSTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Natalya V. Dranichnikova*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
dr131nt@gmail.com*

Abstract. The main directions of improving the institution of procedural costs in criminal proceedings, designed to partially compensate for the burden on the federal budget, in terms of cross-sectoral unification for the formation of a unified regulatory framework, are investigated.

Solved problem. Despite the close attention of the legislator and the higher courts to the relevant norms of law, their systematic interpretation and application still causes difficulties, overcoming which necessitates an in-depth and interdisciplinary analysis of this legal institution. It is proved that for the correct interpretation and implementation of the rules on procedural costs, the expansion of the practice of using this institution, as well as the minimization of judicial errors, it is necessary to form a unified regulatory framework for regulating legal relations.

Research methods. The methods of comparative law, as well as general and special (analysis and synthesis, logical, special legal) are applied.

Conclusion. The conclusion is presented that in order to form the normative unity of the institution of procedural costs, it is necessary to legislate the court's authority to reduce the amount of procedural costs, the deadline for filing an application to the court for reimbursement of costs incurred, to extend the principles of cost allocation for all types of litigation, taking into account the differentiation of compensation and recovery mechanisms, to form uniform criteria for determining the amount for payment of expenses for representative.

Keywords: institute of procedural costs, reimbursement of expenses, federal budget, unified regulatory framework

For citation: Dranichnikova NV. The main directions of intersectoral improvement of the institute of procedural costs in criminal proceedings. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):69-77. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-69-77 (In Russ.)

Введение

При рассмотрении уголовных дел в судах общей юрисдикции возникают определенные финансовые затраты. Часть из них законом относится к категории процессуальные (судебные) издержки (расходы) и подлежит распределению в порядке, установленном законом. Процессуальные издержки являются одной из проблемных тем, вызывающей постоянные споры на различных уровнях, вплоть до позиций, высказанных разными судебными инстанциями. При всей важности данного института он остается недостаточно разработанным на законодательном и теоретическом уровнях, что и определяет необходимость его дальнейшего подробного анализа.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных направлений совершенствования института процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве

в части межотраслевой унификации для формирования единой нормативной основы.

Цель может быть достигнута при решении следующих задач: провести анализ уголовного, гражданского и арбитражного процессуального законодательства в части, регламентирующей процессуальные издержки и судебные расходы; обобщить и проанализировать правовые позиции высших судов по вопросам возмещения и взыскания процессуальных издержек и судебных расходов; проанализировать точки зрения ученых-процессуалистов по данному вопросу; на основе полученных результатов обосновать конкретные рекомендации по комплексному совершенствованию института процессуальных издержек.

Материалы

и методы исследования

В исследовании проанализированы правовые позиции Конституционного и Верховного

судов РФ, обзоры и обобщения судебной практики, научные источники по рассматриваемой теме.

В рамках настоящей статьи изучению подлежат основные проблемы правового регулирования комплексного института процессуальных издержек и вопросы его совершенствования. Методологической основой настоящего исследования являются такие методы, как сравнительно-правовой, а также общие и специальные (анализ, синтез, логический, специально-юридический).

Результаты исследования и их обсуждение

Правильное решение вопроса о распределении процессуальных издержек остается спорным в силу неполноты и недостаточной определенности законодательного регулирования, двусмысленности и несогласованности правовых норм, несмотря на разъяснения действующего Постановления Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42¹. Однако не все проблемные вопросы разрешены полностью, некоторые из них рассматриваются вновь². Суды различных уровней регулярно расходятся во мнениях правильности вынесенного решения по делу. Неоднозначная судебная практика, с одной стороны, негативно сказывается на возможности реализации судебной защиты, с другой — создает правовую неопределенность в регулировании соответствующих отношений, затрудняет единообразное толкование и реализацию норм о процессуальных издержках в уголовном судопроизводстве. Видимо, дело в глубине погружения в тему и ее практические проблемы.

Междисциплинарный анализ института процессуальных издержек представляет научный и практический интерес [4, с. 70]. А. Р. Шарипова считает, что «при очевидной близости институтов процессуальных издержек и судебных расходов исследователи исключают из рассмотрения уголовный процесс» [10, с. 107]. В связи с этим нас интересуют основания возмещения и взыскания расходов, принципы распределения, сопоставляемые с иными отраслями процессуального права в рамках судебного производства.

Некоторые проблемы применения и пути совершенствования комплексного института процессуальных издержек

О толковании закона

В ч. 1 ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее — УПК РФ) закреплена легальная дефиниция «процессуальные издержки», в которой не отражены отличительные особенности данных расходов. Предусмотренный законодателем перечень расходов является открытым и не раскрывает полностью их содержание. По этим причинам в доктрине уголовно-процессуального права выделяются различные подходы к рассматриваемой дефиниции. В контексте исследуемого вопроса привлекает внимание позиция Конституционного суда РФ, изложенная в определении № 1036-О-П⁴, в котором суд сформулировал свое понимание процессуальных издержек, включая необходимые и оправданные расходы, а также неполученные доходы, вознаграждения и выплаты, возникающие при производстве по уголовному делу. Пленум Верховного суда РФ, уточняя данное понятие, конкретизировал участников, которые могут предъявить требования для выплаты им компенсации⁵.

В различных отраслях процессуального права судебные расходы (издержки) определяются по итоговому результату. Перечни издержек, предусмотренных в процессуальных кодексах, не являются исчерпывающими, а основываются на определенных критериях. Как считает А. Д. Шанькин, к таким критериям, применяемым в гражданском и арбитражном процессе, следует отнести: «относимость расходов, допустимость расходов, действительность расходов, разумность понесенных расходов» [9, с. 13]. Данный подход считаем верным и целесообразным распространить на уголовное судопроизводство с учетом его особенностей. Предлагаем к критерияльным особенностям процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве отнести следующие: а) расходы, возникающие в сфере уголовно-процессуальных отношений имущественного характера; б) расходы, отличающиеся основанием возникновения — решением должностных лиц о признании

¹ О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам : постановление Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 № 42 // Российская газета. 2013. 27 декабря.

² О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.12.2022 № 38 // Российская газета. 2022. 28 декабря.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

⁴ Определение Конституционного суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1036-О-П // Вестник Конституционного суда РФ. 2009. № 2.

⁵ П. 1 Постановления Пленума Верховного суда от 19 декабря 2013 г. № 42 // Российская газета. 2013. 27 дек.

их процессуальными издержками; в) расходы, включенные в перечень, имеющий открытый характер; г) расходы, отличающиеся порядком распределения, входящим в компетенцию суда; д) расходы, характеризующиеся размером, влияющим на доступность правосудия.

*Об унификации положений
о возмещении (взыскании) расходов*

Процессуальные (судебные) издержки (расходы), с одной стороны, позволяют своевременно рассмотреть и разрешить уголовное дело, с другой — носят превентивный характер. Процессуальные кодексы¹ (далее — АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ) закрепляют принцип, что понесенные выигравшей стороной спора денежные затраты возмещаются проигравшей стороной в полном размере.

К субъектам, которые имеют право на возмещение судебных расходов относятся стороны, включая третьих лиц и заинтересованных лиц в административном деле (ст. 94 ГПК РФ, ст. 106 АПК РФ, ст. 106 КАС РФ) процессуальных издержек — потерпевшие, его представители, свидетели, адвокаты, понятые, эксперты, специалисты, переводчики, временно отстраненные от должности, лица, которым передано на хранение имущество подозреваемого, обвиняемого, лица, осуществляющие хранение, пересылку, перевозку вещественных доказательств по уголовным делам и др. (ст. 131, 132 УПК РФ). Общими являются расходы, подлежащие выплате свидетелям, переводчикам, экспертам, специалистам, представителям, оказывающим юридическую помощь, а также транспортные расходы и расходы, связанные с проживанием для участия в судебных заседаниях.

Уголовный процесс отличается от гражданского и административного порядка тем, что в ходе досудебного производства уполномоченными лицами решается вопрос о выплате процессуальных издержек. Возмещение расходов осуществляется за счет бюджета государства, а не стороной, которая проиграла спор.

К общим положениям, которые являются едиными для различных видов судопроизводства, относятся следующие: а) суд может освободить от возмещения расходов в связи

с имущественным положением (ч. 1 ст. 96 ГПК РФ, ч. 6 ст. 132 УПК РФ); б) суд на любой стадии гражданского процесса может вынести определение о возмещении издержек (ст. 224 ГПК РФ), в уголовном судопроизводстве положения ст. 131, 132 УПК РФ применимы ко всем стадиям процесса; в) в гражданском процессе обязанность по оплате проведения судебной экспертизы возлагается на стороны только в случае заявления ими ходатайства о ее назначении. Подобное положение содержится в уголовном процессе, когда суммы, израсходованные участниками судопроизводства, например потерпевшим, на производство экспертизы, не возмещаются в порядке, предусмотренном ст. 132 УПК РФ²; г) в административном судопроизводстве эксперту выплачивается вознаграждение за выполненную работу (проведение экспертизы и дача заключения по вопросам, поставленным перед экспертом) (ч. 1 ст. 49 КАС РФ). Схожее положение применимо и к уголовному судопроизводству (п. 4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ).

Арбитражное и гражданское процессуальное законодательство предусматривает положение о том, что расходы на оказание квалифицированной юридической помощи адвокатом относятся к вопросам, подлежащим рассмотрению судом при вынесении решения по делу. Если суд не разрешил вопрос о возмещении расходов, то обязан вынести дополнительное решение (ст. 201 ГПК РФ). Положениями ст. 112 АПК РФ предусмотрена возможность разрешения вопроса о распределении судебных расходов как при принятии решения по существу рассматриваемого спора, так и путем вынесения по данному вопросу самостоятельного определения на основании заявления, поданного участвующим в деле лицом.

Уголовно-процессуальное законодательство содержит подобное положение, которое О. Н. Ярошенко выделяет среди важных уголовно-процессуальных аспектов [12, с. 46]. В ходе принятия решения о распределении процессуальных издержек суд оценивает обстоятельства уголовного дела для установления основания и условия применения взыскания процессуальных издержек, а при их отсутствии — возмещение за счет средств федерального бюджета. Разрешение вопроса о возмещении процессуальных издержек возможно, если заявление защитника (адвоката) поступило после провозглашения приговора

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : от 24 июля 2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012 ; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 ; Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : от 8 марта 2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

² Постановление Президиума Тверского областного суда от 26 февраля 2018 г. по делу № 44-у-14/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mCb0tre8PYWO/> (дата обращения: 15.07.2023).

(постановления). Если заявление поступило после вступления приговора в законную силу — не позднее 14 суток до дня судебного заседания стороны должны быть извещены, а если после провозглашения приговора — стороны должны быть извещены в срок, который достаточен для подготовки к судебному заседанию.

*О единых принципах
распределения расходов*

Распределение применительно к решению о судебных расходах, с одной стороны, используется законодателем как обобщающее¹, с другой — применяется при самостоятельном разрешении указанного вопроса участвующими в деле лицами². В ч. 1 ст. 98 ГПК РФ определено общее правило, согласно которому расходы возмещаются той стороне, в пользу которой состоялось решение суда. Распределение судебных расходов между сторонами является способом взыскания убытков. Такое взыскание израсходованных сумм осуществляется в рамках искового производства³. Возмещение процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве имеет более сложный характер: не напрямую с проигравшей стороны (ответчика) — осуждённого, а сначала с государства.

При заключении мирового соглашения судебные расходы распределяются с его условиями. Стороны вправе самостоятельно их распределять между собой (ст. 140 АПК РФ, ст. 101 ГПК РФ, ст. 113 КАС РФ). Согласимся с мнением А. Р. Шариповой о распространении данного принципа распределения при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон [11, с. 180]. Такой подход будет способствовать разрешению проблемных вопросов, связанных с взысканием расходов, а также единообразному применению принципа распределения расходов для разных видов судопроизводства.

*О единых критериях
определения размера
вознаграждения представителю*

Расходы на оплату услуг представителя потерпевшей стороны являются общими для всех видов судопроизводства. В УПК РФ данные расходы именуются как «суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего». Правовая

¹ См.: названия ст. 110 АПК РФ, ст. 98 ГПК РФ, ст. 111 КАС РФ.

² См.: ч. 4 ст. 110 АПК РФ, ч. 2 ст. 101 ГПК РФ.

³ Определение Конституционного суда РФ от 29 сентября 2011 г. № 1150-О-О. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29092011-n-1150-o-o-ob/> (дата обращения: 15.04.2023).

позиция Конституционного суда РФ состоит в том, что возмещаются эти расходы как вынужденно понесенные убытки⁴. В более раннем Определении от 20 февраля 2002 г. № 22-О Конституционный суд РФ признает, что взыскание убытков в порядке, предусмотренном ст. 15, 16, 1069 ГК РФ, может быть использован, в том числе и для возмещения расходов на представительство интересов в суде и на оказание юридических услуг⁵.

Доказать понесенные расходы, связанные с оплатой услуг представителя, возможно совокупностью фактов, подтверждаемых соглашением сторон об оказании юридических услуг, документом, в котором зафиксировано выполнение услуг, документом, удостоверяющим передачу заказчиком денежных средств исполнителю услуг и др. Пленум Верховного суда РФ, высказывая свою позицию по данному вопросу, отметил, что недоказанность обстоятельств несения расходов, отсутствие связи между издержками и конкретным делом являются основанием для отказа в возмещении израсходованных денежных сумм⁶.

В литературе выделяются разные критерии для обоснования размера судебных расходов, подлежащих взысканию: время, необходимое для подготовки процессуальных документов, стоимость сходных или аналогичных услуг, объем проделанной представителем работы, сложность, категория дела, продолжительность рассмотрения дела и т. д. [1, с. 55]. Однако не упоминаются такие, как экономность, минимальность и нормируемость судебных издержек [8, с. 30]. Как справедливо отмечают Р. Ю. Матюшенко и М. А. Филатова, «законодатель находится в поиске критериев оптимизации сумм возмещаемых расходов» [6, с. 164], поэтому применимы различные критерии.

Анализ судебной практики показал, что при возмещении расходов на оплату услуг представителя судами не признавались обоснованными заявленные суммы. Так, при снижении размера суммы, подлежащей возмещению для оплаты услуг представителя,

⁴ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 13 мая 2021 № 18-П // Российская газета. 2021. 28 мая.

⁵ П. 2 определения Конституционного суда РФ от 20 февраля 2002 г. № 22-О «По жалобе открытого акционерного общества „Большевик“ на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Экономика и жизнь. 2002. № 16.

⁶ П. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 21 января 2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Российская газета. 2016. 01 мар.

суды учитывали объем заявленных требований, цену иска, сложность дела, объем услуг, оказанных представителем, время, в течение которого необходимо для подготовки представителем процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и др.¹ Категория разумности применяется только к расходам на оплату услуг представителя. Однако в уголовном судопроизводстве не определены критерии исчисления сумм с учетом разумности [2, с. 62], поэтому суды основываются на собственном усмотрении [3, с. 200], которое реализуется в следующих направлениях: 1) определение процессуальных действий, совершенных представителем, участвующем в деле; 2) определение разумного размера суммы расходов, подлежащих взысканию [5, с. 128–129].

В гражданском процессе законодателем решен вопрос, касающийся снижения размера взыскиваемых расходов на представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек носит неразумный (чрезмерный) характер. Как отмечается в литературе, по инициативе суда снижение расходов должно осуществляться в исключительных случаях, в основном — должно решаться с учетом принципа состязательности [7, с. 24]. Критерием принятия решения о присуждении расходов на оплату услуг представителя является вывод суда о правомерности или неправомерности требования, заявленного истцом². Суд вправе отказать в части взыскания представительских расходов с ответчика, если истцом не будут представлены подтверждающие сведения³, при этом договор об оказании юридических услуг не подтверждает передачу денежных средств на оплату услуг представителей⁴.

В УПК РФ нет норм, допускающих снижение расходов на представителя. Стоимость его услуг определяется только договором.

¹ Справка по результатам изучения судебной практики о взыскании судами Мурманской области судебных расходов по гражданским делам. URL: <http://oblsud.mrgm.sudrf.ru/modules.php?name=auction&rid=9> (дата обращения: 12.07.2023).

² Определение Конституционного суда РФ от 19.01.2010 № 88-О-О // Вестник Конституционного суда РФ. 2010. № 4. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=98345&dst=100001#igg0luT2vеEGHoyO1> (дата обращения: 12.07.2023).

³ Решение Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 19 декабря 2022 г. по делу № 2-6597/22. URL: <https://судебныерешения.рф/73043237?ysclid=loenkq56ml809861618> (дата обращения: 12.07.2023).

⁴ Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края от 15 декабря 2022 г. по делу № 2-2366/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/A8R4Owd4FPJ5/?ysclid=loeo4tljwf791640131> (дата обращения: 12.07.2023).

Верховный суд РФ разъясняет, что при определении стоимости услуг необходимо руководствоваться такими критериями, как необходимость и оправданность при определении размера процессуальных издержек на оплату услуг представителя потерпевшего. Данные критерии определения суммы, подлежащей взысканию, содержательно никак не раскрыты. В этом проявляется несоответствие уголовного процесса с отраслями частного права.

В правоприменительной практике встречаются приговоры, в которых суд обосновывает снижение сумм, предъявляемых к возмещению. При этом указывается, что: 1) разрешение вопроса происходит на основании документов, представленных потерпевшим, затраченного времени представителем потерпевшего, сложности уголовного дела, его объема, количества подозреваемых (обвиняемых) и инкриминируемых деяний по предъявленному обвинению и иных обстоятельств⁵; 2) взыскание суммы на оплату услуг представителя не признается необходимым и оправданным, так как данная категория дел отнесена к небольшой тяжести, не представляет особой сложности, состоит из двух томов⁶; 3) снижение размера расходов на представителя судом мотивируется тем, что расходы не являются оправданными (небольшой объем уголовного дела (один том), отсутствие сложности в рассмотрении дела, незначительный объем работы)⁷.

Таким образом, изменить ситуацию в данном вопросе возможно только внесением изменений в УПК РФ. Законодателю следует закрепить право суда на снижение по аналогии с ГПК РФ и АПК РФ взыскиваемых расходов на представителя, тогда требования необходимости и оправданности расходов стали бы закономерными и действующими на практике.

О единых требованиях к сроку подачи заявления о возмещении расходов

В арбитражном, гражданском и административном процессах⁸ заявление о понесенных расходах в судах первой, апелляционной, кассационной инстанций, в порядке надзора

⁵ Постановление Астраханского областного суда № 22-1638/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 1-153/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/P9exUsg1iKWw/> (дата обращения: 17.11.2022).

⁶ Постановление Краснофлотского районного суда г. Хабаровска № 10-7/2017 от 07 июня 2017 г. по делу № 10-7/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1WCkLX6rNpY4/> (дата обращения: 12.07.2023).

⁷ Апелляционное постановление Волжского городского суда Республики Марий Эл от 14 февраля 2018 г. по делу № 10-4/18. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EzxXrO6cEmLu/> (дата обращения: 12.07.2023).

⁸ Статьи: 103.1 ГПК РФ, 112 АПК РФ, 114.1 КАС РФ.

подается в суд первой инстанции в течение трех месяцев со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, которым закончилось рассмотрение дела¹. Таким актом следует считать решение суда первой инстанции или постановление суда апелляционной инстанции, если соответствующий судебный акт не был предметом рассмотрения суда вышестоящей инстанции, либо постановление суда кассационной инстанции, принятое по результатам рассмотрения жалобы на такие судебные акты². Так, если решение суда первой инстанции не обжаловалось и вступило в законную силу, то оно будет последним судебным актом, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу; если решение обжаловано в суд апелляционной инстанции — апелляционное определение; если обжаловано в суд кассационной инстанции — определение кассационного суда. В случае, если лицо обращалось в суд с апелляционной или кассационной жалобой, то в целях взыскания с такого лица судебных расходов последним судебным актом будет являться также определение суда апелляционной, кассационной инстанции о прекращении производства по жалобе.

Представляется, что такой подход следует применять и при исчислении срока подачи заявлений по вопросу о судебных расходах в суды общей юрисдикции. УПК РФ не регламентирует данное требование. В связи с этим представляется, что верным будет распространение аналогии на закрепление сроков подачи заявления о возмещении процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве. Для устранения пробела правового регулирования предлагается постановление Пленума ВС РФ № 42 дополнить отдельным пунктом следующего содержания: «В течение трех месяцев со дня вступления в законную силу приговора или иного судебного решения расходы могут быть возмещены судом, рассматривавшим дело в качестве первой инстанции» (авт.).

Необходимо также предусмотреть и пропуск установленного срока и закрепить правило, касающееся его восстановления

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28 ноября 2018 № 451-ФЗ // Российская газета. 2018. 04 дек.

² П. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения АПК РФ в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ „О внесении изменений в АПК РФ“» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=218873&dst=100001#mj8xfuTyWuoFUriD1> (дата обращения: 17.07.2023).

и разрешения вопроса о понесенных расходах: «При пропуске установленного срока вопрос о процессуальных издержках подлежит рассмотрению при заявлении ходатайства о его восстановлении» (авт.).

Таким образом, в каждом конкретном случае следует оценивать начало течения срока для подачи заявления о возмещении судебных расходов, исходя из реализованных сторонами стадий обжалования судебных актов.

Издержки, понесенные сторонами в связи с рассмотрением судом вопроса о распределении судебных расходов по делу, подлежат разрешению в том же порядке и по тем же правилам, что и издержки, связанные с рассмотрением дела по существу. Соответственно, право на возмещение издержек, связанных с рассмотрением заявления о возмещении судебных расходов, может быть реализовано только при рассмотрении заявления о взыскании судебных расходов по делу.

Результаты исследования

В настоящее время имеется ряд теоретических и правоприменительных проблем института процессуальных (судебных) издержек(расходов), поэтому необходимы универсальные правила возмещения расходов, которые соответствуют определенным критериальным особенностям. К таким в уголовном судопроизводстве относятся: а) расходы, возникающие в сфере уголовно-процессуальных отношений имущественного характера; б) расходы, отличающиеся основанием возникновения — решением должностных лиц о признании их процессуальными издержками; в) расходы, включенные в перечень, имеющих открытый характер; г) расходы, отличающиеся порядком распределения, входящим в компетенцию суда; д) расходы, характеризующиеся размером, влияющим на доступность правосудия.

Итоги проведенного исследования позволили выделить следующие единые правила возмещения расходов для всех видов судопроизводства: 1) расходы, подлежащие возмещению: суммы, подлежащие выплате свидетелям, переводчикам, экспертам, специалистам, представителям, оказывающим юридическую помощь, транспортные расходы и расходы, связанные с проживанием для участия в судебных заседаниях; 2) перечни издержек, предусмотренных законом, не являются исчерпывающими, а основываются на определенных критериях; 3) положения о процессуальных (судебных) издержках применимы ко всем стадиям процесса; 4) распределение расходов и определение их размера подлежит

рассмотрению судом при вынесении итогового решения по делу; 5) освобождение от взыскания расходов в связи с имущественным положением.

Для единообразного применения принципа распределения расходов для разных видов судебного процесса необходимо предоставить сторонам возможность самостоятельно их распределять, в частности, при прекращении дела примирением сторон.

В связи с тем, что критерии обоснования размера возмещения расходов законодателем не определены, то применимы выработанные судебной практикой, которая на сегодняшний день находится в стадии становления, формирует признаки критерия разумности: сложность дела, длительность судебного разбирательства, оправданность (необходимость) расходов, обоснованность (экономность) при выборе способа осуществления тех или иных действий (транспортные услуги, проживание в гостинице, стоимость юридических услуг и др.). В уголовно-процессуальном законодательстве нет понятия «разумные пределы», а также не определены их критерии. Этот пробел правоприменительная практика восполняет через указание «неоправданность» расходов или «соразмерность» стоимости оказанных юридических услуг¹. Правильным было бы закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве права суда определять размер вознаграждения на юридическую помощь в разумных пределах, что позволит сэкономить средства бюджета государства.

УПК РФ не регламентирует право на обращение с заявлением о возмещении расходов в отличие от гражданского, арбитражного и административного процессов. Необходимо

распространение аналогии на закрепление сроков подачи заявления в уголовном процессе.

Заклучение и вывод

В связи с неоднозначным толкованием положений о процессуальных издержках в уголовном судопроизводстве, недостаточной нормативной разработанностью, невозможностью увеличения практики возмещения и взыскания понесенных затрат, необходимы законодательные корректировки и разъяснения Пленума Верховного суда РФ по формированию единой нормативной основы регулирования правоотношений института процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве. Итоги проведенного исследования позволяют предложить в качестве актуальных такие из них, как:

— следует закрепить право суда на снижение по аналогии с ГПК РФ и АПК РФ взыскиваемых расходов на представителя, тогда требования необходимости и оправданности расходов стали бы закономерными и действующими на практике;

— распространить по аналогии с ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ сроки подачи заявления о возмещении процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве. Для устранения пробела правового регулирования предлагается постановление Пленума ВС РФ № 42 дополнить отдельным пунктом следующего содержания: «В течение трех месяцев со дня вступления в законную силу приговора или иного судебного решения расходы могут быть возмещены судом, рассматривавшим дело в качестве первой инстанции»;

— предусмотреть пропуск установленного срока и закрепить правило, касающееся его восстановления и разрешения вопроса о понесенных расходах: «При пропуске установленного срока вопрос о процессуальных издержках подлежит рассмотрению при заявлении ходатайства о его восстановлении».

¹ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Марий Эл от 10 июня 2020 г. по делу № 22-387/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fctUREGxhlJS/> (дата обращения: 10.07.2023).

Список источников

1. Алексеева Л. В., Семенова Ю. В. Влияние судебной практики на разрешение судами вопросов взыскания судебных расходов на оплату услуг представителя // Судья. 2021. № 11 (131). С. 52–57.
2. Драничникова Н. В. О проблеме возмещения процессуальных издержек в связи с участием представителя в обеспечении прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Виктимология. 2019. № 2 (20). С. 58–62.
3. Драничникова Н. В. Роль судейского усмотрения при возмещении процессуальных издержек как расходов, связанных с оплатой труда представителю потерпевшего // Виктимология. 2022. № 2. С. 197–203.
4. Емельянов К. Н. Процессуальные издержки в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. 187 с.
5. Корнилова А. В. О некоторых аспектах судейского усмотрения в процессе распределения расходов на оплату услуг представителя // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 2. С. 125–130.

6. Матюшенков Р. Ю., Филатова М. А. Неразумная разумность или вынужденные убытки (еще раз о возмещении судебных расходов на оплату услуг представителя) // Закон. 2019. № 12. С. 156–165.

7. Опалев Р. О. Совершенствование института судебных расходов в целях оптимизации судопроизводства в арбитражных судах и судах общей юрисдикции // Российское правосудие. 2015. № 1 (105). С. 20–29.

8. Пепеляев С. Г. Подходы к раскрытию понятия «разумные пределы расходов» на представительство в суде // Судья. 2016. № 8. С. 27–32.

9. Шанькин Д. А. Критерии отнесения расходов, понесенных по делу, к категории судебных издержек // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 2. С. 10–14.

10. Шарипова А. Р. Уголовно-процессуальные издержки и судебные расходы в гражданском, арбитражном и административном процессах: применимые аналогии // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 2. С. 106–120.

11. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 503 с.

12. Ярошенко О. Н. Уголовно-процессуальные аспекты, характеризующие порядок и размер возмещения процессуальных издержек // Судья. 2023. № 8. С. 43–49.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.11.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 24.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-78-82

С. 78–82

ТЕХНОЛОГИИ ДОКАЗЫВАНИЯ УЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сергей Васильевич Зуев

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
zuevsergej@inbox.ru

Аннотация. Данная работа посвящена вопросам доказывания участия в преступлении. Предметом исследования являются предметы как объекты, влияющие на принятие решений по делу. Выделяются их свойства, а также просматриваются изменения в их значении на протяжении развития общества и государства. Предметы преступления, участники процесса, документы, электронные сообщения становятся в один ряд, когда имеют процессуальное значение. Всё зависит от принятых в конкретный исторический момент правил доказывания.

Автор раскрывает смысл таких категорий, как «технологии», «производство» применительно к современному уголовному процессу. Обосновывается и выделяются виды технологий доказывания в уголовном процессе: личное доказывание в устной форме; производство по уголовным делам по бумажным документам; электронное (цифровое) доказывание. При этом утверждается, что могут быть переходные периоды, связанные со сменой технологий доказывания. Высказана авторская позиция относительно использования алгоритмов и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Результаты применения цифровых технологий должны иметь рекомендательный характер и не подменять человеческий факт при принятии окончательных решений.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, преступление, технологии, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Зуев С. В. Технологии доказывания участия в преступлении: история развития и перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 78–82. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-78-82

Research article

TECHNOLOGIES OF PROVING PARTICIPATION IN A CRIME: HISTORY OF DEVELOPMENT AND PROSPECTS

Sergey V. Zuev

South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
zuevsergej@inbox.ru

Abstract. This work is devoted to the issues of proving participation in a crime. The subject of the study is objects as objects affecting the decision-making in the case. Their properties are highlighted, and changes in their meaning during the development of society and the state are viewed. Subjects of crime, participants in the process, documents, electronic communications become one when they have a procedural meaning. Everything depends on the rules of evidence adopted at a particular historical moment.

The author reveals the meaning of such categories as “technology”, “production” in relation to modern criminal procedure. It is substantiated and allocated types of technologies of proving in criminal proceedings: personal proving in oral form; criminal proceedings on paper documents; electronic (digital) proving. It is argued that there may be transitional periods associated with the change of technology of proof. The author’s position on the use of algorithms and artificial intelligence in

criminal proceedings is expressed. The results of digital technology should have a recommendatory character and not replace the human facts in making final decisions.

Keywords: criminal procedure, evidence, crime, technology, criminal procedure

For citation: Zuev SV. Technologies of proving participation in a crime: history of development and prospects. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):78-82. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-78-82 (In Russ.)

Введение

Уголовный процесс во многом определяется меняющимися формами доказывания участия лиц в преступлении. Анализ литературы и изучение судебно-следственной практики позволяет выделить несколько отличительных особенностей в доказывании в разные пространственно-временные отрезки развития общества и государств. Отдельные авторы выделяют типы уголовного процесса, каждому из которых приписывают соответствующую систему доказывания.

Так, выделяется: 1) формальная, или легальная, теория доказательств [16, с. 209] или теория формальных доказательств [7, с. 419]; 2) теория свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению; 3) англо-саксонская теория доказательств; 4) российская теория доказательств [11, с. 140].

Однако в данном случае не в полной мере учитываются исторические особенности, используемые технологии доказывания, а также физические свойства предметов и объектов, влияющие на убедительность при принятии решений к виновным в преступлении. Убедительность для суда и граждан, членов общин и старейшин в историческом прошлом становится «краеугольным камнем» в доказывании.

Описание исследования

Все объекты, попадающие в сферу внимания суда можно поделить на живые и неживые. И те, и другие обладают значимыми для разрешения дела свойствами. Это само их наличие, у живых — способность свидетельствовать, владеть ораторским искусством. Для неживых объектов важным всегда было их представление суду. На них должны были оставаться следы преступления. Объектами выступали орудия преступления, затем документы, позже и сами уголовные дела. Со временем некоторые признаки объектов утрачивают какое-то свойство, на смену приходят другие. Так, обязательное присутствие в суде физического лица «обрастает» различными исключениями, материальное меняется на виртуальное. Объекты становятся носителями переносимой информации и не всегда сохраняют свою исключительность. Рассмотрим все в историческом срезе.

Результаты исследования, обсуждение

Известно, что в основе родового первобытного строя лежал обычай. Наиболее важные вопросы решали старейшины. В суде как таковом не было необходимости. Дальнейшее социальное расслоение общества, появление рабовладения, разделение труда привело к появлению новых форм разрешения конфликтов. Каждый поступок члена родовой общины становился всем известным фактом. Карательная власть сосредотачивалась в руках народного собрания. Широко применялись *поединки, ордалии, свидетельствования под присягой, пытки* [2, с. 70–74]. Обычай, то есть так, как было принято, оставался центральным элементом доказывания участия виновного в преступлении и исполнения наказания. При этом решающим фактором было присутствие жалобщика, обидчика и свидетелей на собрании. Этот признак живого объекта будет оставаться определяющим на протяжении длительного времени, актуален он и сейчас.

Период становления государственности «характеризуется двумя особенностями: сохранением старых, архаических форм разрешения конфликтов (решение тяжб в народном собрании, ареопаге, поединков, ордалии, присяга) и появлением суда как специального органа государственной власти, не связанного со старыми родовыми институтами» [17, с. 83].

Далее, идет период применения *формального доказывания*, сущность которого заключалась в том, что для того, чтобы признать человека виновным в совершении преступления суд должен собрать определенный набор фактов. Доказательства имели заранее установленную силу. Считается, что теория формальных доказательств берет свое начало в инквизиционном (розыскном) процессе. Формальная сила доказательств признавалась в ряде европейских стран до 19 века. Со времен Русской правды для доказывания вины по уголовным делам не применялись ордалии — институт обычного права, способ формального доказывания виновности/невиновности обвиняемого [12, с. 306].

При этом надо отметить, что формальные средства доказывания до конца не изжили себя и в настоящее время. Среди них презумпции,

общеизвестные факты, юридические фикции, субституции, ноторные факты и преюдиции. Причем каждое из этих средств, в свою очередь, содержит более подробную типологию [13].

Процесс доказывания постоянно совершенствовался. В основу этого легли принципы, то есть основополагающие идеи, среди которых состязательность и равноправие сторон [6, с. 273]. Доказывание становилось *процессуальным*. В центре внимания оказываются официальные документы, правила приобщения к делу вещественных доказательств, а также ведение самого уголовного дела. Эти неживые объекты приобретают все большее значение для разрешения уголовного конфликта.

И. Я. Фойницкий в 1912 году писал: «право наказания создает для государства право на деятельность, имеющую задачей осуществление карательной власти в каждом отдельном случае. Каждый такой отдельный случай... образует уголовное дело, а установленный для рассмотрения таких дел порядок разбора называется уголовным процессом или уголовным судопроизводством» [15, с. 6].

Уголовное дело представляет из себя производство следственных и судебных действий, направленных на получение доказательств, а также принятие процессуальных решений, связанных с ограничением свободы подозреваемого (обвиняемого), возмещением вреда, обеспечением явки в суд и т. д. Документы в бумажном виде: протоколов и другие акты, составленные лицом, в производстве которого находится уголовное дело, становятся процессуальными.

Процессуальные документы — это письменные акты, составленные субъектом расследования в целях фиксации обнаруженной информации об обстоятельствах, указанных в ст. 73 УПК РФ, а также принятия решений по уголовному делу. В документах могут отражаться действия и решения должностных лиц [16, с. 214].

Порядок их составления возводится в ранг закона. Принимаются уголовно-процессуальные кодексы, подробно регламентирующие производство по уголовным делам. Законы также становятся материальными объектами, так как письменность позволила сохранять установленные правила на бумажных носителях, позволяя длительный срок ими пользоваться.

Известно, что письменность на Руси появилась в 988 году, до этого, как и в других местах, городах и странах, приоритетной была устная форма представления доказательств.

Широкое внедрение цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности человека позволило говорить об *электронном документообороте в доказывании*. Новый этап в развитии института доказывания стал характеризоваться появлением доказательств в электронном виде. Применение программного обеспечения позволило представителям государственным органам получать и фиксировать электронные заявления о преступлениях, принимать жалобы и ходатайства в электронном виде, пользоваться электронной подписью, дистанционно проводить следственные действия, осуществлять контроль и надзор за соблюдением процессуальных сроков, а также принятием процессуальных решений по делу в дистанционном режиме, оценивать эффективность организации преследования преступлений по цифровым показателям и т. п.

Условно можно говорить об «электронных доказательствах». К последним юристы относят: 1) электронные документы и иные документы в электронной форме; 2) цифровые аудио- и видеозапись, фотоизображение; 3) информацию интернет-порталов публичных органов и организаций; 4) информацию в СМИ; 5) электронные копии (образ) документа; 6) электронные сообщения; 7) SMS-сообщения, бизнес-мессенджеры и социальные сети, 8) цифровой отпечаток сайта (веб-архивы) и др.

Цифровая фиксация следственных и судебных действий меняет восприятие доказательств и всего процесса доказывания. Объекты цифрового мира влияют на принятие решений по уголовным делам наравне с доказательствами в бумажном виде, а также показаниями, данные непосредственно в суде в ходе личного присутствия.

Вопрос об обязательном присутствии в суде «обрастает» различного рода исключениями. В процессуальном доказывании появляется ст. 247 УПК, предусматривающую заочную форму принятия судебного решения. Кроме того, российский закон прямо предусматривает использование видео-конференц-связь для участия в судебном заседании (ст. 241.1 УПК РФ). В декабре 2021 года в УПК РФ включена статья 189.1, позволившая следователю, дознавателю проводить допрос, очную ставку, предъявление для опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

Таким образом, постепенно утрачивается обязательная форма личного присутствия в суде и при проведении следственных действий, на смену процессуальных документов приходят документы в электронном виде. В уголовный процесс все больше входят электронные

носители информации, технологии, технические категории. Новыми смысловыми оттенками наполняются ранее известные понятия.

Представляется, что применительно к доказыванию вполне можно применять слово «технологии» [4; 5; 9, с. 133–170; 18], под которыми понимается «совокупность производственных процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства» [10, с. 692].

Производство — это общественный процесс создания материальных благ, охватывающий как производственные силы общества, так и производственные отношения; изготовление какой-нибудь продукции [10, с. 530].

Слово производство обычно используется для обозначения работы на предприятиях, заводах и фабриках. Продукцией производства становятся различные изделия из дерева, железа, пластмассы.

Производство по уголовным делам традиционно воспринимается как накопление документов, в которых содержится доказательственная информация. В уголовном деле находятся документы, как правило, в бумажном виде. Однако в последнее время все чаще появляются электронные документы. Это связано с развитием электронного документооборота и цифровизацией всего уголовного судопроизводства в целом. Зарубежный опыт свидетельствует об успешном внедрении во многих странах так называемого электронного уголовного дела.

О возможности использования математических технологий проводились исследования, начиная с 70-х годов 20 века. Н. В. Жогин предупреждал, что одновременно с разработкой программного обеспечения и алгоритмов оценки доказательств внутреннее убеждение ещё долгое время будет основой для оценки доказательств [14, с. 433–434].

В этом нет никаких сомнений. Вместе с тем, технологии продолжают развиваться, и уже говорят об использовании нейронных сетей, а также искусственного интеллекта. Такой подход позволяет решать задачи путём ввода исходной информации, стандартизации принятия решений, создания математических моделей и алгоритмов поиска релевантной информации. Благодаря специальным программам обрабатываются массивы документов архивных уголовных дел и вырабатываются рекомендации для принятия решений с учетом конкретной ситуации в деле. Математические формулы учитывают и оценивают доказательства, толкуют нормы права.

Интерес представляет «предсказанное правосудие» в США и странах Запада [3, с. 81], платформа «мобильный суд» в Китае [1, с. 162], автоматизированное и виртуальное судопроизводство по незначительным делам в Индии [8, с. 32].

Результат исследования и выводы

Таким образом, можно выделить такие виды технологий доказывания в уголовном процессе: личное доказывание в устной форме; производство по уголовным делам по бумажным документам; электронное (цифровое) доказывание. При этом могут быть переходные периоды, связанные со сменой технологии доказывания.

Технологии доказывания все время развиваются. Однако это не говорит о необходимости скорейшего перехода на цифровое доказывание и вынесение приговора по математическим формулам и алгоритмам, но свидетельствует о меняющихся технологиях, в том числе с учетом физических (цифровых) свойств предметов и документов, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Анисимова А. С., Спиридонова М. П. К вопросу о возможностях использования технологий искусственного интеллекта в правосудии // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 3. С. 161–165.
2. Античные риторика. Собрание текстов, статьи, комментарии / общая ред. А. А. Тахо-Годи (перевод Н. Платоновой). Москва : Изд. Московского университета, 1978. 352 с.
3. Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «Предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 11 (156). С. 79–87.
4. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 91–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104
5. Жук М. Я. Реализация цифровых технологий в системе доказывания уголовного процесса России // Евразийская адвокатура. 2022. № 3 (58). С. 44–46.
6. Клюкова М. Е. Субъекты уголовного преследования // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, № 6. С. 273–279.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. Москва : Статут, 2016. 1278 с.

8. Морозова Ю. А. Международное сотрудничество стран — участников БРИКС в рамках цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2022. № 1. С. 30–34.
9. Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография. Москва : Проспект, 2022. 248 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка : Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. Москва, 1986. 797 с.
11. Рамазанов Т. Б., Рамазанова Э. Т. Исторические типы доказательственных теорий и их значение для формирования российской теории доказательств в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 38, № 2. С. 140–143.
12. Рубаник В. Е. Государство, право и суд Киевской Руси. Москва, 2013. 349 с.
13. Смирнов А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе : монография. Москва : НОРМА, 2018. 240 с.
14. Теория доказательств в современном уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд. Москва : Юрид. лит., 1973. 736 с.
15. Уголовный процесс : учебник / С. В. Зуев, К. И. Сутягин. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2016. 563 с.
16. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. Изд. 3, пересмотр. и доп. СПб., 1910. 572 с.
17. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. 846 с.
18. Электронное правосудие : монография / Е. В. Бурдина [и др.] ; под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. Москва : РГУП, 2021. 344 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 21.09.2023.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.10.2023.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

КЛАССИФИКАЦИЯ МОТИВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Родион Рамазанович Мирасов¹, Денис Юрьевич Гончаров²

^{1,2}Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия

¹mirasov_rr@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0008-6210-643X>

²denis667777@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-3347-2533>

Аннотация. В целях выработки единой классификации мотивов преступлений авторами исследованы различные подходы к такой классификации. В данной статье приводится анализ научной и учебной литературы, в которых рассматривался вопрос о классификации мотивов преступления. Указываются классификации мотивов преступления, которые были предложены различными учёными. Авторами также указываются классификации мотивов преступления, которые были даны ещё в XX веке. Все научные источники были проанализированы и выявлены преимущества и недостатки классификаций мотивов преступлений, которые были даны различными правоведом. Кроме того, были изучены основания для классификаций мотивов преступлений. Авторами выявляются преимущества и недостатки ранее предложенных классификаций мотивов преступлений. Был предложен другой подход к изучению мотивов преступления с точки зрения психологии. Предложены мнения психологов о причинах, побуждающих лицо к совершению преступлений. И на его основе авторами предлагается собственная оригинальная классификация мотивов преступления с подробным описанием каждой выделенной в ней группы.

Предметом исследования являются различные научные положения, затрагивающие вопросы мотивов преступления.

Использованы обще- и частнонаучные методы: системный анализ, синтез, обобщение, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Ключевые слова: мотив преступления, классификация мотивов преступления, субъективная сторона преступления, преступление, преступник

Для цитирования: Мирасов Р. Р., Гончаров Д. Ю. Классификация мотивов преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (38). С. 83–88. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-83-88

CLASSIFICATION OF MOTIVES FOR CRIME

Rodion R. Mirasov¹, Denis Yu. Goncharov²^{1,2}Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia²Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia¹mirasov_rr@mail.ru <https://orcid.org/0009-0008-6210-643X>²denis66777@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-3347-2533>

Abstract. In order to develop a unified classification of the motives for crimes, the authors investigated various approaches to such a classification. This article provides an analysis of scientific and educational literature, which considered the issue of classifying the motives of the crime. The classifications of the motives of the crime, which were proposed by various scientists, are indicated. The authors also indicate the classifications of the motives of the crime, which were given back in the 20th century. All scientific sources were analyzed and the advantages and disadvantages of classifications of motives for crimes, which were given by various legal scholars, were identified. In addition, the grounds for classifying the motives of crimes were studied. The authors identify the advantages and disadvantages of the previously proposed classifications of crime motives. Another approach to studying the motives of the crime from the point of view of psychology has been proposed. The opinions of psychologists on the reasons that encourage a person to commit blunting are proposed. And on its basis, the authors offer their own original classification of the motives of the crime with a detailed description of each group highlighted in it.

The subject of the study is various scientific provisions affecting the motives of the crime.

General and private scientific methods were used: systematic analysis, synthesis, generalization, formal-legal, comparative-legal.

Keywords: motive of crime, classification of motives of crime, subjective side of crime, crime, criminal

For citation: Mirasov RR, Goncharov DYU. Classification of motives for crimes. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):83-88. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-83-88 (In Russ.)

Введение

Мотив преступления является факультативным признаком субъективной стороны преступления. Именно мотив объясняет причину преступления, в отличие от других факультативных признаков субъективной стороны преступления. Важно знать причину преступления, поскольку без неё невозможно представить последующее исправление осужденных.

Мотив преступления стоит рассматривать как побуждение, которым лицо руководствовалось при совершении преступления. Определение мотива не устанавливается в общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), лишь указывается, что он учитывается при назначении наказания. Некоторые мотивы закреплены в отдельных статьях Особенной части УК РФ. Вот список мотивов, указанных в УК РФ: «по мотиву сострадания», «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или

религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», «по мотиву кровной мести», «по мотивам достижения им предпенсионного возраста» и «по мотивам ее беременности». Кроме того, нужно учитывать, что мотив — это определенное побуждение, к списку также можно отнести: «из корыстных побуждений», «из хулиганских побуждений» и «из корыстных или иных низменных побуждений», «иную личную заинтересованность» и другие.

Описание исследования

Различные правоведы уже не раз давали разные классификации мотивов. Ещё в XX веке были предложены несколько вариантов классификаций мотивов преступлений. Например, советский учёный А. А. Герцензон выделил: «контрреволюционные, низменные, и обусловленные неустойчивостью

и недисциплинированностью» мотивы преступлений [3, с. 348]. Основной акцент автор делал на моральное и правовое содержание всех мотивов. Предложенная классификация охватила мотивы, являвшиеся смягчающими или отягчающими ответственность обстоятельствами. Поэтому сложно назвать полной, а с учетом её идеологического наполнения, продиктованного советской доктриной — в настоящее время её нельзя назвать всесторонней и актуальной.

Чуть позже П. С. Дагель выделил три группы мотивов: «а) „низменные“, общественно опасные, рассматриваемые законом как обстоятельства, отягчающие ответственность преступника (п. 3 ст. 39; пп. „а“, „б“, „в“, „е“, „к“ ст. 102 УК РСФСР и др.), а в некоторых случаях как необходимые признаки состава преступления; б) общественно нейтральные, безразличные, в силу чего они на ответственность лица не влияют; в) общественно полезные, положительные, в силу чего они рассматриваются законом (п. 5 ст. 38 УК РСФСР) или могут рассматриваться судом как обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность» [4, с. 272–273]. Данная классификация оценивает общий характер мотивов преступления и разделяет их на три группы. В первую группу входят такие мотивы как корысть, ненависть, месть, сексуальные побуждения, ревность и так далее. Получилось, что все отрицательные мотивы входят в неё. Во вторую группу автор объединил мотивы, такие как жалость, сострадание, обида в связи с действиями потерпевшего или других лиц, стыд и так далее. А в третьей группе автор объединил мотивы, которые возникают когда лицо, неправильно интерпретировало ситуацию либо его обманули, в результате совершило преступление, считая его правильным и хорошим поступком. Третья группа является наиболее сложной, так как здесь придется оценивать противоречивую ситуацию: лицо хотело помочь или поступить правильно, а в итоге совершило преступление по незнанию. Именно из-за наличия этой категории часто классификация подвергалась критике. Так, А. И. Рарог отметил, что «общественно полезных мотивов преступления действительно быть не может; только соображения, которыми руководствуется лицо в своем стремлении достичь общественно полезного или общественно нейтрального результата, могут быть общественно полезными» [6, с. 41–42].

Любопытна классификация итальянского криминолога Э. Ферри, которую он дал ещё в начале прошлого века: «Более точной и единой классификацией мотивов будет

их деление на социальные и антисоциальные; но их можно также назвать нравственными и безнравственными, моральными и аморальными, если смотреть на них с моральной точки зрения, и можно назвать законными и незаконными, если рассматривать мотивы с юридической точки зрения» [9, с. 345]. Автор в данной классификации придерживался принципа, что все мотивы можно подразделять на две группы. Критерием классификации является характер мотивов преступления. В первую группу входят мотивы преступления, которые можно назвать относительно нейтральными, такие как: сострадание, жалость, стыд и так далее. Во вторую группу все отрицательные мотивы: корысть, ревность, месть и так далее.

Советский правовед И. Г. Филановский сформулировал следующую классификацию мотивов: «1) мотивы преступления и 2) мотивы поведения, приведшего к совершению по неосторожности преступления. Мотивы преступлений в зависимости от степени общественной опасности подразделил на: 1) политические; 2) корыстные; 3) иные низменные; 4) личные. Среди мотивов поведения он называет «альтруистические мотивы, связанные с несением службы и личные» [10, с. 70]. Он в своей классификации утверждал, что мотивы преступлений всегда носят антисоциальный и антиобщественный характер. Стоит отметить, что данное разделение отдаленно напоминает классификацию Э. Ферри, который предложил разделять мотивы преступлений на нравственные и безнравственные.

Довольно недавно ещё одну классификацию предложили З. А. Чочуева и Р. А. Текеев: «1) умеренно антиобщественные (карьера, обида, и т. п.) — они не могут влиять на ответственность, хотя в определенных случаях они могут рассматриваться как необходимые признаки состава преступления; 2) незначительно антиобщественные (сострадание и т. п.) — они могут рассматриваться законом или судом как смягчающие обстоятельства» [11, с. 90]. Данная классификация схожа с классификацией И. Г. Филановского, поскольку принцип разделения мотивов тот же. В первую группу входят отрицательные мотивы, отягчающие ответственность, во вторую относительно нейтральные, смягчающие её.

В 2020 г. свою классификацию мотивов предложил юрист В. О. Бондаренко: «а) низменные; б) социально-нейтральные; в) социально-извинительные» [2, с. 240]. Автор, очевидно, является единомышленником П. С. Дагеля. Поскольку принцип разделения по характеру мотива преступления разработал

именно он. Переименована лишь третья группа мотивов с «общественно-полезных» на «социально-извинительные».

Относительно классификации мотивов преступления существует мнение, что каждый случай уникален и общей классификаций может не быть охвачен [8, с. 145]. Её придерживался известный советский учёный Б. С. Утевский. Однако учитывая, что для снижения уровня преступности и последующего исправления преступников необходимо знать причину их поведения, мы вынуждены не согласиться с его мнением.

Субъективная сторона преступления в целом описывает психические процессы, происходящие в момент совершения преступления. Все перечисленные концепции имеют чисто юридический характер. Однако изучением психики и психической деятельности человека и групп людей занимается другая наука — психология. Поэтому стоит изучить, как мотив преступления рассматривают психологи. Например, О. А. Ахвердова считает: «Мотивом преступного поведения является актуальная потребность, удовлетворяемая способом, запрещенным уголовным законом» [1, с. 84]. Автор исходит из того, что мотив возникает из актуальной потребности, возникшей у человека. Известный советский психолог А. Н. Леонтьев, говоря о процессе появления мотива, рассуждал так: «Дело в том, что в самом потребностном состоянии субъекта предмет, который способен удовлетворить потребность, жестко не записан. До своего первого удовлетворения потребность «не знает» своего предмета, он ещё должен быть обнаружен. Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет — свою побудительную и направляющую деятельность-функцию, то есть становится мотивом» [5, с. 99]. Другими словами, он считал, что из потребности в чём-либо появляется мотив на совершение определенного действия. Данное утверждение наиболее справедливо, потому что именно потребности заставляют человека осуществлять какую-либо деятельность в целом. Например, потребность в пище заставляет человека работать, чтобы получить деньги на еду и другие необходимые блага (воду, жильё и так далее). А у человека этих потребностей может быть много, и при этом довольно разнообразных. Они взаимодействуют друг с другом, и вступают в противоречия, результатом чего может явиться аморальное и даже преступное поведение. Потому что невозможность удовлетворить какую-либо потребность может заставить человека совершить незаконное деяние.

Поэтому когда большинство юристов, когда говорят про мотивы преступлений, имеют в виду корысть, месть, ревность или хулиганские побуждения и иные побуждения. Но с точки зрения психологии преступник руководствуется не только одним из перечисленных выше мотивов или всеми, его желания могут быть гораздо более загадочными. Мотивы являются внутренней причиной совершения преступления. В мотивах проявляется активность человека. Преступных мотивов не бывает, мотивы нейтральны, а вот способ их реализации может быть преступным.

О. А. Ахвердова утверждала: «Чаще всего суду и следствию не удастся раскрыть мотивы преступления, в том числе и по той весьма распространенной причине, что данному вопросу они попросту не придают никакого значения. Это одна из веских причин того, что подавляющее большинство преступников считают приговор и наказание несправедливыми, а себя не признают действительным источником наступивших общественно опасных последствий» [1, с. 81]. Данное утверждение логично, поскольку очень сложно установить побуждения человека совершить преступление. Это является одной из причин, почему преступники считают, что настоящими виновниками являются потерпевшие или жизненные обстоятельства.

Важно при определении мотива учитывать степень заражения личности антиобщественными взглядами, которые возникают от характера воздействия окружения и определенного комплекса её потребностей и интересов [7, с. 99]. Поэтому из-за антиобщественных установок некоторые потребности искажаются, и становятся преступными.

В ходе своих исследований О. А. Ахвердова с точки зрения психологии выявила следующие основные мотивы: «мотивы самоутверждения (статусные), защитные, замещающие, игровые мотивы, мотивы самооправдания» [1, с. 86]. В её классификации две группы связаны с человеческими потребностями. Однако эта классификация имеет несколько минусов. Во-первых, неясно: как при данной классификации оценивать деяния хронических алкоголиков или наркоманов? Во-вторых, мотивы замещения и самооправдания не являются потребностями, а скорее бессознательными механизмами защиты.

Результаты исследования и их обсуждение

Поэтому, по нашему мнению, мотивы преступлений следует классифицировать следующим образом:

- 1) псевдофизиологические мотивы;
- 2) мотивы самоутверждения;
- 3) защитные мотивы;
- 4) бессознательные мотивы.

Такая классификация мотивов основана на потребностях и на бессознательных механизмах. Плюсами данной классификации является, во-первых, то, что в отличие от предыдущего разделения учтено, как следует оценивать действия преступников, у которых появились искаженные потребности и от них — мотивы. Во-вторых, бессознательные мотивы объединили целую группу механизмов, которые стоит учитывать, ведь они влияют на появление мотивов преступлений. В-третьих, она глубже оценивает действия преступника в отличие от классификаций мотивов, которые разделяли на корысть, ревность и месть. Позволяет увидеть истинные причины совершения преступлений. К отягчающим обстоятельствам стоит отнести мотивы первой и второй группы. А вот третья и четвертая группы в большей степени относятся к смягчающим обстоятельствам. Прежде всего, нужно оценивать каждый отдельный мотив.

Псевдофизиологические мотивы — это мотивы, которые лица ошибочно считают жизненно-необходимыми и ради их достижения совершают преступления. Например, хронические алкоголики и наркоманы считают свои пристрастия (алкоголь и наркотики) жизненно-необходимыми, и готовы пойти на преступления ради них. Похожая ситуация у игроманов, которым необходим адреналин и жажда риска, ради них они готовы на совершение преступления (часто подобное встречается у воров и мошенников). У серийных убийц также встречается садистский мотив, они хотят видеть унижение, страх, мучения и агонию своих жертв.

Мотивы самоутверждения — мотивы, которые основаны на желании человека получить уважение от окружающих путём совершения преступления. Самоутверждение является одной из потребностей человека. Поэтому нет ничего удивительного в желании личности получить уважение на социальном, социально-психологическом и индивидуальном уровнях. Однако ради этого уважения люди готовы пойти на преступления. Например, если лицо уничтожает чужую собственность перед друзьями, а они одобряют его поведение, очевидно, что ему нужно их уважение, чтобы самоутвердиться.

Также взяточники и расхитители — это во многом лица, стремящиеся к утверждению и на социальном, и на социально-психологическом, и на индивидуальном уровнях. А вот

среди воров, грабителей, разбойников, мошенников чаще обнаруживаются те, которые утверждают на втором и третьем уровнях.

Кроме того, самоутверждение — это ведущий мотив при совершении изнасилований. Изнасилование — это не только удовлетворение сексуальной потребности, но и проявление примитивного отношения к женщине. Насильник своими действиями унижает честь и достоинство своей жертвы, и таким образом получает утверждение своей личности.

Защитные мотивы — мотивы, которые проявляются, когда лицу угрожает реальная или мнимая опасность из-за чего он совершает преступления. Самосохранение и желание жить являются одними из главных потребностей человека. Поэтому защищаться от нападения всевозможными способами, чтобы сохранить жизнь является нормальным, что подтверждено законом. Поскольку необходимая оборона является обстоятельством исключающим преступность деяния. Однако иногда угрозы нападения в действительности может и не быть. В данном случае страх перед возможной агрессией обычно способствует совершению упреждающих агрессивных действий. Самый простой пример — это убийство при превышении пределов необходимой обороны. Возможно также мнимая защита: когда лицо неправильно, оценивая ситуацию, нападает, чтобы противник не напал первым. Такая ситуация может произойти, если запуганный кем-то человек неправильно оценивает источник угрозы (лицо, с которым ранее были конфликты) решает напасть первым, хотя другой человек и не думал нападать.

Бессознательные мотивы — это мотивы, которые возникают у человека неосознанно, но приводят к совершению преступления. З. Фрейд выделил девять механизмов бессознательной защиты: вытеснение, реактивное образование, регрессия, замещение, идентификация, отрицание, проекция, рационализация и сублимация. Наиболее интересны, конечно, мотивы при замещении, рационализации и отрицании. Их выделяли и предыдущие авторы. Основа замещения состоит в том, что действия переносятся с недоступного объекта на доступный. Многие люди не замечают этот процесс, когда он с ними происходит. Однако суть именно преступных действий состоит в том, что когда цель недоступна, то действия переносятся на доступную цель. Самый простой пример, человек хочет причинить вред, другому лицу, которое вызвало агрессию, но по каким-то причинам не может. Тогда вся агрессия выплескивается на другого человека, которого можно

ударить. Или другой пример: человек, поссорившись с другом, может причинить вред его жене и другим близким.

Механизм действия рационализации состоит в том, что от сознания скрываются истинные мотивы. Мотив рационализации или самооправдания возникает, когда человек неосознанно скрывает истинные причины преступления от самого себя. К примеру, считает, что ради семьи берёт взятки и крадёт у других, чтобы прокормить семью. Другой пример: человек совершает убийство, считает, что это простое стечение обстоятельств, и он не хотел никого убивать. Другими словами, люди пытаются найти благородные причины своих действий.

Механизм действия отрицания же состоит в том, что сознание игнорирует травмирующее восприятие мира. Мотив отрицания возникает, когда лицо отрицает травмирующее

восприятие мира. Например, если человек из ревности задушил свою девушку, потом отрицает это и убежден, что он невиновен. Не исключено, что его сознание просто не может принять факт убийства им любимого человека.

Заключение

Мотив преступления необходимо рассматривать как побуждение, которым лицо руководствовалось при совершении преступления. По нашему мнению, мотивы преступлений следует классифицировать следующим образом: псевдофизиологические мотивы, мотивы самоутверждения, защитные мотивы и бессознательные мотивы. Данная классификация позволит глубже понимать действия преступников. Однако необходимо учитывать каждый отдельный мотив, чтобы выявить причины преступления для последующего исправления преступников.

Список литературы

1. Ахвердова О. А. Криминальная психология: методологические и концептуальные аспекты : учебное пособие / О. А. Ахвердова, Н. Н. Волоскова, Н. И. Медведева, М. С. Шашкова. Ставрополь : Изд-во СтГМУ, 2019. 292 с.
2. Бондаренко В. О. Классификация мотивов преступлений // MODERN SCIENCE. 2020. № 5-3. С. 236–240.
3. Герцензон А. А. Уголовное право. Часть общая : учебное пособие. Москва : РИО ВЮА, 1948. 496 с.
4. Дагель П. С. Классификация мотивов и ее криминологическое значение // Вопросы социологии права. Иркутск, 1967. С. 265–274.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность : монография. Москва : Политиздат, 1975. 121 с.
6. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. Москва : Профобразование, 2001. 134 с.
7. Собольников В. В. Криминальная психология : учебник для вузов. 2-изд., перераб и доп. Москва : Юрайт, 2023. 379 с.
8. Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. Москва : Госюриздат, 1950. 320 с.
9. Ферри Э. Уголовная социология / сост. и предисл. В. С. Овчинского. Москва : Инфа-М., 2005. 658 с.
10. Филановский И. Г. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. 398 с.
11. Чочуева З. А., Текеев Р. А. О классификации мотивов в уголовном законодательстве // Cognitio Jurum. 2022. № 6. С. 88–91.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

Дата поступления статьи / Received: 23.11.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 30.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Сергей Александрович Рябчиков

*Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
r_s.91@mail.ru*

Аннотация. Современные реалии и стремительное развитие цифровых и информационных технологий, используемых практически в каждой деятельности, позволяют проводить исследование о внедрении их в уголовно-процессуальную деятельность органов предварительного расследования, в частности использования электронных документов и ведения электронного документооборота при расследовании уголовных дел. Однако текущее состояние организационно-технического обеспечения следователей (дознавателей) не позволяет законодателю перейти и в полной мере использовать все возможности электронного документооборота.

В статье автором поставлена цель о рассмотрении возможности перехода на электронное документирование расследования преступлений при использовании уже имеющихся цифровых платформ, реализующих функции электронного документооборота. В соответствии с поставленной целью исследован вопрос о цифровом равенстве всех участников досудебного производства при ведении расследования в электронном формате или с частичным его применением. По результатам исследования, автором обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон по уже имеющимся положительным примерам использования электронных документов в расследовании и приведенным в тексте настоящей статьи.

При написании статьи применялись такие методы исследования, как системный анализ научных положений и судебной практики, логический метод в выявлении причинно-следственных связей, теоретико-правовое прогнозирование дальнейших изменений в законодательстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровизация уголовного судопроизводства, электронное уголовное дело, электронный документ, электронный документооборот, электронные доказательства

Благодарность: Автор выражает благодарность доктору юридических наук, доценту Сергею Васильевичу Зуеву за научное руководство при подготовке статьи.

Для цитирования: Рябчиков С. А. Организационно-техническое обеспечение деятельности органов предварительного расследования по использованию электронного документооборота в досудебном производстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 89–95. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-89-95

Research article

ORGANIZATIONAL AND TECHNICAL SUPPORT FOR THE ACTIVITIES OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES ON THE USE OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Sergey A. Ryabchikov*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
r_s.91@mail.ru*

Abstract. Modern realities and the rapid development of digital and information technologies used in almost every activity make it possible to conduct research on their introduction into the criminal procedural activities of the preliminary investigation bodies, in particular the use of electronic documents and electronic document management in the investigation of criminal cases. However, the current state of organizational and technical support of investigators (interrogators) does not allow the legislator to switch and fully use all the possibilities of electronic document management.

In the article, the author sets the goal of considering the possibility of switching to electronic documentation of crime investigations using existing digital platforms that implement the functions of electronic document management. In accordance with this goal, the issue of digital equality of all participants in pre-trial proceedings when conducting an investigation in electronic format or with its partial application is investigated. According to the results of the study, the author substantiates the need for amendments and additions to the criminal procedure law based on the already existing positive examples of the use of electronic documents in the investigation and given in the text of this article.

When writing the article, such research methods were used as a systematic analysis of scientific provisions and judicial practice, a logical method in identifying cause-and-effect relationships, theoretical and legal forecasting of further changes in legislation.

Keywords: criminal procedure, digitalization of criminal proceedings, electronic criminal case, electronic document, electronic document flow, electronic evidence

Acknowledgement: The author expresses his gratitude to the Doctor Legal Sciences, Associate Professor Sergey V. Zuev for scientific guidance in the preparation of the article.

For citation: Ryabchikov SA. Organizational and technical support for the activities of the preliminary investigation bodies on the use of electronic document management in pre-trial proceedings. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):89-95. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-89-95 (In Russ.)

Введение

Исследование направлено на изучение возможности функционирования органов предварительного расследования в условиях внедрения электронного документооборота. Опыт их использования имеется в суде, органах исполнительной власти, сфер экономики, реализующие создание и передвижение документов в электронном формате. В связи с этим представляется необходимым провести анализ использования электронных документов (документооборота) в Российской Федерации, изучить систему государственных органов по цифровой трансформации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях

развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹.

Описание исследования

В настоящее время проведение качественного, всестороннего и объективного расследования уголовных дел является ключевым аспектом системы правосудия России. Несмотря на глобализацию и технологический прогресс, этот процесс сталкивается с рядом вызовов, как тому пример недостаток человеческих ресурсов (некомплект и профессионализм кадров органов предварительного

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 10.07.2023).

расследования). Ограниченные временные рамки расследования, которые требуют значительного количества времени для сбора и оценки собранных по делу доказательств, получения ответов на запросы, направление и исполнение поручений, в том числе региональных, федеральных и международных. Использование современных технологий как в раскрытии, так и организационно-техническом обеспечении органов предварительного расследования при ведении уголовного дела должны отвечать современным реалиям, в частности использования электронных документов и ведения электронного документооборота.

Несмотря на вышеуказанные вызовы, уголовно-процессуальная деятельность субъектов расследования должна улучшать качество, объективность и всесторонность расследования уголовных дел, внедряя современные технологии в досудебное производство. Важное значение также имеют, процессуальный контроль и межведомственное взаимодействие при расследовании уголовных дел, при помощи которых необходимо достигнуть прозрачности, оперативности при расследовании и формирования уголовного дела, переход на ведение расследования в электронном виде с использованием электронного документооборота и единых цифровых платформ реализующих данную функцию, сохраняя при этом равенство всех участников досудебного производства.

Результат и обсуждение

Современное организационно-техническое состояние органов предварительного расследования не позволяет вести уголовное дело в электронном формате, по причине отсутствия единой цифровой площадки для формирования массива уголовных дел в электронном виде, но предпосылки введения электронного формата имелись.

В 2002 году в Информационно-аналитическом управлении Следственного комитета при МВД России создан отдел информатизации и компьютерного обеспечения, разработаны «Основные направления развития комплексной информатизации органов предварительного следствия в системе МВД России». Разработана многоуровневая Специализированная территориально распределенная автоматизированная система органов предварительного следствия (СТРАС ОПС) [3, с. 69], в том же году разработан опытный образец автоматизированного рабочего места следователя (АРМС) входящий в состав СТРАС ОПС.

С 2006 года в системе МВД России начала функционировать Автоматизированная

информационная система органов предварительного следствия (АИС ОПС), целью которой являлась организация единого информационного пространства органов предварительного следствия в системе МВД России, упорядочение информационных потоков, повышение качества, эффективности и оперативности деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России.

В структуру АИС ОПС вошли СТРАС ОПС и Централизованный банк данных электронных копий материалов уголовных дел, формируемый на федеральном уровне (ЦБД «Невод»), в котором накапливалась информация об органе расследования, факте и квалификации совершенного преступления, об объектах преступных посягательств и об участниках уголовного судопроизводства [1, с. 4].

СТРАС ОПС представляет собой комплекс программ, устанавливаемых на автоматизированные рабочие места следователей и руководителей органов предварительного следствия, объединенных в локальные вычислительные сети и работающих с выделенным сервером баз данных или на автономных рабочих местах.

Автоматизированное рабочее место (АРМ), входящее в систему СТРАС ОПС — это программно-технический комплекс, который предназначен для автоматизации процессуальной деятельности в подразделениях органов предварительного следствия, не располагающих локальными вычислительными сетями. Базовыми подсистемами таких АРМ являлись:

- 1) подсистема планирования работы сотрудника;
- 2) подсистема контроля за сроками исполнения запланированных мероприятий, а также всеми процессуальными сроками по делу;
- 3) подсистема методического обеспечения профессиональной деятельности (автоматизированные методики расследования преступлений отдельных видов);
- 4) подсистема автоматизации оформления процессуальных и иных документов;
- 5) подсистема контроля движения документов по уголовным делам, находящихся в производстве [1, с. 5].

Данный вид АРМ, входящий в систему СТРАС ОПС, представляет наибольший интерес для настоящего исследования, при ведении расследования в электронном формате и с использованием электронного документооборота, как мы видим это из вышеописанных пунктов, а также при автоматизации оформления процессуальных документов.

Однако, в 2012 году при переходе на единую систему информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД МВД России), АИС ОПС не нашла своего отражения, как не отвечающая требованиям.

Проводя настоящее исследование, представляется необходимым более подробно рассмотреть структуру и основные функции СТРАС ОПС, как концепцию для единой цифровой площадки ведения электронного расследования и соответственно документооборота, продолжения его трансформации и внедрение в ИСОД МВД России и в систему межведомственного электронного взаимодействия, с государственными органами в процессе расследования при сборе доказательств, а также с адвокатами при проведении следственных действий, прокуратурой и судом.

Структура работы СТРАС ОПС

1. Контроль за расследованием уголовного дела (далее — УД). Данный комплекс предоставляет функциональные особенности за контролем процессуальных сроков по уголовному делу, а также сроков уведомления о процессуальных действиях.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) в ст. 162, 223 устанавливает сроки предварительного следствия: 2 месяца для предварительного следствия и 30 суток для дознания соответственно. Как показывает практика судебных решений, нарушение процессуальных сроков расследования и принятия решений частое явление, что влечет нарушение Конституционных прав граждан (ст. 52–53 Конституции РФ).

В соответствии с решением Судебной коллегии по административным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 сентября 2022 года¹, жалоба Т. Е. и Т. Г. удовлетворена в части, при этом как указано из решения, уголовное дело длилось более 10 лет, с 2006 по 2017 года, в течении указанного времени приостанавливалась 12 раз по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, при этом все приостановления были признаны судом необоснованными. Еще одним примером служит, решение Саратовского областного суда от 17 января 2022 года², по которому исковое заявление К. А.

удовлетворена в части, при этом уголовное дело длилось 6 лет с 2015 по 2021 года, в течении указанного периода приостанавливалась неоднократно, и как установлено судом в период с 2016 по 2020 год, было произведено лишь несколько следственных действий, это повлекло нарушение сроков судопроизводства по уголовному делу.

Вышеуказанные нарушения процессуальных сроков расследования не единичные случаи, и исключить указанные факты необоснованных и незаконных решений затягиванием расследования возможно при программном контроле процессуальных сроков с использованием программного обеспечения руководителя следственного органа и исполняющего функцию надзора — прокурора.

2. Комплекс технологических задач. Функция предоставляет возможности администрирования, процесса выгрузки в электронном виде сведений из базы данных УД при передаче уголовного дела, их загрузки и выгрузки банка данных в АРМ руководителя следственного органа, изменения и ввода новых шаблонов форм процессуальных документов, процесса справочного режима, обмена информацией между различными иерархическими уровнями органов предварительного следствия.

3. Комплекс «Расследование УД», предназначается для реализации ряда функциональных задач:

— Возбуждение УД. При решении этой задачи выполняется учет регистрационных сведений о заявлениях и сообщениях. При этом обеспечивается подготовка одного из принимаемых следователем решений: о возбуждении УД, об отказе в возбуждении УД, о передаче сообщения по подследственности, а также подготовка уведомления заявителю о принятом решении.

— Расследование УД. Указанная задача обеспечивает возможность формирования необходимых для проведения расследования уголовного дела процессуальных документов [1, с. 6].

Таким образом, система СТРАС ОПС отвечает требованиям, и её можно предложить, как основу для цифровой трансформации перехода на ведение уголовного дела в электронном формате и с использованием электронного документооборота, соответственно с учетом доработок уже имеющегося опыта ведения электронного документа, в том числе в системе МВД России и требований современной безопасности.

Еще одной из цифровых платформ ведения электронного документооборота на досудебном производстве является система

¹ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.09.2022 № 88а-25900/2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=101234#QzTe9yTYbuL9Dbsq> (дата обращения: 10.07.2023).

² Решение Саратовского областного суда от 17.01.2022 по делу № 3а-18/2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=382037#hM8f9yTyGGBQG0b9> (дата обращения: 10.07.2023).

электронного документооборота «Дело»¹ (далее — СЭД «Дело»). Данная система позволит автоматизировать документооборот на стадии досудебного производства, а также поэтапно осуществить переход к технологиям управления электронными документами, и формирования электронного образа уголовного дела. Изучив официальный сайт, пользователями СЭД «Дело» являются государственные органы, включая ГАС «Правосудие», прокуратура, следственный комитет, а также большинство региональных органов исполнительной власти.

Структура СЭД «Дело» в концепции внедрения в досудебное производство

1. Регистрация документов. Данный раздел возможно использовать при регистрации сообщений о преступлении и принятии по ним решений о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении, а также регистрации поступивших ходатайств и заявлений в рамках расследуемого уголовного дела.

2. Работа с электронными документами. Раздел предусматривает просмотр, редактирование, удаление, подписание электронной цифровой подписью. Возможно разграничение прав доступа, что является важным при соблюдении принципа состязательности сторон, а также допуску к уголовному делу иных участников (понятых, свидетелей и т. д.)

3. Работа с поручениями. Раздел удобен при взаимодействии с органом дознания и иными органами предварительного расследования на федеральном уровне при направлении поручений, запросов и т. д.

4. Кабинеты. Индивидуальный кабинет при ведении расследования уголовных дел доступен как для каждого сотрудника отдельно, так и доступ к нескольким у руководителя следственного органа для процессуального контроля и реализации полномочий в порядке ст. 39 УПК РФ.

5. Работа с проектами документов. Данный раздел возможно использовать при составлении процессуальных документов, проведение следственных действий (составление протоколов и т. д.).

6. Прием и внешняя рассылка документов. Является важным при взаимодействии с прокуратурой, судом, государственными органами при сборе сведений как характеризующие

лицо совершившее преступление, так и получение иных ответов на запросы следователя в рамках расследуемого дела (направление запросов, поручений, промежуточных и окончательных).

7. Движение документов внутри организации. Возможно использовать для согласования процессуальных решений с руководителем следственного органа, начальником органа дознания, направление документов в подразделение делопроизводства, для ответов заявителям, в подразделения учета и планирования и т. д.

8. Формирование дел. Объединяя все вышеуказанные пункты для формирования единого — «Электронного уголовного дела».

При внедрении сервиса и использования его в качестве единой цифровой среды (площадки) ведения расследования в электронном формате, межведомственное взаимодействие будет осуществлено без рисков для их участников, а также прозрачность и доступность к материалам в режиме реального времени.

Необходимость в формировании единой цифровой среды отмечает С. В. Зуев, выделяя наиболее перспективные направления в развитии цифровизации уголовного судопроизводства: 1) переход на фиксацию хода процессуальных, следственных действий с помощью технических средств и их сохранение в электронном виде; 2) внедрение в уголовно-процессуальную деятельность удобной технологии удостоверения процессуального документа участниками уголовного судопроизводства, отказавшись от обычной подписи; 3) предоставление потерпевшему в режиме онлайн отслеживать движение уголовного дела, с момента подачи заявления до принятия решения по конкретному уголовному делу [4, с. 122]. Л. Н. Масленникова указывает на необходимость единой системы обеспечения доступа к правосудию с разработкой законодательной модели алгоритма цифровой трансформации в единую платформу электронного взаимодействия государства и населения, обеспечивающую доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве [5, с. 145].

Единая цифровая среда объединяет в себя систему уголовного судопроизводства включая адвокатов, прокуратуру и суд. В настоящее время функционирует комплексная информационная система адвокатуры России (КИС АР)², посредством которой цифровизовали деятельность по назначению адвокатов

¹ О включении сведений о программном обеспечении в единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных : приказ Минкомсвязи России от 20 февраля 2016 № 63. URL: <https://base.garant.ru/71516316/> (дата обращения: 10.07.2023).

² URL: <https://cisar.fparf.ru/> (дата обращения: 10.07.2023).

для участия как на досудебном, так и в судебном производствах. Данная система, может быть удобно встроена в единую цифровую среду уголовного судопроизводства, для функционирования и допуска для участия в уголовном деле, и как отмечает Ю. И. Пилипенко «создание единой цифровой среды является одной из приоритетных задач адвокатуры Российской Федерации» [6].

В досудебном производстве прокурор осуществляет надзор за органами предварительного расследования, о вынесенных ими решениях и за доказыванием по уголовным делам. Генеральная прокуратура Российской Федерации 14 сентября 2017 года опубликовала приказ «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года»¹. Концепцией запланировано создание единой межведомственной цифровой онлайн-платформы взаимодействия прокуроров и руководителей государственных органов, следователей, дознавателей для работы с единым электронным делом [2, с. 183].

Указанные направления возможно реализовать с использованием как СТРАС ОПС, так и СЭД «Дело», с учетом особенностей требований уголовно-процессуального законодательства, при ведении уголовного дела в электронном формате и согласованном межведомственном взаимодействии.

В настоящее время формирование материалов уголовного дела происходит в бумажном виде, и как следует из практики, утрата как части материалов, так и уголовного дела частое явление, и стоит согласиться с С. В. Зуевым в том, что формирование материалов уголовного дела в электронном варианте упростит реализацию ст. 158.1 УПК РФ, при восстановлении утраченного уголовного дела [4, с. 120].

Сегодня соби́рание доказательств, в частности производства процессуальных и ведения протоколов следственных действий, происходит с применением компьютерной техники, имеющих в распоряжении следователей (дознавателей), которые содержат в себе электронные образы (копии) проведенных процессуальных мероприятий, не держа в себе идентифицирующих реквизитов лиц, участвующих в них, т. е. подписей. На основании ч. 4 ст. 158.1 УПК РФ эти «копии» могут быть восстановлены и признаны доказательствами на основании постановления руководителя следственного органа, начальника органа дознания или в случае утраты

уголовного дела или материалов в ходе судебного производства — по решению суда.

В процессе расследования уголовных дел, их утрата связана как со случайным стечением обстоятельств, примером, необходимо отметить пожар в здании ГСУ МВД России по г. Москве в декабре 2015 года, когда были уничтожены уголовные дела, при этом их количество не указывалось², так и с целенаправленными действиями участников уголовного судопроизводства, например уничтожение материалов обвиняемым при ознакомлении с ними, различными способами (сожжение, разрыв). О. И. Цоколова, С. В. Безруков и Е. И. Куприянов в своей работе, отмечают, что изготовление электронных образов документов, перевод в электронную форму с помощью средств сканирования протоколов следственных действий, оформленных на бумажном носителе, приведет к бессмысленности попыток уничтожения их оригиналов [7, с. 62].

Судебная практика, на основании Определения Конституционного суда РФ от 26 февраля 2021 года, при отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Ф. на нарушение его Конституционных прав, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 158.1 УПК РФ, отмечает, что утраченные материалы уголовного дела сохранились как в копиях (на бумажном носителе), так и на служебном компьютере следователя (в виде электронных копий) и могут быть заверены подписями следователя и защитника М., следователю поручено восстановить эти материалы за счет электронных копий протоколов следственных и иных процессуальных действий, а равно путем приобщения к делу копий документов, имеющих в распоряжении следственного органа.

Как видно из Определения, следователю поручено восстановить материалы утраченного уголовного дела (согласно Определения утрачены четыре тома), однако подлежит относиться к ним критически, так как восстановленные материалы не имеют заверения лиц, участвующих в них, при этом, суд позволил стороне защиты предоставить копии материалов уголовного дела утраченных томов при их ознакомлении в рамках ст. 217 УПК РФ, для идентификации с восстановленными материалами уголовного дела³. Введение электронного документирования, формирование

² URL: <https://www.mk.ru/incident/2015/12/17/ugolovnye-dela-sgoreli-v-gsu-mvd-izza-plokhikh-seyfov.html> (дата обращения: 10.07.2023).

³ Определение Конституционного суда РФ от 26.02.2021 № 327-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26022021-n-327-o/> (дата обращения: 10.07.2023).

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278651/ (дата обращения: 10.07.2023).

электронного уголовного дела, и предоставление к нему доступа в электронном формате, позволит свести к минимуму факты утраты материалов уголовных дел и исключив факты сомнений их действительности оригиналу электронного процессуального действия.

Заключение

Организационно-техническое обеспечение органов предварительного расследования по работе с электронными документами позволит существенно улучшить и оптимизировать процессы расследования и повысить эффективность работы следственных органов.

Создание и использование единой цифровой площадки при ведении расследования в электронном формате, ускорит и упростит доступ к необходимой информации. Единая цифровая площадка предоставит возможность централизованного хранения всех материалов уголовного дела, документов (его электронных образов), доказательств, что улучшит их организацию и искоренит факты утраты материалов уголовных дел.

Участники уголовного судопроизводства смогут предоставлять необходимые сведения и направлять материалы относительно факта расследования, выполнять действия в режиме реального времени, повышая качество

и прозрачность расследования. Это будет способствовать оперативному и своевременному реагированию на поступившие заявления, ходатайства, что позволит сократить время расследования.

С экономической точки зрения, создание единой цифровой площадки снизит затраты на печать и хранение бумажных документов, что способствует экономии времени и ресурсов.

Вывод

Подведем итог исследования:

1. Переход на электронное документирование расследования преступлений позволит повысить эффективность досудебного производства по уголовным делам, упростит и ускорит процесс фиксации процессуально значимой информации, обеспечит ее сохранность, искореняя факты ее фальсификации, утраты и уничтожения.

2. Цифровое равенство участников уголовного судопроизводства может быть достигнуто, благодаря созданию единых требований обеспечения доступа к правосудию и ведения электронного документооборота, как отмечено в настоящем исследовании при использовании единых цифровых платформ — СТРАС ОПС и СЭД «Дело».

Список источников

1. Вехов В. Б. Основные направления использования компьютерных технологий в деятельности следователя // Информационная безопасность регионов. 2007. № 1 (1). С. 59–65.
2. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина [и др.] ; отв. ред. Л. Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2022. 448 с.
3. Загвоздкин Н. Н. Автоматизированное рабочее место следователя: проблемы разработки и внедрения в практику // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1 (9). С. 67–75.
4. Зуев С. В. Цифровая среда управления судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 118–123.
5. Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 137–146.
6. Юрий Пилипенко: «Отношению к адвокатуре требуется оздоровление» // Корпоративный юрист. 2019. № 4. URL: <https://e.korpurist.ru/719388> (дата обращения: 10.07.2023).
7. Цоколова О. И., Безруков С. С., Куприянов Е. И. Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 59–62.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 07.08.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.08.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.2;343.3/.7
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-96-102

С. 96–102

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ И УСТАНОВЛЕНИЮ ОБЪЕКТА ИНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Владимир Николаевич Сафонов¹, Гюлоглан Али оглы Агаев²

¹Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия,
Санкт-Петербург, Россия

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

¹svn205@gmail.com

²guloglanmvd@gmail.com

Аннотация. В статье обращается внимание на дискуссионности вопроса о сложной структуре объекта иных насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ), учет особенностей которого позволит сократить число ошибок правовой оценки таких деяний. Открытый перечень деяний, образующих объективную сторону иных действий насильственного характера, ставит в затруднительное положение правоприменителей, не служит единообразию судебной практики, способно привести к обвинительному уклону и нарушению прав как лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, так и потерпевших. Авторы используют доктринальные исследования, посвященные объекту преступления, в том числе — многообъектным преступлениям, посягательствам против половой свободы и половой неприкосновенности личности и актуальную судебную практику. Констатируется, что установление объекта иных насильственных действий сексуального характера с традиционных позиций деления их «по горизонтали» не всегда позволяет установить объект и объективные стороны рассматриваемого преступления.

Для понимания объективных признаков рассматриваемого деяния и отграничения его от смежных преступлений, считают авторы, оправдывает себя комплексный подход к установлению объекта иных насильственных действий сексуального характера, а именно с позиций содержательно-структурного подхода (т. е. с учетом вертикально-горизонтальной классификации объектов) и аксиологического, «отвечающего» за ценностное содержание охраняемых благ.

Ключевые слова: аксиология, объект преступления, половая свобода, половая неприкосновенность, иные насильственные действия сексуального характера

Для цитирования: Сафонов В. Н., Агаев Г. А. Аксиологический и структурно-содержательный подходы к пониманию и установлению объекта иных насильственных действий сексуального характера // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 96–102. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-96-102

AXIOLOGICAL AND STRUCTURAL-CONTENT APPROACHES TO UNDERSTANDING AND ESTABLISHING THE OBJECT OF OTHER VIOLENT ACTS OF A SEXUAL NATURE

Vladimir N. Safonov¹, Guloglan A. Agayev²

¹North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

²St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia

¹svn205@gmail.com

²guloglanmvd@gmail.com

Abstract. The article draws attention to the debatable nature of the issue of the complex structure of the object of other violent acts of a sexual nature (Article 132 of the Criminal Code of the Russian Federation), taking into account the features of which will reduce the number of errors in the legal assessment of such acts. An open list of acts forming the objective side of other acts of a violent nature puts law enforcement officers in a difficult position, does not serve the uniformity of judicial practice, can lead to accusatory evasion and violation of the rights of both persons brought to criminal responsibility and those who have suffered. The authors use doctrinal studies devoted to the object of the crime, including multi-object crimes, encroachments against sexual freedom and sexual inviolability of the individual and current judicial practice. It is stated that the establishment of the object of other violent acts of a sexual nature from the traditional positions of dividing them “horizontally” does not always allow to establish the object and the objective side of the crime under consideration.

In order to understand the objective signs of the act in question and to distinguish it from related crimes, the authors believe, it justifies a comprehensive approach to establishing the object of other violent acts of a sexual nature, namely from the standpoint of a content-structural approach (i. e., taking into account the vertical-horizontal classification of objects) and axiological, “responsible” for the value content of protected goods.

Keywords: axiology, the object of the crime, sexual freedom, sexual inviolability, other violent acts of a sexual nature

For citation: Safonov VN, Agayev GA. Axiological and structural-content approaches to understanding and establishing the object of other violent acts of a sexual nature. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):96-102. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-96-102 (In Russ.)

Введение

Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера предусмотрена ст. 132 УК РФ. Неоднократные изменения, внесенные в данную норму, существенно изменили квалифицированные и особо квалифицированные виды данного состава преступления и санкции, что говорит о направленности уголовной политики государства на обеспечение безопасности в этой сфере и усиление уголовной ответственности за совершение насильственных половых преступлений.

Половые преступления существенно отличаются от других преступлений против личности, каждому из них присущи свои признаки, выражающие их сущность и позволяющие отнести их к преступлениям соответствующего типа. Это важно понимать для решения конкретных квалификационных и общих,

например, профилактических задач. Изначально отправная точка исследования половых преступлений в доктрине связана с их типизацией [1, с. 272–274].

Объект преступного посягательства наиболее полемичен среди исследователей, поскольку указанный элемент имеет весьма важное значение и представляет собой обособленную категорию, которая находится под уголовно-правовой охраной.

Целью исследования стали: понимание природы и содержание объекта иных насильственных действий сексуального характера, что представляется важным для установления объективной стороны этих деяний и решения вопросов по квалификации преступлений.

При написании статьи использовались общие, общенаучные, частнонаучные и специальные методы исследования.

Описание исследования

Относительно объекта как обязательного элемента любого состава преступления неоднократно высказывались многие исследователи. В частности, И. В. Харабара под объектом любого преступного посягательства понимает «общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым в результате совершения преступления причиняется вред (или же создается угроза причинения такого вреда)» [2, с. 318]. С. В. Векленко считает, что такая уголовно-правовая категория, как объект до сих пор должна характеризоваться советской теорией, согласно которой, «объект — это охраняемые законом общественные отношения» [3, с. 9]. В доктрине существует и другие точки зрения. Справедливости ради отметим, что они более различаются по форме выражения, а не по содержанию. Поэтому мы в целом солидарны с теми авторами, которые считают, что между этими определениями принципиальных различий нет. Не расходится с пониманием объекта та позиция, в соответствии с которой под объектом преступления понимаются именно «те охраняемые уголовным законом интересы и (или) блага, на которые посягает то или иное преступление» [4, с. 159].

Чтобы в достаточной степени определить преступный характер общественно-опасного деяния, степени его опасности для личности, общества и государства, а также для его последующей квалификации, необходимо установление всех видов объектов, которые находятся под охраной уголовного закона. Известно, что современная уголовно-правовая доктрина различает четыре основных вида объекта преступного посягательства «по вертикали», а именно — общий, родовый, видовой и непосредственный.

В целом в уголовно-правовой доктрине объекты преступных посягательств включаются в трехступенчатую и четырех ступенчатую классификации. Профессор В. Д. Меньшагин в 40-х гг. XX столетия обосновал и выдвинул идею о трехзвенной системе объектов, включающую в себя общий, родовый и непосредственный. В трехзвенной системе объектов «по вертикали» общий объект представляет собой всю совокупность общественных отношений, которые находятся под уголовно-правовой охраной уголовным законом. Под родовым объектом преступления понимается группа тождественных, равных общественных отношений, которые объединены в главы. Непосредственный объект представляет собой какое-либо определенное благо, интерес, который под охрану отдельной статьей нормативного акта (кодекса).

Принятие в 1996 г. УК РФ ознаменовало его новое системно-структурное построение, которое предусматривает деление Особенной части не только на главы, но и на разделы, что явилось предпосылкой к переходу к четырехступенчатой системе классификации объектов. Как следствие, новая классификация объектов пополнилась еще одной «ступенью» — видовым объектом, который представляет собой близкие по содержанию ценности. В вертикали объектов видовым объектам соответствуют главы, входящие в состав родового объекта — раздела, интегрировавшего главы.

Уместно отметить, что объектом преступного посягательства могут выступать не только материальные блага и интересы, а только те, которым в результате того или иного преступления был причинен реальный ущерб во времени и пространстве. В свете сказанного объект анализируемого преступного деяния притягивает к себе внимание тем, что виновное лицо, совершающее насильственные действия сексуального характера, посягает на наиболее «интимное и личное», т. е. на половую свободу и половую неприкосновенность, которые находятся под охраной и защитой уголовного закона.

Важно учесть, что основным объектом преступного посягательства, предусмотренного ст. 132 УК РФ, является именно половая свобода и половая неприкосновенность личности, поскольку анализируемый состав находит свое отражение именно в главе 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», что подтверждает мнение законодателя о том, что деяние посягает, в первую очередь, на «интимное и личное».

Справедливости ради отметим, что по поводу определения родового и видového объекта преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ у ученых выработана единая позиция. В частности, к родовому объекту относятся общественные отношения, которые обеспечивают неприкосновенность личности в целом, к видовому — общественные отношения, которые обеспечивающих половую свободу и неприкосновенность любого человека [5, с. 210–212]. Однако обобщение научной литературы выявило дискуссионность вопроса об основном непосредственном объекте. Исследователи определяют его как: половую свободу лица, достигшего 16 лет, или половую неприкосновенность лица, не достигшего возраста половозрелости (16 лет) [6, с. 470]; половую свободу и неприкосновенность [7, с. 744]; а в некоторых исследованиях — половую

свободу любого человека без учета возраста, их психического и физического состояния конкретного лица.

Отметим, что ни законодатель, ни правоприменители не дают определения понятиям «половая свобода и неприкосновенность». В доктрине под половой свободой понимают «независимость индивида в сфере его интимных отношений, его неоспоримое право самостоятельно решать вопрос о вступлении (невступлении) в сексуальные отношения с другим человеком» [8, с. 1060], «право человека, достигшего определенного возраста, на удовлетворение (законным образом) своих сексуальных потребностей» [9, с. 122].

В доктрине половая неприкосновенность определена как запрет осуществлять любые сексуальные действия в отношении малолетних, несовершеннолетних, психически неполноценных, невменяемых лиц, по причине того, что указанная категория лиц в полной мере не сможет решить вопрос о выборе партнера для удовлетворения половых потребностей [10, с. 288–292]. Некоторые авторы не учитывают возрастные особенности потерпевших при определении указанных понятий, в связи с чем, не разграничивают их при определении объекта преступления [11, с. 8]. Рассмотрев существующие позиции исследователей, полагаем, что половая неприкосновенность представляет собой законное право лица на запрет вторжения посторонних лиц в его половые отношения не только без полученного на то согласия, но и при недостижении возраста половозрелости, который, напомним, в действующем УК РФ менялся, и сейчас императивно законодателем установлен на уровне 16-летней планки. Думается, что связка возраста и права лица не могут быть отнесены к правоограничению последнего с учетом психофизического уровня развития несовершеннолетних и специфики сферы правовой охраны.

Половая свобода — это право лица самостоятельно выбирать партнера для половых отношений и время для их осуществления лицом, достигшего нижней возрастной планки половозрелости. Основным непосредственным объектом насильственных действий сексуального характера являются половая неприкосновенность и половая свобода личности вообще, независимо от половой принадлежности и возраста.

Дополнительным объектом данного преступления выступает физическая неприкосновенность, здоровье и жизнь, а факкультативными, т. е. реально нарушаемыми, но не предусмотренными правовой нормой

и не влияющими на квалификацию преступления, — честь и достоинство личности. При этом последние только тогда могут быть факкультативными объектами насильственных действий сексуального характера, когда они находятся во взаимосвязи с основным и дополнительным объектом в составе структурно сложного комплекса объектов. В случае же совершения преступления в отношении несовершеннолетнего или малолетнего дополнительным объектом выступает нормальное психическое и физическое развитие несовершеннолетних (малолетних).

Нельзя не заметить, что категория «иные насильственные действия сексуального характера» представляют собой своего рода «черную дыру» диспозиции нормы в той части, где она после определенных признаков объективной стороны преступления (мужеложество, лесбиянство) включает и иные действия сексуального характера. Неслучайно, на фоне жестких санкций ст. 132 УК РФ по этому поводу забили тревогу специалисты в области уголовного права [12, с. 34–37]. В частности, А. Н. Попов, рассматривая данную категорию, утверждает, что «при совершении иных действий сексуального характера... должен быть установлен сексуальный мотив» [13, с. 72–78]. Так же рассуждает и А. Г. Кибальник [14]. В целом аналогичной, хотя и не до конца понятной позиции придерживается М. В. Гусарова: «Для квалификации совершенного деяния как преступления сексуальной направленности оно должно быть объективно сексуальным» [15, с. 16–19].

Несложно заметить, что иные насильственные действия сексуального характера — частный случай оценочных категорий, главная «заслуга» которых — способность учитывать объективные признаки преступления в их разнообразии, а главный недостаток — широкий простор для необоснованного субъективного усмотрения правоприменителя [16, с. 124–130].

В доктрине уголовного права известен квалификационный подход, в соответствии с которым для установления объекта посяательства и субъективной стороны преступления ключевое значение имеет точное установление признаков объективной стороны преступления. Изученный нами массив уголовных дел показывает, что отчасти квалификация иных насильственных действий сексуального характера упрощается тем, что такие действия совершаются наряду с другими действиями, свидетельствующими о сексуальном мотиве субъекта. Справедливости ради, заметим, что в исследованном нами массиве уголовных дел у судов не было особых

сложностей при установлении объективной стороны иных насильственных действий сексуального характера. Объясняется это следующим: 1) такие действия совершаются при обстановке и сопровождаются другими действиями, свидетельствующими о сексуальном мотиве; 2) о направленности действий свидетельствуют недвусмысленные высказывания и действия субъекта; 3) нередко они совершаются по совокупности с изнасилованием или другими очевидными насильственными действиями сексуального характера и др.

И все же «возможности» совокупности признаков объективной стороны не всегда столь очевидны для их квалификации именно как иных насильственных действий сексуального характера.

Представляется, что комплексная проблема установления объекта посягательства иных насильственных действий насильственного характера, а равно — отграничения этого деяния от смежных, сложно решается в рамках структурно-содержательного подхода к пониманию объекта посягательства, т. е. связанного с традиционным делением их на объекты «по вертикали» и «по горизонтали». Очевидно, что осознание невозможности разрешения квалификационных проблем, связанных с объектом посягательства, через их традиционную вертикально-горизонтальную классификацию, побудило исследователей обратить внимание на возможности трактовки объектов через их аксиологическую, т. е. ценностную структуру. Оговоримся, это особенно актуально для объектов со сложной аксиологической структурой [17, с. 107–116; 18, с. 4–8]. Таковым, в частности является объективных насильственных действий сексуального характера. В философии под аксиологией понимается учение о ценностях [19, с. 12]. Аксиологическое направление в уголовном праве привело к оформлению аксиологической концепции. «С онтологической точки зрения в основе этой концепции лежит понятие социальной ценности, которая означает ценное для общества явление. Оно в своей сущности дает человеку и обществу благополучие, удовлетворяет их потребности, т. е. является благом, а попадая в правовое поле, обретает статус правового блага» [20, с. 73–81].

Е. Н. Карабанова в зависимости от особенностей внутрисистемных связей сложноструктурированные объекты преступлений разделяет на объекты со «сложной содержательной структурой, объекты со сложной формальной структурой и объекты со сложной структурой комбинированного типа» [17, с. 107–116]. Из рассуждений этого автора следует, что

объект насильственных действий сексуального характера является комплексным объектом. Принимая во внимание аксеологическую сторону этого объекта, исследователь резюмирует: «Комплексным объектом преступления является совокупность взаимозависимых однородных правовых благ, образующих при посягательстве единое целое» [17, с. 107–116].

В контексте деяния, предусмотренного ст. 132 УК РФ актуально их перечислить: половая свобода или половая неприкосновенность, жизни или здоровья, честь и достоинство жертвы.

Очевидно, что, поцеловав незнакомую девушку, на эскалаторе, субъект не посягает на комплексный объект насильственных действий сексуального характера, в том числе и по признаку иных насильственных действий. Да и аксиологически этот объект правовой охраны явно «не тянет» на комплексный объект полового преступления. В другом случае, действия лица, продемонстрировавшего неприличные телодвижения, воспользовавшись «подчиненной позой» наклонившейся женщины, также не могут рассматриваться как иные насильственные действия сексуального характера, т. к. в этом случае страдает вообще иной объект — общественный порядок. Даже если признать, что в данных случаях, с учетом мнения потерпевших, затронуты их честь и достоинство, нет оснований констатировать покушение на преступление, предусмотренное ст. 132 УК РФ, за отсутствием посягательства на сложноструктурированный комплексный объект, «синкретически соединяющий различные правовые блага» [17, с. 107–116].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать нам, некоторые выводы:

1. Следственно-судебная практика и уголовно-правовая доктрина обнаруживают проблемы квалификации иных насильственных действий сексуального характера по ряду причин, куда относятся: отсутствие их законодательной дефиниции; открытый перечень таких; сложная содержательно-структурная характеристика объекта.

2. Установление объекта иных насильственных действий сексуального характера с традиционных позиций деления их «по горизонтали» не всегда позволяет ответить на вопросы «о пригодности» того или иного действия как достаточного для констатации объекта и объективной стороны рассматриваемого преступления.

3. С позиций аксиологической уголовно-правовой концепции, объект иных

насильственных действий сексуального характера определяется как сложноструктурированный комплексный объект, «синкретически соединяющий различные правовые блага».

4. Комплексный подход к пониманию объекта иных насильственных действий

сексуального характера с учетом различных подходов: содержательно-структурного и аксиологического позволяет точно интерпретировать объект таких посягательств, а в конкретных ситуациях ответить на вопрос о его наличии.

Список источников

1. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивировка преступного поведения. Горький, 1974. 168 с.
2. Харабара И. В. Объект преступления и его виды // Образование и право. 2020. № 6. С. 318–323. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10647 EDN: PFDMTС.
3. Векленко С. В., Семченков И. П., Сорокин И. С., Бурдейный В. В. Учение об объекте преступления: кризис переходного периода и возможность как объект любого преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (70). С. 9–13. EDN: VPXVKZ.
4. Уголовное право : в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.] ; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. 410 с.
5. Селезнева В. В. Актуальные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы // Молодой ученый. 2022. № 6 (401). С. 210–212.
6. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2021. 407 с.
7. Крепышев А. М., Ракитина В. А., Шафиков В. У. Насильственные действия сексуального характера // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 6. С. 744–746.
8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 3 т / В. Т. Томин [и др.] ; под редакцией В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. 10-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2020. 1060 с.
9. Уголовное право : в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.] ; отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. 499 с.
10. Войтехович В. И. «Насильственные действия сексуального характера» в системе преступлений против половой свободы и неприкосновенности в Республике Беларусь // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : материалы IV Международной научно-практической конференции (Тамбов, 22–23 мая 2020 г.). В 2 томах. Т. 1. Тамбов, 2020. С. 288–292.
11. Поддубная Е. В. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и квалификация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 24 с.
12. Гусарова М. В. Насильственные действия сексуального характера: содержание нормы, проблемы квалификации // Российский следователь. 2019. № 8. С. 34–37.
13. Попов А. Н. О новеллах в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2016. № 2. С. 72–78.
14. Кибальник А. Г. Судебные подходы к квалификации сексуальных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 58–60. EDN: TBWWPZ.
15. Гусарова М. В. Разграничение преступлений сексуальной направленности и деяний против жизни и здоровья личности // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 3, № 5. С. 16–19.
16. Агаев Г. А., Сафонов В. Н., Зорина Е. А. Оценочные признаки состава преступления и их значение для определения вины и уголовной ответственности // Проблемы управления рисками в техносфере. 2021. № 2 (58). С. 124–130.
17. Карабанова Е. Н. Особенности преступлений со сложной аксиологической структурой объекта // Журнал российского права. 2019. № 3 (267). С. 107–116.
18. Бабенко А. Н. Аксиологическое содержание правовых норм // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2005. № 8 (48). С. 4–8.
19. Философский энциклопедический словарь. Москва : ИНФРА-М. 2005. 569 с.
20. Карабанова Е. Н. Аксиологические основы уголовного правотворчества // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 6 (86). С. 73–81.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

Дата поступления статьи / Received: 10.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ПОНИМАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Андрей Андреевич Фомичев¹, Ольга Геннадьевна Тихомирова²

^{1,2}Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова

¹andry2453@yandex.ru

²olgapimakova@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена теоретическим вопросам криминалистической идентификации. В статье освещаются точки зрения различных исследователей относительно сущности и содержания данной категории. Указывается, что научно-прикладное развитие криминалистической идентификации привело к ее существенному обогащению, в результате которого она может рассматриваться в качестве теории криминалистики, метода собирания и проверки доказательственной информации, отдельной исследовательской процедуры или процесса установления значимых для уголовного дела фактов. В связи с различным пониманием и толкованием криминалистической идентификации в научной литературе нередко возникают противоречия во взглядах ученых. В статье предпринимается попытка их устранения посредством применения системного подхода. С этой целью криминалистическая идентификация рассматривается в качестве системы, состоящей из различных компонентов (составных частей), тесно взаимосвязанных, взаимодействующих и дополняющих друг друга. Констатируется, что сведение системы криминалистической идентификации к одному из ее компонентов является совершенно неверным и необоснованным. Особое внимание акцентируется на таких компонентах системы криминалистической идентификации, как метод и теория. Подчеркивается их обобщающая и концентрирующая роль. Указывается, что теория криминалистической идентификации составляет общий фундамент, из которого образуются прочие компоненты рассматриваемой системы. Освещается эволюция теории криминалистической идентификации. Делается вывод о том, что в настоящее время система криминалистической идентификации продолжает развиваться, закономерно реагируя на объективные тенденции и потребности практики борьбы с преступностью.

Ключевые слова: криминалистическая идентификация, аспекты идентификации, теория идентификации, метод идентификации, отождествление объектов, цифровая среда, электронные следы

Для цитирования: Фомичев А. А., Тихомирова О. Г. Системный подход в понимании криминалистической идентификации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 103–109. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-103-109

SYSTEMIC APPROACH IN THE UNDERSTANDING OF FORENSIC IDENTIFICATION

Andrey A. Fomichev¹, Olga G. Tikhomirova²

^{1,2}*Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov*

¹*andry2453@yandex.ru*

²*olgapimakova@yandex.ru*

Abstract. The work is devoted to theoretical issues of forensic identification. The article highlights the points of view of various researchers regarding the essence and content of this category. It is indicated that the scientific and applied development of forensic identification has led to its significant enrichment, as a result of which it can be considered as a theory of criminology, a method of collecting and verifying evidentiary information, a separate research procedure or a process of establishing facts significant for a criminal case. Due to the different understanding and interpretation of forensic identification in the scientific literature, there are often contradictions in the views of scientists. The article attempts to eliminate them by applying a systematic approach. For this purpose, forensic identification is considered as a system consisting of various components (components) that are closely interrelated, interacting and complementing each other. It is stated that the reduction of the forensic identification system to one of its components is completely incorrect and unjustified. Particular attention is focused on such components of the forensic identification system as method and theory. Their generalizing and concentrating role is emphasized. It is indicated that the theory of forensic identification forms the general foundation from which the other components of the system under consideration are formed. The evolution of the theory of forensic identification is highlighted. It is concluded that at present the system of forensic identification continues to develop naturally responding to objective trends and needs of the practice of combating crime.

Keywords: forensic identification, aspects of identification, identification theory, identification method, identification of objects, digital environment, electronic traces

For citation: Fomichev AA, Tikhomirova OG. Systemic approach in the understanding of forensic identification. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):103-109. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-103-109 (In Russ.)

Введение

В условиях стремительного развития общественных отношений проблема преступности не только не утрачивает своей актуальности, но и нарастает с большей силой, раскрывает новые угрозы и опасности. Наряду с традиционными видами преступлений появляются ранее не встречавшиеся криминальные деяния, основанные на использовании электронной среды и современных технологий. В создавшейся обстановке противодействие преступности, как одно из основных направлений обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка, требует совершенствования форм, методов и средств деятельности правоохранительных органов. Одновременно с этим возрастают требования к науке, обеспечивающей процесс борьбы с преступностью новыми знаниями, методиками и рекомендациями. Особая роль при этом отводится криминалистике в целом и криминалистической идентификации, в частности.

Являясь одним из фундаментальных направлений науки криминалистики, идентификация лежит в основе большинства процессов, связанных с раскрытием и расследованием преступлений. Ее теоретические положения служат существенным подспорьем в установлении фактов, значимых для уголовного дела. Она включает в себя множество практических рекомендаций и процедур, составляющих основу экспертных исследований. Сегодня криминалистическая идентификация воспринимается и как базовый источник тактического обеспечения следственных действий, при производстве которых возникает необходимость в отождествлении людей, предметов, их комплексов и участков местности. В целом криминалистическая идентификация находит практическое применение на всех этапах предварительного расследования, а используемый ею инструментарий эффективно решает важнейшие в уголовном судопроизводстве задачи доказывания.

В этой связи вполне актуальным является дальнейшее формирование и совершенствование знаний, связанных с применением криминалистической идентификации в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Материал и методы

В статье использована специальная литература, посвященная научно-прикладным аспектам криминалистической идентификации. Проанализированы методические рекомендации, связанные с производством следственных действий и экспертиз. В качестве специальных исследовательских методов использованы: системный, структурно-функциональный и герменевтический подходы, методы логического познания (анализ, синтез, дедукция, обобщение, абстрагирование), а также формально-юридический метод исследования.

Описание исследования

В настоящее время научная разработанность учения о криминалистической идентификации позволяет констатировать ее сложный разносторонний характер. Она включает в себя множество научно-теоретических, практико-ориентированных и сугубо прикладных элементов, образующих единую научно-практическую систему положений, рекомендаций и процедур, направленных на раскрытие и расследование преступлений. В то же время в юридической литературе встречаются довольно разнообразные и весьма противоречивые представления о данном феномене. Криминалистическая идентификация нередко рассматривается в качестве теории криминалистики; метода или средства собирания и проверки доказательственной информации; отдельной исследовательской процедуры или процесса установления значимых для уголовного дела фактов в целом.

Так, идентификацию в значении средства установления истины в уголовном судопроизводстве упоминал Р. С. Белкин [1, с. 266–267]. Аналогичная точка зрения высказывалась А. М. Зининым и Н. П. Майлис, по мнению которых идентификация выступает одним из криминалистических средств работы с доказательствами [2, с. 106].

Т. В. Аверьянова, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Росинская рассматривают криминалистическую идентификацию как метод или способ установления истины по уголовному делу, который основывается на учении об общих принципах и приемах отождествления материальных объектов [3, с. 85].

Подобным образом считает Е. А. Лушин, признающий криминалистическую идентификацию методом установления неизвестных объектов по их следам в обстановке расследуемого события [4, с. 145].

Р. Н. Горбатый по данному поводу указывает, что криминалистическая идентификация — это собственно криминалистический метод, заключающийся в установлении тождества объекта с самим собой путем его сравнения с оставленными материальными или идеальными следами (отображениями) [5, с. 40].

Один из родоначальников теории идентификации Н. В. Терзиев, напротив, категорически отвергал точку зрения о том, что идентификация есть специальный метод криминалистики. По его мнению, идентификацию следует рассматривать в качестве задачи криминалистического исследования [6, с. 44–45]. Однако впоследствии данная позиция неоднократно оспаривалась и опровергалась. Указывалось, что идентификация — это познавательный [7, с. 289], исследовательский [8, с. 14], криминалистический процесс [2, с. 108–109] или метод [9, с. 103], решающий идентификационные задачи.

Ряд исследователей рассматривают криминалистическую идентификацию с функционально-прикладной точки зрения. Например, Н. А. Селиванов подчеркивал, что идентификация представляет собой систему реальных действий, выполняемых в определенной последовательности и направленных на установление наличия или отсутствия тождественности материального объекта в уголовном судопроизводстве [10, с. 29]. Аналогичную позицию высказывают Т. А. Ткачук и А. Е. Михайлов, по мнению которых криминалистическая идентификация есть вид деятельности специально уполномоченных лиц [11, с. 135].

Необходимо обратить внимание, что даже среди сторонников одного и того же подхода имеются существенные расхождения и противоречия в понимании и объяснении криминалистической идентификации. В частности, ученые, признающие идентификацию методом, высказывают различные позиции о том, какой именно это метод: исследовательский, познавательный или метод решения практических задач. В этой связи следует констатировать некоторую противоречивость взглядов, приводящую к путанице в понимании сущности рассматриваемого явления. Вместе с тем, данная противоречивость носит иллюзорный характер и существует лишь при одностороннем восприятии криминалистической идентификации.

В действительности, криминалистическая идентификация представляет собой достаточно сложную систему. Поэтому видится совершенно необоснованным сведение данной системы к ее отдельным компонентам или составным частям. Подобная ошибка существенно сужает и искажает объективное восприятие рассматриваемой научной категории. В связи с этим целесообразно выделить различные аспекты криминалистической идентификации, чтобы увидеть разносторонность, понять взаимосвязь между ее компонентами и устранить кажущееся противоречие между ними. В целом выделение аспектов криминалистической идентификации является важным теоретико-методологическим шагом, позволяющим уточнить, конкретизировать, систематизировать и устранить противоречия между сложившимися учениями и представлениями о ней.

Так, центральным звеном или аспектом криминалистической идентификации выступает метод. Он включает в себя как исследовательские (познавательные), так и прикладные правила, рекомендации, приемы и способы установления тождества объектов по оставленным им отображениям. Чтобы понять взаимосвязь элементов метода криминалистической идентификации, необходимо рассмотреть его структуру. Она складывается из статического и динамического компонентов. Первый выражается в научно-теоретически сформированных правилах, рекомендациях и процедурах, образующих единую технологию получения искомым результатов в виде достоверного вывода о наличии или отсутствии тождества между проверяемым объектом и имеющимся отображением (следом). Такого рода технологии концентрируются в целостных методиках или отдельных методических рекомендациях. Их особенность заключается в том, что даже в процессе использования они остаются неизменными, служат основным ориентиром производства идентификационных действий. Соблюдение и реализация таких методик гарантируют получение достоверного доказательственного результата.

Динамический компонент метода криминалистической идентификации представляет собой деятельность специальных субъектов или процесс, имеющий двустороннюю направленность. Речь идет о мыслительном (познавательном) процессе — с одной стороны, и о практической деятельности по установлению значимых для уголовного дела фактов — с другой стороны. Разграничение между ними следует считать условным, так как они находятся в неразрывной взаимосвязи друг с другом

и во взаимодействии составляют единое целое — идентификационный процесс. В этом процессе, следовательно, присутствуют две стороны: внутренняя, представляющая собой интеллектуально-познавательную деятельность субъекта, и внешняя — выражающая его практическую деятельность или процедуру установления значимых для уголовного дела фактов. Последняя состоит из технических действий субъекта, основанных на правилах, рекомендациях, методиках, то есть на статическом компоненте соответствующего метода.

Конечно же, криминалистическая идентификация ориентирована, прежде всего, на получение прикладных результатов, на использование в практике борьбы с преступностью. В то же время любая физическая деятельность, в том числе связанная с раскрытием и расследованием преступлений, тесно переплетена с мыслительными процессами, что нельзя не учитывать при рассмотрении соответствующего метода криминалистической идентификации. Поэтому в каждой из высказываемых учеными точек зрения относительно данного метода аксиоматично предполагается диалектическое единство мыслительной и прикладной составляющей. Учет этого обстоятельства позволяет устранить некоторые противоречия между сложившимися научными позициями.

Например, познавательный процесс частью метода криминалистической идентификации признает Е. А. Лушин, отмечая, что «его применение связано с исследованием причинности и установлением неизвестных объектов по обнаруженным следам. При этом автор сводит весь процесс доказывания к поиску и анализу идентификационных признаков, указывающих на причастность подозреваемого к преступлению» [4, с. 145].

В качестве практической деятельности криминалистическая идентификация рассматривается Р. Н. Горбатым. По мнению ученого, она «складывается из действий по установлению объекта, оставившего следы. К таким действиям относятся поиск самих следов, их изучение, выявление присущих им признаков и их сравнение с признаками предполагаемого объекта» [5, с. 42–43].

Т. А. Ткачук и А. Е. Михайлов также говорят о том, что «криминалистическая идентификация есть вид деятельности специально уполномоченных лиц. Данная деятельность выражается в производстве сравнительного исследования материально-определенных объектов, отображенных в материальных следах или в конкретно-чувственных образах» [11, с. 135]. Соответственно в понятие «деятельности» авторы, по всей видимости,

включают и интеллектуальные и физические действия субъектов идентификации.

Р. Н. Горбатый, наоборот, акцентирует внимание на логическом процессе мышления в методе криминалистической идентификации. По его мнению, «идентификация протекает в условиях сопоставления общих и частных признаков объекта, оставшихся в отображении (следе), с самим проверяемым объектом. При этом исследование должно включать в себя познание структуры и элементов материальной обстановки; условий следообразования; состояния, формы и свойств объекта; способа передачи признаков объекта отражающей среде; установление как объединяющих, так и различающих признаков объекта и отображения» [5, с. 40–43].

В. А. Образцов и Д. А. Степаненко также рассматривают криминалистическую идентификацию с точки зрения познавательного процесса. Они указывают, что «данный процесс осуществляется на основе положений специально разработанной научной модели — метода. Он представляет собой осуществляемую в рамках уголовного производства интеллектуальную деятельность субъекта по установлению тождества образовавшего след объекта» [12, с. 752]. При этом необходимо понимать, что познавательный элемент составляет лишь часть содержания метода криминалистической идентификации, так как его основное значение сводится к решению ситуационных задач, обусловленных объективными потребностями практики по раскрытию и расследованию преступлений.

Исходя из вышеизложенного, становится видно, что криминалистическая идентификация одновременно является средством решения идентификационных задач; системой рекомендаций, методик, приемов и способов установления тождества объектов и их отображений; процессом; мыслительной (познавательной, исследовательской) и прикладной деятельностью. Все перечисленное в системной взаимосвязи составляет метод криминалистической идентификации, который, в свою очередь, выступает составным элементом еще более крупного образования — теории криминалистической идентификации.

М. А. Кравцов по данному поводу справедливо указывает, что содержание криминалистической идентификации постоянно расширяется. Она вышла за рамки метода исследования вещественных доказательств или метода криминалистической экспертизы, став при этом специальным криминалистическим методом, вобравшим в себя иные односторонние проявления [13, с. 212]. Теория идентификации

при этом служит научно-прикладным фундаментом, из которого был сформирован метод и иные идентификационные аспекты.

Разработанная в XX в. теория криминалистической идентификации стала одной из наиболее зрелых и крупнейших базовых теорий современной криминалистики [14, с. 145]. Она представляет собой систему научных положений, включающую основные понятия, принципы, объекты, виды, формы, практические рекомендации и условия применения.

Теория криминалистической идентификации основана на диалектическом представлении об индивидуальности, относительной устойчивости и способности объектов материального мира к отображению своих свойств вовне. Данные принципы позволяют выявить из общей группы конкретный объект по совокупности присущих ему и отобразившихся в следе частных признаков. Поэтому исследование следов путем изучения и сравнения сохранившихся в них идентификационных признаков направлено на отождествление объекта с оставленным в следе отображением. Вывод о наличии или отсутствии тождественности между ними есть результат процесса идентификации. Иными словами, идентификация объекта — это установление его тождественности с самим собой по оставленным им отображениям [15, с. 144].

А. М. Зинин и Н. П. Майлис в эволюции теории криминалистической идентификации выделяют три этапа [2, с. 102–106]. Первый этап (1940–1950 гг.) охватил собой формирование основных идей и принципов теории. Второй этап (1950–1960-е гг.) включил в себя процесс обогащения и развития научных положений криминалистической идентификации: разработка понятия и процедуры «установления групповой принадлежности объекта»; ограничение и уточнение круга объектов криминалистической идентификации; определение условий ее осуществления; введение в науку и теоретическое разделение «форм отождествления»; разработка понятий «идентификационное поле» и «идентификационный период»; исследование тактического аспекта криминалистической идентификации. Третий (современный) этап характеризуется общетеоретическими исследованиями криминалистической идентификации, ее органическим встраиванием в общую теорию криминалистики.

В настоящее время теория криминалистической идентификации служит общим фундаментом как экспертных исследований вещественных доказательств, так и многих других познавательных процедур уголовно-го судопроизводства, включая тактическое

обеспечение следственных действий. Она также выступает методологической основой установления связей между фактами и явлениями в процессе доказывания, раскрытия и расследования преступлений [14, с. 145–147].

Современное развитие теории криминалистической идентификации привело ее к проникновению в информационную среду. В соответствии с тенденциями общественного прогресса и цифровой эволюцией преступного мира, адекватной реакцией данной теории стала разработка научных положений, рекомендаций и методик, адаптированных к электронным следам и ориентированных на применение в виртуальной среде.

Очевидно, что цифровое пространство, как и находящаяся в нем следовая картина преступления, принципиально отличаются от обыденных представлений и объективно существующих пространственных измерений. Цифровые следы обладают рядом особенностей, обуславливающих кардинальное изменение подходов к криминалистической работе с ними. Данное обстоятельство было учтено в теории криминалистической идентификации. Базирующийся на ней метод, с входящими в него методиками и технологиями, также выработал основные правила и рекомендации по работе с информацией [16, с. 340].

Заключение

Таким образом, криминалистическая идентификация постоянно развивается и обогащается новыми научными разработками.

К настоящему времени она достаточно сформировалась, чтобы признать ее целостным, разносторонним и многоаспектным учением, представляющим собой систему научных положений, рекомендаций, методик, приемов, способов и процедур — с одной стороны, а также систему основанных на них процессов и действий, позволяющих установить тождество объектов по оставленным ими отображениям (следам) — с другой стороны. Научная разработанность криминалистической идентификации привела к множеству ее терминологических значений и аспектов, позволяющих говорить о ней как о процедуре, процессе, средстве, методе и теории. Все они находятся в тесной взаимосвязи и вместе образуют системное единство, отраженное в категории «криминалистическая идентификация». Большинство аспектов криминалистической идентификации охватывается таким ее терминологическим значением, как метод. Его структурированность, выделение в нем статического и динамического компонентов позволяют устранить множество противоречий, связанных с научным толкованием криминалистической идентификации. В свою очередь, метод следует рассматривать в качестве составного компонента еще более обширной системы — теории криминалистической идентификации, которая прошла эволюционный путь и в настоящее время продолжает развиваться, закономерно реагируя на объективные тенденции и потребности практики борьбы с преступностью.

Список источников

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. Москва, 1997. 837 с.
2. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник. Москва : Право и закон ; Юрайт, 2002. 318 с.
3. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина. Москва : НОРМА, 2000. 990 с.
4. Лушин Е. А. Некоторые спорные вопросы криминалистической идентификации // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования : сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола. Орёл : Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2017. С. 145–147.
5. Горбатый Р. Н. Понятие и особенности криминалистической идентификации и диагностики // Инициатива в образовании: проблема интерпретации знания в современной науке : сборник научных трудов. Казань : СитИвент, 2019. С. 40–45.
6. Терзиев Н. В. Идентификация и установление родовой (групповой) принадлежности. Москва, 1961. 48 с.
7. Китко А. С., Ловяников Н. А., Влезько Д. А. О понятии криминалистической идентификации // MODERN SCIENCE. 2021. № 4-1. С. 287–289.
8. Колдин В. Я. идентификация при расследовании преступлений. Москва, 1978. 144 с.
9. Домбровский Р. Г. Теоретические основы криминалистики. Рига, 2004. 210 с.
10. Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. Москва, 1982. 150 с.
11. Ткачук Т. А., Михайлов А. Е. Криминалистическая идентификация и ее роль в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 3. С. 134–139.

12. Образцов В. А., Степаненко Д. А. Теория криминалистической идентификации: состояние, проблемы, перспективы развития // Lex Russica (Русский закон). 2006. Т. 65, № 4. С. 743–754. EDN: HWHTGN.
13. Кравцов М. А. Особенности криминалистической идентификации и диагностики применительно к установлению морального вреда, причинённого преступлением // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2013. № 6. С. 212–215. EDN: TUUBOF.
14. Ерахтина Е. А. Особенности криминалистической идентификации // Новеллы материального и процессуального права: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции: Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, 2020. С. 144–148.
15. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. Москва, 1999. 551 с.
16. Бирюков В. В., Бирюкова Т. П. Анализ и идентификация в работе криминалистических и иных автоматизированных информационных систем // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 9А. С. 339–349.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

Дата поступления статьи / Received: 04.11.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 340.343
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-110-117

С. 110–117

ЦИФРОВЫЕ (ЭЛЕКТРОННЫЕ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Антонина Владимировна Черецких

*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия
acheretskih@bk.ru*

Аннотация: Данная работа посвящена исследованию сущности цифровых доказательств, особое внимание уделено понятийному аппарату. Предложено и обосновано авторское видение терминов «цифровая информация» и «цифровые доказательства». На наш взгляд использование данных терминов наиболее целесообразно для целей уголовного судопроизводства по причине их емкости относительно терминов «компьютерная» и «электронная» информация. Сфера обращения информации расширилась ввиду появления современных цифровых систем, заменивших распространенные до недавних пор аналоговые сигналы. Данные процессы привели к тому, что совершаемые на сегодняшний день преступления в сфере информационных технологий, охватывают более широкий перечень деяний в сравнении с установленными в уголовном законе компьютерными преступлениями. Особая опасность преступности в сфере цифровой информации связана с тем, что информационно-телекоммуникационные технологии стали неотъемлемой частью жизни каждого современного человека, тем самым преобразовав индустриальное общество и информационное. Произошедшие изменения стали причиной всплеска угроз информационной безопасности, вызванных процессами глобализации информационных процессов, противодействие которым требует принятия адекватных и современных мер со стороны государственных органов власти.

Ключевые слова: цифровые и электронные доказательства, цифровая информация, цифровой сигнал

Для цитирования: Черецких А. В. Цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 110–117. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-110-117

Research article

DIGITAL (ELECTRONIC) EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Antonina V. Cheretskikh

*Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Russian Ministry of Internal Affairs, Tyumen, Russia
acheretskih@bk.ru*

Abstract. This work is devoted to the study of the essence of digital evidence, special attention is paid to the conceptual apparatus. The author's vision of the terms "digital information" and "digital evidence" is proposed and justified in the work. In our opinion, the use of these terms is most appropriate for the purposes of criminal proceedings because of their capacity relative to the terms "computer" and "electronic" information. The sphere of information circulation has expanded due to the emergence of modern digital systems that have replaced the analog signals that were common until recently. These processes have led to the fact that the crimes committed today in the field of information technology cover a wider list of acts in comparison with the computer crimes established in the criminal law. A special danger of crime in the field of digital information is connected with

the fact that information and telecommunication technologies have become an integral part of the life of every modern person, thereby transforming industrial society and information society. The changes that have taken place have caused a surge in threats to information security caused by the processes of globalization of information processes, the counteraction of which requires the adoption of adequate and modern measures by state authorities.

Keywords: digital and electronic evidence, digital information, digital signal

For citation: Cheretskikh AV. Digital (electronic) evidence in criminal proceedings // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):110-117. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-110-117 (In Russ.)

Введение

В уголовном судопроизводстве огромную роль играют доказательства, посредством которых устанавливаются значимые для уголовного дела обстоятельства. Не случайно все процессуальные решения, которые имеют основополагающее значение в контексте результатов производства по уголовным делам, строятся лишь на основе доказательств.

В связи со стремительными темпами цифровизации и технологическим прогрессом наблюдается значительное увеличение числа преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ). Очевидно, что каждое такое преступление оставляет за собой цифровые следы. Данное обстоятельство вызывает необходимость развития уголовно-процессуального права, его отдельных институтов, в частности доказательственного права. Появление в юридической литературе и правоприменительной практике терминов «электронные» и «цифровые» доказательства, вызывает необходимость изучения их сущности, роли и значения в уголовном судопроизводстве.

Описание исследования

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность признания в качестве доказательств по уголовному делу данных, полученных с применением технических средств аудио-, видеозаписи, фото- и киносъемки [1, с. 400]. В настоящее время исследователи и законодатель относят такие данные к электронным (цифровым) доказательствам. Стоит отметить, что использование электронных (цифровых) доказательств на сегодняшний день не имеет правового регулирования по причине отсутствия единства понятий и, как следствие, закрепления данных понятий на законодательном уровне. Проблема правового регулирования использования таких доказательств нуждается в дальнейшем изучении. Нельзя не согласиться с коллективом авторов во главе с Р. С. Белкиным, которые еще в 1973 году

указали, что характеристика и классификация доказательств невозможны при отсутствии их четкого определения, исследования всех его сторон, разграничения видов источников доказательств [2, с. 712]. Этот же вывод необходимо относить и к электронным (цифровым) доказательствам, однако, в отношении данных доказательств отсутствует единое мнение, что же признавать доказательством — информацию или же ее источник (цифровой носитель, накопитель).

Следует согласиться с А. А. Балашовой, которая отметила, что «недостатки правовой регламентации процессуального порядка получения доказательственной базы отражаются на качестве расследования уголовных дел, правильности сбора и оформления электронных доказательств. Кроме того, противоречивость правоприменительной практики и недостаток научно обоснованных рекомендаций относительно порядка проверки и использования информации на электронных носителях негативно сказываются при решении задач уголовного судопроизводства» [3, с. 5].

Повсеместное применение и использование цифровых объектов (фото, видео, телевидение, связь и т. д.) привело к появлению электронной (цифровой) информации, ставшей объектом нового вида преступлений. По мнению автора, под категорией «цифровая информация» следует понимать составляющий компонент (основу) электронных (цифровых) доказательств.

В США под электронными (цифровыми) доказательствами принято понимать информацию и данные, которые хранятся, принимаются или передаются электронным устройством [4, с. 21]. В качестве полного и содержательного определения цифровой информации предлагаем использовать следующее: цифровая информация — это данные, отображаемые в цифровом формате, пригодном для распознавания, обработки или хранения с помощью компьютерной или информационной системы, существующие в виде файлов, журналов, метаданных или сетевых данных.

Для дальнейшего изучения сложившейся проблемы необходимо внести ясность в трактовку понятия «цифровой сигнал». К примеру, научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия»¹ дает определение термина «сигнал» — (от лат. *signum* — знак), под которым понимается условный знак, физический процесс (или явление), несущий сообщение (информацию) о каком-либо событии, состоянии объекта наблюдения либо передающий команды управления, указания, оповещения и т. д. По своей природе сигнал может быть механическим (деформация, перемещение и др.), тепловым (изменение температуры), оптическим (вспышка света, лазерный луч, зрительный образ), электрическим или электромагнитным (например, импульс тока или напряжения, радиоволны), звуковым (речь, музыка, гудок) и др.

Стоит отметить, что цифровые доказательства и представление о доказывании еще в 60-х гг. XX века стали предметом бурного обсуждения членов научного сообщества с позиции кибернетики, как процесса получения, переработки, передачи и хранения информации. Наиболее точно информационную сторону доказательств и доказывания сформулировал в своих научных трудах В. Я. Дорохов, который руководствуясь положениями теории информации, как одного из институтов кибернетики, исходил из лежащего в основе этой теории присущего материи свойства отражения, а с другой — использовал ключевое в информационном плане понятие «сигнал», под которым в теории информации понимается тот или иной физический процесс, несущий информацию о событии, явлении, объекте [5, с. 215].

Сигнал — это результат взаимодействия не менее чем двух структур, он находится в отношении соответствия с событием, фактом. «Взаимное соответствие сигнала и события, — писал В. Я. Дорохов, — существует в определенных пределах, так как сигнал отражает лишь часть, отдельные стороны события. Содержание сигнала образует информация о событии, объекте. Формой сигнала служит способ, вид существования информации (электромагнитные волны, изменение предмета, магнитная запись, акустические колебания и т. д.). Без материальной формы информация не может существовать, перерабатываться, передаваться» [5, с. 216].

Сигнал — материальное воплощение сообщения в виде, используемом в информационных системах при передаче, переработке и хранении информации [6, с. 319]. Также

электрический сигнал — сигнал в виде потоков свободных электронов и электромагнитных волн [6, с. 319]. Изучение и анализ литературы в области физики, информатики, техники показывает отсутствие такого понятия как «электронный сигнал». Основываясь на вышеизложенном, сформируем определение «цифровой сигнал».

С 1960 годов в отечественной литературе ученые подразделяют сигнал на два вида:

1. Аналоговый (т. е. непрерывно меняющийся во времени) сигнал, который может быть представлен непрерывной линией из множества значений, определенных в каждый момент времени относительно временной оси.

2. Дискретный — сигнал, принимающий произвольные значения лишь в отдельные моменты времени. Дискретизация информации — процесс преобразования информации из непрерывной формы представления в дискретную.

Выделяют также подвид дискретного сигнала — цифровой сигнал. Цифровой сигнал — сигнал, квантованный по уровню и дискретизированный по времени.

Фактически цифровой сигнал это дискретный поток той же информации, закодированный числовым образом. Чем выше частота дискретизации, тем ближе цифровой сигнал к аналоговому, но он никогда не может стать равен ему. При дискретизации неизбежно теряется плавность и возможно даже целые отрезки сигнала. На рисунках 1 и 2 приведено более подробное описание и наложение приведенных видов сигналов.

В целях представления информации в дискретной форме, её необходимо выразить с использованием символов какого-нибудь естественного или формального языка. В информатике применяется двоичная система счисления — язык, алфавит которого состоит из двух цифр — 0 и 1. Символы двоичного кода 0 и 1 называют битами (от англ. *binary digit* — двоичное число). В таком случае верны суждения В. В. Хилюта, который утверждает, что компьютерная информация — это программный код представляющий последовательность «0» и «1» [7, с. 76].

С помощью последовательности битов можно представить самую разную информацию. Такое представление информации называется двоичным или цифровым кодированием.

Ключевым свойством цифровой информации является то, что она изначально является закодированной, выраженной в виде чисел 0 и 1, а следовательно, не может быть

¹ URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 10.11.2023).

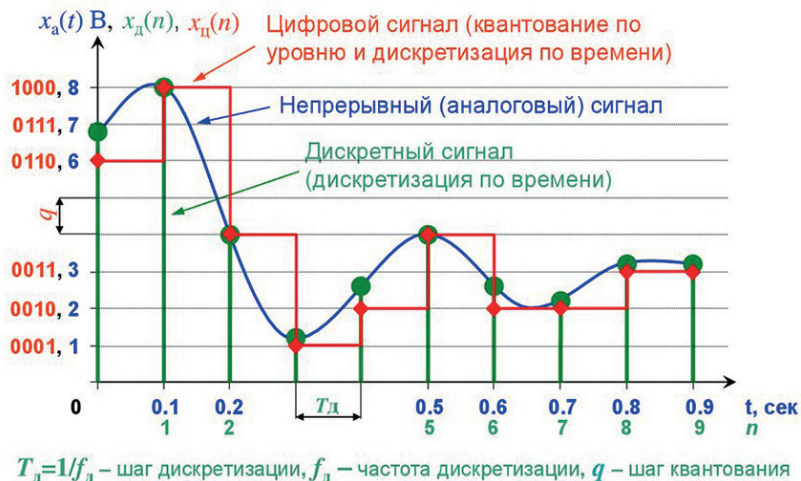

Рисунок 1 — Виды сигналов¹

Рисунок 2 — Передача данных в информационной системе²

в такой форме воспринята человека. Раскодировать цифровую информацию, то есть представить информацию в виде, пригодном для восприятия человеком (аналоговые сигнал), возможно исключительно посредством специальных компьютерных программ.

О сущности цифровой информации достаточно подробно изложено в монографии А. И. Зазулина [8, с. 55–72], который исследовал цифровую информацию с различных

сторон, обозначив ее признаки и отличительные свойства, определив ее носители. В своей работе А. И. Зазулин утверждает, что «разновидностью дискретного сигнала является цифровой сигнал, а сама цифровая информация существует всегда в форме кода в двоичной системе счисления». Цифровую информацию в доказательственном праве А. И. Зазулин определяет как сведения, закодированные в двоичной системе счисления и передаваемые посредством любых физических сигналов, не воспринимаемых человеком непосредственно и содержащихся только на определенных материальных носителях, специально предназначенных для их хранения — носителях цифровой информации» [8, с. 70].

¹ Источник: PC-PORTAL| Помощь по антивирусам Касперского. URL: <https://freekaspersky.ru/10-foto/kakoj-vremennoj-interval-rechevogo-signala-vybran-v-standartegsm-dlya-cifrovogo-preobrazovaniya.html> (дата обращения: 10.11.2023).

² Рисунок составлен автором на основе проведенного в данной работе исследования.

Интерес представляет позиция Н. В. Олиндера, который в своей научной работе под термином «цифровая информация» предлагает понимать информацию создаваемую, передаваемую или получаемую посредством компьютерных сетей. Для целей криминалистики исследователь предлагает использовать термин «цифровой след» [9, с. 108].

от средств их хранения, обработки и передачи. В. В. Хилюта отмечает, что любая компьютерная информация представляет собой программу, состоящую из набора символов «1» и «0» [7, с. 76]. И. А. Юрченко выделяет такую характерную особенность информации, как невозможность ее представления без какой-либо материальной основы, являющейся ее

Рисунок 3 — Схема формирования сигнала в цифровой системе¹

Важно отметить, что в юридической литературе, помимо «цифровой информации» встречаются и иные термины («компьютерная информация», «электронная информация и др.), каждый из которых, безусловно, представляют научный интерес и научную ценность. К примеру, В. Б. Вехов и С. В. Зуев дают следующее обоснование термина «компьютерная информация» — «в результате взаимного информационного обмена и использования в технологических процессах различных программно-технических устройств — происходит качественное и количественное видоизменение первоначальной информации, неизменно влекущее создание нового информационного продукта, выраженного в особой материальной форме — электронно-цифровой. Обработанная таким образом она объективно становится компьютерной информацией» [10, с. 6].

Стоит обратить внимание, что термин «компьютерная информация» закреплен в примечании 1 к ст. 272 УК РФ², под ним законодатель предлагает понимать сведения (сообщения, данные), представленные в форме *электрических сигналов*, независимо

неотделимой основой. Даже в том случае, когда информация существует лишь в сознании человека, она находится в единстве с определенными нейрофизиологическими процессами, являющимися для нее материальным носителем [11, с. 12].

Выражая согласие с позицией Джона Прокиса [12, с. 7], автор считает, что с учетом технической составляющей понятие «цифровая информация» более оптимально. Доказательством этому является то, что во время телефонного разговора речь человека представляет собой аналоговый сигнал, преобразуемый в цифровую последовательность двоичных символов 0 и 1, которая в последующем вновь преобразуется в аналоговую информацию в виде звука и передается абоненту (рисунок 3).

В отличие от аналоговой, цифровая информация способна подвергаться копированию неограниченное количество раз, не теряя при этом качества. К примеру, при множественной ксерокопии печатного бумажного листа, каждый последующий лист будет отличаться более низким качеством относительно предыдущего.

Ключевая проблема в установлении обстоятельств подлежащих доказыванию заключается в том, что они происходили в прошлом, а следовательно, не могут быть воспроизведены повторно, познать их возможно исключительно посредством восстановления картины

¹ Рисунок составлен автором на основе проведенного в данной работе исследования.

² Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.11.2023).

произошедшего события, основываясь на оставшихся в объективном мире сведениях об этом событии. Такие сведения могут быть сообщены очевидцами, могут содержаться в документации или иных предметах, послуживших орудием преступления, или предметах, сохранивших на себе его следы. Получение знаний об обстоятельствах преступления происходит путем ретросказания, то есть в результате процедуры опосредованного выводного получения знаний о настоящих или других прошлых предметах [13, с. 34–35]. Таким образом, сведения о произошедшем в прошлом событии находят отражение в следах, являющихся объективным материалом, служащим основанием ретросказательного исследования, и на котором формируются его выводы (например, в археологии, истории и др.).

Нельзя не согласиться с мнением А. Т. Боннера, который различает «традиционные» и «нетрадиционные» средства доказывания. Под «традиционными» исследователь предлагает понимать средства доказывания, известные уголовному судопроизводству, а под «нетрадиционными» — аудио- и видеозаписи [14, с. 7].

Любое доказательство по уголовному делу имеет процессуальную форму (носитель) и содержание (сведения о факте). К примеру, письменные документы (письменное доказательство) имеют форму — бумагу, и содержание — текст, имеющих доказательственное значение. В случае с электронными (цифровыми) доказательствами таким носителем выступает электронный носитель информации, а содержание — сведения, хранящиеся на данном носителе. Справедливо отмечает А. Е. Федулова, что категория «цифровые доказательства» не закреплена в законодательстве, а соответственно, для применения таких доказательств в уголовном судопроизводстве им необходимо придать процессуальную форму, которой является электронный носитель информации, признаваемый согласно п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ доказательством по уголовному делу [15, с. 93].

Очевидно, что для целей уголовного судопроизводства необходимо установить наличие либо отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию и имеющих значение для уголовного дела. Однако эти обстоятельства, как правило, относятся к прошлому и в большинстве случаев не могут быть непосредственно представлены дознавателю, следователю, прокурору или суду в материальном виде. По уголовным делам они устанавливаются опосредованным путем. Следовательно, процесс доказывания стоит рассматривать

исключительно как правовую реальность, регламентированную уголовно-процессуальным законом.

Заключение и вывод

Проведенное исследование демонстрирует несовершенство уголовного и закона в части регламентации правовых норм: имеются пробелы и противоречия нормативно-правового регулирования, неточности в формулировке отдельных определений, «неудачные» решения в описания некоторых составов преступления, а также отсутствие уголовной ответственности за преступные деяния, которые, несмотря на общественную опасность, не охватываются действующим уголовным законом и др.

В настоящее время к категории «электронные (цифровые) доказательства» обращено пристальное внимание со стороны членов научного сообщества в области судебной правоведеии. Формируются различные подходы к цифровой информации как в законодательстве, так и в доктрине доказывания: используются такие термины для обозначения «электронных (цифровых) доказательств», как «письменные доказательства», «цифровые доказательства», «электронные доказательства», «вещественные доказательства», «иные документы» и др.

Доказательственная информация, выраженная в цифровой форме, записывается, изменяется, сохраняется или передается по каналам цифровой связи либо через электронные носители. Однако на сегодняшний день, законодательно установленная регламентация цифровой информации значительно отстает от изменений, происходящих в современном обществе. Основной проблемой доказательственного права является попытка исследователей «встроить» цифровую информацию в традиционные виды доказательств.

Стоит отметить, что, несмотря на повышенное внимание к цифровым доказательствам, на многочисленные попытки дать им точное определение, с учетом специфики их формы и механизма образования, до сих пор большинство исследователей придерживаются той точки зрения, что цифровые доказательства следует относить к «иным документам».

Однако, по мнению автора, цифровые доказательства должны быть признаны самостоятельным видом доказательств. На сегодняшний день исчерпывающие теоретические исследования по данному вопросу отсутствуют. Абсолютное большинство научных работ посвящено рассмотрению аспектов цифровой информации, современным информационным технологиям при расследовании и раскрытии

преступлений. Отечественная литература также не содержит комплексных монографических работ, посвященных рассмотрению цифровой информации в качестве самостоятельного вида доказательств в уголовном судопроизводстве.

Представляется верным суждение В. А. Новицкого и Л. Ю. Новицкой [16], согласно которому необходимо законодательное изменение подхода к цифровой информации. Во-первых, по мнению исследователей, следует отказаться от двойственного подхода к цифровой информации в рамках уголовного судопроизводства при ее закреплении в нормах об иных видах доказательств. Осуществить «ревизию» всех источников права и выделить в самостоятельные статьи уголовно-процессуального законодательства нормы о электронных (цифровых) доказательствах. Во-вторых, при отнесении цифровых доказательств в одному из видов, приоритет следует отдавать самостоятельной цифровой форме закрепления доказательств.

Таким образом, законодательная модель использования электронных (цифровых) источников доказательств должна содержать

не только правовые нормы, но и правоприменительную практику.

Проведенный в рамках данного исследования анализ позволяет произвести обобщение концептуального подхода законодателя: как к виду электронных (цифровых) доказательств, так и к их описанию, правилам применения, и определению правовых последствий их применения. В первую очередь это определило возможность применения как электронной (цифровой) информации, так и электронных (цифровых) носителей информации в зарубежных странах: аутентификация электронной информации, вес доказательств, наблюдение за «блуждающим объектом», электронное прослушивание, электронные следственные действия, электронный судебный контроль.

Очевидно, что все происходящие изменения в конкретном историческом периоде должны находить свое отражение в законодательстве, в особенности в уголовно-процессуальном законе. Закон должен быть мобилен и отвечать современным запросам.

Список источников

1. Вотановский Т. Н. Фотоснимки, видеозаписи, фонограммы в системе доказательств в уголовном процессе // Вестник ТГУ. 2011. № 11. С. 400–403.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин [и др.]; Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Юрид. лит., 1973. 734 с.
3. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2020. 31 с.
4. Electronic CSI. A Guide for First Responders. 2nd edition. National Institute of Justice. April 2008. 21 p.
5. Дорохов В. Я. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, В. Я. Дорохов, Л. М. Карнеева [и др.]. Москва : Юрид. лит., 1973. 215 с.
6. Автоматизация производства и промышленная электроника. В 4 т. Т. 3 / гл. ред. А. И. Берг и В. А. Трапезников. Москва : Советская энциклопедия, 1964. 487 с.
7. Хилjuta В. В. Правовая информатизация и уголовный закон // Проблемы правовой информатизации. 2007. № 1.
8. Зазулин А. И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. 168 с.
9. Олиндер Н. В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 3. С. 107–110.
10. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и электронных средств платежа : учебное пособие для вузов / отв. ред. В. Б. Вехов, С. В. Зуев. Москва : Юрайт, 2021. 243 с.
11. Юрченко И. А. Информация конфиденциального характера как предмет уголовно-правовой охраны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. 35 с.
12. Прокис Джон. Цифровая связь : пер. с англ. / под ред. Д. Д. Кловского. Москва : Радио и связь, 2000. 797 с.
13. Никитин Е. П. Метод познания прошлого // Вопросы философии. 1966. № 8. С. 34–44.
14. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : монография. Москва : Проспект, 2015. 611 с.
15. Федулова А. Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60). С. 90–100.
16. Новицкий В. А., Новицкая Л. Ю. Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 213–221.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 22.11.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 30.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.126
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-118-123

С. 118–123

«ОБОСНОВАННОЕ ПОДОЗРЕНИЕ» КАК УСЛОВИЕ ИЗБРАНИЯ СУДОМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Алина Радиковна Чикулина

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
alina_ibragimova11@mail.ru*

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование правовой сущности «обоснованного подозрения» через изучение его ключевых признаков. В настоящей статье «обоснованность подозрения» рассматривается как необходимое условие, при избрании судом указанных мер пресечения, существенно затрагивающих конституционные права личности. Отмечается отсутствие данного условия в действующем уголовно-процессуальном кодексе. Пробелы в понимании данного понятия восполняются научными подходами и правовыми предписаниями Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ. Рассматривая обоснованность подозрения, как общее и необходимое условие избрания меры пресечения автор указывает, что если правоприменитель не подтвердил и (или) не проверил наличие такого условия, путем исследования достаточных фактов достоверно и объективно доказывающих причастность лица к совершенному преступлению, то основания избрать в отношении обвиняемого (подозреваемого) меру пресечения не имеется. Задачами исследования является анализ теоретических положений и правоприменительной практики (материалов досудебного производства) по вопросам проверки обоснованности подозрения. На основе проведенного исследования и анализа правоприменительной практики автор акцентирует внимание на проверке обоснованности подозрения, как необходимого условия избрания меры пресечения, в том числе, как гарантии конституционных прав личности.

Ключевые слова: избрание меры пресечения, заключение под стражу, обоснованность подозрения, пределы доказывания, условия избрания меры пресечения, судебный контроль

Для цитирования: Чикулина А. Р. «Обоснованное подозрение» как условие избрание судом меры пресечения // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 118–123. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-118-123

Research article

“REASONABLE SUSPECTION” AS A CONDITION FOR ELECTING A MEASURE OF PRESTRESSION BY THE COURT

Alina R. Chikulina

*South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
alina_ibragimova11@mail.ru*

Abstract. The purpose of this article is to study the legal essence of “reasonable suspicion” through the study of its key features. In this article, “the validity of suspicion” is considered as a necessary condition for the election of the court of these preventive measures that significantly affect the constitutional rights of the individual. The absence of this condition in the current Criminal Procedure Code is noted. It is noted that gaps in the understanding of this concept are filled with scientific approaches and legal regulations of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. Considering the validity of suspicion as a general

and necessary condition for the election of a preventive measure, the author points out that if the law enforcement officer did not confirm and (or) did not check the existence of such a condition by examining sufficient facts reliably and objectively proving the involvement of a person in the committed crime, then there is no reason to choose a preventive measure against the accused (suspect). The objectives of the study are to analyze theoretical provisions and law enforcement practice (materials of pre-trial proceedings) on the issues of verifying the validity of suspicion. Based on the conducted research and analysis of law enforcement practice, the author focuses on checking the validity of suspicion as a necessary condition for choosing a preventive measure, including as a guarantee of the constitutional rights of the individual.

Keywords: election of a preventive measure, detention, validity of suspicion, limits of proof, conditions for the election of a preventive measure, judicial control

For citation: Chikulina AR. "Reasonable suspicion" as a condition for the court to select a preventive measure. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):118-123. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-118-123 (In Russ.)

Введение

Согласно нормам уголовно-процессуального законодательства принимать решения об избрании в отношении лица мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий может только суд. В уголовно-процессуальном законодательстве советского периода вопрос о необходимости исследования доказательств, подтверждающих законность и обоснованность избрания таких мер пресечения прямо не ставился. Актуальность обозначенной проблемы стали отмечать процессуалисты после закрепления в советском законодательстве норм, дающих возможность судебной проверки законности и обоснованности ареста. При этом, ученые-процессуалисты в разные периоды времени указывали на «сложность объективного решения, принимаемого судьей по материалам неоконченного расследования» [14, с. 167]. Так, Б. Б. Булатов указывал, что «проверка судьей обоснованности задержания подозреваемого при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения является одним из центральных» [2, с. 100]. По мнению А. А. Чувилева, «оценка правильности применения меры пресечения будет порождать «оценку данных, изобличающих в совершении преступления»» [14, с. 167]. Разъяснения Пленума Верховного суда РФ в постановлении от 27.04.1993 г. обращали внимание на запрет суда входить в обсуждение вопроса о виновности содержащегося под стражей лица¹. Однако, после закрепления судебного порядка заключения под стражу и продления его сроков проверка «доказанности

¹ О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления содержания под стражей : постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 апреля 1993 г. № 3 (п. 9) [утратил силу] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.09.2023).

обвинений» лишь приобрела наибольшую актуальность. В последующих разъяснениях постановления Пленума Верховного суда РФ № 22 от 29 октября 2009 г.², постановлении Пленума Верховного суда РФ № 41 от 2013 г.³ подчеркивается важность проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к преступлению. Изучение правоприменительной практики, позволило выявить, что при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения суды ограничиваются ссылкой на квалификацию преступления, игнорируя проверку доказательств обоснованности подозрения причастности лица к совершенному преступлению. Такое положение объяснимо, ведь в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) данный термин отсутствует.

Материал и методы

В качестве материала исследования использованы научные публикации по вопросам заявленной проблемы с 1964 г. по настоящее время. В процессе проведения исследования автором использовались метод выборочного наблюдения, статистического анализа и обобщения собранного материала. Содержание текстов нормативно-правовых актов позволил в полной мере исследовать формально-юридический метод.

² О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста : постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.10.2009 № 22 [утратил силу] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.09.2023).

³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.09.2023).

Предметом изучения были материалы правоприменительной практики, решения судов, в том числе, находящиеся в открытом доступе (специально отобранные по принципу проверки подтверждения позиции следователя, дознавателя и суда обоснованности подозрения в причастности лиц к совершенному преступлению и наличие достаточных оснований для избрания в отношении их меры пресечения). Метод наблюдения использовался для изучения особенностей избрания мер пресечения судом. В исследовании применялись методы анализа, синтеза и сопоставления, позволившие определить сущность понятий «подозрение», «обвинение».

Описание исследования

В уголовно-процессуальной теории понятие «подозрение» рассматривается учеными-процессуалистами в разных аспектах. Как «уголовно-процессуальный институт в системе уголовно-процессуального права» [1, с. 9], характеризует «подозрение» Е. А. Бравилова. По мнению С. И. Пономаренко «это форма осуществления уголовного преследования» [9, с. 192]. Встречаются в уголовно-процессуальной науке и суждения, когда подозрение рассматривается как «умозаключения следователя о существующей взаимосвязи выявленных обстоятельств дела, подкрепленных достоверными фактами и сформулированными на их основе выводами, а также не обладающими определенной степенью вероятности данными, в том числе непроверенными» [13, с. 196]. На отсутствие определенности законодательства в вопросах «содержания постановления органов расследования с ходатайством об избрании рассматриваемой меры пресечения (с указанием не только оснований, но и невозможности беспрепятственного осуществления уголовного преследования при применении иной меры пресечения), о процедуре подготовки и рассмотрения судом данного ходатайства» обоснованно указывают Г. И. Загорский, Ф. М. Кобзарев, М. С. Шалумов [3, с. 43]. Полагаем, что подобные подходы объясняются нерегламентированными границами и критериями, которые позволили бы наблюдателю объективно оценить обоснованность возникших подозрений в причастности лица к совершенному им преступлению. При этом отметим, что проанализированные исследования современных ученых-процессуалистов [10; 11; 12; 15] и работы в правовом поле международной практики позволяют рассматривать «обоснованность подозрения» как «первое и необходимое условие при избрании меры пресечения» [6, с. 271], наличие

которого «способно убедить объективного наблюдателя в том, что данное лицо могло совершить преступление»¹.

В теории уголовного процесса обоснованность подозрения и обоснованность обвинения, рассматриваются как синонимичные понятия. Так, Ю. Д. Лившиц доказанный материалами уголовного дела факт совершения преступления относил к «основаниям применения меры пресечения» [7, с. 27]. Согласно позиции О. В. Качаловой и В. И. Качалова данные понятия следует различать только «в объеме претензии, определяющей процессуальный статус лица в качестве подозреваемого или обвиняемого» [4, с. 221]. Представляется очевидным, что норма ст. 171 УПК РФ в качестве оснований обоснованности обвинения предусматривает «наличие достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления»².

При этом отметим, что с разграничением указанных понятий возникают трудности и в правоприменительной практике. В качестве примера рассмотрим решение П-го районного суда Ставропольского края от 06.03.2020 г. Так, суд при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Савинова В. В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ проанализировав приобщенные материалы: постановление о возбуждении уголовного дела, заявление потерпевшего ФИО1, протокол допроса потерпевшего ФИО1, заявление потерпевшей ФИО2, протокол допроса потерпевшей ФИО2, заявление потерпевшей ФИО3, протокол допроса потерпевшей ФИО3, протокол явки с повинной, протокол допроса подозреваемого Савинова В. В., протокол допроса обвиняемого Савинова В. В., и иные, указал, что они «свидетельствуют об обоснованности обвинений органа предварительного следствия о возможной причастности Савинова В. В. к совершенному деянию»³.

¹ Фокс, Кэмпбэл и Хартли против Великобритании : постановление ЕСПЧ от 30 авг. 1990 г. Идентификационный номер: ECH-1990-S-004 // Доступ из НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения 26.09.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.11.2023).

³ Справка по итогам обобщения практики принятия судами Ставропольского края решений о заключении под стражу лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, за период с 1 января 2020 года по 15 мая 2020 года. URL: <http://kraevoy.stv.sudrf.ru> (дата обращения: 05.09.2023).

Как представляется, достаточность фактических данных не только будет являться подтверждением, обосновывающим причастность лица к инкриминируемому преступлению, это же обстоятельство, очевидно, позволит разграничить правоприменителю подозрение от обвинения.

Важно отметить, что для возникновения у субъекта доказывания определенного уровня подозрения объем таких данных может быть неполным, позволяющим сформулировать лишь предположение о причастности лица, при этом недостаточным для предъявления обвинения.

Указанный вывод, находит свое подкрепление и в этимологическом значении термина «подозрение» который, согласно толковому словарю характеризуется как «предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-нибудь поступков; предположение о возможности чего-нибудь» [8, с. 530].

Понятие «обоснованность подозрения» неоднократно встречается в правовых позициях Верховного суда РФ и Конституционного суда РФ. В практике Конституционного суда РФ «обоснованное подозрение» определяется как «необходимый элемент, подтверждающий законность задержания лица или избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу»¹.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» содержит определенный алгоритм обязательных действий суда по проверке обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Согласно приведенным разъяснениям, наличие данных, что лицо причастно к совершенному преступлению будет подтверждаться фактом того, что оно «застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или

в его жилище обнаружены явные следы преступления и т. п.»².

Вполне очевидно, что приведенные высшей судебной инстанцией примеры явно не охватывают все спорные моменты, которые могут возникнуть в судебной практике. Более того, считаем, что в указанных случаях уровень убежденности правоприменителя в обоснованности подозрения причастности лица к совершенному преступлению будет зависеть от оснований такого сообщения, и степени их «весомости». Представляется, что если лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, то уровень обоснованности при таком основании будет минимальный, подтверждением которого будет выступать сам факт. Иной, более высокий уровень убежденности обоснованности подозрения предполагают такие основания как указание на данное лицо потерпевшими или очевидцами или обнаружение следов преступления на его лице, одежде, при нем, в его жилище.

При этом, высший судебный орган, указывая на необходимость проверки обоснованности, в этом же постановлении указывает на запрет обсуждения вопросов о виновности лица. Данное положение следует из определения Конституционного суда РФ от 24 марта 2015 г. № 676-О, согласно которому, действующие правила избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу не позволяют суду предрешать вину лица в совершении инкриминированного ему преступления³.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что рассматривая вопрос об избрании меры пресечения и принимая соответствующее решение суду необходимо сначала установить наличие подтвержденного обоснованного подозрения, только после его подтверждения — основания для избрания мер пресечения. Приведенное положение прямо следует из ч. 1 ст. 91 УПК РФ. В связи с чем, мы приходим к выводу, что именно основания задержания выступает формальным признаком официального подозрения (п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ).

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильясова Имрана Спахиевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта «н» статьи 44, части первой статьи 59 и части четвертой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 48 УК РСФСР, статьи 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного суда РФ от 19 июня 2007 г. № 592-О-О. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 26.09.2023).

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.09.2023).

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якимовича Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 90 Семейного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного суда РФ от 24 марта 2015 г. № 666-О. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

Таким образом, с учетом вышесказанного, мы приходим к выводу, что на первом этапе у субъекта доказывания возникает определенный уровень предположения, он объективно не предполагает абсолютной уверенности, а лишь высокую долю вероятности, хотя и основанный на фактических обстоятельствах. Кроме того, с учетом вышесказанного, сам по себе критерий «обоснованное подозрение» не свидетельствует о совершении лицом преступления, в данном случае речь идет о предположении, высокой доле вероятности, основанной на сведениях и фактических обстоятельствах события, произошедшего в прошлом.

Высшая судебная инстанция неоднократно указывала, что проверяя и оценивая обоснованность подозрения, судья не может ограничиваться формальными подходами, исключая проверку в причастности лица к совершенному преступлению, аргументацией которого является «наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению». Указание на конкретные факты и материалы, а также их анализ должны быть обязательным условием, как справедливо указывает О. В. Качалова «сведения, подтверждающие обоснованность подозрения, должны быть конкретными» [5, с. 63]. Анализ судебной практики позволил выявить, что в качестве данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению не могут рассматриваться доказательства, подтверждающие само событие преступления¹.

Так, 17.03.2023 г. судьей Ашинского городского суда Челябинской области вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Ч. Ю. А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. В качестве оснований суд указал, что согласно представленным материалам следственными органами не приведены достаточные мотивы уголовного преследования Ч. Ю. А., также вызывает сомнение и обоснованность предъявленного обвинения по ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку в представленном материале отсутствуют медицинские документы, устанавливающие причину смерти потерпевшего².

¹ Обзор практики рассмотрения судами ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей : утв. Президиумом Верховного суда РФ 18.01.2017. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.09.2023).

² Об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и избрании меры пресечения в виде запрета определенных

Анализ правоприменительной практики показал³, что подтвердить «обоснованность подозрения» можно любыми сведениями, основываясь на которых суд устанавливает обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела на соответствующей стадии.

Заключение и выводы

Проведенное исследование правоприменительной практики позволило выявить, что обоснованность подозрения в причастности обвиняемого к совершению деяния при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судами не всегда подробно исследуется и оценивается. Причиной тому является отсутствие законодательного закрепления в нормах уголовно-процессуального законодательства понятия «обоснованное подозрение» и критериев его оценки. Кроме того, результаты изучения судебной практики показали, что проверяя такую «обоснованность» суды (несмотря на предписание Верховного суда РФ) входят в обсуждение вопроса о виновности лица.

Таким образом, недопустимо игнорировать обязательность проверки судьей при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения приобщенных к нему конкретных сведений, подтверждающих и указывающих на лицо, как на причастное к совершению преступления. Очевидно, что уголовно-правовая претензия к лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование должно основываться на конкретных сведениях и фактических данных, подтверждающих факт причастия лица к совершению преступления.

В процессе проводимого исследования было выявлено, что при разрешении вопроса об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу устанавливать наличие обоснованности подозрения, как и обоснованность обвинения, необходимо посредством состязательной судебной процедуры.

действий : постановление Ашинского городского суда Челябинской области от 17.03.2023 г. // Архив Ашинского городского суда Челябинской области.

³ Бюллетень судебной коллегии по уголовным делам IV квартал 2016 г. : утв. постановлением президиума Липецкого областного суда от 16.02.2017 г. // СПС «КонсультантПлюс» ; Обзор судебной практики применения судами Нижегородской области законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога за четвертый квартал 2014 года : утв. президиумом Нижегородского областного суда 22.04.2015 // СПС «КонсультантПлюс» ; Обзор судебной практики применения Верховного суда РФ № 4 (2015) : утв. Президиумом Верховного суда РФ 23.12.2015 (ред. 26.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс» ; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 15.12.2016 г. № 5-АПУ16-71 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.09.2023).

Сказанное должно исключить формальность подхода, в том числе и суда, ведь именно на него возлагается ответственность за принятие законного и обоснованного решения.

Судебный контроль при разрешении вопроса о возможности избрания в отношении лица меры пресечения должен осуществляться в рамках непосредственного исследования обстоятельств, которые составляют предмет доказывания. Решения суда не должны основываться исключительно на представленных следственных материалах, особенно важно это учитывать при совершении преступления в условиях неочевидности.

Подтверждая обоснованность подозрения при избрании меры пресечения полученные фактические данные не являются доказательством вины лица. Важно отметить, что степень обоснованности подозрения при избрании меры пресечения и при решении вопроса о ее продлении не может быть одинаковой. Сказанное свидетельствует, что предел стандарта доказывания «обоснованность подозрения» не является неизменным критерием, на каждом последующем этапе уровень его убежденности (обоснованности) должен увеличиваться, что однозначно исключает любые общие и формальные аргументы.

Список источников

1. Бравилова Е. А. Об обвинении и его взаимосвязи с уголовным преследованием и подозрением // Правовая защита: проблемы применения современного законодательства в практике : межкафедр. сб. науч. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2004. Вып. 2. С. 8–16.
2. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск : Омская Академия МВД России, 2003. 320 с.
3. Загорский Г. И., Кобзарев Ф. М., Шалумов М. С. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и сроки содержания под стражей: некоторые теоретико-правовые вопросы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 42–50.
4. Качалова О. В., Качалов В. И. Значение категории «обоснованность обвинения» в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 218–223.
5. Качалова О. В. Учет судом оснований и условий применения заключения под стражу в качестве меры пресечения // Судья. 2019. № 9. С. 60–64.
6. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т. Г. Морщаковой. Москва : Мысль, 2012. 584 с.
7. Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. Москва, 1964.
9. Пономаренко С. И. Подозрение в совершении преступления как форма уголовного преследования // Конституция Российской Федерации и проблемы уголовного права, криминологии и уголовного процесса : сб. науч. тр. Волгоград : ВА МВД России, 2005. С. 191–196.
10. Россинский С. Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 30–36.
11. Рудич В. В. Реализация международно-правового стандарта обоснованности подозрения при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 25. С. 113–120.
12. Устинов А. А. Обоснованность подозрения в причастности к совершенному преступлению при избрании судом меры пресечения // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55). С. 27–33.
13. Франк Л. В. Задержание и арест подозреваемого в советском уголовном процессе. Душанбе, 1963. 236 с.
14. Чувилев А. А. Актуальные вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка : мат. Всесоюз. науч.-коорд. конф. Москва, 1979. С. 167.
15. Шадрина Е. Г. Обоснованность подозрения — одно из условий избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 16 ноября 2018 г.). Санкт-Петербург, 2018. С. 135–139.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 01.11.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 24.11.2023.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-124-132

С. 124–132

ИНИЦИИРОВАНИЕ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ирина Александровна Шершикова^{1,2}

¹Центральный районный суд г. Челябинска

²Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

irina241277@icloud.com

Аннотация. В статье рассматривается один из дискуссионных моментов практики правоприменения, вопрос об инициировании процедуры апелляционного обжалования судом апелляционной инстанции в целом, а также влияние указанного процесса апелляционного обжалования на изменение объема прав осужденного. Автор приходит к выводу, что любой апелляционный пересмотр иницируется сторонами, при этом только при выполнении соответствующих апелляционных требований осуществляется механизм апелляционного производства, в котором публичное начало проявляется в таких процессуальных гарантиях как обеспечение права на защиту, права на обжалование и запрет на ухудшение положения осужденного лица. Автором разработаны теоретические положения и даны рекомендации правоприменительного характера, направленные на разъяснение порядка инициирования процесса апелляционного обжалования, предлагается авторский подход к пониманию механизма апелляционного обжалования на примере сравнительного анализа действующих уголовно-процессуальных норм в различных государствах.

Ключевые слова: апелляционное обжалование, кассационное производство, сторона защиты, сторона обвинения, осужденный, уголовный процесс

Для цитирования: Шершикова И. А. Инициирование апелляционного обжалования в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 124–132. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-124-132

Research article

INITIATION OF APPEAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Irina A. Shershikova^{1,2}

¹Central District Court of Chelyabinsk

²South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia

irina241277@icloud.com

Abstract. The article examines one of the controversial issues in law enforcement practice, the issue of initiating the appeal procedure by the appellate court as a whole, as well as the impact of this appeal process on changing the scope of the rights of the convicted person. The author comes to the conclusion that any appeal review is initiated by the parties, and only when the relevant appeal requirements are met, the mechanism of appeal proceedings is launched, in which the public principle is manifested in such procedural guarantees as ensuring the right to defense, the right to appeal and the ban on worsening the situation of the convicted person. The author has developed theoretical provisions and given recommendations of a law enforcement nature, aimed at clarifying the procedure for initiating the appeal process, and proposes his own approach to understanding the appeal mechanism using the example of a comparative analysis of existing criminal procedural rules in various states.

Keywords: appeal, cassation proceedings, defense, prosecution, convicted person, criminal trial

For citation: Shershikova IA. Initiation of appeal in criminal proceedings. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):124-132. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-124-132 (In Russ.)

Введение

Положениями действующего уголовного процессуального закона презюмируется, что любой апелляционный пересмотр инициируется сторонами, и только при наличии соответствующих апелляционных требований запускается механизм апелляционного производства, в котором публичное начало проявляется в таких процессуальных гарантиях как обеспечение права на защиту, права на обжалование и запрет на ухудшение положения осужденного лица.

При этом инициирование апелляционного обжалования стороной защиты является одновременно и реализацией права на обжалование и права на повторный пересмотр уголовного дела, так и права на защиту. В свою очередь, оба этих процессуальных правомочия стороны защиты в условиях апелляционного производства обеспечиваются установленной законом процессуальной гарантией в виде запрета «поворота» к ухудшению положения осужденного, реализуемой в рамках рассматриваемой стадии уголовного процесса с определенными особенностями.

Описание исследования

Публичное начало уголовного процесса, являясь системообразующим звеном, отражается как на взаимодействии указанных прав и процессуальных гарантий, так и на действии принципов диспозитивности и состязательности сторон, принципа законности. Подобные переплетения процессуальных категорий свидетельствует о сложности стадии инициирования апелляционного обжалования.

Напомним, что право обвиняемого на защиту включает в себя не только право пользоваться помощью защитника, но и право защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами, в том числе давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний; возражать против обвинения, давать показания по предъявленному обвинению либо отказаться от дачи таковых; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; давать объяснения и показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика бесплатно, в случаях, когда обвиняемый не владеет или

недостаточно владеет языком, на котором ведется судопроизводство; участвовать в ходе судебного разбирательства в исследовании доказательств и судебных прениях; произносить последнее слово; приносить жалобы на действия, бездействие и решения органов, осуществляющих производство по делу; знакомиться в установленном законом порядке с материалами дела¹.

В силу ст. 19 УПК РФ действия (бездействие) и решения, в том числе суда, могут быть обжалованы в порядке, установленном законом, а каждый осужденный имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом, также в порядке, установленном законом².

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) ограничивает полномочия других участников процесса, кроме автора жалобы, только правом на подачу письменных возражений (ст. 389.7 УПК РФ) в то время, как понятие «встречная жалоба» в современном отечественном уголовном процессе полностью отсутствует [1, с. 22].

Об этом указывалось А. С. Александровым и Н. Н. Ковтуном еще при обсуждении проекта УПК РФ 1999 года, как и об отсутствии указания на то, что иной «апеллятор» (например, потерпевший) может просто присоединиться к апелляционному отзыву другого «апеллятора», сформулировавшего в своей жалобе сходные (в своей юридической или фактической части) требования [2, с. 61].

Примечательно, что понимание апелляции как процесса обжалования в разрезе сравнительного анализа процессуальных норм синонимично в других государствах, например, уголовно-процессуальное законодательство Французской Республики предусматривает понятие «встречной апелляции». Так, в случае подачи апелляции одной из сторон в течение срока обжалования другой стороне предоставляются дополнительные 5 дней на подачу встречной апелляции (ст. 500 УПК ФР). При этом отзыв заявителем жалобы влечет

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного суда РФ от 30.06.2015 № 29 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

вынесение не подлежащего обжалованию постановления о непринятии апелляции (ст. 505-1 УПК РФ). Отзыв осужденным или гражданским ответчиком основной апелляции влечет недействительность встречных апелляций (ст. 500-1 УПК РФ) [3, с. 25–28].

В то же время процессуальное право ФРГ в рамках кассационного пересмотра предусматривает, что документ, содержащий кассационное обжалование, должен быть доставлен противной стороне, которая свободна в своём решении в течение одной недели подать встречное заявление в письменной форме. При этом подсудимый может подать это заявление путём занесения его в протокол, составляемый в канцелярии суда¹.

Полагаем, что возражения на жалобу как форма реакции на инициированное другой стороной апелляционное производство не равнозначно полноценной «встречной» или апелляционной жалобе соответствующего участника процесса, поскольку, во-первых, какие-либо правовые условия таких возражений не содержатся в нормах УПК РФ, в отличие от апелляционной жалобы или представления, основные требования к содержанию которых указаны в ст. 389.6 УПК РФ; во-вторых, требование об отмене или изменении обжалуемого решения не может быть заявлено в форме возражений, такое правомочие указано только применительно к апелляционной жалобе и представлению (п. 4 ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ).

Однако процессуальная возможность присоединиться к апелляционному обжалованию, инициированному другой стороной, на наш взгляд должна быть. Это не только позволит избежать дублирования подготовительных действий судами обеих инстанций² [4, с. 191] но и будет способствовать снижению количества последующих кассационных обжалований, если участник процесса может

присоединиться к апелляционным требованиям, быть заслушанным в том же судебном заседании, даже в случаях, когда пересмотр инициирован противоположной стороной и тем самым сможет выразить свое мнение по состоявшему судебному решению.

Такая реализация права на апелляционное обжалование влияет и на последующий порядок кассационного пересмотра (в порядке «сплошной» или выборочной кассации, соответственно). В совокупности наличие возможности присоединения или подачи встречного требования/заявления/жалобы/представления будет способствовать полноценной однократной процедуре обжалования в каждой из имеющихся стадий пересмотра (одна апелляция, одна кассация и т. д.).

В рамках инициирования апелляционного обжалования в науке отмечается «сомнительная» практика подачи стороной защиты формальных «трафаретных» апелляционных жалоб на приговоры, постановленные в особом порядке, рассчитывая на возможную отмену или изменение приговора со смягчением наказания. Указывается об отсутствии ограничения по обжалованию итогового судебного решения [5, с. 145–147]. Полагаем, что постановление приговора в особом порядке не должно исключать право на его апелляционное обжалование, пусть даже по формальным основаниям, эта гарантия обеспечивает справедливое судебное разбирательство по упрощенным порядкам в том числе.

Стороны, инициируя апелляционное производство по уголовному делу, действуют в рамках принципа состязательности и диспозитивного начала, выражая свою позицию по делу, приводя доводы и имея право на представление новых доказательств, что проявляется в активном использовании своих процессуальных прав³.

Вместе с тем, право на защиту может быть реализовано и в виде пассивного поведения в стадии апелляционного обжалования — не инициирование апелляционного обжалования в случае, если в решении суда первой инстанции интересы осужденного учтены максимально выгодно для него.

¹ Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия = Strafprozessordnung (StPO) : научно-практический комментарий и перевод текста закона // Портал публикаций publish.UP. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf> (дата обращения: 14.05.2023).

² Так, в рамках кассационного обжалования указывается, что во избежание дублирования подготовительных действий судами первой и кассационной инстанции, а также в целях устранения повторного рассмотрения уголовного дела в порядке «сплошной» кассации следует предусмотреть в законе требование обязательного извещения в кассационном производстве всех лиц, уполномоченных на принятие кассационной жалобы. В этом случае другие участники процесса смогут либо присоединиться к процедуре кассационного обжалования с самостоятельной жалобой, либо подать возражения против жалобы другой стороны.

³ Конституционный суд РФ указывает в этой связи, что апелляционные жалобы и представления относятся к числу обязательных элементов механизма возбуждения апелляционного производства (определение Конституционного суда РФ от 5.12.2019 года № 3271-О «По запросу Воронежского областного суда о проверке конституционности части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (п. 4.1) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2023)).

С другой стороны, в рамках действия принципа публичности, суд апелляционной инстанции, невзирая на ревизионные начала, связанные с возможностью полной проверки независимо от доводов сторон, ограничен специальной процессуальной гарантией для стороны защиты — запрет на принятие решения, ухудшающего положения лица, привлекаемого к уголовной ответственности (*non reformatio in peius*¹) [6, с. 82].

Напомним, что согласно ст. 389.24 УПК РФ, решения суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей. Допускается принятие решения, ухудшающего положения осужденного по отношению к приговору суда первой инстанции только по представлению прокурора и (или) жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей. При этом суд не вправе выходить за пределы доводов жалобы или представления².

Ограничение в определенных случаях возможности принятия решений, ухудшающих положение лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, является одним из проявлений благоприятствования защите (*favor defensionis*³) [7, с. 295] в уголовном процессе. Принцип недопустимости поворота к худшему (*non reformatio in peius*) является составной частью института поворота к худшему, но не исчерпывает его. Он находит свое действие в проверочных стадиях уголовного процесса и означает, что суд вышестоящей инстанции вправе вынести решение, сопряженное с поворотом к худшему для лица, в отношении которого ведется или велось производство по уголовному делу, только при наличии требования об этом, отраженного в жалобе, представлении участников процесса [8, с. 19, 49].

Несмотря на ревизионное начало, суд апелляционной инстанции не вправе свободно и по своему усмотрению ухудшить положение

лица, привлекаемого к уголовной ответственности. В случае если при проверке судом апелляционной инстанции выявлены нарушения, о которых не указано в апелляционной жалобе или представлении, однако которые влияют или ставят под сомнение законность и обоснованность обжалуемого решения, суд апелляционной инстанции вправе самостоятельно обозначить такие нарушения и закрепить их в рамках своего апелляционного судебного акта, только в случае, если это улучшает положение привлекаемого к уголовной ответственности лица. Соответственно, проверка уголовного дела судом апелляционной инстанции допускается только в сторону улучшения положения лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Исключением из данного правила выступает наличие в жалобе или представлении сторон довода о принятии решения судом апелляционной инстанции, ухудшающим положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Л. В. Головки указывает, что фактически суд апелляционной инстанции обязан действовать строго в рамках доводов жалобы (представления) только *в одном случае* — если речь идет о принятии решения, ухудшающего положение осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено [9, с. 1095].

Судебная практика выработала критерии понятия «ухудшение положения» путем определения понятий «более тяжкое преступление» и «усиление наказания». Изменением обвинения на более тяжкое считаются случаи, когда: а) применяется другая норма уголовного закона (статья, часть статьи или пункт), санкция которой предусматривает более строгое наказание; б) в обвинение включаются дополнительные, не вмененные обвиняемому действия, влекущие изменение квалификации преступления на закон, предусматривающий более строгое наказание, либо увеличивающие объем обвинения, хотя и не изменяющие юридической оценки содеянного⁴.

При новом рассмотрении дела в суде первой или апелляционной инстанции после отмены приговора в связи с нарушением права обвиняемого на защиту, а также по иным основаниям, не связанным с необходимостью

¹ В переводе с лат. — *не изменяй к худшему*, применение высшей судебной инстанцией более строгой санкции по делу, которое рассматривается ею по жалобе осужденного.

² О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.11.2012 № 26 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 24.04.2023).

³ Дословно в переводе с лат. — *благосклонность, благожелательность, благоприятствование защите*.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий под ред. Л. А. Воскобитовой. Москва: Российская газета, 2015 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 01.03.2023).

ухудшения положения обвиняемого, также не допускается применение закона о более тяжком преступлении, назначение обвиняемому более строго наказания или любое иное усиление его уголовной ответственности¹.

Соответственно, после отмены приговора при новом рассмотрении дела в суде первой инстанции положение осужденного может быть ухудшено только по тем основаниям, которые непосредственно поставлены в апелляционном представлении или жалобе потерпевшего на первоначальный приговор [10, с. 61]. В отсутствие иных инициатив апелляционного пересмотра от участников процесса, в случае отмены состоявшегося судебного решения по жалобе осужденного в его интересах, положение последнего не может быть ухудшено и при новом пересмотре уголовного дела судом первой инстанции² [11, с. 289–290].

Этот вопрос имеет большое принципиальное значение, поскольку от его решения зависит свобода обжалования судебных приговоров подсудимыми, право подсудимых оспаривать правильность их осуждения, не опасаясь, что в результате их жалобы получится ухудшение их положения, усиления примененного к ним наказания [11, с. 289–290].

В литературе справедливо указывается, что инициатива, содействие суда в преобразовании положения уголовно-преследуемого лица в любом виде должно быть исключено, как выполнение функции обвинения, в связи с чем, суд апелляционной инстанции не должен по своей инициативе реагировать и в ревизионном порядке исправлять ни нарушения процессуального характера, ни очевидные нарушения фактического характера, которые

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного суда РФ от 30.06.2015 № 29 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 24.04.2023).

² Об этом указывал М.С. Строгович, анализируя об установленном в ст.424 УПК РФСФСР ограничении для повышения меры наказания при повторном рассмотрении дела судом первой инстанции, который не мог превысить меру наказания, если приговор отменен по жалобе осужденного в его интересах. Но если вышестоящая инстанция отменила приговор не по мотивам жалобы, суд первой инстанции по смыслу ст. 424 УПК РСФСР мог повысить наказание по сравнению с тем, которое было определено судом по отмененному приговору (например, если жалоба оставлена без последствий, а приговор отменен в ревизионном порядке). Иными словами, подсудимый, подавший жалобу, в результате своей жалобы мог получить более тяжелое наказание, чем то, которое было ему назначено по обжалованному приговору.

влекут преобразование к худшему положение осужденного, оправданного [12, с. 221].

Как нами отмечалось ранее, УПК ФРГ предусматривает запрет на *reformatio in peius*, то есть в ущерб подсудимому приговор не может быть изменен в отношении вида и размера правовых последствий деяния, если апелляция инициирована только стороной защиты или прокуратурой в пользу подсудимого или его законным представителем³. Аналогичное правило содержится и в Чешском уголовном процессе, в котором не допускается ухудшение положения обвиняемого при изменении квалификации деяния на более тяжкий состав преступления (в том числе посредством возвращения уголовного дела прокурору) [13, с. 73].

В этом аспекте интересной является процессуальная ситуация, при которой, например, судом апелляционной инстанции выявлена ошибка, допущенная в пользу осужденного (вместо опасного рецидива судом первой инстанции установлен простой рецидив), но при этом, апелляционное обжалование инициировано только стороной защиты. Суд апелляционной инстанции в отсутствие жалобы потерпевшего или представления государственного обвинителя, не вправе самостоятельно устранить выявленное нарушение и ухудшить тем самым положение осужденного.

Таким образом, допущенное судом первой инстанции нарушение не устраняется, приговор вступает в законную силу после апелляционного обжалования.

Предложенная процессуальная ситуация иллюстрирует смежность рассматриваемых принципов в виде обеспечения права на защиту обвиняемого и его права на обжалование. При этом данная связь указанных принципов иллюстрирует и одно из ограничительных свойств принципа публичности, предусматривающего запрет на поворот к ухудшению положения осужденного. Не наступление негативных последствий для осужденного обусловлено гарантией не ухудшения его положения по инициативе суда апелляционной инстанции. Обратное бы не обеспечивало разделение функций сторон в состязательном процессе, поскольку гипотетическое самостоятельное полномочие суда апелляционной инстанции на ухудшение положение осужденного лица нарушало бы принцип состязательности, в виду принятия на себя

³ Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия = Strafprozessordnung (StPO) : научно-практический комментарий и перевод текста закона.

апелляционным судом не свойственной ему функции стороны обвинения¹ [14, с. 264].

В случае, если ни потерпевший, ни государственный обвинитель не усматривают оснований для апелляционного пересмотра, но при инициировании такового стороной защиты, остальные участники процесса могут среагировать и принять участие в апелляционном пересмотре, реализовав свое право на обжалование, в том числе с приведением доводов на ухудшение положения осужденного лица. Можно предположить, что в случае, если осужденным при относительно благополучном для него исходе дела (с позиции назначенного наказания), не инициировалось бы обжалование судебного акта, то его относительно благоприятное положение (учтенный при назначении наказания рецидив вместо опасного рецидива) могло сохраниться. Означает ли это, что осужденный, реализуя свое право на обжалование в отсутствие апелляционных жалоб, представлений иных участников процесса при этом рискует своим текущим положением по приговору в рамках своего же права на защиту?

Конституционный суд РФ указывает, что правило *non reformatio in peius* означает применительно к стадии апелляционного производства запрет изменять или отменять приговор нижестоящего суда непосредственно решением апелляционной инстанции по неблагоприятным для подсудимого основаниям по его жалобе или жалобе, поданной в его интересах. Указанное регулирование обусловлено необходимостью обеспечить права на судебную защиту, на обжалование в суд решений государственных органов и на пересмотр приговора вышестоящим судом надлежащими гарантиями их беспрепятственного осуществления в условиях реальной свободы обжалования. Это предполагает отсутствие у стороны защиты причин опасаться того, что инициированная ею процедура апелляционного производства тем или иным образом приведет к принятию судебного акта, ухудшающего положение подсудимого по сравнению с обжалуемым актом. Наличие подобных опасений значимым образом осложняло бы принятие стороной защиты решения об обжаловании не вступившего

¹ В этой связи мы не поддерживаем мнение о дополнении ст. 389.24 УПК РФ и предоставлении права суду апелляционной инстанции при установлении фактических обстоятельств, указывающих на наличие оснований для квалификации по более тяжкому составу преступления, выходить за пределы доводов представления либо апелляционной жалобы, в которых поставлен вопрос об ухудшении положения осужденного и принять одно из решений, предусмотренных пп. 3, 4, 7 ст. 389.20 УПК РФ.

в законную силу приговора, вызывая своего рода «охлаждающий эффект» (*chilling effect*) в стремлении реализовать данное право либо даже вынуждая отказаться от его реализации. В таких условиях риск возможного изменения положения подсудимого в неблагоприятную для него сторону после проверки приговора, проведенной по его же жалобе, мог бы стать фактором, препятствующим реализации им конституционного права на обжалование приговора и рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями².

Вместе с тем, на наш взгляд, сохраняется опасение, что при любом апелляционном обжаловании приговора может быть поставлен вопрос об ухудшении положения осужденного лица, что, безусловно, является своеобразным «бонусом» стороны обвинения в борьбе за справедливое разрешение уголовного дела.

При этом, ограничение принципа публичности в виде отсутствия самостоятельного полномочия у апелляционной инстанции на ухудшение положения осужденного, на наш взгляд не устраняет потенциальной угрозы изменения его положения на менее благоприятное, учитывая право стороны обвинения на приведение доводов об ухудшении положения осужденного, а равно оправданного лица. Даже в рассматриваемом случае, когда приговор, содержащий ошибку в пользу осужденного, вступил в законную силу после апелляционного обжалования, не исключается его кассационное обжалование.

² По запросу Воронежского областного суда о проверке конституционности части первой статьи 389.24 УПК РФ : определение Конституционного суда РФ от 05.12.2019 № 3271-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.06.2023). Отметим, что в практике нередки случаи ухудшения положения осужденного лица при инициировании стороной защиты апелляционного пересмотра. Например, апелляционным определением регионального суда изменен приговор районного суда, действия подсудимого К. перекалифицированы с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 1 ст. 201 УК РФ и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 100 000 рублей взамен ранее назначенного по приговору суда наказания в виде двух лет лишения свободы условно с испытательным сроком в 2 года. Кассационный суд не усмотрел оснований для изменения или отмены принятых решений, однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ отменила решения апелляционной и кассационной инстанций, указав, что вновь назначенное наказание в виде штрафа в соответствии со ст. 44 УК РФ является более мягким наказанием, однако ухудшает положение осужденного, поскольку фактически условное наказание заменено на реальное (апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.03.2021 № 22-7494/2020 ; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2021 № 77-1652/2021 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 15.03.2022 № 78-УД22-7-К3 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.06.2023)).

Отметим, что в случае инициирования кассационного производства с доводами об ухудшении положения осужденного, одной из его возможностей сохранить свое положение в рассматриваемой ситуации, является условие о *критичности* допущенных нарушений в предшествующих судебных разбирательствах. Достаточно ли для этого только ссылки государственного обвинителя в представлении об этом или требуется аргументировать данный довод, представив соответствующее обоснование, учитывая, что «фундаментальность» предполагаемых нарушений, допущенных нижестоящими судами, является оценочной категорией, не имеющей каких-либо четких критериев?

Неправильное применение уголовного закона, повлекшее ошибочное назначение судом наказания в пользу осужденного является ли искомым фундаментальным и критичным нарушением, требующим возобновления первоначального судебного разбирательства или повторного апелляционного пересмотра? Неоднозначна в этом случае передача уголовного дела на новый апелляционный пересмотр, поскольку возникает вопрос о реализации в такой ситуации другой процессуальной гарантии — запрета на повторное осуждение лица за одно и то же преступление.

Напомним, что согласно положениям п. 16 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» с учетом требований ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ суд апелляционной инстанции может принять решение, ухудшающее положение осужденного по отношению к приговору суда первой инстанции, не иначе как по представлению прокурора и (или) жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей. При этом суд не вправе выходить за пределы доводов жалобы или представления¹.

В рамках обсуждаемой процессуальной ситуации прокурором инициируется кассационное производство, адресованное суду кассационной инстанции, а не апелляционной, тогда как вопрос ставится о передаче уголовного дела на новый апелляционный пересмотр, в рамках которого об ухудшении положения осужденного не заявлялось.

¹ О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции : постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.11.2012 № 26 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2023).

Можно предположить такое процессуальное разрешение ситуации для исправления положения, если судом апелляционной инстанции было допущено необоснованное улучшение положения подсудимого. В этом случае новый апелляционный пересмотр позволил бы апелляции самой исправить допущенные нарушения и восстановить законность своего же решения. Но в случаях, когда улучшение положения подсудимого допущено судом первой инстанции, не устранено судом апелляционной инстанции, при обжаловании в которой об ухудшении положения и не было заявлено, имеет ли право апелляционный суд руководствуясь кассационным решением ухудшить положение осужденного? С другой стороны, суд первой инстанции также весьма ограничен в своих процессуальных возможностях.

В такой ситуации фактически предъявляются новые апелляционные требования об ухудшении положения осужденного, отсутствовавшие при первоначальном апелляционном пересмотре.

Схожая ситуация и в случаях неправильной квалификации действий подсудимого. Однако, недостаточный профессионализм работников органов предварительного расследования, ненадлежащий прокурорский надзор за следствием, а равно отсутствие должного внимания государственного обвинения к качеству уголовного дела не могут служить, на наш взгляд, основанием для ухудшения положения осужденного в случае неправильной квалификации преступления в его пользу вышестоящими судами.

Такое положение приводит к тому, что осужденный пребывает в нестабильном процессуальном положении, несмотря на вступившее в законную силу судебное решение. Его судьба окончательно не может быть определена в виду рассматриваемых полномочий суда кассационной инстанции, что, в свою очередь, ставит под сомнение и правило стабильности окончательного судебного решения, вступившего в законную силу.

Как бы ни было, полагаем, что в случае, когда ухудшение положения осужденного связано с квалификацией его действий и оценкой фактических обстоятельств уголовного дела требуется исследование доказательств и проведение судебного следствия² [8, с. 16]. При этом не усматриваем процессуальной целесообразности в проведении полного судебного

² В литературе указывается, что суд апелляционной инстанции должен исследовать доказательства повторно, если требование об ухудшении положения осужденного заявлено кем-то из участников процесса.

следствия в случаях, когда ухудшение положения осужденного связано с неправильным назначением, исчислением или зачетом наказания нижестоящими судами.

Наряду с обозначенной проблемой отметим следующий аспект. При рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд вне зависимости от доводов жалобы или представления проверяет, имеются ли предусмотренные статьей 389.15 УПК РФ основания отмены или изменения судебного решения, не влекущие ухудшение положения осужденного (оправданного). Установив наличие таких оснований, суд апелляционной инстанции в силу положений ч. 1 и 2 ст. 389.19 УПК РФ отменяет или изменяет судебное решение в отношении всех осужденных, которых касаются допущенные нарушения, независимо от того, кто из них подал жалобу и в отношении кого принесены апелляционные жалоба или представление¹.

Отметим, что в Чешском уголовном судопроизводстве если приговор постановлен в отношении нескольких лиц, а жалобу подал один из них, то апелляционный суд проверит

его только в отношении такого обвиняемого [15, с. 51].

УПК Грузии содержит правило ревизионных начал апелляционной жалобы, согласно которому если апелляционная жалоба подана осужденным и суд удовлетворяет ее полностью или частично, апелляционная инстанция обязана обсуждать её и в отношении других осужденных приговором по данному делу лиц, которые апелляционные жалобы не подавали².

Вывод

Придерживаясь мнения о том, что необходимо предоставлять возможность присоединиться к апелляционному обжалованию, инициированному другим участником процесса, полагаем, что такое правомочие апелляционной инстанции, базирующееся на публичных началах, не должно иметь препятствий в реализации. Данные ревизионные полномочия позволяют обеспечить справедливое судебное разбирательство с одной стороны, и стабильность судебного решения с другой стороны, исключая возможности для последующих кассационных обжалований по таким доводам.

¹ О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции : постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.11.2012 № 26 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.06.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Грузии // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=157> (дата обращения 14.10.2023).

Список источников

1. Везденев К. Е. Апелляционное обжалование приговора: проблемы подготовки и оценки содержания жалоб и представлений : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2022. 22 с.
2. Александров А. В., Ковтун Н. Н. Апелляция в русском уголовном судопроизводстве. Нижний Новгород, 1999. 108 с.
3. Алтынникова Л. И. Правовое регулирование апелляционного производства по уголовным делам во Французской Республике // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 25–28.
4. Спиридонов М. С. Кассационная проверка итоговых судебных решений в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2020. 253 с.
5. Везденев К. Е. К вопросу об обоснованности апелляционных жалоб и пределах прав апелляционной инстанции // Молодой ученый. 2022. № 10 (405). С. 145–147.
6. Сомов В. П. Латинско-русский юридический словарь. Москва : ГИТИС, 1995. 104 с.
7. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь : около 50 000 слов. Москва : Русский язык, 1976. 1096 с.
8. Килина И. В. Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2019. 216 с.
9. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса. Москва : Статут, 2017. 1100 с.
10. Вдовин С. А. Обеспечение права на защиту на стадии апелляционного производства по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 350 с.
11. Строгович М. С. Уголовный процесс : учебник. Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 350 с.
12. Будылин Н. В. Запрет на поворот к худшему в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2023. 340 с.
13. Тузов А. Г. Проверочные производства в уголовном процессе Чешской Республики: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. 380 с.
14. Вдовин С. А. Обеспечение права на защиту на стадии апелляционного производства по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 340 с.

15. Тузов А. Г. Проверочные производства в уголовном процессе Чешской Республики : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. 300 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 26.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 30.10.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.14
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-133-139

С. 133–139

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Ольга Владимировна Шипунова

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия
gorod.ow@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-2748-1751>

Аннотация. Автор статьи, основываясь на теоретическом анализе научных трудов, посвященных вопросам использования видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве, исследует процессуальный порядок организации и проведения следственных действий с использованием видео-конференц-связи. Отмечается, что сохраняется ряд проблем, связанных с несовершенством действующего законодательства в части производства следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи, в связи с чем как способ получения доказательств статья 189.1 УПК РФ практикуется редко. Сформулирована авторская позиция относительно принятия процессуального решения путем вынесения следователем, дознавателем соответствующего постановления с указанием конкретных оснований, определяющих возможность проведения следственных действий путем видео-конференц-связи. Акцентируется внимание на содержании письменного поручения должностного лица об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым. Внесены предложения по совершенствованию правоприменительной практики по процессуальному порядку организации и проведения следственных действий «дистанционно».

Ключевые слова: предварительное расследование, видео-конференц-связь, следственное действие, допрос, очная ставка, опознание.

Для цитирования: Шипунова О. В. Особенности использования видео-конференц-связи при проведении следственных действий // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 133–139. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-133-139

Research article

FEATURES OF THE USE OF VIDEO CONFERENCING IN INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Olga V. Shipunova

Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Russian Ministry of Internal Affairs, Tyumen, Russia
gorod.ow@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-2748-1751>

Abstract. the author of the article, based on a theoretical analysis of scientific works on the use of video conferencing in criminal proceedings, examines the procedural procedure for organizing and conducting investigative actions using video conferencing. It is noted that a number of problems remain related to the imperfection of the current legislation in terms of the production of investigative actions using video conferencing systems, and therefore, as a way to obtain evidence, Article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is rarely practiced. The author's position was formulated regarding the adoption of a procedural decision by the investigator,

the investigator of the relevant decision with the indication of specific grounds that determine the possibility of conducting investigative actions through a video conference call. Attention is paid to the content of a written order of an official on the organization of participation in the investigative action of a person whose participation in this investigative action is considered necessary. Proposals have been made to improve law enforcement practice on the procedural procedure for organizing and conducting investigative actions “remotely.”

Keywords: preliminary investigation, video conference call, investigative action, interrogation, confrontation, identification.

For citation: Shipunova O.V. Features of the use of video conferencing during investigative actions. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):133-139. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-133-139 (In Russ.)

Введение

Информационные технологии, безусловно, стали неотъемлемой частью жизни общества: поиск информации, покупки, платежи, общение, дистанционное обучение и т. д. Несомненно, следует отметить нарастающую востребованность цифровизации общественных отношений и в уголовном судопроизводстве.

Еще в первой редакции УПК РФ 2001 года в ч. 3 ст. 376 было закреплено, «осужденный, содержащийся под стражей, или лицо, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, заявившие о своем желании присутствовать при рассмотрении жалобы или представления на соответствующем приговоре, постановлении, вправе в судебном заседании непосредственно либо изложить свою позицию путем использования систем видео-конференц-связи...»¹. Однако, к сожалению, актуальность применения данного вопроса получил гораздо позже. Распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р была утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», одним из приоритетных направлений которой стало, в частности, обеспечение деятельности Верховного суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции системами видео-конференц-связи² (далее — ВКС). С этого времени в судах реализация информационно-коммуникационных технологий в форме ВКС получила большое развитие (ч. 4 ст. 240, ст. 241.1, ст. 278.1, ст. 474.1 УПК РФ). Так, например, только в 2022 году при помощи

видео-конференц-связи судом было рассмотрено 850 тыс. дел³.

Несомненно, следует отметить нарастающую востребованность данного вида связи, поскольку это закономерно ввиду большого количества рассматриваемых в судах уголовных дел.

Использование возможностей информационных технологий на досудебном производстве по уголовному делу, в частности по применению ВКС, нашло закрепление на законодательном уровне лишь в декабре 2021 года. Несомненно, пандемия ускорила процесс цифровизации в различных сферах. Но и большая роль в этом отводится такому событию, как подписание Президентом Российской Федерации 25 декабря 2020 года указа о проведении в 2021 году в России Года науки и технологий⁴.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы уголовно-процессуального производства следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи, специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников.

Описание исследования

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ в УПК РФ были внесены изменения, в частности, введена статья 189.1 «Особенности проведения допроса, очной

¹ С 1 января 2013 года глава 44 УПК РФ «Апелляционный порядок рассмотрения уголовного дела», в которую входила ст. 376, утратила силу.

² Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 40. Ст. 5474.

³ Лебедев сообщил, что в период пандемии судебная система перешла на цифровые технологии // Верховный суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/press-center/mass_media/32546/ (дата обращения: 13.07.2023).

⁴ О проведении в Российской Федерации Года науки и технологий: Указ Президента РФ от 25 дек. 2020 г. № 812 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (ч. 1). Ст. 8797.

ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи»¹.

Данная статья регламентирует порядок и процессуальное оформление дистанционного (опосредованного) участия участников уголовного судопроизводства при производстве таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание.

Понятие «видео-конференц-связь» не нашло закрепление в УПК РФ. Многие авторы критично относятся к этому, полагая, что произвольное толкование чревато различными нарушениями при проведении следственного действия [1, с. 6; 2, с. 14].

Как отметил председатель Верховного суда Российской Федерации В. М. Лебедев на конференции, посвященной 20-летию применению видео-конференц-связи в Верховном суде Российской Федерации, видео-конференц-связь — «это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия двух и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеoinформацией в реальном масштабе времени с учетом передачи управляющих данных... Данная технология используется для проведения видеоконференций, через которые обеспечивается одновременно двухсторонняя передача, обработка, преобразование и представление интерактивной информации на расстоянии в реальном режиме времени...»².

Изучив содержание статьи 189.1 УПК РФ, научные комментарии к данной статье, практику применения органами предварительного расследования системы ВКС, позволим описать порядок проведения «дистанционных» следственных действий.

Организация такого мероприятия — это трудоемкий процесс, в который вовлекается большое количество сотрудников, в т. ч. не имеющих прямого отношения к расследуемому уголовному делу.

Несмотря на установленные ст. 164 и главой 26 УПК РФ общие правила производства следственных действий, статья 189.1 УПК РФ определяет особенности производства допроса, очной ставки, опознания с использованием ВКС.

Как следует из указанной статьи УПК РФ, выбор способа проведения следственного

действия остается за следователем, дознавателем, при этом это их право, а не обязанность (ч. 1). Таким образом, можно сделать вывод, что при наличии объективных обстоятельств следователь, дознаватель по собственной инициативе, а также при наличии обоснованного ходатайства от участника уголовного судопроизводства организует подготовку к проведению допроса и/или очной ставки, и/или опознания путем использования систем ВКС. Не допускается их проведение в случае возможности разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности (ч. 8).

В УПК РФ не указан перечень участников уголовного судопроизводства, участие которых может быть организовано дистанционно. Соответственно, это могут быть участники по уголовному делу, обладающие разным процессуальным статусом. Полагаем, принятие процессуальных решений в этом направлении предоставлено на усмотрение следователя, дознавателя, которые самостоятельно оценивают необходимость и возможность производства следственного действия путем использования систем ВКС с участниками по расследуемому уголовному делу, учитывая специфику возраста, позиции в деле и т. д.

Но при всём этом ограничено количество следственных действий, производство которых разрешено с использованием ВКС: это допрос, очная ставка и предъявление для опознания. Вероятно, это связано с тем, что получение информации в ходе указанных действий возможно провести в служебном помещении без дополнительных организационных трудностей.

Не указаны и обстоятельства, при наличии которых возможно применение ст. 189.1 УПК РФ, тем самым оставив разрешение данного вопроса на усмотрение соответствующего должностного лица. Для примера приведем содержание статьи 224.1 УПК Республики Беларусь, в которой регламентированы основания «дистанционного порядка проведения допроса потерпевшего и свидетеля, очной ставки или предъявления для опознания лиц и (или) объектов с участием потерпевшего или свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи:

— невозможность прибытия участника процесса для производства следственного действия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам;

— необходимость обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц;

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 70.

² 20-летнее применение видео-конференц-связи в Верховном суде Российской Федерации // Верховный суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/press-center/news/28850/> (дата обращения: 13.07.2023).

— если потерпевший, свидетель являются несовершеннолетними;

— необходимость обеспечения наиболее быстрого, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела»¹.

По мнению А. Н. Савченко, «в законе должен быть установлен исчерпывающий перечень оснований, которые определяют необходимость проведения следственных действий в режиме ВКС» для исключения их субъективного толкования [3, с. 146–147].

Полагаем, что при принятии решения о применении ст. 189.1 УПК РФ следователь, дознаватель должны объективно оценить все обстоятельства, указывающие на возможность очного участия вызываемых лиц, а также на обстоятельства, которые затрудняют или делают невозможным явку участника (например, переезд на постоянное место жительства в другой регион, заболевание, требующее нахождения по месту жительства, командировка, отбывание наказания и др.).

В материалах уголовного дела принятое решение должностного лица будет отражено и в составленном поручении об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым, и непосредственно в самом протоколе следственного действия. Кроме того, возможно составить рапорт с указанием обстоятельств применения ст. 189.1 УПК РФ.

Н. Н. Гаас считает, что «правовым основанием будет являться законное, обоснованное и мотивированное постановление», с которым должны знакомиться участники следственного действия, и при необходимости иметь возможность обжалования принятого решения о применении ст. 189.1 УПК РФ по общим правилам [2, с. 15]. Аналогичного мнения придерживается и А. Н. Савченко [3, с. 147]. Следует отметить, что действительно, постановление — это решение следователя, дознавателя, вынесенное в ходе досудебного производства, за исключением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления (ст. 5 УПК РФ). Однако, согласно ст. 164 УПК РФ на основании постановления следователя производятся следственные действия, предусмотренные статьями 178 частью третьей, 179, 182 и 183 УПК РФ. В числе указанных нет ни допроса, ни очной ставки, ни предъявления для опознания. Соответственно,

принятие решения в форме постановления о проведении данных следственных действий не требует процессуального оформления в форме постановления. Выбор технических средств, необходимых для применения, зависит от должностного лица, проводящего следственное действие, и не требует дополнительного обоснования через указание в соответствующем постановлении. Их применение отражается непосредственно в протоколе, о чем участвующие лица уведомляются на общих основаниях перед началом следственного действия (ч. 6 ст. 164, ч. 5 ст. 166 УПК РФ). При этом право обжаловать действия и решения дознавателя, следователя в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в частности, о форме производства следственного действия с применением ВКС, также разъясняется участвующим лицам и возможно по общим правилам уголовного судопроизводства (ст. 123, 125 УПК РФ).

Определившись в выборе способа проведения следственного действия, следователь на основании п. 4.1 ч. 2. 38 УПК РФ или дознаватель на основании п. 1.3 ч. 3 ст. 41 УПК РФ по расследуемым ими уголовным делам готовят обязательное для исполнения письменное поручение об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым.

В содержании поручения должна быть указана следующая информация: наименование органа предварительного расследования, в производстве которого находится уголовное дело, и органа, которому адресовано поручение; «фабула» уголовного дела; решение о проведении конкретного следственного действия; указание необходимости производства следственного действия путем использования систем видео-конференц-связи; данные лица, участие которого признано необходимым (к ним относятся анкетные данные, адрес проживания и другие при необходимости), а также при необходимости участия и данные иных лиц, например, представителей, адвокатов и иных; время и дата планируемого следственного действия; адрес ведомственной связи, через подключение к которому будет организована ВКС; контактные данные следователя, дознавателя для координации действий (например, ввиду неявки вызываемого лица в установленные сроки или иные обстоятельства).

Поручение подлежит исполнению по месту нахождения лица, с дистанционным участием которого будет проведено следственное

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 13.07.2023).

действие, соответственно, следователем, дознавателем или сотрудником органом дознания. Таким образом, при исполнении подобного поручения в сферу уголовного судопроизводства вовлекаются должностные лица, не имеющие прямого отношения к расследуемому уголовному делу.

Обязательность исполнения поручения предполагает, что сотрудники, которым будет распорядком руководителем подразделения его исполнение, должны, во-первых, найти и вызвать лицо, указанное в поручении, во-вторых, организовать самостоятельно или с помощью специалиста соединение путем использования системы ВКС, которая должна отвечать необходимым техническим характеристикам. В частности, видеосоединение должно быть проведено исключительно по ведомственной сети ВКС с использованием соответствующего оборудования. В системе МВД России это возможно через систему информационно-аналитического обеспечения деятельности. Таким образом, у исполнителя поручения должна быть личная учетная запись, позволяющая подключение ВКС по ведомственной сети. Производство следственных действий с использованием иной системы ВКС (например, по телефону) не допускается (ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ). Соответственно, место непосредственного проживания лица, зимовка, экспедиция, медицинское учреждение и иное место непосредственного нахождения не могут являться местом проведения такого следственного действия, если нет возможности применения ведомственной ВКС правоохранительных органов.

Упрощенный порядок проведения дистанционного допроса в этой части регламентирован, например, в уголовно-процессуальном кодексе Эстонской Республики. В статье 69 «Дистанционный допрос» не указано требование о проведении действия исключительно по ведомственной сети. Кроме того, часть 2 данной статьи разрешает провести допрос лица по телефону¹.

Исполнителю поручения очень важно правильно подобрать помещение, в котором будет проводиться следственное действие при подключении ВКС. Как правило, это должно быть изолированное помещение, специально отведенное в служебном здании, обстановка в котором должна отвечать необходимым требованиям организационного и тактического характера. Кроме того, следует обеспечить

тишину в том помещении, в частности, исключить нахождение посторонних лиц, должны отсутствовать шумовые раздражители (телефонные звонки, разговоры посторонних, звук работы на компьютере и др.). Такая обстановка необходима для сосредоточения внимания участников следственного действия,

Перед проведением следственного действия следователь, дознаватель должны проверить работу видеосоединения по ведомственной сети ВКС, подготовить необходимые процессуальные документы, позаботиться о готовности видеозаписывающих устройств, поскольку видеозапись является обязательным условием использования ВКС (ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ), материалы видеозаписи приобщаются к протоколу. Воспроизведение видеозаписи на последующих этапах предварительного расследования, а также на судебной стадии наглядно демонстрирует полную картину проведенного следственного действия без искажений и субъективной интерпретации участниками, позволяет обеспечить соблюдение законности производства самого следственного действия и соблюдение прав его участников [4, с. 7].

Протокол проводимого следственного действия составляет следователь или дознаватель по месту производства предварительного расследования. При этом в протоколе делается отметка об использовании ВКС. Место и время составления протокола указываются два: по месту нахождения инициатора и по месту нахождения участников следственного действия вне места расследования. При этом необходимо учесть разницу во времени ввиду разной территориальности и исключить проведение следственного действия в ночное время.

В качестве участвующих в следственном действии лиц необходимо указать должностное лицо, исполняющее поручение, поскольку без его непосредственного участия невозможно провести надлежащим образом следственное действие с применением ВКС от начала и до окончания мероприятия, а также иных лиц, например, адвоката, представителя участника по уголовному делу, переводчика и иных, если присутствовали в течение ВКС. По мнению С. А. Грачева, «следует отказаться от обязательного участия второго следователя (дознавателя)», поскольку их участие требуется лишь для удостоверения личности допрашиваемого, что может сделать любой сотрудник правоохранительного органа [5, с. 22]. Однако в УПК РФ определено, что исполнителем могут быть не только следователь, дознаватель, но и орган дознания (ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ), которые понимают значение и порядок проводимых

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики. URL: <http://www.hartran.ee/index.php?id=8> (дата обращения: 13.07.2023).

процессуальных действий. Кроме того, если в ходе следственного действия возникнет ситуация, требующая задержания участвующего подозреваемого, или другие обстоятельства, требующие осуществления процессуальных действий, названные исполнители могли без особого труда их выполнить.

Целесообразно удостоверяться в личности явившегося лица как исполнителю поручения путем проверки соответствующих документов, так и должностному лицу, которое проводит следственное действие, путем ознакомления с документом при предъявлении по ВКС.

Разъяснение участникам прав, обязанностей, ответственности и порядка проведения следственного действия помимо их оглашения удостоверяется путем подписания соответствующей подписки участниками по месту их нахождения (ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ). После составления протокола следственного действия он оглашается, что удостоверяется подписями участников следственного действия, о чем у них берется подписка по месту их нахождения. При поступлении замечаний о дополнении и уточнении протокола они подлежат занесению в протокол, а также в подписку (ч. 5). Таким образом, составленный протокол будет подписан только лицом, его составившим, а также теми участниками уголовного судопроизводства, которые находились вместе со следователем, дознавателем по месту расследования. Но к протоколу следственного действия в обязательном порядке должна быть приобщена заполненная подписка и необходимые документы, например, копии удостоверяющих личность явившегося лица документов, ордер адвоката, если он участвовал и др., о чем указывается в протоколе, которые в течение 24 часов после производства следственного действия исполнитель поручения направляет следователю, дознавателю (ч. 6, ч. 7).

Ряд авторов придерживаются точки зрения, что одним из существенных минусов проведения следственного действия дистанционно является ограничение применения психологических приемов, которые может использовать следователь, дознаватель в ряде ситуаций, связанных с поведением участвующих лиц, и др. [6, с. 21–22; 7, с. 82–83]. Другие сомневаются в соблюдении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при проведении указанных следственных действий [8, с. 212; 9, с. 12–14].

Кроме того, в научной литературе очень часто встречается критика в части неподготовленности практических подразделений к организации ВКС [1, с. 6–7]. Но позволим отметить, что практика проведения образовательными

организациями МВД России по ВКС научных конференций, различных видов занятий, совещаний и т. д. говорит о положительном опыте использования ведомственной связи. Да, порой бывают технические сбои, но, как правило, большинство мероприятий проходят на высоком организационном уровне. Внедрение применения ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ неизбежно будет сопровождаться трудностями. Будем надеяться, что опыт, наработанный судами по использованию ВКС, будет учитываться органами предварительного расследования и позволит успешно применять ст. 189.1 УПК РФ.

Заключение и вывод

В заключение следует отметить, что в целом закрепление в УПК РФ возможности применения ВКС выглядит многообещающе.

Не вызывает сомнения, что применение ВКС на стадии предварительного расследования позволяет оптимизировать процесс расследования уголовных дел, соблюдая предусмотренные законом разумные сроки. Во-первых, сэкономить бюджетные средства, в частности, затраты сотрудника на командировку в другой субъект Российской Федерации.

Во-вторых, способствует сокращению сроков расследования не только по данному уголовному делу, поскольку не придется тратить время на командировку для выезда в соответствующий населенный пункт, в том числе, не скажется негативно и на других уголовных делах и материалах проверки, имеющих в производстве у данного сотрудника, исключит причину продления сроков расследования в связи с невозможностью допросить тех участников, чьи показания важны для уголовного дела, ввиду их территориальной удаленности от места расследования.

В-третьих, позволяет сэкономить финансовые средства в части подлежащих возмещению процессуальных издержек на покрытие расходов, возникших в связи с организацией прибытия, проезда к месту проведения следственного действия, проживания и других затрат вызванным участникам уголовного судопроизводства. Тем более, это может вызывать и, к сожалению, вызывает существенные неудобства приезжающим лицам из-за длительной дороги ввиду колоссальной по протяженности территорией нашей страны.

В-четвертых, позволяет оптимизировать взаимодействие между лицом, проводящим следственное действие, и участником уголовного судопроизводства, находящихся территориально в разных местах. Явка в территориальный отдел внутренних дел по месту жительства вызываемого лица гораздо

удобнее длительного переезда. Кроме того, дистанционное общение в прямой трансляции позволяет видеть, слышать, своевременно реагировать на увиденное, поменять тактику действий с учетом поведения собеседника и т. д.

В-пятых, проведение следственного действия дистанционно позволяет обеспечить безопасность участников уголовного дела при наличии угрозы их жизни и/или здоровью как со стороны иных участников уголовного дела, так и со стороны третьих лиц.

Кроме того, полагаем, практика применения ст. 189.1 УПК РФ в период до 2031 года будет меняться в связи с подписанием В. В. Путиным

указа № 231 от 25 апреля 2022 г. «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий»¹. Вероятно, в ближайшем будущем следует ожидать разработку памятки, инструкции или иного ведомственного документа, детализирующие алгоритм действий по применению ст. 189.1 УПК РФ, и указанная статья станет «рабочей»!

¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий (вместе с «Положением о Координационном комитете по проведению в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий») : Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 231 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 18. Ст. 3052.

Список источников

1. Ануфриева Е. А. Особенности применения ст. 189.1 УПК РФ: шаг в будущее или «мертвая» норма? // Материалы криминалистических чтений. Барнаул : БЮИ МВД России. 2022. С. 5–7.
2. Гаас Н. Н. Использование видео-конференц-связи при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования: изменения, в которых нуждается практика // Российский следователь. 2021. № 12. С. 11–14.
3. Савченко А. Н. Видео-конференц-связь при производстве следственных действий: о чем умолчал законодатель? // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 145–151.
4. Виноградова С. Л. Аудио и видеозапись как дополнительная гарантия защиты прав участников уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2022. № 9. С. 3–8.
5. Грачев С. А. Проведение следственных действий с применением видео-конференц-связи: поправки внесены, эффективность под вопросом // Российский следователь. 2022. № 9. С. 18–22.
6. Дударев В. А. Дистанционный допрос несовершеннолетних в зарубежных странах и Российской Федерации: проблемные вопросы // международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 2. С. 18–22.
7. Шкурихина Н. В. К вопросу о тактике следственных действий, проводимых с использованием видео-конференц-связи // Материалы криминалистических чтений. Барнаул : БЮИ МВД России. 2022. С. 82–83.
8. Родивилина В. А., Бельков В. А., Белоусова О. Е. Предъявление для опознания по видео-конференц-связи // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат. XXII международной научно-практической конференции (Иркутск, 03 июня 2022 года). Иркутск : ВСИ МВД России, 2022. С. 210–212.
9. Белкин А. Р. Использование видео-конференц-связи в следственных действиях: технические преимущества и процессуальные проблемы // Уголовное судопроизводство. 2022. № 4. С. 12–16.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 16.11.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.985.1
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-140-146

С. 140–146

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА В ВЫДВИЖЕНИИ ВЕРСИЙ, ПЛАНИРОВАНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Татьяна Ивановна Ястребова¹, Анатолий Владимирович Ордан²

^{1,2}Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

¹iastrebovati@susu.ru

 <https://orcid.org/0009-0006-1804-373X>

²ordanav@susu.ru

 <https://orcid.org/0009-0004-1346-8769>

Аннотация. Одним из основных факторов качественного и своевременного расследования и раскрытия преступлений является тактически правильно организованное взаимодействие различных служб правоохранительных органов. В статье исследуется, практически не дискутируемая в последнее время актуальность использования специальных знаний на этапе выдвижения версий и дальнейшего планирования расследования и раскрытия преступлений. Дается обоснование, как и каким образом знания, опыт, мышление, внутреннее убеждение специалиста-криминалиста или эксперта-криминалиста оказывают необходимую помощь в мыслительном процессе по выдвижению версий и планированию расследования. Обозначены актуальные проблемы, решаемые путем использования специальных знаний для целей выдвижения версий, их проверки и дальнейшего планирования расследования и раскрытия преступлений. Иллюстративно в работе показаны конкретные примеры соединения специальных знаний с профессиональными юридическими знаниями в вопросах выдвижения версий, и планирования расследования. Рассматривается и анализируется понятие и сущность экспертной версии с позиции эффективности по установлению фактов входящих в предмет доказывания. На основании анкетирования работников правоохранительных органов показана значимость участия специалиста-криминалиста в построении версий и планировании следственных и иных действий как криминалистическое сопровождение следствия. Отмечена актуальность взаимодействия следователя и специалиста-криминалиста в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений

Ключевые слова: планирование расследования и выдвижение версий, взаимодействие следователя и специалиста-криминалиста в выдвижении версий и планировании, экспертная версия в процессе доказывания

Для цитирования: Ястребова Т. И., Ордан А. В. Отдельные аспекты участия специалиста-криминалиста в выдвижении версий, планировании расследования и раскрытия преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 140–146. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-140-146

CERTAIN ASPECTS OF THE PARTICIPATION OF A CRIMINOLOGIST IN THE PROMOTION OF VERSIONS, PLANNING OF INVESTIGATION AND DISCLOSURE OF CRIMES

Tatyana I. Yastrebova¹, Anatolij V. Ordan²

^{1,2}South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia

¹iastrebovati@susu.ru

 <https://orcid.org/0009-0006-1804-373X>

²ordanav@susu.ru

 <https://orcid.org/0009-0004-1346-8769>

Abstract. One of the main factors of high-quality and timely investigation and disclosure of crimes is the tactically well-organized interaction of various law enforcement agencies. The article examines the relevance of the use of special knowledge at the stage of putting forward versions and further planning of investigation and disclosure of crimes, which has not been discussed recently. The rationale is given for how and how the knowledge, experience, thinking, inner conviction of a forensic specialist or a forensic expert provide the necessary assistance in the thought process of putting forward versions and planning an investigation. Actual problems are identified, solved by using special knowledge for the purposes of putting forward versions, checking them and further planning the investigation and disclosure of crimes. Illustratively, the paper shows concrete examples of combining special knowledge with professional legal knowledge in matters of putting forward versions and planning an investigation. The concept and essence of the expert version are considered and analyzed from the standpoint of effectiveness in establishing the facts included in the subject of proof. Based on the survey of law enforcement officials, the importance of the participation of a forensic specialist in building versions and planning investigative and other actions as forensic support of the investigation is shown. The relevance of the interaction of an investigator and a criminologist in the process of disclosure, investigation and prevention of crimes is noted.

Keywords: investigation planning and the promotion of versions, the interaction of the investigator and a forensic specialist in the promotion of versions and planning, expert version in the process of proof

For citation: Yastrebova TI, Ordan AV. Certain aspects of the participation of a criminologist in the promotion of versions, planning of investigation and disclosure of crimes. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):140-146. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-140-146 (In Russ.)

Введение

Исторически сложилось так, что специалист-криминалист в расследовании и раскрытии преступлений рассматривается только с позиции его участия в следственных действиях, в том числе и в производстве судебной экспертизы. Кроме этого, из самих следственных действий наибольшая доля приходится на участие в осмотре места происшествия. Проведенный нами опрос экспертов УВД по Челябинской области показал, что из 77 респондентов 66,2 % экспертов принимали участие в осмотрах мест происшествий, в производстве обыска — 35 %; проверке показаний на месте — 30 %; допросе — 27,3 %; следственном эксперименте — 26 %; освидетельствовании — 15,6 %; опознании — 11,7 %. Получается так, что использовав специальные знания такого специалиста на осмотре

места происшествия, равно как и в производстве других следственных действиях, в дальнейшем специальные знания необходимы только, «потом», для производства судебной экспертизы, но уже в качестве эксперта-криминалиста. Используя свои профессиональные специальные знания, на том же месте происшествия специалист получает информацию об обстоятельствах произошедшего, создает мнение о следах и о той информации, которую они могут дать для получения доказательств по делу и для установления заподозренного. Каждый считающий, себя профессионалом специалист или эксперт, должен осознавать, что с точки зрения процессуального закона его рассуждения, исследования, выводы по результатам судебной экспертизы, это источник о фактах входящих в предмет доказывания.

На основании этого приходится говорить, что сложившаяся практика непривлечения специалиста-криминалиста к таким организационным мероприятиям, как выдвижение версий, создание плана расследования и другим, является явным неуважением, игнорированием, а возможно и недопониманием возможностей использования профессиональных специальных знаний. Такое отношение со стороны следователей, оперативных работников и других участников расследования явно снижает качество работы по преступлению.

Методы исследования

В процессе подготовки и написания работы использовались методы науки уголовного процесса, криминалистики, теории судебной экспертизы. Особенно стоит выделить метод социологического опроса сотрудников следственных и экспертных подразделений Челябинской области, который позволил выявить проблему использования специальных знаний на этапе выдвижения версий и дальнейшего планирования раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Описание исследования

Проблемы использования знаний и опыта специалистов в раскрытии и расследовании преступлений находятся на поверхности, и нельзя сказать, что они незаметны для правоохранителей, о них нередко говорят авторы в своих работах, однако в практической деятельности они не решаются. Возникает вопрос: почему не используются специальные знания опытных специалистов, в 66,2 % проработавших экспертами свыше 10 лет, для повышения эффективности раскрытия и расследования уголовных дел.

В этой связи, особенно большой интерес, представляет привлечение специалистов-криминалистов к участию в формировании версий и планированию работы следователя по раскрытию и расследованию преступлений по «горячим» следам [1, с. 32–33].

Продуманная правильная организация работы следователей и органов дознания по внезапно совершенным преступлениям является важнейшим условием повышения эффективности процесса раскрытия и расследования уголовных дел. Особенно это значимо в стадии возбуждения уголовного дела и первоначального этапа его расследования, когда информации явно недостаточно для принятия определенных решений, когда имеющаяся информация еще не проверена и т. п. Именно теоретическое обоснование и практическая реализация необходимости сближения

по времени момента совершения преступления и принятия организационных и процессуальных мер повышает раскрываемость уголовных дел, эффективность их расследования и рассмотрения в судах [2, с. 23–27].

Стоит отметить, что суть взаимодействия в ходе расследования и раскрытия преступлений в различных правоохранительных органах проходит через использование их знаний и опыта. Как правило, такие специалисты работают в одном органе и на одной территории, что способствует более эффективному использованию этих знаний. Однако деятельность следователя, дознавателя по планированию расследования уголовного дела не относится к процессуальной и в УПК РФ не прописана. А это значит, что привлекать специалистов к этой работе в виде поручений и т. п. форм нет юридических оснований. Возможно, такое обстоятельство и является одной из причин неучастия специалиста криминалиста в формировании версий и планировании работы по уголовному делу. Если и имеются случаи участия специалиста криминалиста в обсуждении результатов, полученных в ходе проверки или следственных действий информации по материалам дела, то это выглядит как участие в важном, серьезном и резонансном уголовном деле на общественных началах с не обязывающей к этому явкой.

Для такого непроцессуального общения следователя и специалиста криминалиста (специалистов) и совершенствования взаимодействия следователя с должностными лицами экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, действенным и эффективным было бы совместно Главным следственным управлением и Экспертно-криминалистическим управлением МВД РФ, подготовленное и направленное во все следственные, экспертно-криминалистические подразделения и органы дознания, указание (письмо), обязывающее должностных лиц названных подразделений при необходимости обсуждать полученную информацию с целью совместной работы по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. С этой же целью, можно внести дополнение в п. 4 ст. 38 УПК РФ, предусматривающее право следователя привлекать специалиста к участию в организационной работе по раскрытию и расследованию уголовного дела, изложив его в следующей редакции: «4.2 следователь, дознаватель, орган дознания в случае необходимости вправе привлекать специалиста к участию в организационной работе по раскрытию и расследованию уголовного дела».

В век бурного развития нанотехнологий, цифровизации производственных процессов, организации взаимодействия через глобальные сети, роль специалиста-криминалиста в первоначальных действиях по расследованию, а именно в выдвигании версий и планировании дальнейшего раскрытия преступлений очень велика. С этой позиции сформированные специалистом версии можно рассматривать и как предложения в план расследования для проверки выдвинутых версий. Актуальные сегодня преступления: в сфере банковской деятельности, незаконного оборота наркотических средств, использования 3D технологий для изготовления оружия, частей боеприпасов и частей взрывных устройств, требуют единственно правильной оценки, как отдельных данных, так и всего события в целом, а значит обоснованной и наиболее верной следственной версии, которую может обеспечить специалист-криминалист.

Классически криминалистическая версия это основанное на фактических данных предположение о сущности в целом или об отдельных обстоятельствах события [3, с. 178]. Одной из основных задач реализации версии является принятие решения для возбуждения дела. Пока такое дело не возбуждено, т. е. на первоначальном этапе специалист более свободен в использовании своих специальных знаний. Он еще не зарегламентирован различными процессуальными, организационными границами. Именно такой, видимо, процесс свободы позволяет наиболее точно и спокойно понять специалисту на основе опыта и знаний, что произошло на месте, осмыслить все обстоятельства и действия, а в конце, на основании полученных по материалам дела результатов, умозаключить и построить версию о своем видении всего события, его составных частях, отдельном факте, объекте и т. п., по которым отсутствует правильное достоверное знание.

Известно, какое значение для формирования версий, планирования работы и принятия решения по делу имеет обнаружение негативных обстоятельств [4, с. 119–120] на месте происшествия и в ходе проверочных действий. И естественным является предположение, что лицо, владеющее специальными знаниями, используемое специальные технические средства и методы, располагает большими возможностями в обнаружении таких «нестыковок» между механизмом совершения определенных действий при совершении преступлений и теми следами, которые были обнаружены в ходе произведенных исследований по делу.

В этом аспекте, знания и опыт специалиста-криминалиста, владеющего информацией о совершенном деянии, могут послужить ключевым инструментом в продвижении процесса раскрытия и расследования уголовного дела.

Исследуя важность участия специалиста криминалиста в обсуждении результатов проверок и следственных действий по материалам дела, мы хотели бы обратить внимание на введение в следственную практику такого понятия, как инициатива специалиста криминалиста, по аналогии с экспертной инициативой. В предложенное понятие, мы включаем активную деятельность специалиста криминалиста, направленную на получение новой информации, новых сведений о событии преступления, личности участников, способе его совершения, механизме образования следов и др., опирающуюся на специальные знания в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, а также профессиональный опыт, в целях установления новых обстоятельств совершенного преступления.

Такое выдвигание версий специалистом-криминалистом может быть различным по объему, по степени и конкретности, но обязательно должно преследовать цели и задачи различных этапов расследования. Так, после первоначального осмотра места происшествия и изучения на нем различных следов, с позиции механизма образования, времени образования, изучения предполагаемого механизма действия участников и много другого специалист-криминалист может выдвинуть версии по кругу лиц участвующих в действии, по орудиям и оружию, о транспорте которые использовались при совершении и даже версию о предполагаемых дальнейших действиях участников. А это не что иное, как установление признаков события преступления, как одного из первых обстоятельств подлежащих установлению и доказыванию.

Вместе с тем, как показали результаты нашего исследования в практике раскрытия и расследования уголовных дел 57,1 % опрошенных экспертов ответили, что за период их работы не имели место случаи использования инициативы специалиста направленной на помощь следователю (дознавателю) в формированию версии, касаясь раскрытия и расследования преступлений, в производстве следственных действий которых они принимали участие. Мы полагаем, что такое положение вещей не может не сказываться как на затратном времени раскрытия и расследования уголовных дел, так и на качестве работы следователя (дознавателя).

Не менее актуальным для выдвижения версий и планирования могут являться результаты оказания помощи со стороны специалиста–криминалиста при проведении таких оперативно–розыскных мероприятий, как исследование предметов и документов, наведение справок, опрос граждан и др. По результатам этих действий у специалиста — криминалиста создается свое профессиональное видение поискового характера, что и должно быть отражено в версиях и в пунктах плана как производства оперативно розыскных мероприятий так и дальнейшего расследования уголовного дела.

Актуальным может считаться и построение версий, и внесение предложений в план по результатам, как предварительного экспертного исследования, так и на основании выводов заключения эксперта. Такое заключение может быть выполнено и на последующих этапах расследования, т. е. уже после намеченного плана расследования. Принцип динамичности планирования прямо позволяет по ходу расследования вносить новые или изменять предусмотренные пункты плана. Так, например, по результатам экспертного баллистического исследования сделан вывод, что пистолет изготовлен самодельным способом, но с использованием промышленного оборудования для обработки его некоторых частей и деталей. Логично, со стороны уже эксперта–криминалиста внести в план конкретное мероприятие, связанное с обнаружением и проверкой (возможно и не гласной), предприятия, где возможна такая обработка. Проверка лиц, имеющих доступ к такому оборудованию, также может быть включена в план расследования.

Статистика следственной и экспертной практики отмечают наличие не малого числа случаев продления сроков расследования по причине не своевременного назначения судебных экспертиз или на основании их слишком длительного производства. Эта проблема вполне решаемая, если при планировании расследования сроки назначения и длительность производства судебной экспертизы согласовываются с экспертом–криминалистом. Стоит согласиться, что внося или одобряя пункты плана расследования относительно производства судебных экспертиз, только эксперт–криминалист профессионально может оценить будущие поставленные вопросы, представленные материалы для исследования, а отсюда и примерные сроки ее производства. Это возможно и необходимо делать хотя бы потому, что процессуальный закон не устанавливает конкретные сроки назначения и производства судебной экспертизы.

Законодатель совершенно верно не регламентирует такие сроки т. к. предусмотреть весь уровень объема работ для решения поставленных перед экспертом вопросов и для различных родов, видов и т. д. таких экспертиз не возможно. Полагаем, что в этих случаях ориентироваться необходимо на срок отведенный законодателем для расследования преступления. Это, в свою очередь, возможно рассматривать как реализацию принципа конкретности, а именно, если сроки назначения и производства судебных экспертиз, с другими мероприятиями не обозначены в плане, то он в большой степени теряет свою организующую роль. С другой стороны такая конкретизация практического использования специальных знаний в планах расследования влияет и на планирование деятельности и специалиста и эксперта–криминалиста в целом, что, в конечном счете, влияет на общую организацию расследования.

В этом аспекте следует заметить, что в практике раскрытия и расследования уголовных дел имеют место случаи сотрудничества следователя и эксперта, касаясь назначения экспертиз, но в то же время, результаты нашего исследования показали, что на вопрос: «Имели ли место в Вашей практике случаи согласования следователя и эксперта, сроков назначения и производства экспертизы, 49,4 % респондентов ответило отрицательно».

При этом, следует заметить, что участие специалиста криминалиста в построении версий и планировании расследования, сокращают сроки производства расследования уголовных дел, способствует более раннему обнаружению и сохранению, а следовательно и использованию, следов преступления. Известная закономерность: чем больший промежуток времени между совершением преступления и обнаружением его следов (в широком их понимании), тем выше вероятность их утери или непригодности к получению достоверных результатов исследования. Но самую серьезную угрозу сохранности следов (предметов, документов, веществ и других объектов) представляет не объективное течение времени, а преднамеренное разноплановое, с использованием современных средств и способов противодействие лиц, заинтересованных в сокрытии истины по делу. Именно этим доказывание в уголовном процессе более всего отличается от других видов познавательной деятельности человека, поскольку «ни в одной области познания, кроме доказывания по уголовным делам, исследователю не противостоит субъект, кровно заинтересованный в неудаче исследования,

порою еще не известный и не брезгующий никакими средствами» [5, с. 45–46].

Вносимые специалистом и экспертом-криминалистом версии и пункты в план расследования обязательно должны быть проанализированы на наличие эффективности по установлению фактов входящих в предмет доказывания. Возможно, есть необходимость провести такой анализ уже после принятого судом решения, что в свою очередь должно способствовать исключению построения не эффективных версий и внесения не эффективных пунктов мероприятий в план расследования.

Кроме сказанного необходимо рассмотреть более детально такой вид из общей классификации версий, как экспертную версию. Такая версия может быть только частной и это предположение эксперта принятое для проверки в ходе производства судебной экспертизы или просто экспертного исследования. В настоящее время такое предположение обязательно должно быть проверено не просто путем проведения экспертного исследования, а исследования в соответствии с утвержденной методикой производства судебных экспертиз или экспертных исследований. Стоит заметить, например, что принятых и апробированных методик только в области трасологических исследований более пятидесяти. В этой области экспертных исследований имеются и методики очень близкие по используемым в них методам и техническим средствам. В контексте нашего исследования такое разнообразие позволяет проверить версию эксперта не только с помощью исследования по одной методике, но и по другим близким к первой, но с применением может быть более современных технических средств, научных методов. Такой метод проверки экспертной версии отличает ее от следственных, розыскных и судебных версий и находится в непосредственной связи с объектом исследования и задачами поставленными следователем. Практика деятельности экспертных подразделений в органах внутренних дел имеет не совсем много примеров, когда специалист-криминалист ориентируясь в таких сложных методиках может предложить проверить версию выдвинутую следователем или оперативным работником с помощью таких методик путем экспертного исследования. Необходимо понимать, что только специалист-криминалист обладает специальными знаниями, в которые и входят знания правильного использования экспертных методик. Такое интеллектуальное взаимодействие в непросто мыслительном процессе, как выдвижение

и проверка версий через экспертные методики дело недалекого будущего. Однако, как уже ранее было указано не привлечение специальных знаний на первоначальном этапе расследования и раскрытия преступлений ведет к потере уже созданного научного инструмента для решения такой проблемы.

Криминалистические версии выдвигаются не только по уже возбужденному уголовному делу, но и в процессе проверки сведений о совершенном преступлении следователем или оперативным работником. В следственной деятельности при возбуждении уголовного дела результаты проверки выдвинутых экспертом версий и подтвержденных экспертными исследованиями часто имеют решающее значение. А после возбуждения дела нередко включаются с другими доказательствами в обвинительное заключение. Подтверждающими примерами могут явиться экспертные версии и проведенные исследования для их проверки по преступлениями о незаконном обороте наркотических, сильнодействующих веществ, по убийствам, незаконному обороту оружия и т. д.

Участие специалиста-криминалиста в оперативно-розыскных мероприятиях, а именно в оказании помощи в получении образцов для сравнительного исследования, отождествлении личности, обследовании помещений, транспорта, местности или самостоятельном исследовании по заданию, предметов и документов дают возможность следователю представлять обстоятельства преступления, заподозренных, объем доказательств, которые необходимо будет получать в начале расследования. В дальнейшем на основании этого следователь может построить общие и частные конкретные версии и создать уже развернутый план расследования. Исходя из этого, если дело возбуждается по имеющейся оперативно-розыскной информации, следователь составляет план уже до его возбуждения. Выдвижение и результаты проверки версий в дальнейшем требуют профессиональной организации действий по расследованию и раскрытию преступлений. Предпосылкой и условием такой организации является именно планирование расследования и раскрытия. Его можно рассматривать как метод организации расследования. В этой связи очень актуальным является участие эксперта или специалиста-криминалиста в создании указанного плана. Это, например объясняется тем, что на начальном этапе расследования практически всегда необходимо проведение неотложных следственных действий. К ним относятся и действия, производство которых

требует длительного времени и задержка которых влечет увеличение сроков расследования. Так, многообъектные и с большим количеством вопросов судебные экспертизы или комплексные судебные экспертизы требуют относительно длительного времени, привлечения различных специалистов, применения возможно и не традиционных методик. Решение по их производству должно быть принято в короткие сроки и, по нашему мнению, обязательно с участием эксперта или специалиста-криминалиста. Только эксперт или специалист-криминалист, более менее приблизительно определяя сроки производства, проконсультирует, какие вопросы сформулировать в зависимости от задач следователя, что представить для их решения.

Заключение

Участие специалиста-криминалиста в построении версий и планировании следственных и иных действий по материалам уголовного дела является фактически криминалистическим сопровождением следствия, оказанием практической и методической помощи следователю в процессе раскрытия

и расследования уголовного дела. Такое взаимодействие следователя и специалиста-криминалиста способствует применению в следственной практике прогрессивных криминалистических методик и технических средств, возможностей судебной экспертизы, совершенствованию мастерства следователей в работе по уголовным делам. Данный подход к организации расследования уголовных дел находит положительный отклик у экспертов, которые считают, что их участие в формировании версий, а, следовательно, и составление плана расследования является способом, способствующим эффективности расследования уголовного дела (70,1 % респондентов). Таким образом, в сфере деятельности следователей, дознавателей и органов дознания существует средство, которое должно быть использовано для повышения эффективности решения проблем, связанных с раскрытием и расследованием уголовных дел.

Реализация изложенных в работе предложений будет способствовать более эффективной работе следователей и органов дознания по раскрытию, расследованию и профилактике преступлений.

Список источников

1. Ястребова Т. И. Об отдельных проблемах расследования уголовных дел по «горячим» следам // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 32–35.
2. Захарова В. О. Организация дежурной частью органа внутренних дел раскрытия преступлений по «горячим следам» : автореф. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 29 с.
3. Криминалистика : учебник для вузов / А. Г. Филиппов [и др.] ; под ред. А. Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. 466 с.
4. Попова О. А. Негативные обстоятельства: криминалистические и процессуальные аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России, 2019. № 3 (50). С.119–124.
5. Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. Москва, 1966. 156 с.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

ОСОБЕННОСТИ РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Александр Сергеевич Киселев¹, Горбунова Ксения Анатольевна²

¹Государственный университет управления, Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

alskiselev@fa.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>

²Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия

gorbynya.rambler.ru@yandex.ru

Аннотация. Вопросы совершенствования тактики розыскных мероприятий при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации трудно переоценить. За последние годы ввиду значительного роста цифровизации неуклонно растет как количественные показатели преступлений в сфере компьютерной информации, так и их качественный уровень. Органам следствия становится сложнее собирать необходимые доказательства, обнаруживать электронно-цифровые следы, определять их авторство и устанавливать причинно-следственные связи. Современные оперативно-розыскные мероприятия предполагают наличие у сотрудников правоохранительных органов умений обнаружения и анализ цифровых данных, извлечения электронных следов, а также фиксацию этих данных в качестве улик.

Расследование преступлений в сфере компьютерной информации требует специализированных знаний и навыков, чтобы эффективно противостоять новым методам и технологиям, используемым правонарушителями. Актуальность тактики розыска обусловлена необходимостью адаптироваться к постоянно меняющейся киберугрозе и обеспечивать безопасность информационных систем.

Определено, что правоохранительным органам необходимо постоянно совершенствовать свои навыки и обогащать знания, очевидна необходимость соответствующего материально-технического оснащения, предполагающего наличие специализированных инструментов. Особенно важна модернизация тактики розыска подозреваемых.

Выявлено, что прослушивание телефонных переговоров является важным элементом в проведении оперативно-розыскных мероприятиях. Прослушивание предполагает установку аудиоследящих устройств на телефонные линии связи, а также заключение соглашения с операторами связи для получения доступа к интернет-трафику и телефонным разговорам. Однако существуют значительные риски злоупотребления полномочиями со стороны правоохранительных органов. К сожалению, в законе не определен перечень критериев, по которым можно установить, следует ли применять прослушивание в конкретном случае или нет. Это создает угрозы персональных данных пользователей и вносит неопределённость в правоприменительную деятельность.

Ключевые слова: тактика следственных органов, расследование киберпреступлений, преступления в сфере компьютерной информации, розыск, тактика розыска киберпреступников, следственные мероприятия, оперативно-розыскные мероприятия

Для цитирования: Киселев А. С., Горбунова К. А. Особенности розыскных мероприятий при расследовании преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 147–154. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-147-154

PECULIARITIES OF SEARCH MEASURES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

Aleksandr S. Kiselev¹, Kseniya A. Gorbunova²

¹State University of Management, Financial University
under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
alskiselev@fa.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>

²Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow, Russia
gorbynya.rambler.ru@yandex.ru

Abstract. It is difficult to overestimate the issues of improving the tactics of investigative measures in the investigation of crimes in the field of computer information. In recent years, due to the significant growth of digitalization, both quantitative indicators of crimes in the field of computer information and their qualitative level have been steadily increasing. It becomes more difficult for investigative bodies to collect the necessary evidence, detect electronic and digital traces, determine their authorship and establish cause-and-effect relationships. Modern operational investigative measures assume that law enforcement officers have the skills to detect and analyze digital data, extract electronic traces, as well as record these data as evidence.

The investigation of crimes in the field of computer information requires specialized knowledge and skills to effectively counter the new methods and technologies used by offenders. The relevance of the search tactics is due to the need to adapt to the ever-changing cyber threat and ensure the security of information systems.

It is determined that law enforcement agencies need to constantly improve their skills and enrich their knowledge, the need for appropriate material and technical equipment, assuming the availability of specialized tools, is obvious. It is especially important to modernize the tactics of searching for suspects.

It has been revealed that wiretapping is an important element in conducting operational search activities. Listening involves installing audio tracking devices on telephone communication lines, as well as concluding an agreement with telecom operators to gain access to Internet traffic and telephone conversations. However, there are significant risks of abuse of authority by law enforcement agencies. Unfortunately, the law does not define a list of criteria by which it is possible to determine whether listening should be used in a particular case or not. This creates threats to users' personal data and introduces uncertainty into law enforcement activities.

Keywords: tactics of investigative bodies, investigation of cybercrimes, crimes in the field of computer information, search, tactics of searching for cybercriminals, investigative measures, operational search measures

For citation: Kiselev AS, Gorbunova KA. Peculiarities of search measures in the investigation of crimes committed in the sphere of computer information. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):147-1540. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-147-154 (In Russ.)

Введение

Противоправные действия в сфере компьютерной информации — это преступления, связанные с использованием электронного оборудования и программного обеспечения, включая хакерство, интернет-мошенничество и др. Расследование таких преступлений требует применения специальных методов и тактики.

Для поиска причин и условий совершения преступлений в компьютерной среде можно выделить следующие категории лиц: киберпреступники, обладающие высокой квалификацией и разрабатывающие, применяющие вредоносные программы; обычные люди, которые преднамеренно публикуют в интернете ложные объявления о продаже ценных вещей по низкой цене, вводят покупателей

в заблуждение, используют скаченное вредоносное программное обеспечение для хищения чужих данных и др. Из этого можно сделать вывод, что для совершения преступлений в сфере компьютерной информации не всегда необходимо наличие специальных знаний, вполне достаточно использования компьютерной техники и выхода в интернет.

Невысокий уровень эффективности раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации связан с несовершенством нормативных регламентов, сложностью фиксации электронно-цифровых следов, отставанием следственной практики от передовых технологий злоумышленников. Отсутствие материальных следов в процессе совершения преступления, а также наличие различных способов его реализации являются одними из причин латентности компьютерных преступлений. Вредоносное программное обеспечение может быть создано в одной стране, а использовано по всему миру, что затрудняет определение территориальных границ.

Основной текст статьи

При проведении расследования необходимо провести анализ следов не только на технических устройствах (компьютерах, ноутбуках, планшетах, смартфонах), но и в каналах связи, которые они используют, таких как протоколы соединений, отправленные сообщения и т. д. Файлы могут содержать изображения, видео, программное обеспечение и пр. Для получения вышеуказанных данных требуется проведение оперативно-розыскных мероприятий. Полученная оперативными сотрудниками информация передается для использования органами дознания, следствия или в суд. Следовательно, уголовные дела, связанные с преступлениями в сфере компьютерной информации, возбуждаются на основе сведений, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) как предупредительных, так и в регулярном порядке, а также по факту уже совершенного преступления.

В п. 2 ч. 3 ст. 10.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» установлен срок до 6 месяцев для хранения оператором связи текстовых сообщений пользователей, голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных электронных сообщений пользователей сети интернет с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки. Это способствует эффективному проведению ОРМ и следственных действий правоохранительными

органами¹. Полученные результаты помогают выявить скрытые сведения о способах совершения преступления и участии других лиц, которые могут быть неизвестны подозреваемому, но являться участниками противоправной деятельности. Это, в свою очередь, позволяет предотвратить отклонение доказательств, полученных до судебного процесса.

Ю. И. Юрина отмечает: «После возбуждения уголовного дела составляется план производства следственно-оперативных мероприятий, его последовательность с учетом полученной информации, собранной в материалах проверки, в том числе определяется тактика допроса свидетелей и подозреваемого лица, избрание меры пресечения» [12, с. 56].

Использование ОРМ «Получение компьютерной информации» для сбора электронных данных может рассматриваться как дополнительный способ подтверждения улик в уголовном процессе и позволяет обеспечить высокий уровень защиты со стороны правоохранительных органов в отношении средств сбора данных.

Схожими по своей сути и содержанию к «Получению компьютерной информации» являются ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» и «Снятие информации с технических каналов связи», которые ранее отражались в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»².

Снятие информации с технических каналов связи — это процесс получения данных о сообщениях, передаваемых через средства связи, с целью их анализа и использования в оперативно-розыскных мероприятиях, может включать перехват, запись и анализ электронных сообщений, телефонных звонков, сообщений через социальные сети и другие средства связи. Снятие информации с технических каналов связи может применяться в следственной деятельности для пресечения и раскрытия преступлений [11, с. 325]. Указанные оперативно-розыскные мероприятия осуществляется только на основании судебного решения, с привлечением оперативно-технических средств и сил органов внутренних дел и Федеральной службы безопасности.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102108264&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения: 18.04.2023).

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 авг. (№ 160).

Основные тактические приемы при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации могут быть разделены на следующие этапы:

— *Сбор информации.* На этом этапе следователи собирают все доступные данные о преступлении и его возможных участниках, включая сбор данных о взламываемых системах, сетевых узлах, аккаунтах в социальных сетях, электронной почте и т. д.

— *Анализ информации.* После сбора информации следователи анализируют данные, полученные из разных источников, чтобы выявить возможные связи, паттерны и отношения между различными участниками преступления.

— *Идентификация подозреваемых.* На основе собранной информации и ее анализа следователи могут выявить подозреваемых и узнать больше о их мотивах и возможных действиях.

— *Использование слежения и контроля.* Для получения дополнительной информации следователи могут применять различные методы, например, мониторинг телефонных звонков, компьютерных действий, интернет-трафика и т. д.

— *Поиск доказательств.* После того как следователи идентифицировали подозреваемых и получили информацию о них, они приступают к формированию доказательственной базы, которая подтверждает вину подозреваемых. При этом, данные могут быть получены из различных источников, включая компьютеры, телефоны, электронную почту и т. д.

— *Арест и судебное разбирательство.* После того, как следователи собрали достаточно доказательств, они могут согласовать с судом арест подозреваемого.

Таким образом, тактика розыскных мероприятий при расследовании компьютерных преступлений включает сбор и анализ информации, идентификацию подозреваемых, использование слежения и контроля, поиск доказательств, арест и судебное разбирательство.

Розыскные мероприятия при расследовании компьютерных преступлений могут включать в себя следующие действия:

1. Изъятие компьютерной техники: ПК, ноутбуки, смартфоны, планшеты, внешние жесткие диски и другие устройства хранения информации.

2. Копирование данных с изъятых устройств для получения полной картины происходящего является важным розыскным мероприятием при расследовании

компьютерных преступлений. Копирование данных (или дисконпия) позволяет сохранить информацию, находящуюся на компьютере подозреваемого, без ее изменения или повреждения.

В целом, копирование информации является важным розыскным мероприятием, которое помогает экспертам провести анализ и исследование данных в деталях, что, в свою очередь, способствует улучшению качества расследования компьютерных преступлений. При этом, как подчеркивают Е. Р. Россинская и И. А. Рядовский, «формальный подход к следственному действию может повлечь безвозвратную утрату доказательственной информации, что обусловлено в первую очередь такими свойствами цифровых следов, как высокая скорость модификации в вычислительных системах, а также возможность их уничтожения либо фальсификации с целью сокрытия преступления» [9, с. 106].

1. *Обыск помещений* — особое мероприятие, которое может быть проведено для поиска компьютерной техники и других устройств хранения данных. В ходе проведения мероприятия следователи проводят досмотр и изъятие различных объектов и устройств, связанных с компьютерным преступлением, например: компьютеров, ноутбуков, внешних накопителей данных, USB-флешек, мобильных телефонов, смарт-карт и т. д.

При обыске следователи также имеют право получать информацию от владельцев помещения о паролях и доступах к электронным устройствам, а также могут запрашивать доступ к защищенной информации на компьютерах. Однако при этом необходимо соблюдать законность проведения обыска и защиту прав и свобод граждан. Такое мероприятие проводится только при наличии судебного разрешения. Следователи также должны соблюдать приватность персональной информации, содержащейся на обыскиваемых устройствах, печатывать материальные носители информации и хранить в сейфе.

2. *Анализ изъятых данных*, направленный на исследование найденной информации для выявления фактов преступления.

Задачи указанного мероприятия при расследовании компьютерных преступлений заключаются в следующем:

— определение формы преступления и его масштаба;

— установление личности подозреваемого;

— предоставление доказательств в суде.

Вне всякого сомнения, «в результате анализа данных выполняются действия, направленные на извлечение информации

об исследуемом объекте, а также получение новых знаний о событии преступления» [4, с. 178].

3. Экспертиза данных помогает оценить достоверность найденной информации. Это мероприятие играет важную роль в расследовании компьютерных преступлений — позволяет собрать, анализировать и интерпретировать различные типы данных, хранящиеся на компьютерах или других устройствах в рамках предъявления обвинений в компьютерном преступлении.

Обычно специалисты по экспертизе информации занимаются изучением данных, связанных с доступом к компьютерным системам, интернет-сайтам или электронной почте. Эти материалы могут включать в себя историю браузера, файлы, находящиеся на жестком диске, записи о входах в систему, данные, передаваемые по сети, и мн. др. Во время экспертизы данных специалисты применяют различные методы и технологии, например, снятие образов жестких дисков, использование программного обеспечения для анализа данных и ручной анализ информации.

4. Наблюдение и прослушивание используются при подозрении, что преступление совершится в будущем.

Такой способ в качестве розыскных мероприятий можно использовать, но только при соблюдении определенных условий и законодательных норм. В постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 1 июня 2017 года № 19 г. Москва «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)»¹ разъясняется, когда следователи могут прослушивать.

Прослушивание является мерой, которая должна применяться в строго оговоренных случаях. При этом Пленум ВС РФ пока не дает конкретного перечня ситуаций, при которых прослушивание можно считать допустимым мероприятием при осуществлении следственных действий. Вполне возможно, что с целью обеспечения национальной безопасности, противодействия терроризму и предотвращения крупных тяжких преступлений, направленных против основ конституционного

строения, допустимо использование прослушивания, поскольку другими способами получить доказательства может быть невозможно, а степень опасности последствий преступлений может носить беспрецедентный характер.

По поводу наблюдения в своей работе А. П. Жусипбекова отмечает следующее: «Наиболее широко используемым в досудебном производстве методом является наблюдение, с помощью которого производится большое количество следственных действий: обыск, выемка, осмотр места происшествия, осмотр вещей и предметов, допрос, очная ставка, предъявление для опознания и т. п.» [3, с. 62–63]. Сегодня принципиально меняются подходы к проведению некоторых следственных действий. Так, Ю. Н. Соколов в своей работе делает акцент на том, что «наблюдение как следственное действие все чаще производится в электронной форме» [10, с. 304].

Эти меры могут быть применены, например, при подозрении в совершении кибератак на объекты критической инфраструктуры или других компьютерных преступлений, посягающих на общественную безопасность. Однако для их применения следует получить специальное разрешение суда, которое будет основано на аргументации необходимости проведения наблюдения и прослушивания. Таким образом, наблюдение может быть удачной розыскной мерой при расследовании компьютерных преступлений, но в процессе их применения необходимо следовать требованиям законодательства, защищая каждого человека. Кроме того, стоит помнить о необходимости соблюдения прав каждого на частную жизнь. Ведь как справедливо замечают исследователи, «на практике данные оперативно-розыскные мероприятия могут нарушать и нередко нарушают конституционные права граждан» [7, с. 196].

Прослушивание телефонных переговоров является одним из самых важных оперативно-розыскных мероприятий и используется правоохранительными органами для получения информации о преступных действиях и нарушениях закона, а также для обеспечения национальной безопасности. Существует несколько способов проведения прослушивания телефонных разговоров, включая применение специального оборудования и программного обеспечения, установку аудиоследающих устройств на телефонные линии, а также заключение соглашения с операторами связи для получения доступа к интернет-трафику и телефонным разговорам.

¹ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71589794/> (дата обращения: 18.04.2023).

А. В. Ковальчук указывает: «На практике сначала судом даётся разрешение о проведении таких ОРМ в отношении неустановленных лиц. В ходе анализа полученных данных устанавливаются лица, возможно причастные к преступлению, совершённое в указанном месте и в установленное время. После чего органы, осуществляющие ОРД, обращаются за разрешением на проведение ОРМ в отношении конкретных лиц и по определённым номерам телефонов» [5, с. 53–54]. Некоторые исследователи убеждены, что требуется разработка общих характерных признаков, при наличии которых проведение подобных ОРМ будет считаться обоснованным [6, с. 107].

Указанное ОРМ признается одним из самых эффективных способов раскрытия преступлений и имеет наиболее детализированную регламентацию в федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Сегодня преступники все реже используют традиционные каналы телефонной связи, поскольку у них вызывает опасение быть прослушанными со стороны правоохранительных органов. Современные преступники пользуются различными методами шифрования, голосовыми чатами на игровых платформах, где риск прослушивания сводится к минимуму. Даже при наличии разрешения суда на проведение таких ОРМ получить информацию о переговорах бывает очень сложно. Более того, на практике в определенных ситуациях при использовании подозреваемыми комбинированных видов связи возникают трудности в определении разницы между проведением таких ОРМ, как «Прослушивание телефонных разговоров» и «Снятие информации с технических каналов связи» [8, с. 483–485]. В некоторых случаях определить содержание мероприятия «Получение компьютерной информации» и связать его с уже упомянутыми мероприятиями может быть еще более сложной задачей.

Развитие коммуникационных услуг существенно прогрессирует благодаря распространению портативных устройств с доступом в интернет. При использовании сетевых коммуникаций соединение устанавливается через комплексную инфраструктуру, где одновременно доступны различные коммуникационные сервисы, предоставляемые разными операторами, что отличается от обычной телефонии. Некоторые из них могут находиться за пределами страны и не обязаны предоставлять информацию в ответ на запросы от отечественных правоохранительных органов.

Применение специализированных мобильных устройств с возможностью зашифрованной связи вызывает особые трудности

в борьбе с преступниками. Приведем в качестве примера широкого предоставления мобильной шифровки для организованной преступности доказательства из дела Федерального Бюро Расследований США (ФБР) в отношении деятельности канадской компании Phantom Secure, которая обслуживала более 20 тыс. клиентов.

Расследование ФБР США в отношении работы этой компании связано с ее предполагаемым участием в организации преступной деятельности, включая наркоторговлю и оружейный бизнес. Phantom Secure является производителем защищенных мобильных устройств, которые, по предположению правоохранительных органов, используются криминальными группировками для шифрования своей коммуникации и координации преступных действий¹.

Специалисты компании Phantom Secure предоставляли зашифрованные телефоны Blackberry, специально предназначенные для использования криминальными группировками и наркоторговцами. Они удаляли функции GPS, камеры и микрофона и устанавливали программное обеспечение PGP и Advanced Encryption Standard (AES) для шифрования сообщений и звонков, что делало прослушивание последних невозможным.

Это обеспечивало высокий уровень «безопасности» преступных действий от правоохранительных органов. Один из крупнейших провайдеров зашифрованной цифровой связи EncroChat обслуживал множество пользователей, причастных к преступной деятельности, а также предлагал продажу телефонов с обеспечением анонимности связи. Однако в июне 2020 года серверы EncroChat были взломаны, благодаря чему правоохранительные органы многих стран смогли получить доступ к зашифрованным сообщениям. В результате было раскрыто множество преступных схем, включая наркоторговлю, отмывание денег, оружейную торговлю и организованную преступность. Крупнейшие аресты были проведены в Великобритании, Нидерландах, Франции и Италии, при этом полиция обнаружила большое количество наркотиков, оружия и денег. В результате EncroChat был закрыт, а многие представители организованной преступности были арестованы.

Специалисты утверждают, что это свидетельствует о необходимости непрерывного

¹ Cox J. The FBI Tried to Plant a Backdoor in an Encrypted Phone Network // VICE. URL: <https://www.vice.com/en/article/pa73dz/fbi-tried-to-plant-backdoor-in-encrypted-phone-phantom-secure> (дата обращения: 16.08.2023).

увеличения возможностей правоохранительных органов для работы с зашифрованной информацией в ходе уголовных расследований в соответствии с действующим законодательством, что особенно важно при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в киберпространстве. Проблема, связанная с использованием криминальными элементами современных технологий шифрования, становится особенно актуальной. Это обстоятельство отмечается рядом отечественных ученых [2, с. 348–357; 1, с. 387–388].

В последнее время в зарубежной специальной литературе соответствующая проблема получила название «Going Dark» — это термин, который используется для описания ситуации, когда правоохранительные органы не могут законным путем получить доступ к зашифрованным данным на устройствах или в приложениях. Такое положение может быть обусловлено использованием технологий шифрования, анонимных мессенджеров, сервисов облачного хранения и других технологий приватности и безопасности. Следователь может обратиться к провайдеру интернет-услуг, чтобы установить тех, кто использовал определенный IP-адрес для совершения преступления, однако этого может быть недостаточно.

В целом ОРМ «Получение компьютерной информации» дает возможность более эффективно способствовать выявлению, расследованию и раскрытию преступлений, связанных с компьютерными и телекоммуникационными технологиями.

Это мероприятие, наряду со «Снятием информации с технических каналов связи» и «Прослушиванием телефонных переговоров», относится к классу оперативно-технических мероприятий. Как известно, для их технического обеспечения на сетях документальной электросвязи, используемых с целью предоставления услуг передачи данных телематических служб, создана Система технических средств по обеспечению оперативно-розыскных мероприятий. Ее технические требования регламентированы приказом Государственного комитета РФ по связи и информации от 27 марта 1999 года № 47¹.

---

¹ Об утверждении Общих технических требований к системе технических средств по обеспечению функций оперативно-розыскных мероприятий на сетях (службах) документальной электросвязи : приказ Госкомсвязи РФ от 27.03.1999 № 47 // Бюллетень Министерства Юстиции Российской Федерации. 1999. № 7.

Действия оперативников при этом направлены на проникновение в аппаратные компоненты компьютерных систем (ПК, периферийные устройства, ИТКС, носители информации), принадлежащие лицам, которых подозревают в совершении преступлений. Они используют специальные технические или программные методы для копирования компьютерной информации, которая является оперативно важной.

Вместе с тем, существуют частные случаи, когда искомая информация на компьютере может быть получена и без судебного решения или без принятия мотивированного решения со стороны компетентного руководителя правоохранительных органов. Например, в ситуации, если подозреваемый был пойман на месте преступления в общественном или другом месте и оперативник выполняет обыск в его личном техническом средстве (компьютер, смартфон, планшет или другое аналогичное устройство).

Заключение

Таким образом, не остается сомнений в том, насколько важным стало умение сотрудников правоохранительных органов получить доступ к скрытым преступниками компьютерным данным, выявить главные закономерности и возможные места их сосредоточения, а также извлечь всю ценную информацию из массива компьютерных данных, при необходимости в некоторых ситуациях оставаясь анонимным. Установлено, что основные тактические мероприятия при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации могут быть разделены на следующие этапы: сбор информации, анализ данных, идентификация подозреваемых, использование слежения и контроля, поиск доказательств, проведение ареста и судебного разбирательства. Определено, что розыскные мероприятия при расследовании компьютерных преступлений могут включать в себя следующие действия: изъятие компьютерной техники, копирование данных, обыск помещений, анализ изъятых данных, экспертизу данных, наблюдение и прослушивание, арест или задержание подозреваемого, сбор дополнительных свидетельств, привлечение свидетелей и допросы, а также межведомственное сотрудничество. При этом особое внимание стоит уделять квалификации и навыкам сотрудников правоохранительных органов.

Список источников

1. Бабенко С. В., Садовая Д. С. Проблемы теории и практики прокурорского надзора за производством предварительного расследования киберпреступлений // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 387–388.
2. Гусейнов Т. А. Проблемы и особенности расследования киберпреступлений // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 348–357.
3. Жусипбекова А. М. Наблюдение как метод исследования доказательств в досудебном производстве по уголовному делу // Молодой учёный : сб. статей IX Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2022. С. 62–64.
4. Карданов Р. Р., Курин А. А. Аналитическая обработка криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 173–181.
5. Ковальчук В. А. Отдельные вопросы проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан // Вопросы взаимодействия правоохранительных органов и их подразделений при раскрытии и расследовании преступлений : сб. тр. межведомственного круглого стола (Тверь, 06 апреля 2022 года) / под общ. ред. С. В. Клещёва, Ю. В. Сидорова, Д. О. Туманова, Е. А. Доценко. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2022. С. 52–58.
6. Манукян Н. Р. Некоторые проблемы применения прослушивания, контроля и перехвата телефонных переговоров как оперативно-розыскного мероприятия в соотношении с конституционными правами человека // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета : материалы XIII Международной конференции (Санкт-Петербург, 24–25 июня 2021 года) / под ред. Н. П. Кирилловой, В. Д. Пристанскова Н. Г. Стойко, В. Ю. Низамова. Часть 2. Москва : Русайнс, 2022. С. 107–115.
7. Могилкина С. Н., Шаров Р. А. Спорные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности: закон и практика // Эпомен. 2020. № 48. С. 193–199.
8. Никулина А. А. Разграничение ОРМ «получение компьютерной информации» и «снятие информации с технических каналов связи» // Проблемы совершенствования российского законодательства : сб. тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов (Барнаул, 11 апреля 2019 года) / под редакцией Ю. В. Анохина. Барнаул : Барнаульский юрид. ин-т МВД РФ, 2019. С. 483–485.
9. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Тактика и технология производства невербальных следственных действий по делам о компьютерных преступлениях: теория и практика // LexRussica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 9. С. 102–118.
10. Соколов Ю. Н. Электронное наблюдение как комплексное следственное действие // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 304–306.
11. Фролкин Н. П., Яковец Е. Н. Характерные особенности оперативно-розыскных мероприятий «снятие информации с технических каналов связи» и «получение компьютерной информации» // Эпомен. 2022. № 68. С. 325–355.
12. Юрина Ю. И. Особенности тактики производства первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых при установлении лица, совершившего незаконный сбыт наркотических средств с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») // Актуальные проблемы современности. 2021. № 2 (32). С. 54–59.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.09.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-155-161

С. 155–161

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: ЗАЩИЩЕНЫ ЛИ МЫ?

Ольга Сергеевна Кайгородова

*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия
kaigorodoff@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции развития современного общества, трансформация которого все глубже уходит в цифровую сферу. Безусловное удобство имеющихся электронных ресурсов, призванных решить большинство насущных проблем человечества — от оплаты товаров, услуг до решения вопросов, связанных с реализацией прав и свобод человека и гражданина, ставит, в том числе, и вопрос, связанный с безопасностью хранения данных на электронных носителях, защите их от компрометации или атак. Решение вопроса о защите информации, в том числе представленной в цифровом виде, возможно только на уровне государства путем принятия достаточной нормативной правовой базы. В статье проанализированы отдельные нормативные акты, регламентирующие вопросы обеспечения кибербезопасности, которые автором разделены на две группы: нормативные правовые акты, определяющие виды информации, подлежащей государственной защите; нормативные правовые акты, регламентирующие основные термины, определения, порядок и механизм обеспечения безопасности информации, в том числе, содержащейся на электронных носителях информации. Исследование данного вопроса побудило автора поставить вопрос о том, насколько мы все же защищены в киберпространстве, и дать на него ответ.

Ключевые слова: кибербезопасность, информационная безопасность, угрозы и вред информационной безопасности, защита информации, содержащейся на электронных носителях, открытые источники информации

Для цитирования: Кайгородова О. С. Нормативно-правовое обеспечение кибербезопасности: защищены ли мы? // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 155–161. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-155-161

Research article

REGULATORY AND LEGAL SUPPORT OF CYBERSECURITY: ARE WE PROTECTED?

Olga S. Kaigorodova

*Tyumen Institute of Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia
kaigorodoff@mail.ru*

Abstract. The article examines the trends in the development of modern society, the transformation of which is going deeper into the digital sphere. The absolute convenience of the available electronic resources designed to solve most of the pressing problems of mankind — from paying for goods, services to solving issues related to the realization of human and civil rights and freedoms, raises, among other things, the issue related to the security of storing data on electronic media, protecting them from compromise or attacks. The decision on the protection of information, including information presented in digital form, is possible only at the state level by adopting a sufficient regulatory framework. The article analyzes individual regulations regulating cybersecurity

---

© О. С. Кайгородова

issues, which are divided into two groups by the author: regulatory legal acts defining the types of information subject to state protection; regulatory legal acts regulating the basic terms, definitions, procedure and mechanism for ensuring the security of information, including information contained on electronic media. The study of this question prompted the author to raise the question of how we are still protected in cyberspace and give an answer to it.

Keywords: cybersecurity, information security, threats and harm to information security, protection of information contained on electronic media, open sources of information

For citation: Kaigorodova OS. Regulatory and legal support of cybersecurity: are we protected? *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):155-161. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-155-161 (In Russ.)

Введение

В современном обществе все сложнее представить себя вне цифрового формата жизни. Безусловное удобство, призванное решить большинство насущных задач, как то: оплата услуг, запись на прием к врачу, подача различного рода заявлений в государственные органы, удовлетворение потребности общения на расстоянии, сопряжено с опасностью утери информации, хранящейся на электронных носителях. В связи с этим остро стоит вопрос защиты подобного рода информации, а соответственно, информационной безопасности, которая, стала предметом изучения и дискуссий многих ученых уже на протяжении нескольких лет [1; 2; 3; 12]. Угрозы и вред информационной безопасности, несмотря на кажущуюся эфемерность, на самом деле нельзя недооценивать. Паника, озлобленность, ненависть отдельных этнических групп, нарушение работы серверов и сайтов, влекущие, в том числе, утрату конфиденциальных данных — вот только немногие негативные последствия. Пандемия COVID-19 стала еще одним фактором, способствующим нарастанию паники. Ученые верно отмечают, что «карантин» и «великий» локдаун спровоцировали в обществе экспоненциальный рост страха за здоровье свое и своих близких, сформировали предчувствие катастрофического развития событий. В совокупности с социальным десантацией и масштабным распространением фейковых новостей, такой общественный настрой стал объектом пристального интереса со стороны как преступных сообществ, действующих в цифровой среде, так и отдельных киберпреступников [4, с. 186]. Пандемия способствовала росту кибератак и фишинговых рассылок с вредоносным программным обеспечением [5, с. 9].

Фактически человек сегодня «живет» в сети, отмечает В. Д. Ипатов, «общается, развивается, совершает покупки, получает информацию, выражает свою гражданскую позицию. Вместе с тем такой образ жизни имеет негативные стороны: посредством информационных

технологий совершаются правонарушения, формируются экстремистские движения, развязываются информационные войны» [6, с. 30].

Преступления в сфере кибербезопасности направлены на получение масштабных результатов при нарушении большого количества прав и законных интересов. В связи с этим, информационная безопасность каждого отдельно взятого человека зависит, в том числе, от информационной безопасности государства, призванного защищать законные права и свободы своего народа в информационной среде.

Ученые определяют следующие основные направления обеспечения информационной безопасности: правовая защита; организационная защита; инженерно-техническая защита, призванные разрабатывать механизмы защиты информации на уровне государства, организации, отдельной личности [7, с. 197]. Такая совокупность направлений обеспечения информационной безопасности в их взаимосвязи, при условии постоянного развития, соответствующего современным реалиям, позволит обеспечить безопасность в информационной среде.

Описание исследования

Информационная среда — это сфера деятельности, связанная с созданием, распространением, преобразованием и потреблением информации. Как сфера правового регулирования информационная сфера представляет собой совокупность субъектов права, осуществляющих такую деятельность, объектов права, по отношению к которым, или в связи с которыми эта деятельность осуществляется, и социальных отношений, регулируемых правом или подлежащих правовому регулированию [8, с. 215].

Информационная безопасность заключается в защите всех данных юридических и физических лиц, независимо от вида информации и места и способа ее хранения. Кибербезопасность, в свою очередь, направлена на защиту цифровых данных. В настоящее время большой

массив информации представлен в электронном виде, включая государственные сервисы услуг, такие как Портал государственных услуг Российской Федерации, Личный кабинет налогоплательщика и т. д. 22 декабря 2022 года принят Федеральный закон № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»¹, то есть биометрические персональные данные физического лица также будут размещены в единой биометрической системе в электронной форме. Информация о данных пациентов все чаще также хранится в электронном формате — это облегчает доступ к данным пациента любым врачом и из любого кабинета, но возникает вопрос о безопасности хранения данной информации. Большим массивом электронной информации оперируют многофункциональные центры, банки, магазины, в том числе, интернет-магазины, страховые компании, социальные сети — таких примеров много. Даже та информация, которая должна быть представлена на бумажном носителе, зачастую исполняется сначала в электронном виде и только затем распечатывается. Например, протоколы процессуальных действий при расследовании уголовных дел. То есть, такие данные, в части хранения их на электронном носителе, также не защищены от компрометации или атак. В связи с этим, нормативные правовые акты, регламентирующие защиту информации, направлены, в том числе, и на защиту данных в цифровом (электронном) виде.

Решение задачи защиты информации возможно только на уровне государства. В первую очередь задачу информационной безопасности призваны решить положения Конституции РФ². К таким положениям относятся следующие нормы:

¹ Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации/ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290024> (дата обращения: 02.09.2023).

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 02.09.2023).

— каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ);

— каждому гарантируется свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ);

— никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ч. 3 ст. 29 Конституции РФ);

— каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ);

— гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ).

Вместе с тем, необходимо понимать, что мы живем в социуме, и права одного человека заканчиваются там, где начинаются права другого человека. Это правило нашло свое отражение в нормативных правовых актах различного уровня, в первую очередь, в Конституции РФ, а именно:

— не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ);

— установлено право государства определять перечень сведений, составляющих государственную тайну (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ).

Очерчивая круг запрещенных деяний, право тем самым признает все остальные деяния дозволенными. Свобода человека в этом случае ограничивается минимальным образом — за ее границами остается лишь то, что явно вредно для общества [9, с. 37].

Указом Президента РФ от 05.12.2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»³ (далее — Доктрина) утверждена Доктрина, являющаяся документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором развиваются положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ

³ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

от 2 июля 2021 г. № 400¹ (далее — Стратегии), а также других документов стратегического планирования в указанной сфере.

Как верно отметил А. К. Дубень, национальная безопасность представляет собой безопасность как населения, проживающего на территории страны, так и власти, и окружающей среды в целом. Все это свидетельствует о многоаспектном характере национальной безопасности [10].

Правовую основу Стратегии составляют Конституция РФ, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»², Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»³, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации (ч. 4 ст. 1 Стратегии).

Кроме того, вопросы обеспечения кибербезопасности регламентированы и другими нормативными правовыми актами, которые можно разделить на две группы. Нормативные правовые акты первой группы определяют виды информации, подлежащей государственной защите. Это, например, закон РФ «О государственной тайне»; федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О персональных данных», «О средствах массовой информации», «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», «О банках и банковской деятельности», «О связи», «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»; Уголовный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Уголовно-процессуальный кодекс РФ; Указ Президента РФ «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне». Это, безусловно, далеко не полный перечень нормативных правовых актов, регламентирующих перечень охраняемых законом данных, содержащихся, в том числе, в цифровом виде.

При оперировании различными данными целесообразно уточнить, относится ли интересующая информация к сведениям, охраняемым законом⁴.

Ко второй группе относятся нормативные правовые акты, регламентирующие основные термины, определения, порядок и механизмы обеспечения безопасности информации, в том числе, содержащейся на электронных носителях информации: федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», «Об электронной подписи», указы Президента РФ «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.»; постановления Правительства Российской Федерации «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия», «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)», приказы МВД России «Об утверждении Концепции обеспечения информационной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации до 2020 года», «Об утверждении Инструкции по организации защиты персональных данных, содержащихся в информационных системах органов внутренних дел Российской Федерации», «Об утверждении структуры и системы адресации интегрированной мультисервисной телекоммуникационной сети Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Об утверждении плана графика перехода Министерства внутренних дел Российской Федерации на использование отечественного офисного программного обеспечения на 2018 год и на плановый период до 2020 года», «Об утверждении Требований к информационному взаимодействию уполномоченной субъектом Российской Федерации организации и территориального органа МВД России, включая правила передачи данных по каналам связи с использованием информационных систем»; ГОСТ Р 50922-96. Защита информации. Основные термины и определения; ГОСТ Р 50.1.053-2005. Информационные технологии. Основные термины и определения в области технической защиты информации; ГОСТ Р ИСО/МЭК 15408-1-2012. Информационная технология (ИТ). Методы и средства

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

² О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Российская газета. 2010. 29 дек. (№ 295).

³ О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Российская газета. 2014. 03 июл. (№ 146).

⁴ См., например: Перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа

(материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93980/ (дата обращения: 02.09.2023).

обеспечения безопасности. Критерии оценки безопасности информационных технологий. Часть 1. Введение и общая модель; ГОСТ Р ИСО/МЭК 15408-2-2013. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Критерии оценки безопасности информационных технологий. Часть 2. Функциональные требования безопасности; ГОСТ Р ИСО/МЭК 15408-3-2013. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Критерии оценки безопасности информационных технологий. Часть 3. Требования доверия к безопасности и др.

Отметим, что нормативные правовые акты, регламентирующие сферу информационной безопасности, не декларативны. За нарушения предусмотренных законом норм права в данной сфере предусмотрена различного рода ответственность. Так, например, в соответствии со ст. 12 федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», информация, составляющая коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну и полученная должностными лицами контрольного (надзорного) органа при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля, не подлежит разглашению, за исключением случаев, установленных федеральными законами. За разглашение информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну, должностные лица контрольного (надзорного) органа несут ответственность, предусмотренную федеральными законами. Вред (ущерб), причиненный контролируемому или иному лицу в результате разглашения должностными лицами контрольного (надзорного) органа информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну, подлежит возмещению¹. Статья 13.11 Кодекса об административных правонарушениях РФ предусматривает ответственность за нарушения законодательства РФ в области персональных данных; статья 137 Уголовного кодекса РФ — за нарушение неприкосновенности частной жизни. Либо имеет место ситуация, когда человек специально фотографируется или снимается на видео с целью последующего опубликования этого изображения без

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102801479&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения: 29.09.2023).

его согласия в сети Интернет. В данном случае будет иметь место нарушение ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ — обнародование и использование изображения гражданина допускается только с согласия этого гражданина, либо, если его нет в живых, с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — с согласия родителей². В данных случаях речь, конечно же, идет об умышленном нарушении действующего законодательства.

Стоит сказать о тех ситуациях, в которых лицо, не имея на то никакого умысла, преследуя абсолютно другие цели — например, поделиться эмоциями от поездки, выставив свои фото в социальных сетях, может стать источником распространения в сети Интернет различной информации, касающейся третьих лиц. В том числе той, которой третьи лица, случайно оказавшиеся на фото, видео, делиться не хотели. Так, например, в сети Интернет размещены истории путешественников, на фото которых — только природа и архитектура³. В этом случае, думается, авторы озаботились морально-этическим аспектом своих действий, так как, действительно, далеко не все люди желают публичности. На других сайтах — новостных, блогеров (например, путешественников), — помимо объекта интереса в кадр могут попасть люди, которые в этом не заинтересованы, а иногда и категорически против. Просто автор фото не уведомил их о своих намерениях, относясь к этому легкомысленно. Но именно цели разгласить какие-либо персональные данные, порочащие других людей сведения, другую информацию о них, не желал⁴. Закономерен вопрос, а много ли информации можно получить по таким данным из открытых источников, пользуясь легальными программами поиска в сети Интернет. Отметим, что таких программ — великое множество и технический прогресс не стоит на месте. Поэтому отметим только некоторые из них.

² Гражданский кодекс РФ. Часть 1 : от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102033239&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения: 29.09.2023).

³ См., например, Автопробег из Санкт-Петербурга на запад и обратно. Ч. I Псков // ОТЗЫВ.RU. URL: <https://otzyv.ru/review/223277/> (дата обращения: 29.09.2023) и др. Таких, кстати, не мало.

⁴ См., например: Стоит ли ехать в Абхазию. Отзывы туристов о жилье, еде, пляжах и экскурсиях с фото // Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/Z1H8W88nY3oNOaiA/> (дата обращения: 29.09.2023). На данной странице представлены фотографии пляжа в Новой Гагре, на которых также изображены отдыхающие, одетые соответственно. Думается, не все из них захотели бы оказаться на этом фото.

Наиболее простой и доступной представляется поисковая строка в Google, Yandex, в которой по изображению человека или местности можно их найти.

При помощи поисковой системы «Search4faces» можно осуществить поиск лица по фотографиям в социальных сетях¹.

При помощи онлайн-просмотрщика данных EXIF с поддержкой GPS «Pic2Map» осуществляется поиск геолокации по фото². Затем при помощи калькулятора положения солнца «SunCalc»³ можно установить время съемки (для этого должны быть известны место и дата съемки).

Анализ полученных данных позволяет получить достаточно большой информации о лице, изображение которого могло случайно оказаться на чужом фото.

Доступный поиск позволяет найти не только изображение. Так, для поиска различной информации (документов, сайтов) используется поисковая система «Мамонт»⁴.

Сервис Whois⁵ позволяет установить домен, IP-адрес, их широту и долготу и другие данные, касающиеся объекта поиска.

К комплексному методу сбора информации относится OSINT (*open source intelligence*) — разведывательная дисциплина и комплекс мероприятий, инструментов и методов для получения и анализа информации из открытых источников. Он применяется в отношении конкретных людей, организаций, а также событий, явлений и целей⁶. Данный инструмент предлагает методы сбора информации при помощи различных программ и сайтов из новостных материалов, публикаций, постов и комментариев в социальных сетях, данных с камер видеонаблюдения — то есть, только из открытых источников. Инструменты OSINT позволят раскрыть такие данные как IP-адрес, email, домены, обнаружить подключённые устройства и сети, выявить уязвимости и потенциальные угрозы безопасности, проанализировать данные социальных сетей и многое другое.

¹ URL: <https://search4faces.com> (дата обращения: 29.09.2023).

² URL: <https://www.pic2map.com/> (дата обращения: 29.09.2023).

³ URL: <https://www.suncalc.org/#/40.1789,-3.5156,3/2023.09.24/18:50/1/3> (дата обращения: 29.09.2023).

⁴ URL: https://www.mmnt.ru/help?open=1156240947_0 (дата обращения: 29.09.2023).

⁵ URL: <https://www.reg.ru/whois/> (дата обращения: 29.09.2023).

⁶ URL: <https://blog.skillfactory.ru/glossary/osint/> (дата обращения: 29.09.2023).

К поисковым системам также можно отнести различные боты в мессенджерах, например, в Telegram — `poisk_5bot`.

Сеть Интернет может быть использована не только в целях нарушения прав конкретного человека, но и обезличенной группы людей, например, при использовании кибертехнологий террористическими группами в целях воздействия на объекты жизненно-важной инфраструктуры, обеспечения финансирования преступной деятельности [10].

Заключение

Таким образом, на сегодня сеть Интернет — это огромный массив информации, в том числе той, которые отдельные лица делиться не желали. Какого-либо реально работающего инструментария, доступного любому лицу, по удалению его данных из сети Интернет на сегодня не имеется. В ряде случаев, можно обратиться к специалистам, при помощи которых можно удалить из сети Интернет определенного рода информацию. Но для этого, безусловно, требуются определенные специальные знания.

Думается, требуется достаточно четкая и ясная регламентация действий по размещению информации в сети Интернет, касающейся третьих лиц. Данная норма не должна быть декларативна — требуется предусмотреть ответственность за ее нарушение. Введенная норма потребует создание методики по ее применению. В целом, такие действия на законодательном уровне также будут способствовать обеспечению кибербезопасности нашего государства в целом и отдельного человека — в частности.

Вышеизложенное позволило прийти к следующим выводам:

1. Интеграция различных сфер жизнедеятельности общества в цифровое пространство неизбежна. Она будет только нарастать.
2. Вопрос защиты информации всегда стоял остро. Сейчас уместно и своевременно говорить о защите информации, находящейся в цифровом формате на электронных носителях.
3. Вопрос защиты информации, в том числе, находящейся в цифровом формате на электронных носителях, возможен только на уровне государства, в том числе, путем принятия достаточной нормативной правовой базы.
4. Нормативные акты, регламентирующие вопросы обеспечения кибербезопасности, автором разделены на две группы: нормативные правовые акты, определяющие виды информации, подлежащей государственной защите; нормативные правовые акты,

регламентирующие основные термины, определения, порядок и механизм обеспечения безопасности информации, в том числе, содержащейся на электронных носителях информации.

5. На сегодня нет достаточной нормативной правовой базы, позволяющей в полном объеме соблюсти законные права и свободы человека в интернет-пространстве. В связи с этим

назрела необходимость в создании норм права с предусмотренной за их нарушение ответственностью, позволяющих оградить конкретного человека от несогласованного распространения о нем информации в сети Интернет. Гарантии отдельно взятого человека будут являться основой кибербезопасности и всего государства.

Список источников

1. Метелев И. С., Устинов А. Ю. Информационная безопасность // Сибирский торгово-экономический журнала. 2016. № 4 (25). С. 76–79. EDN: WMGNKV.
2. Турдумамбетова Б. Н. Субанбекова С. С. Информационная безопасность // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 6-1. С. 190–195. EDN: UUDNLT.
3. Кряжевских К. А. Влияние информационной культуры на уровень информационной безопасности // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 568–573.
4. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Цифровая преступность в условиях пандемии: основные тренды // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 185–198. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).185-198
5. Королькова Е. Залог цифровой гигиены // Полиция России. 2021. № 5. С. 9.
6. Ипатов В. Д. Современные информационные вызовы, проблемы и перспективы // Состояние и основные направления развития информационной безопасности Союзного государства в условиях современных вызовов и угроз : материалы постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России (Минск, 27–28 апреля 2022 г.) / под ред. С. Г. Стрельченко. Минск : Секретариат Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, 2022. С. 30–34.
7. Чернова Э. Р. Правовое обеспечение информационной безопасности в Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21-2. С. 197–198. EDN: FAWMES.
8. Информационные технологии в юридической деятельности : учебник / С. Я. Казанцев, Н. Р. Шевко. Москва : ЮСТИЦИЯ, 2020. 318 с.
9. Степанов О. А. Противодействие кибертерроризму в цифровую эпоху : монография. Москва : Юрайт, 2022. 103 с.
10. Дубень А. К. Информационная безопасность в системе национальной безопасности: актуальные проблемы информационного права // Вопросы безопасности. 2023. № 1. С. 51–57. DOI: 10.25136/2409-7543.2023.1.40078 EDN: AOZZYF.
11. Пучков Д. В. Кибертерроризм как новая угроза // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 382–391. EDN: PZENVT.
12. Бегишев И. Р. Культура информационной безопасности: психолого-правовой аспект // Психология и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 207–220. DOI: 10.17759/psylaw.2021110415

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 07.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.851
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-162-168

С. 162–168

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Лилианна Юрьевна Перемолотова

*Институт подготовки государственных и муниципальных служащих,
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия
lady.peremolotova@yandex.ru*

 <https://orcid.org/0009-0005-5317-9731>

Аннотация. В целях успешной профилактики рецидивной преступности необходимо изучить ее специфику и основные показатели, особенности личности преступника-рецидивиста; выявить причины, условия и факторы, способствующие совершению рецидивных преступлений. Изучение и анализ данных материалов будет способствовать более качественному предупреждению рецидивной преступности, которое важно осуществлять постоянно, во взаимодействии правоохранительных органов (прежде всего уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел). Осуществление мероприятий по предупреждению рецидивной преступности, основанное на научном анализе оперативной обстановки, данных криминологических исследований и прогнозе состояния преступности, позволит сотрудникам уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел планомерно проводить предупредительно-профилактическую работу с лицами в исправительных учреждениях (в период отбывания наказания) и по месту их жительства, работы или обучения (в постпенитенциарный период). Мероприятия по предупреждению рецидивной преступности должны соответствовать реалиям социально-экономического развития регионов и комплексным планам профилактики правонарушений. Для результативного осуществления указанной деятельности следует сформировать у сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы осознание необходимости применения теоретических знаний в профессиональной деятельности, чувство ответственности при исполнении профессиональных обязанностей. Уголовно-исполнительная система, как субъект профилактики рецидивной преступности, качественно выполняет возложенные на нее задачи, однако устойчивость показателей, характеризующих состояние рецидивной преступности, свидетельствует о необходимости выработки дополнительных мер по ее предупреждению и профилактике.

Ключевые слова: рецидивная преступность, предупреждение и профилактика, уголовно-исполнительная система

Для цитирования: Перемолотова Л. Ю. Уголовно-исполнительная система как субъект профилактики рецидивной преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 162–168. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-162-168

THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM AS A SUBJECT OF PREVENTION OF RECIDIVISM

Liliana Yu. Peremolotova

*Institute of Training of State and Municipal Employees
of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia*
lady.peremolotova@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0005-5317-9731>

Abstract. In order to successfully prevent recidivism, it is necessary to study its specifics and main indicators, the personality characteristics of a recidivist criminal; to identify the causes, conditions and factors contributing to the commission of recidivist crimes. The study and analysis of these materials will contribute to a better prevention of recidivism, which is important to carry out constantly, in the interaction of law enforcement agencies (primarily the penal enforcement system and internal affairs bodies). The implementation of measures to prevent recidivism, based on a scientific analysis of the operational situation, criminological research data and the forecast of the state of crime, will allow employees of the penal enforcement system and internal affairs agencies to systematically carry out preventive and preventive work with persons in correctional institutions (during the period of serving a sentence) and at their place of residence, work or training (in post-retirement period). Measures to prevent recidivism should correspond to the realities of the socio-economic development of the regions and comprehensive crime prevention plans. For the effective implementation of these activities, it is necessary to form among the employees of institutions of the penal enforcement system an awareness of the need to apply theoretical knowledge in professional activities, a sense of responsibility in the performance of professional duties. The penal enforcement system, as a subject of prevention of recidivism, qualitatively performs the tasks assigned to it, however, the stability of indicators characterizing the state of recidivism indicates the need to develop additional measures for its prevention and prevention.

Keywords: recidivism, prevention and prevention, penal enforcement system

For citation: Peremolotova LYu. The Penal Enforcement System as a subject of prevention of recidivism. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):162-168. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-162-168 (In Russ.)

Введение

В числе актуальных задач, выполнение которых ожидает общество от уголовно-исполнительной системы, — наказание и изоляция лиц, совершивших преступления, также оказание на них соответствующего предупредительного и воспитательного воздействия, направленного на предотвращение совершения осужденными повторных противозаконных действий. В идеале, осужденные в период отбывания наказания должны успешно ресоциализироваться, а освободившись из пенитенциарного учреждения — успешно интегрироваться в общество и не совершать новых преступлений. Соответственно, осужденный в данном процессе выступает в качестве объекта профилактического воздействия, эффективной социальной и психологической работы, реализуемой сотрудниками уголовно-исполнительной системы в период отбывания наказания, а также представителями других правоохранительных структур

и институтов гражданского общества (в период постпенитенциарной адаптации).

Цели деятельности уголовно-исполнительной системы закреплены в ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ): «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами»¹.

Профессиональная деятельность каждого сотрудника уголовно-исполнительной системы максимально должна быть направлена на достижение этой глобальной цели путем решения частных практических задач. От того, насколько сотрудники осознают и принимают основные цели своей деятельности,

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023). Москва, 2023. С. 3.

зависит эффективность деятельности уголовно-исполнительной системы в целом. Средства реализации цели профилактики повторных преступлений могут быть разнообразными, в том числе криминологическими. Теоретическое и практическое владение навыками применения этих средств и умелое воздействие на осужденных определяют успешность предупредительной и воспитательной работы, а также способствует профилактике повторных (рецидивных) преступлений [2, с. 165–167].

Основной текст

В целях успешной профилактики рецидивной преступности необходимо изучить ее особенности и показатели, характеризующие преступления, совершаемые рецидивистами; особенности их личности; выявить причины и условия, способствующие совершению рецидивных преступлений; спланировать и реализовать приоритетные направления профилактики преступлений в местах лишения свободы. Для результативного осуществления указанной деятельности следует сформировать у личного состава учреждений уголовно-исполнительной системы осознание необходимости применения теоретических знаний в профессиональной деятельности, чувство ответственности при исполнении профессиональных обязанностей. Им важно понимать, что представляет собой рецидивная преступность, каковы отличительные черты личности преступника-рецидивиста, причины и условия совершения рецидивных преступлений. Необходимо качественно выстраивать предупредительную и профилактическую работу с осужденными, отбывающими наказание.

Рассматривая понятие рецидива, следует отметить, что в науке и правоприменительной практике термин «рецидив» объединяет уголовно-правовой, пенитенциарный и криминологический подходы.

Уголовно-правовой подход к пониманию рецидива выражается в закреплении законодательного определения данного понятия. В соответствии со ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) под рецидивом понимается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление¹.

С позиций криминологии под рецидивом понимается «повторное совершение

преступления лицом, ранее осужденным за совершение преступления, независимо от того, снята или погашена судимость» [2, с. 32].

В криминологии также выделяют фактический рецидив преступлений, под которым понимается «совершение лицом, ранее совершившим какие-либо преступления, нового любого преступления независимо от наличия или отсутствия судимости» [2, с. 33].

Под пенитенциарным рецидивом понимается «совершение нового преступления осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы» [7, с. 77]. Выделение пенитенциарного рецидива обусловлено тем, что преступление совершается лицом, в отношении которого уже применена мера уголовно-правового воздействия (лишение свободы), но она не принесла положительного результата — исправления осужденного.

Анализ криминологического понятия рецидива позволяет сделать вывод о том, что оно в данном контексте базируется на научной основе и совершении повторного преступления, как негативного социально-правового явления. Криминологическое понятие рецидива является более широким, чем его уголовно-правовое определение. И хотя криминологический рецидив не учитывается при назначении наказания, он крайне важен для науки: с учетом криминологических характеристик рецидива прогнозируются тенденции развития рецидивной преступности, формируется модель поведения рецидивиста и его криминологический портрет, выясняются причины и условия рецидивной преступности, совершенствуется действующее законодательство, разрабатываются новые меры предупреждения рецидивной преступности [4, с. 78].

Рецидивная преступность, как социальное явление, зависит от многих факторов: социальное и экономическое состояние государства, уровень занятости, безработица, алкоголизация, достаточность объектов социальной инфраструктуры населения, наличие и доступность мер государственной поддержки, возможность прекратить ранее существующие «криминальные связи», восстановление социально-полезных связей и других.

Рецидивной преступности свойственны специфические характеристики:

— краткость рецидива, то есть количество преступлений с применением способствующих мер уголовно-правового воздействия, предшествующих последнему преступлению (по общему правилу выделяется простой и многократный рецидивы, к последнему

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023). Москва, 2023. С. 7.

относится совершение одним лицом трех или более преступлений);

— степень общественной опасности рецидива, определяемая количеством преступлений, признанных опасными и особо опасными рецидивами, предусмотренными ст. 18 УК РФ;

— общий и специальный рецидивы, различающиеся степенью однородности совершенных рецидивистом преступлений (специальный рецидив, характеризующийся повторным совершением преступлений однородного состава, свидетельствует о профессионализме рецидивиста, повышенной степени общественной опасности его поведения);

— интенсивность преступности рецидивистов, которая характеризуется частотой совершения преступлений и периодом времени между предыдущим и последующим преступлениями (принято выделять число рецидивистов, совершивших преступление в течение первого года после освобождения от наказания за предыдущее преступление);

— характер динамики криминальной активности рецидивистов — переход от совершения преступлений одной степени тяжести к преступлениям иной степени тяжести;

— характеристика рецидива, связанная с мерами, применявшимися к лицу за совершение предыдущего преступления (определяется, например, число лиц, ранее содержащихся в исправительных учреждениях и вновь совершивших преступления; число лиц, совершивших очередное преступление в период неотбытой части наказания после условно-досрочного освобождения и пр.).

Исходя из отмеченного, можно сформулировать обобщенные понятия криминологического рецидива и рецидивной преступности.

Криминологический рецидив — это повторное совершение уголовно-наказуемых деяний лицами, к которым применялось уголовное наказание либо меры его заменяющие (независимо от снятия или погашения судимости за прежние преступления), а также лицами, к которым уголовно-правовые меры воздействия не применялись.

Рецидивная преступность — это часть всей преступности, выделенная на основе особой характеристики субъекта преступления — лица, характеризующегося криминологическим рецидивом.

Частью рецидивной преступности является пенитенциарная преступность, под которой понимается преступность в местах лишения свободы, ее особенности определяются спецификой условий исправительных учреждений и социальной средой осужденных. Совершение преступления осужденным

во время отбывания наказания свидетельствует «о стойкости его антиобщественной деятельности и криминальной направленности поведения» [6, с. 4]. .

Результаты исследований ряда ученых свидетельствуют о том, что лишение свободы в каждом втором случае осужденные отбывают за совершение насильственных преступлений, в каждом третьем — корыстных, в каждом десятом — корыстно-насильственных, соответственно, при исполнении наказания в виде лишения свободы можно ожидать совершения, прежде всего, рецидивных насильственных преступлений (до половины из всех преступлений) [5, с. 37–39].

Анализ материалов авторского исследования особенностей пенального преступного поведения позволяет отметить, что осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы, совершившим рецидивное преступление, свойственно несколько типов поведения:

— уклонение от наказания (в том числе путем совершения побега из мест лишения свободы);

— насильственное преступное поведение, включающее физическое насилие (умышленные убийства, причинение тяжких телесных повреждений) и психическое воздействие (угрозы, клевета, оскорбления);

— совершение корыстных преступлений (краж, вымогательств), которые поощряются в преступной субкультуре;

— воспрепятствование деятельности сотрудников уголовно-исполнительных учреждений (действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения; оказание сопротивления представителям администрации; захват заложников; уничтожение или повреждение имущества учреждений);

— массовое преступное поведение (совершение ряда преступлений в местах лишения свободы преимущественно группой лиц);

— специфическое массовое преступное поведение (массовые беспорядки, массовые эксцессы осужденных), которое в случае неприменения соответствующих профилактических мер может перерасти в особо опасные групповые преступления;

— половые эксцессы;

— обращение с наркотическими или другими запрещенными веществами [1, с. 36–37].

В ценностной ориентации осужденных, совершающих рецидивные преступления в местах лишения свободы, отмечается особая специфика:

— отрицательный настрой на соблюдение режима отбывания наказания (около 60 % осужденных-рецидивистов являются

нарушителями режима, причем большинство злостными);

— негативное отношение к труду, выражающееся в открытом отказе от работы, или скрытом, когда осужденный выходит на работу, но фактически не работает (около 50 % осужденных-рецидивистов недобросовестно относятся к труду);

— отрицательное отношение к образовательному и профессионально-техническому обучению, поскольку эти ценности связаны со свободой, а нереальность ее получения в ближайшее время приводит к обесцениванию образования; к тому же образование многими осужденными воспринимается как вынужденное (около 55 % осужденных-рецидивистов негативно относятся к образовательному процессу);

— неприятие любых форм воспитательной работы, связанное прежде всего с их формальным и неумелым проведением (около 60 % осужденных-рецидивистов стараются уклоняться от мероприятий, проводимых в рамках организации воспитательной работы);

— принятие и соблюдение норм преступной субкультуры (около 95 % осужденных-рецидивистов являются ее сторонниками) [1, с. 38–39].

По мнению Ю. М. Антоняна, в личности осужденных-рецидивистов возможно выделить следующие особенности:

— «отклонения, затрудняющие возможность в полной мере осознавать значение своих действий, руководить ими;

— криминальный жизненный опыт, сформированные негативные ценностные ориентации, прежние судимости;

— невысокий образовательный уровень и соответственно низкая культура удовлетворения жизненных потребностей, неспособность прогнозировать последствия своих поступков;

— эмоциональная неустойчивость, несдержанность в выражении чувств, преобладание процессов возбуждения над торможением;

— зависимость от чужого мнения;

— инфантилизм, противоречивость и двойственность психики, тревожность, упрямство, склонность к депрессиям» [3, с. 92–95].

Изложенное позволяет говорить о том, что личности осужденных-рецидивистов присущи отличительные черты и особенности поведения, которым сотрудниками исправительных учреждений должно уделяться особое внимание в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Несмотря на выстроенную Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН России)

систему и значительный объем проводимой работы по профилактике рецидивной преступности, в том числе социализации осужденных и подготовке их к освобождению от отбывания наказания, имеется потребность в выработке дополнительных мер, направленных на профилактику повторных преступлений. По нашему мнению, некоторые сотрудники исправительных учреждений недостаточно мотивированы на выполнение основной цели уголовно-исполнительного законодательства в части предупреждения совершения новых преступлений осужденными; имеются определенные проблемы в ресурсном (прежде всего кадровом) обеспечении исправительных учреждений: в ряде территориальных органов наблюдается превышение нагрузки на сотрудников исправительных учреждений; требует корректировки система оплаты труда (службы) работников и сотрудников.

В настоящее время отсутствует ведомственная статистическая отчетность и система мониторинга состояния рецидивной преступности среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, что затрудняет анализ причин и условий совершения этих преступлений. Нуждается в обновлении и действующая статистическая отчетность в части работы групп социальной защиты осужденных исправительных учреждений территориальных органов ФСИН России. В виду отсутствия учета названных показателей, территориальные органы ФСИН России недостаточно мотивированы на достижение соответствующих результатов по организации качественной работы в части подготовки осужденных к освобождению из мест лишения свободы и их реинтеграции в общество.

Несмотря на действующую в Российской Федерации систему социальной адаптации осужденных и лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в данном направлении деятельности отмечаются определенные недостатки. Не в полном объеме исправительные учреждения ряда регионов используют в целях социализации осужденных и их подготовки к освобождению возможность предоставления осужденным выездов за пределы учреждений, участия в проведении «Дней открытых дверей» и другие меры стимулирования правоопослушного поведения; лицам, освобожденным от отбывания наказания, не в полном объеме оказывается необходимая помощь в трудоустройстве, медицинском обеспечении, предоставлении мест временного проживания и пр.

Несмотря на принятие в 2018 г. и внедрение ФСИН России в каждом территориальном органе Ведомственной программы

социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, в ее реализации имеются проблемные моменты, недостаточен охват программой осужденных, желающих ее пройти¹. А ведь в состоянии опьянения совершается около 35 % преступлений [1, с. 6]. Кроме того, алкоголизм и наркомания являются фоновыми явлениями преступности, прежде всего рецидивной. Совершение примерно 70 % рецидивных преступлений обусловлены наркотизацией или злоупотреблением алкоголем: это преступления, связанные с оборотом наркотических средств, а также преступления (хулиганство, кражи, грабежи, разбои, вымогательства и другие), совершаемые либо в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, либо в процессе изыскания средств на приобретение наркотических веществ и алкоголя [1, с. 7].

Наличествуя ряд вопросов в процессе взаимодействия ФСИН России с различными органами и учреждениями, занимающимися социальной адаптацией осужденных, освободившихся от отбывания наказания. В частности, требует совершенствования система «обратной связи» исправительных учреждений с организациями, осуществляющими бытовое и трудовое устройство осужденных.

Полагаем, что огромное значение имеет преобладающее в обществе негативное отношение к ранее судимым лицам, которое не просто затрудняет постпенитенциарную адаптацию осужденных в социуме, но зачастую способствует совершению новых преступлений.

Заключение

Таким образом, уголовно-исполнительная система России в качестве субъекта профилактики рецидивной преступности, выполняет значительный объем работы. Однако устойчивость показателей, характеризующих состояние рецидивной преступности и определенные недостатки в деятельности сотрудников исправительных учреждений, свидетельствуют о необходимости ее совершенствования.

¹ Ведомственная программа социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы : распоряжение директора Федеральной службы исполнения наказаний Г. А. Корниенко от 21 февраля 2018 г. № 52-р. URL: http://homekid.ru/content/docs/UMO/norm-prav_dok/Rasporyazhenie%20ot%2021.02.2018.pdf (дата обращения: 27.10.2023).

По нашему мнению, нуждаются в корректировке ведомственная нормативно-правовая база; механизм реализации социальной работы с осужденными, направленной на формирование уважительного отношения к обществу и нормам человеческого общежития, труду и образованию; процесс социального сопровождения осужденных (выявление и решение их социальных проблем, а также оказание осужденным адресной социальной помощи); система планирования мероприятий по предупреждению рецидивной преступности.

В этих целях в уголовно-исполнительной системе реализуется ряд концептуальных документов и нормативно-правовых актов, в том числе Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года²; федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)»³; Программа развития воспитательной, социальной и психологической службы ФСИН России на 2020–2022 годы⁴ и другие.

Отдельное внимание хотелось бы уделить Плану профилактики повторной преступности среди осужденных, освободившихся из мест лишения свободы на 2020–2022 годы⁵.

Учитывая, что в 2022 г. истек срок действия данного Плана, но в 2023 г. его действие пролонгировано до 2025 г., представляется важным провести научные исследования промежуточных результатов реализации мероприятий, направленных на профилактику повторной преступности. Полученные материалы и эмпирические данные станут научным базисом для подготовки предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства (в том числе ведомственного), практических и методических рекомендаций, учебно-методических материалов и научных

² Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. : распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения: 27.10.2023).

³ О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)» : постановление Правительства РФ от 6 апреля 2018 г. № 420. URL: <http://static.government.ru/media/files/G4WoeqJEeW89TYrAVtuDv0U6wFH32Nqr.pdf> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴ Программа развития воспитательной, социальной и психологической службы ФСИН России на 2020–2022 годы. Документ опубликован не был.

⁵ План профилактики повторной преступности среди осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, на 2020–2022 годы : утв. директором Федеральной службы исполнения наказаний А. П. Калашниковым 16 марта 2020 г. Документ опубликован не был.

разработок, посвященных проблемам предупреждения рецидивной преступности.

Реализация мероприятий по предупреждению рецидивной преступности, основанная на научном анализе информации, полученной в ходе исследований особенностей рецидивной преступности, ее причин и условий, личности преступника-рецидивиста

и криминологическом прогнозировании, позволит сотрудникам правоохранительных органов планомерно осуществлять предупредительно-профилактическую работу с лицами, совершившими преступления в исправительных учреждениях в период отбывания наказания, а также в постпенитенциарный период.

Список источников

1. Перемолотова Л. Ю. Личность осужденного как объект исправительного воздействия: монография. Рязань : ИП Колупаева Е. В., 2023. 110 с.
2. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 353 с.
3. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Портреты преступников: криминологический психологический анализ : монография. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. 240 с.
4. Валицин В. В. Понятие и виды криминологического рецидива // Молодой ученый. 2021. № 8 (350). С. 78–80.
5. Исправительное воздействие на осужденных : учебное пособие / под ред. Е. А. Антонян. Москва : Проспект, 2018. 144 с.
6. Личность осужденного : монография / под ред. д-ра. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ Ю. М. Антоняна. Москва : Юрлитинформ, 2017. 288 с.
7. Филиппова О. В., Садовников М. Н. Пенитенциарный рецидив и пенитенциарная преступность: понятие и криминологическая характеристика // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2 (77). С. 76–80.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 31.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 01.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-169-178

С. 169–178

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФИНАНСИРОВАНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Альбина Юрьевна Сагайдак¹, Алиса Дмитриевна Рубан²

^{1,2}*Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия*

¹*a-sagaidakk@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-5980-8771>

²*a_lisa13.13@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-9931-7926>

Аннотация. Изменения геополитической обстановки и возросший уровень преступности экстремистской направленности, являются причиной пристального внимания со стороны государственных и общественных институтов к проблеме снижения эффективности механизмов противодействия финансированию экстремизма. Количественные и качественные стороны, характеризующие специальные организованные формы экстремистской деятельности на современном этапе развития общества, отличаются негативными тенденциями, что подтверждается криминологическими показателями за последние годы. В статье представлены отдельные криминологические аспекты противодействия финансированию экстремистской деятельности, в частности — финансированию деятельности экстремистских организаций. Представлены криминологическая картина преступности, связанная с финансированием экстремистской деятельности, результаты анализа правоприменительной практики с установлением наиболее часто используемых способов финансирования экстремистской деятельности, система субъектов, осуществляющих противодействие финансированию экстремизма, и основные формы их взаимодействия в целях профилактики указанной криминальной деятельности, а также предикатных преступлений.

Ключевые слова: финансирование экстремистской деятельности, противодействие финансированию экстремизма, деятельность экстремистских организаций, легализации (отмывания) денежных средств

Для цитирования: Сагайдак А. Ю., Рубан А. Д. Противодействие финансированию экстремистской деятельности: криминологический аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 169–178. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-169-178

Research article

PREVENTING THE FINANCING OF EXTREMIST ACTIVITIES: A CRIMINOLOGICAL PERSPECTIVE

Albina Yu. Sagajdak¹, Alisa D. Ruban²

^{1,2}*Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Saint Petersburg, Russia*

¹*a-sagaidakk@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-5980-8771>

²*a_lisa13.13@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-9931-7926>

Abstract. Changes in the geopolitical situation and the increased level of extremist crimes are the reason for the close attention of state and public institutions to the problem of reducing the effectiveness of mechanisms for countering the financing of extremism. Quantitative and

qualitative aspects characterizing special organized forms of extremist activity at the present stage of society development are characterized by negative trends, which is confirmed by criminological indicators in recent years. The article presents some criminological aspects of countering the financing of extremist activities, in particular — the financing of extremist organizations. It presents a criminological picture of crime associated with the financing of extremist activities, the results of the analysis of law enforcement practice with the identification of the most commonly used methods of financing extremist activities, the system of entities involved in countering the financing of extremism and the main forms of their interaction in order to prevent this criminal activity, as well as predicate offenses.

Keywords: financing of extremist activities, countering the financing of extremism, activities of extremist organizations, money laundering

For citation: Sagajdak AYu, Ruban AD. Preventing the financing of extremist activities: a criminological perspective. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):169-178. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-169-178 (In Russ.)

Введение

В современных условиях актуальность и злободневность темы противодействия различным проявлениям экстремизма подтверждаются не только повышенным вниманием к ней со стороны научной общественности, но и активизацией правотворческой деятельности по подготовке, принятию, изменению (совершенствованию) отмене нормативных правовых актов в области антиэкстремистской деятельности с учетом результатов правоприменительной практики. За последнее время в связи с нарастающими процессами глобализации экономики, с одной стороны, и с другой — происходящими геополитическими изменениями, трансформируются и источники финансирования противоправных явлений, в частности экстремизма.

Об актуальности рассматриваемой темы также свидетельствуют выступления руководителей структурных подразделений центрального аппарата МВД России, в ходе которых подчеркивается, что в последнее время наше общество все чаще сталкивается с новыми угрозами и вызовами, связанными с финансированием экстремистской деятельности, в том числе с использованием зарубежных финансовых институтов, при этом представители и, так называемые, кураторы запрещенных в Российской Федерации экстремистских организаций маскируют истинные цели проводимых финансовых операций¹.

Активная правотворческая деятельность в сфере антиэкстремистского законодательства, а также поступательно вносимые дополнения в постановление Пленума Верховного

суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»² свидетельствуют о поиске наиболее оптимальных и эффективных средств и методов противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности, включая деятельность по ее финансированию.

Объектом исследования является деятельность определенных субъектов системы профилактики правонарушений по противодействию финансированию экстремистской деятельности.

Предметом исследования являются конкретные меры по противодействию финансированию экстремистской деятельности, а также меры по профилактике совершения предикатных преступлений.

Цель исследования — выработка научно обоснованных предложений по разработке новых и адаптации к современным реалиям уже имеющихся мер противодействия финансированию экстремистской деятельности.

Задачи исследования — представить отдельные элементы криминологической характеристики финансирования экстремистской деятельности, проанализировать статистические показатели преступности экстремистской направленности, рассмотреть основные направления деятельности по противодействию финансированию экстремистской деятельности и с учетом правоприменительной практики предложить иные меры для повышения эффективности деятельности субъектов по противодействию указанной

¹ МВД РФ: зарубежные фининституты стали использовать для финансирования экстремизма // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16535759> (дата обращения: 10.10.2023).

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 № 11 // СПС «Консультант Плюс»; Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

криминальной форме осуществления экстремистской деятельности.

Методология и методика исследования

В основу методологии проведенного исследования легли общенаучные методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, а также системный, логический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы и иные методы исследования, используемые в криминологии.

Теоретической основой проведенного исследования являются труды по вопросам уголовно-правового, криминологического противодействия различным формам экстремистской деятельности, таких авторов, как П. В. Агапов, Ю. М. Антонян, З. М. Бешукова, В. А. Бурковская, С. У. Дикаев, А. И. Долгова, П. А. Кабанов, С. М. Кочои, А. П. Кузнецов, И. С. Макеева, В. В. Меркурьев, А. В. Павлинов, Р. М. Узденов, С. Н. Фридинский, А. Г. Хлебущкин и др.

Описание исследования

Представители научной общественности в своих трудах подчеркивают, что финансирование является одним из основных условий существования и развития таких негативных явлений как терроризм и экстремизм, поскольку без финансовой поддержки деятельности экстремистских организаций, оказываемой отдельными лицами (физическими и юридическими), не представляется возможным или крайне затруднительно достигать те цели, которые преследуют такие организации [1, с. 103].

Последовательное увеличение количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности и, наоборот, практически отсутствие в их общей массе зарегистрированных преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), свидетельствует о ряде факторов: присущий финансированию экстремистской деятельности высокий уровень латентности; наличие проблем, связанных с правильной квалификацией деяний (установлением объективных и субъективных признаков состава преступления); фрагментарное наличие в современном законодательстве эффективных инструментов противодействия финансированию экстремизма.

Высокая степень латентности финансирования экстремистской деятельности подтверждается официальными статистическими сведениями. Уголовная ответственность

за финансирование экстремистской деятельности была введена в УК РФ в 2014 г. Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. При этом, согласно официальным данным статистики Главного информационного аналитического центра МВД России (далее — ГИАЦ МВД России) в период 2014–2017 гг. было возбуждено только 9 уголовных дел по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ Финансирование экстремистской деятельности (2014 г. — 1, 2015 г. — 1, 2016 г. — 4, 2017 г. — 3) [2, с. 57].

С 2018 г. по 2022 г. тенденция регистрации преступлений, предусмотренных ст. 282.3 УК РФ изменилась (таблица 1).

Представленные результаты анализа статистических данных позволяют проследить негативную тенденцию увеличивающегося числа зарегистрированных фактов финансирования экстремистской деятельности (в 2022 году прирост составил 200 % относительно показателей 2018 года).

Однако можно сделать вывод и о том, что возросшее количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 282.3 УК РФ, представленное в официальных формах статистического учета преступлений, связано с повышением уровня эффективности деятельности правоохранительных органов в сфере своевременного выявления, раскрытия, пресечения и предупреждения финансирования экстремистской деятельности.

Ниже проанализированы статистические сведения, представленные ГИАЦ МВД России, отражающие такие показатели, как количество расследованных преступлений, предусмотренных ст. 282.3 УК РФ, и количество выявленных лиц, их совершивших (таблица 2) [3].

В представленной таблице можно увидеть устойчивую динамику роста количества как расследованных преступлений, предусмотренных ст. 282.3 УК РФ, так и количества выявленных лиц. Однако зарегистрированное количество преступлений, предусматривающих ответственность за финансирование экстремизма, свидетельствует о высоком уровне латентности вследствие существующих сложностей при выявлении, пресечении каналов материального обеспечения экстремистских организаций и доказывании выявленных фактов. Данная проблема обусловлена, в первую

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 № 179-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3385.

Таблица 1 — Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 282.3 УК РФ, на территории Российской в 2018–2022 гг. (региональный аспект)

[Table 1 — The number of registered crimes of these articles 282.3 of The Criminal Code of the Russian Federation, in the Russian Federation in 2018-2023]

Регион / год	2018	2019	2020	2021	2022
ЦФО	3	1	1	5	13
СЗФО	-	1	1	2	3
СКФО	-	-	3	-	-
ЮФО	1	2	3	8	6
ПФО	7	5	6	2	3
УрФО	-	-	1	1	1
СФО	-	1	2	1	7
ДФО	1	2	4	4	3
РФ	12	12	21	23	36

Таблица 2 — Количество расследованных преступлений, предусмотренных ст. 282.3 УК РФ, и количество выявленных лиц их совершивших в 2018–2022 гг.

[Table 2 — Number of investigated crimes under Art. 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and the number of identified perpetrators 2018-2022]

Количество / год	2018	2019	2020	2021	2022
Количество предварительно расследованных преступлений, предусмотренных ст. 282.3 УК РФ	6	6	19	13	27
Количество выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 282.3 УК РФ	5	9	30	32	40

очередь, использованием новых форм и способов финансирования, связанных с цифровой трансформацией общества.

Для полноты криминологической характеристики рассматриваемого вида преступности, следует обратиться к сведениям, отражающим количество зарегистрированных преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 280, 280.1, 280.2, 280.3, 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.4 за период с 2018 по 2022 гг. (таблица 3) [3].

Из приведенных выше данных можно представить, насколько остро стоит проблема выявления и своевременной регистрации отдельно взятых преступлений экстремистской направленности. Ведь, несмотря на небольшой удельный вес рассматриваемых преступлений в общей массе всех зарегистрированных преступлений, в силу характера и степени общественной опасности совершение таких

преступлений продуцирует масштабные последствия — от материального ущерба от финансирования экстремистской деятельности до эскалации конфликтов межнационального, межэтнического, межконфессионального, регионального характера, а также создания реальной угрозы конституционному строю Российской Федерации.

Нормативное правовое регулирование отношений, связанных с противодействием финансированию экстремистской деятельности, осуществляется в соответствии с действующим законодательством различного уровня. Согласно национальному законодательству финансированием экстремистской деятельности следует признавать наряду с оказанием финансовых услуг предоставление или сбор не только денежных средств, но и материальных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации,

Таблица 3 — Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 280, 280.1, 280.2, 280.3, 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.4 УК РФ на территории Российской Федерации в 2018–2022 гг.

[Table 3 — The number of registered crimes of these articles 280, 280.1, 280.2, 280.3, 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.4 of The Criminal Code of the Russian Federation, in the Russian Federation in 2018–2022]

<i>ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»</i>					
	2018	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано (всего)	269	278	367	486	531
Количество предварительно расследованных	233	214	308	435	483
Выявлено лиц, совершивших преступления	204	193	265	377	370
<i>ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»</i>					
	2018	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано (всего)	13	9	17	0	0
Количество предварительно расследованных	7	5	5	0	0
Выявлено лиц	7	4	6	0	0
<i>ст. 280.2 УК РФ «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации»</i>					
	2018	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано (всего)	-	-	-	0	0
Количество предварительно расследованных	-	-	-	0	0
Выявлено лиц, совершивших преступления	-	-	-	0	0
<i>ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации»</i>					
	2018	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано (всего)	-	-	-	-	62
Количество предварительно расследованных	-	-	-	-	16
Выявлено лиц, совершивших преступления	-	-	-	-	14
<i>ст. 280.4 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства»</i>					
	2018	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано (всего)	-	-	-	-	3
Количество предварительно расследованных	-	-	-	-	0
Выявлено лиц, совершивших преступления	-	-	-	-	0

Окончание таблицы 3
[End of Table 3]

<i>ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»</i>					
	2018	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано (всего)	780	19	63	86	108
Количество предварительно расследованных	752	39	29	68	90
Выявлено лиц, совершивших преступления	678	40	34	64	94
<i>ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества»</i>					
	2018	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано (всего)	25	18	21	36	35
Количество предварительно расследованных	14	27	18	17	35
Выявлено лиц, совершивших преступления	30	46	30	27	61
<i>ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации»</i>					
	2018	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано (всего)	87	161	218	287	345
Количество предварительно расследованных	37	68	136	187	306
Выявлено лиц, совершивших преступления	65	117	185	298	410
<i>ст. 282.4 УК РФ «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»</i>					
	2018	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано (всего)	-	-	-	-	9
Количество предварительно расследованных	-	-	-	-	2
Выявлено лиц, совершивших преступления	-	-	-	-	2

подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации¹.

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 № 11 // СПС «Консультант Плюс»; Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

Например, по статье УК РФ, предусматривающей ответственность за финансирование экстремизма, могут быть квалифицированы такие деяния, как систематические отчисления или разовый взнос в «общую кассу», приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц и др. Предоставление не только денежных средств, но и материальных, например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи также следует признавать финансированием экстремистской деятельности, если эти средства предоставлены лицом

либо лицами, которые осознавали, что предоставляют такие средства для финансирования экстремистской деятельности.

Практика правоприменения по делам о финансировании экстремистской деятельности свидетельствует о наличии проблем квалификации, так в судебно-следственной практике возникают трудности при отграничении таких составов, как финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) и содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) [4, с. 27].

В своем исследовании Е. Ю. Валюкевич, К. С. Плаксина отмечают, что «результаты анализа материалов предварительных оперативных проверок, а также уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ, позволяют сделать вывод о том, что финансирование экстремистской деятельности чаще совершают субъекты посредством предоставления и сбора средств для осуществления экстремистской деятельности» [5, с. 140]. В качестве такой «помощи» могут выступать различные средства связи и оборудование, разработка и ведение сайтов и социальных сетей экстремистской направленности в интернет-пространстве, а также изготовление и распространение печатной продукции. Такого рода поддержка для осуществления экстремистской деятельности требует значительных денежных затрат, в силу чего экстремистские организации изыскивают новые источники и способы получения финансирования. Необходимость совершенствования отечественного законодательства, отелных его норм, практики их применения в целях проведения эффективного и тщательного финансового контроля продиктована именно трансформацией способов, механизмов финансирования экстремизма.

Бесспорно, что основная задача — противодействие финансированию экстремизма — возложена на правоохранительные органы, в частности и в особенности на органы внутренних дел Российской Федерации. В целях эффективного противодействия финансированию экстремистской деятельности государственным органам необходимо предпринимать действенные меры, позволяющие своевременно «перекрывать» доступ экстремистским организациям к денежным потокам и иным финансовым активам.

При этом нельзя отрицать тот факт, что финансирование, получаемое экстремистскими организациями, сопряжено с совершением иных преступлений. В особенности тесно связано с финансированием организаций террористической и экстремистской направленности

легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества [6, с. 99]. В Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма к одной из целей основной национальной системы¹ отнесено снижение уровня террористической угрозы и экстремистских проявлений в обществе, а к основным задачам — совершенствование нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в сфере предупреждения экономической преступности, коррупции, терроризма и экстремизма и борьбы с ними².

В рамках взаимодействия субъектов профилактики финансирования экстремизма следует отдельно рассмотреть роль Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), который обязан своевременно принимать меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию экстремистской деятельности. Одним из основных нормативных правовых актов в сфере противодействия финансированию экстремизма является Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»³.

Вопросы взаимодействия Росфинмониторинга с Министерством внутренних дел Российской Федерации урегулированы отдельными нормативными правовыми актами межведомственного характера (инструкция по взаимодействию МВД РФ с Росфинмониторингом по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем⁴; соглашения между Федеральной

¹ Национальная система противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

² Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : утв. Президентом РФ 30.05.2018 // СПС «Консультант Плюс».

³ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 07 августа 2001 № 115-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем : приказ Генпрокуратуры России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21 августа 2018 // СПС «Консультант Плюс».

службой по финансовому мониторингу и Министерством внутренних дел Российской Федерации об информационном взаимодействии в электронном виде¹ и др.).

Росфинмониторинг является ключевым органом финансового контроля, который проводит последовательную работу по совершенствованию механизмов, обеспечивающих финансовую безопасность государства. Основным инструментом работы Росфинмониторинга является финансовое расследование. Особые полномочия в целях противодействия финансированию экстремизма Росфинмониторинг реализует посредством сбора, обработки и анализа информации об операциях с денежными средствами или иным имуществом, которые подлежат контролю в силу обстоятельств, установленных законодательством Российской Федерации. Росфинмониторинг при наличии оснований, которые свидетельствуют о связи таких операций с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, или финансированием экстремизма, направляет полученную информацию с необходимыми сопроводительными материалами в правоохранительные органы в соответствии с их компетенцией. Информационное взаимодействие между правоохранительными органами и Росфинмониторингом в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, является одним из приоритетных направлений противодействия финансированию экстремистской деятельности.

Росфинмониторинг на постоянной основе осуществляет сотрудничество с подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации (например, для установления имущества организаторов и руководителей экстремистских организаций, которое подлежит конфискации в установленном порядке).

К мерам, направленным на пресечение деятельности по финансированию экстремизма можно отнести следующие: заморозка активов лиц и организаций, включенных в «перечень террористов и экстремистов»²; приостановка

финансовых операций на основании решения суда; заморозка активов лиц и организаций по Решению Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма; оперативная приостановка операций на срок до 35 суток; вынесение решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина в Российской Федерации; вынесение решения о запрете въезда в Российскую Федерацию иностранного гражданина или лица без гражданства. Росфинмониторинг является уполномоченным органом по формированию и ведению Перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

На стадии возбуждения уголовных дел Росфинмониторинг предоставляет по запросу правоохранительных органов дополнительные выборки, схемы и аналитические документы, подготавливаемые с использованием информационно-технологических ресурсов Росфинмониторинга.

Основными направлениями взаимодействия субъектов профилактики по линии противодействия финансированию экстремистской деятельности можно назвать: анализ и обобщение наиболее часто встречающихся в практике способов финансирования экстремистской деятельности с целью незамедлительного выявления каналов и источников финансирования; проведение в установленном порядке проверок информации, представляющей оперативный интерес; систематическое проведение в установленном порядке профилактических и иных мероприятий для проверок юридических и физических лиц на предмет причастности их к финансированию экстремизма и (или) терроризма; информационное взаимодействие между государственными органами, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества.

Случаи финансирования экстремистской деятельности могут быть выявлены: а) посредством получения оперативной информации и результатов, проведенной аналитической разведки; б) с помощью проведения самостоятельной аналитических мероприятий в отношении тех лиц, которые ранее попадали в поле зрения компетентных органов в качестве лиц, причастных к такой деятельности; в) посредством сбора и анализа сведений о проведенном финансовом расследовании сотрудниками Росфинмониторинга.

Особую значимость указанные направления приобретают в связи с тем, что появляются новые способы финансирования экстремизма посредством использования криптовалюты

¹ Межведомственные соглашения. URL: <https://fedsfm.ru/activity/interagency-agreements> (дата обращения: 10.10.2023).

² Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, других юридических лиц, а также физических лиц: постановление Правительства РФ от 06 августа 2015 г. № 804 // СПС «Консультант Плюс».

и программного обеспечения, представляющего собой децентрализованный цифровой реестр, который безопасным способом записывает данные о транзакциях на множество специализированных компьютеров в сети (блокчейн). Установлено, что при совершении преступлений экстремистской и террористической направленности в большинстве случаев используются открытые на сравнительно небольшой промежуток времени банковские счета, зарегистрированные на подставных лиц или с использованием процедур, не требующих идентификации владельцев счетов, что делает неэффективным их первоначальное блокирование путем получения судебного решения [2, с. 58].

Заключение

Как мы видим, необходимость поступательного обновления нормативно-правовой базы противодействия финансированию экстремизма, в том числе легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, является приоритетным направлением реализации государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности. Одной из первоочередных задач в этой сфере является принятие государством определенных решений в области оптимизации институциональной структуры и достаточного ресурсного и нормативно-правового обеспечения национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что одним из эффективных инструментов реализации государственной политики в сфере противодействия финансированию экстремистской деятельности становится наделение правоохранительных органов и государственных органов, которые осуществляют контрольно-надзорные мероприятия за транзакциями денежных средств и иного имущества, полномочиями по принятию решения о временном приостановлении операций, связанных со списанием денежных средств с открытых в целях финансирования экстремистской (террористической) и иной противоправной деятельности, банковских счетов (вкладов). Дополнительно к вышесказанному можно отметить, что возможность своевременной регистрации противоправных деяний, сопряженных с финансированием экстремизма, зависит от эффективности соответствующего уголовно-правового регулирования ответственности за их совершение [7, с. 335].

Достижение положительных результатов проводимой антиэкстремистской политики по линии противодействия финансированию экстремистской деятельности возможно лишь в том случае, когда будут установлены как сами источники, так и каналы финансирования, что требует от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также институтов гражданского общества своевременной и подконтрольной координации действий.

Список источников

1. Иванов П. И. Финансирование экстремистской деятельности (оперативно-розыскное реагирование) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 101–108.
2. Грудачёв И. В. О повышении эффективности противодействия финансированию экстремистской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 55–67.
3. Сведения ГИАЦ МВД России. Сборник по России (1-16, 21 разделы) «Единый отчет о преступности» за январь–декабрь 2018–2022 гг.
4. Андреев А. В. О противодействии финансированию экстремистской деятельности и проблемах применения норм статьи 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник КРУ МВД России. 2019. № 4 (46). С. 26–29.
5. Валюкевич Е. Ю., Плаксина К. С. Противодействие финансированию экстремизма // Наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире : сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции (Петрозаводск, 06 января 2022 г.). Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука». 2022. С. 139–143.
6. Векленко В. В., Акиев А. Р. Проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём (ст. 174, 174.1 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4. С. 98–105.
7. Богатырев А. З., Тлупова А. В., Мамбетова К. М. Финансирование экстремистской деятельности в Российской Федерации: пути противодействия // Образование и право. 2022. № 4. С. 333–336.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 02.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КАК СПОСОБ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Алексей Витальевич Сумачев¹, Марат Мухтарович Шахмаев²

^{1,2}Тюменский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия

¹ alekssumachev@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1133-9574>

² shah-72@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1031-9563>

Аннотация. В статье первоначально указаны особенности общественной опасности и обусловленности проявления коррупции в сфере образования. Далее проанализированы распространенные коррупционные деяния в преподавательской среде, такие как: получение вознаграждения за выставление положительных оценок на экзамене; служебный подлог; злоупотребление должностными полномочиями. Также определяются отдельные критерии нахождения граней между коррупционным и некоррупционным в преподавательской деятельности с позиций реализации принципа целесообразности в преподавательской деятельности. Далее рассматриваются некоторые аспекты применения цифровых технологий в образовательных учреждениях с позиций профилактики коррупции в сфере образования: анализируются «плюсы» и «минусы» использования информационных (компьютерных) технологий в процессе обучения. В частности, отмечается, что использование онлайн технологий в процессе сдачи/принятия экзаменов и зачетов, защиты курсовых и выпускных квалификационных работ минимизирует возможности непосредственного («живого») общения преподавателя и обучающегося, а также дают дополнительные возможности проверки качества сдачи/приема экзаменов в виде электронных записей в информационной сети. В качестве «минусов» использования цифровых технологий в процессе образования указывается на наличие возможности обучающегося использовать непосредственно при подготовке и ответе на вопросы дополнительный материал, иными словами — списывать, подглядывать и т. п. Констатируется, что данный факт хотя и снижает коррупционные риски, однако не повышает качество самого образования.

Ключевые слова: коррупция, преподавательская деятельность, цифровые технологии, профилактика коррупции

Для цитирования: Сумачев А. В., Шахмаев М. М. Цифровые технологии, применяемые в процессе обучения, как способ профилактики коррупции в образовательных учреждениях // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4(39). С. 179–183. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-179-183

DIGITAL TECHNOLOGIES USED IN THE LEARNING PROCESS AS A WAY TO PREVENT CORRUPTION IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Alexey V. Sumachev¹, Marat M. Shakhmaev²

^{1,2}Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia

¹alekssumachev@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1133-9574>

²shah-72@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1031-9563>

Abstract. The article initially indicates the features of public danger and conditionality of corruption in the field of education. Further, the widespread corruption acts in the teaching environment are analyzed, such as: receiving remuneration for giving positive marks on the exam; official forgery; abuse of official powers. Separate criteria for finding the boundaries between corruption and non-corruption in teaching are also determined from the standpoint of implementing the principle of expediency in teaching. Next, some aspects of the use of digital technologies in educational institutions are considered from the standpoint of preventing corruption in the field of education: the “pros” and “cons” of using information (computer) technologies in the learning process are analyzed. In particular, it is noted that the use of online technologies in the process of passing/ taking exams and tests, defending term papers and final qualifying papers minimizes the possibilities of direct (“live”) communication between the teacher and the student, as well as provide additional opportunities to check the quality of passing / taking exams in the form of electronic records in the information network. As the “disadvantages” of using digital technologies in the educational process, it is indicated that the student has the opportunity to use additional material directly when preparing and answering questions, in other words, to write off, peek, etc. It is stated that this fact, although it reduces corruption risks, does not improve the quality of education itself.

Keywords: corruption, teaching, digital technologies, corruption prevention

For citation: Sumachev AV, Shakhmaev MM. Digital technologies used in the learning process as a way to prevent corruption in educational institutions. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):179-183. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-179-183 (In Russ.)

Введение

Нет сомнений в том, что общественная опасность коррупции в сфере образования обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, в нее вовлечено и постоянно вовлекается значительное количество граждан, которые сталкиваются с различными проявлениями коррупции практически с момента рождения ребенка, затем в школе и до окончания им вуза, защиты диссертации. Во-вторых, именно в сфере образования коррупция воспроизводится, она воспитывает в учащих, студентах, аспирантах нигилизм по отношению к праву, желание повторить самому легкий способ получения денежных средств, иных материальных благ. Поэтому, сталкиваясь с недобросовестным педагогом, руководителем образовательного учреждения, берущим взятку, совершающим иное коррупционное преступление,

он не считает такие деяния вредными, общественно опасными, а наоборот, воспринимает их полезными для себя, а что самое опасное — не прочь повторить самому в будущем, при занятии каких-либо должностей. В-третьих, в коррупцию в сфере образования вовлечено значительное количество населения, которое в свою очередь, в своих профессиональных отраслях совершает сходные правонарушения, а также воспитывает в учащихся нигилизм по отношению к праву, к актам органов государственной власти и управления.

Кроме того, как отмечает С. А. Волчок, опасность данного вида коррупции заключается в том, что «коррупция в высшем образовании, с одной стороны, выступает одним из главных препятствий эффективного развития российских вузов и в некоторых случаях приводит к расточительству бюджета,

с другой — заставляет усомниться в надежности самого образовательного учреждения и в качестве предоставляемого образования» [1, с. 103]. В свою очередь, как справедливо замечает Е. А. Музалевская, пройдя «высшую школу коррупции» студент приносит опыт преступных взаимоотношений и в свою дальнейшую «взрослую» жизнь, считает коррупцию нормой поведения, строит коррупционное государство [1]. Соответственно, в полной мере следует согласиться с В. Л. Римским, что без преодоления коррупции, именно в системе образования, невозможно надеяться на существенное снижение общего уровня коррупции в нашей стране, так как это противоестественная модель поведения формируется одновременно с пониманием выпускника окружающего социума, правильного существования, взаимодействия с ним [3, с. 385].

И здесь возникают интересные вопросы юридического плана, поскольку специфика сферы преподавания проявляется в том, что преподаватель и обучаемый порой находятся довольно длительное время в тесном взаимодействии. Иными словами, преподавательская деятельность представляет собой тесное взаимодействие преподавателя и обучаемого, основанное не только на правовых предписаниях, регулирующих образовательную деятельность, но и на некоторых правилах межличностного общения, обусловленных нравственно-этическими установками, как педагога, так и обучаемого. И здесь, могут возникать коллизии между законными/незаконными действиями и целесообразными.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы уголовной ответственности за проявления коррупции в сфере образования, специальная литература по предмету исследования, материалы, размещенные в СМИ. В качестве специальных правовых частнонаучных исследовательских методов использованы: формально-юридический метод, метод правового прогнозирования.

Описание исследования

Одним из распространенных коррупционных деяний в преподавательской среде является получение вознаграждения за выставление положительных оценок на экзамене. Где здесь «проходит» грань между преступным и непроступным поведением преподавателя. До недавнего времени преподавателя традиционно признавали должностным лицом, выполняющим организационно-распорядительные

функции в государственных либо муниципальных образовательных учреждениях, и привлекали к уголовной ответственности за получение взятки. В декабре 2009 года ситуация несколько изменилась. Так, в абзаце 2 пункта 4 постановления Пленума Верховного суда РФ № 19 от 16 октября 2009 года «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в качестве примера указывается на «прием экзаменов и выставление оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии»¹. Можно сделать вывод, что «обычный» преподаватель (не являющийся «членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии»), принимающий «обычный» зачет или экзамен, не относится к должностному лицу и не несет уголовной ответственности за получение вознаграждения со студентов за выставление им положительных оценок на экзамене. По-видимому, такой вывод не следует признавать справедливым, поскольку указание на «прием экзаменов и выставление оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии» в данном постановлении указано лишь в качестве примера. Толкование же «организационно-распорядительных функций» позволяет относить преподавателя, принимающего экзамен (зачет) и выставляющего оценки по итогам сессии к должностному лицу, поскольку положительная аттестация имеет юридическое значение и влечет правовые последствия для студента в виде перевода на следующий курс.

Другое заблуждение относительно граней между коррупционным и некоррупционным поведением преподавателя в части получения вознаграждения со студентов за выставление им положительных оценок на экзамене касается размера вознаграждения. Нередко указывают на то, что вознаграждение в сумме до 3 тысяч рублей не является взяткой, а является подарком в смысле п. 2 ч. 1 ст. 575 Гражданского кодекса РФ². Для уголовного права размер вознаграждения значения не имеет, главное, что вознаграждение обуславливает поведение должностного лица в пользу взяткодателя. В судебной практике имели место случаи, когда предметом взятки признавали имущество в сумме 150 рублей (стоимость двух кружек пива в кафе).

Вознаграждение, как указано, обуславливает поведение должностного лица в пользу

¹ Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2009. № 12.

² Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

взятодателя. Если же поведение должностного лица обусловлено личными отношениями с «просителем», получение (дача) взятки отсутствует. Стоит, однако, указать, что «не следует» обращаться к руководителям, которые в силу своего должностного положения могут способствовать исполнению действия (бездействия) другим должностным лицом (например, в силу значимости и авторитета занимаемой должности). Нельзя также «решать вопросы» посредством передачи денег, иных ценностей или оказания материальных услуг родным и близким должностного лица с согласия последнего (включая молчаливое согласие). Иными словами, обращение к равному по должности (служебному положению) должностному лицу с использованием личных отношений исключает ответственность за дачу (получение) взятки.

Возможны ситуации, когда преподаватель получает вознаграждение без намерения совершить действия (бездействие) в отношении лица, передавшего вознаграждение. Такая «маскировка» получения вознаграждения также является уголовно-наказуемой и квалифицируется как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, (ч. 3 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ))¹.

Получение взятки может быть сопряжено с ее вымогательством (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ), которое выражается, либо в предъявлении прямого требования дать взятку, либо в поставлении взятодателя (в нашем случае — студента) в такие условия, при которых он вынужден дать взятку с целью предотвращения вредных последствий, например, в виде отчисления из учебного заведения.

Преподавательская коррупционная деятельность может быть сопряжена и со служебным подлогом, ответственность за который предусмотрена ст. 292 УК РФ. В данном случае официальным документом признается экзаменационная ведомость (а не зачетная книжка), поскольку в ней констатируется факт сдачи (не сдачи) экзамена (зачета), что, в свою очередь, влечет правовые последствия для обучаемого (продолжение обучения либо отчисление из вуза).

Отдельный аспект рассматриваемой проблемы связан с реализацией принципа целесообразности в преподавательской деятельности. Так, злоупотребление должностными полномочиями с точки зрения субъективной стороны должно быть связано с корыстной или иной личной заинтересованностью,

где под последней понимается стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как «карьеризм», «желание приукрасить действительное положение», «скрыть свою некомпетентность» и т. п. Соответственно, необъективное выставление положительных оценок может быть совершено из иной личной заинтересованности, и, при наличии иных признаков злоупотребления должностными полномочиями, оцениваться как преступление, предусмотренное ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями». Более того, такого рода деяния Верховный суд России в пункте 17 постановления Пленума Верховного суда РФ № 19 от 16 октября 2009 года «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 24 декабря 2019 г. № 59 и от 11 июня 2020 г. № 7)² рекомендует квалифицировать по совокупности со ст. 292 УК РФ «Служебный подлог».

И вот здесь, на наш взгляд, следует соотносить положения уголовного законодательства с реализацией принципа целесообразности в преподавательской деятельности. Дело в том, что выставление положительных (а порой и высоких оценок) может выступать своеобразным стимулированием обучающегося к повышению уровня своих знаний. Такая методика стимулирования должна оцениваться по правилам обоснованного риска (ст. 41 УК РФ) и не влечь уголовной ответственности преподавателя.

Таковы отдельные критерии определения граней между коррупционным и некоррупционным в преподавательской деятельности.

Результаты исследования и обсуждения

И сейчас мы рассмотрим некоторые аспекты применения цифровых технологий в образовательных учреждениях с позиций профилактики коррупции в сфере образования.

В специальной литературе в основном говорят о «плюсах» использования информационных (компьютерных) технологий в процессе обучения [5, с. 572–574]. В свою очередь, Н. В. Унижаев, акцентируя внимание на предложениях по противодействию коррупции в образовательных учреждениях Российской Федерации, указывал, что на то, что уменьшение рисков коррупции и конфликта интересов

¹ Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 05.11.2023).

возможно посредством оптимизации управленческой деятельности образовательных учреждений за счет цифровой трансформации, а также внедрения в аудиторские проверки искусственного интеллекта и нейросетей [4, с. 32]. Более того, Н. В. Унижаев отмечал: «Оптимизация управленческой деятельности образовательных учреждений за счет цифровой трансформации позволит изменить процесс мониторинга, перевести его в постоянный режим, сделать доступным для контроля со стороны общества. Практически все сквозные технологии цифровой экономики позволяют минимизировать риски, связанные с коррупцией и конфликтом интересов» [4, с. 32].

В более предметном плане отметим, что некоторые «плюсы» применения цифровых технологий в образовательных учреждениях в части профилактики коррупции связаны с процессом сдачи/принятия экзаменов и зачетов, защиты курсовых и выпускных квалификационных работ в режиме онлайн, поскольку данные процедуры минимизируют возможности непосредственного («живого») общения преподавателя и обучающегося, а также дают дополнительные возможности проверки качества сдачи/приема экзаменов в виде электронных записей в информационной сети.

Есть, конечно, и «минусы» в части глобального использования такого рода технологий в процессе образования, свидетельством которых является личный педагогический опыт авторов в части проведения учебных

занятий в режиме онлайн в период пандемии (причем о такого рода «минусах» говорят многие коллеги). К числу «минусов» использования цифровых технологий в процессе образования стоит отнести отсутствие непосредственного («живого») общения преподавателя и обучающегося, а равно наличие возможности обучающегося использовать непосредственно при подготовке и ответе на вопросы дополнительный материал, иными словами — списывать, подглядывать и т. п. Данный факт хотя и снижает коррупционные риски, однако не повышает качество самого образования.

Заключение и вывод

Таким образом, применение цифровых технологий в образовательных учреждениях с позиций профилактики коррупции в сфере образования имеет свои «плюсы» и «минусы». Вместе с тем, в современной действительности, а равно с учетом внутренних и внешних факторов функционирования современного общества, использование информационных (компьютерных) технологий в процессе обучения явление не просто допустимо-возможное и целесообразное, но и необходимое. В этой связи, акцент на исследование особенностей применения цифровых технологий в процессе обучения актуально не только с позиций эффективности передачи и усвоения учебного материала, но и в аспекте профилактики коррупции в образовательных учреждениях.

Список источников

1. Волчок С. А. Методологические основы исследования проблем противодействия основным коррупционным схемам в сфере высшего образования современного российского общества // Научный компонент. 2023. № 1 (17). С. 102–106.
2. Музалевская Е. А. Проявления коррупции в системе образования // МосГУ : [сайт]. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Mazulevskaja> (дата обращения: 05.10.2023).
3. Римский В. Л. Коррупция в системе образования // Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа / под ред. Г. А. Сатарова. Москва : Фонд «Либеральная Миссия», 2013. 749 с.
4. Унижаев Н. В. Предложения по противодействию коррупции в образовательных учреждениях Российской Федерации // Теневая экономика. 2023. Т. 7, № 1. С. 25–40.
5. Шапиева М. С. Использование информационных технологий при обучении в системе образования вуз // Молодой ученый. 2014. № 5 (64). С. 572–574.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 11.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.9+351
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-184-192

С. 184–192

ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Максим Сергеевич Соколов

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия
checkagp@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0006-1753-4692>

Аннотация. В статье на основе анализа состояния современной преступности коррупционной направленности рассматриваются вопросы профилактики и предупреждения коррупции, выявления и нейтрализации коррупционных источников и угроз, а также минимизации коррупционных рисков в сфере государственной службы. Пристальное внимание уделяется антикоррупционной работе с использованием таких инструментов, как цифровые и информационные технологии и современное программное обеспечение в управленческой деятельности. Отдельное внимание уделяется современным автоматизированным системам, базам данных и программному обеспечению, используемым в антикоррупционной деятельности, информационному межведомственному взаимодействию в сфере государственного управления и администрирования. Наряду с отечественным, анализируется зарубежный опыт по данному направлению антикоррупционной деятельности. В частности, Китайской Народной Республики, стран ОСЭР и СНГ. Делается вывод о том, что общемировая тенденция такова, что в связи с изменчивостью, динамизмом и трансформацией коррупции необходимо корректировать антикоррупционную работу в сфере публичного управления, в том числе ее инструментарий, в части расширения использования цифровых и информационных технологий.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные риски, коррупционные источники и угрозы, коррупционные правонарушения, антикоррупционная деятельность, антикоррупционное законодательство, профилактика коррупции, предупреждение коррупции, цифровые технологии, информационные технологии

Для цитирования: Соколов М. С. Профилактика и предупреждение коррупции посредством цифровых и информационных технологий // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4(39). С. 184–192. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-184-192

Research article

PREVENTION OF CORRUPTION THROUGH DIGITAL AND INFORMATION TECHNOLOGIES

Maksim S. Sokolov

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia
checkagp@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0006-1753-4692>

Abstract. Based on the analysis of the state of modern corruption-related crime, the article discusses the issues of preventing and preventing corruption, identifying and neutralizing corruption sources and threats, as well as minimizing corruption risks in the public service. Close attention is paid to anti-corruption work using tools such as digital and information technologies and modern software in management activities. Special attention is paid to modern automated systems, databases and software used in anti-corruption activities, information interdepartmental interaction in the field

of public administration and administration. Along with domestic experience, foreign experience in this area of anti-corruption activities is analyzed. In particular, the People's Republic of China, the OECD countries and the CIS. It is concluded that the global trend is such that due to the volatility, dynamism and transformation of corruption, it is necessary to adjust anti-corruption work in the field of public administration, including its tools, in terms of expanding the use of digital and information technologies.

Keywords: corruption, corruption risks, corruption sources and threats, corruption offenses, anti-corruption activities, anti-corruption legislation, corruption prevention, corruption prevention, digital technologies, information technologies

For citation: Sokolov MS. Prevention of corruption through digital and information technologies. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):184-192. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-184-192 (In Russ.)

Введение

Всякие достижения науки и техники имеют в обществе двоякое значение. С одной стороны, они используются во благо общества, с другой — во вред. Так, например, цифровые и информационные технологии широко используются в последнее время в криминальной среде для совершения различных видов преступлений. По данным официальной статистики, удельный вес преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, стабильно высок: в 2020 г. их доля в общей массе зарегистрированных преступлений составила 25,8 %, в 2021 г. — 25,0 %, в 2022 г. — 26,5 %¹.

Что касается коррупции, то, по мнению экспертов, около половины выявляемых преступлений коррупционной направленности связаны с информационными технологиями². Уже фиксируются случаи выявления таких преступлений с использованием криптовалюты. Так, в 2021 г. было зарегистрировано 10 преступлений коррупционной направленности, связанных с использованием цифровой валюты и цифровых финансовых активов, в 2022 г. — 1³. Использование криптовалюты привлекательно для коррупционеров, что связано с невозможностью отслеживания совершаемых транзакций, децентрализованной эмиссией, высокой стоимостью и универсальностью [4, с. 133].

Вместе с тем информационные и цифровые технологии также могут быть эффективным инструментом в деле предупреждения и профилактики коррупции и снижения коррупционных рисков [1, с. 153].

Таким образом, предметом нашего исследования является предупреждение и профилактика коррупционных правонарушений посредством применения цифровых и информационных технологий.

Цель исследования — провести анализ возможностей применения цифровых и информационных технологий для профилактики и предупреждения коррупционных правонарушений и преступлений и снижения коррупционных рисков.

Результаты и их обсуждение

Применение современных цифровых и информационных технологий позволяет существенно снизить уровень коррупционных рисков в рамках функционирования органов публичного управления. В частности, этому обстоятельству активно способствует модернизация сферы государственных и муниципальных услуг.

Конкретными результатами данного процесса являются:

- разработка и внедрение единого портала государственных и муниципальных услуг;
- создание электронной системы оценки качества государственных и муниципальных услуг;
- межведомственное информационное взаимодействие в системе функционирования органов публичного управления и др.

В частности, «Госуслуги» обеспечивают оказание государственных и муниципальных услуг в электронном виде, что значительно снижает вероятность использования должностными лицами публичных органов своих полномочий в корыстных целях. Кроме того, на портале размещена справочная информация для физических и юридических лиц о порядке оказания госуслуг, организован поиск по тематике, ведомству, жизненной ситуации, представлены образцы документов, ссылки на сервисы госучреждений и ведомств [3, с. 64].

---

¹ Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2022 год : информ.-аналит. записка / под общ. ред. И. М. Мацкевича. Москва : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2023. С. 10.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 119.

В современном государственном управлении практически не осталось задач, выполняемых без использования государственных информационных систем и баз данных. Государственные информационные системы консолидируют создаваемые государством и получаемые от граждан и организаций сведения. Основой функционирования таких систем является достоверная информация о гражданах и об организациях, а также о совершении ими юридически значимых действий. В юридической литературе справедливо отмечается, что одним из ключевых компонентов развития цифровой среды является формирование и применение цифрового профиля в органах государственной власти. В контексте функционирования государственных информационных систем цифровой профиль может рассматриваться в качестве базового информационного узла, выполняющего важные функции по актуализации и обмену персонифицированной (относящейся к конкретному лицу) информацией, а также по идентификации данного лица.

В технологически развитых странах набирает силу тенденция, состоящая во внедрении государственных информационных систем, агрегирующих не только сведения о действиях граждан, имеющих выражение в материальном мире (получение гражданства, заключение брака, уплата налогов, получение кредита, нарушение правил дорожного движения), но и сведения о поступках, полностью совершаемых в информационной среде. К последним относятся, например, сведения о времяпрепровождении за видеоиграми, о публикации постов в социальных сетях, распространении ложных сведений.

Ярким примером такой государственной информационной системы является система социального рейтинга (система социального доверия) в Китае, особенностью которой является рейтингование не только граждан, но и организаций, а также административных единиц. В отношении государственных служащих в КНР на протяжении шести лет шли пилотные испытания информационной системы «Zero Trust», получившей доступ к информации о государственных служащих из около 150 государственных баз данных. Данная система анализирует служебную деятельность и образ жизни государственных служащих, выявляет сомнительные транзакции, соотносит доходы и расходы. При этом она вычисляет вероятность того, что то или иное действие связано с коррупцией. «Zero Trust» анализирует государственные закупки, вычисляя ситуации конфликта интересов, когда в закупках

участвуют родственники государственного служащего или его друзья. Практика показала, что функционирование данной системы способно предупредить государственных служащих от злоупотреблений, поскольку у нанимателя появляется возможность воздействовать на них на раннем этапе возникновения конфликта интересов.

Государственные информационные системы, подобные системам социального доверия и «Zero Trust» в КНР, способны оказывать значительное влияние на функционирование социума, поскольку информация о состоянии общества влияет на состояние общества. Внедрение системы социального рейтингования не только наделяет субъектов права определенной характеристикой — публичной оценкой, но и ориентирует их на решение задач, связанных с повышением своего рейтинга. Более того, данные, содержащиеся в таких системах, могут обрабатываться с использованием технологий искусственного интеллекта и учитываться при принятии управленческих решений.

Применительно к государственному управлению цифровые технологии способны не только многократно повысить оперативность решений различных обеспечивающих задач посредством ускорения обмена информацией и повышения удобства коммуникации, но и сократить возможности для реализации негативных управленческих практик за счет большей автоматизации и контролируемости административных процедур, выполняемых органами государственной власти. Одним из таких механизмов является цифровое профилирование, которое позволяет не только заложить основу для применения новых цифровых технологий, но и раскрыть потенциал имеющихся механизмов.

Внедрение цифровых технологий рассматривается многими исследователями в качестве превентивной антикоррупционной меры, позволяющей со временем отказаться от субъективных решений отдельных должностных лиц. При этом выдвинуто предложение о том, чтобы государственные служащие не принимали, а утверждали (или отклоняли) решения, предлагаемые алгоритмами цифровой платформы.

Антикоррупционная составляющая цифровой среды заключается в максимальной автоматизации, алгоритмизации и усилении подконтрольности всех управленческих процессов, что значительно затрудняет как непосредственное вступление в коррупционные отношения, так и их сокрытие. Вместе с тем существующая система ограничений,

запретов и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, практически не охватывает лиц, администрирующих государственные информационные системы и электронные площадки, что в условиях неограниченного доступа к чувствительной информации для граждан и организаций порождает существенные риски. Преодоление этих рисков требует дальнейшего развития антикоррупционного правового регулирования.

Накопление научных знаний по отдельным исследовательским направлениям внедрения цифровых технологий способствует постановке вопроса о разработке концепции развития правового регулирования в данной сфере. В юридической литературе уже констатируется потребность выработки метода и релевантных инструментов правового воздействия на динамичные социально-экономические отношения в цифровом обществе с учетом баланса частных и публичных интересов, необходимости защиты прав человека, а также создания благоприятного инвестиционного климата и возможности реализации экономических свобод.

Для целей обеспечения соблюдения ограничений, запретов и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, важными представляются сведения о семейном положении, наличии гражданства (подданства) иностранного государства или иностранных государств, наличии у гражданина Российской Федерации документа на право постоянного проживания в иностранном государстве.

Таким образом, цифровое профилирование на государственной службе не только преследует цели формирования базы данных, содержащей сведения о государственных служащих, но также решает задачи обеспечения соблюдения ими специфических ограничений, запретов и обязанностей, профессионального развития и специализации.

В этом контексте интересной представляется идея разработки научно обоснованных критериев системы оценки (скоринга) государственных гражданских служащих, учитывающих соблюдение ими системы ограничений, запретов и обязанностей, требований к служебному поведению, а также правил служебного поведения, в том числе содержащихся в типовом кодексе этики государственных и муниципальных служащих. Это позволит ориентировать государственных служащих на решение задач, связанных с повышением своих показателей и развитием профессиональных компетенций, а также будет способствовать повышению объективности оценки

их профессиональной служебной деятельности [7, с. 101].

В современном мире эффективная антикоррупционная политика государств зависит от достижений научно-технического прогресса. Подтверждения тому все чаще звучат на политической арене, а также об этом свидетельствуют исследования ученых. В связи с этим активное внедрение цифровых технологий в целях противодействия коррупции в последние годы наблюдается не только в Российской Федерации, но и во всех государствах — участниках СНГ. Изучение и анализ правовой основы обозначенной деятельности в указанных государствах в целях повышения эффективности антикоррупционной деятельности могут быть учтены в ходе правотворческой деятельности как отдельных государств, так и органов, функционирующих в рамках СНГ.

Так, согласно Докладу ОЭСР о ходе реализации антикоррупционных реформ в странах Восточной Европы и Центральной Азии¹ в Армении для снижения рисков коррупции в бизнес-среде активно используются информационно-коммуникационные технологии, в частности, компании-победители государственных закупок обязаны раскрывать сведения о бенефициарных владельцах.

В Республике Беларусь принят целый комплекс правовых актов, направленный на противодействие коррупции в условиях цифровизации. Так, в соответствии с Программой по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 гг.², основными задачами выступают такие направления как расширение взаимодействия государственных и общественных структур, а также последовательное совершенствование системы профилактики правонарушений путем скоординированной деятельности.

Постановлением Совмина Республики Беларусь от 29.12.2020 № 770³ закреплена процедура функционирования автоматизированной информационной системы в целях осуществления электронного информационного взаимодействия государственных органов (организаций). Соответствующее правовое регулирование информационной составляющей противодействия коррупции присутствует и в сфере государственных закупок.

¹ URL: <https://www.oecd.org/corruption/anti-bribery/> (дата обращения: 27.07.2023).

² URL: <https://minsknews.by/utverzhdena-programma-po-borbe-s-prestupnostyu-i-korruptsiej-na-2020-2022-gg/> (дата обращения: 19.12.2019)

³ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22000770&p1=1> (дата обращения: 27.07.2023).

В Казахстане коррупция, как и в большинстве государств — участников СНГ, возведена в ранг прямой угрозы национальной безопасности¹. Правовой основой борьбы с ней выступают Закон Республики Казахстан от 18.11.2015 № 410-V «О противодействии коррупции»², Концепция антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022–2026 годы³ и др. В частности, разработаны комплексные меры для развития сфер государственных услуг, а также информатизации деятельности государственного аппарата, созданы порталы открытых данных, внедрен специальный сервис, позволяющий подавать и отслеживать порядок рассмотрения жалоб в онлайн режиме. Проводится работа по выработке и принятию дальнейших системных мер, позволяющих модернизировать антикоррупционную политику государства в свете цифровой трансформации.

В Киргизии предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде и максимальная автоматизация государственных процессов признаются центральным звеном противодействия коррупции. Основным актом в рассматриваемой сфере выступает Указ Президента Кыргызской Республики от 17.12.2020 № 64 «О неотложных мерах по активизации внедрения цифровых технологий в государственное управление»⁴. В соответствии с Государственной стратегией по противодействию коррупции и ликвидации ее причин в Кыргызской Республике на 2021–2024 гг.⁵, ключевая роль отводится системным мероприятиям превентивного характера, в том числе проектируется максимальная минимизация административных и бюрократических барьеров для развития бизнеса и привлечения инвестиций. В рамках цифровизации страны, осуществляемой

на основе Концепции цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023»⁶ и Плана мероприятий по цифровизации управления и развития цифровой инфраструктуры в Кыргызской Республике на 2022–2023 годы⁷, проводится автоматизация государственных и муниципальных услуг, создаются цифровые базы данных, внедряется система межведомственного взаимодействия.

В Республике Таджикистан планируется создание областных, городских и районных дата-центров, соответствующих нормам и требованиям по информационной безопасности Республики Таджикистан, платформ, а также проектов по оказанию цифровых госуслуг. Для этого предполагается направить максимум усилий на преобразование процесса оказания государственных услуг на внутриведомственном и межведомственном уровне с тем, чтобы цифровизация привела к росту эффективности предоставления услуг населению. Предполагается не оцифровка существующих услуг, а оптимизация всего процесса предоставления услуг при помощи цифровых технологий. В связи с этим планируется продолжать активную информационно-просветительскую деятельность по освещению и позиционированию процесса цифровой трансформации в Республике, а также работу в средствах массовой информации и с широкими слоями населения для объяснения преимуществ использования цифровых технологий.

Развитие цифровых технологий, их трансформация и использование в сфере противодействия коррупции создают необходимость постоянного обмена опытом. В связи с этим важным аспектом представляют вопросы антикоррупционного обучения, проведения семинаров, конференций, круглых столов, в том числе онлайн. Так, например, в Туркменистане используется обучающий онлайн-модуль по надлежащему управлению и противодействию коррупции. Также регулярно проходят соответствующие семинары с целью обмена опытом в сфере использования цифровых технологий в предотвращении и противодействии коррупции.

В Узбекистане проводимые цифровые реформы показали необходимость мер по комплексному внедрению цифровых технологий в механизм государственного управления,

¹ Национальный доклад о противодействии коррупции за 2022 год // Агентство Республики Казахстан по противодействию коррупции : [сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/documents/details/494573?lang=ru> (дата обращения: 27.07.2023).

² URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410> (дата обращения: 24.07.2023).

³ Об утверждении Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022–2026 годы и внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Казахстан : Указ Президента Республики Казахстан от 02.02.2022 № 802 // ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000802> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ URL: <https://www.gov.kg/ru/programs/12> (дата обращения: 27.07.2023).

⁵ Указ Президента Кыргызской Республики от 25.12.2020 № 180. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430235> (дата обращения: 27.07.2023).

⁶ Распоряжение Правительства Кыргызской Республики от 15.02.2019 № 20-р. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/216896> (дата обращения: 27.07.2023).

⁷ Распоряжение Правительства Кыргызской Республики от 12.01.2022 № 2-р. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/218797?cl=ru-ru#unknown> (дата обращения: 27.07.2023).

государственных услуг и торговли. Одним из приоритетных направлений такого реформирования является внедрение системы электронного правительства.

Таким образом, цифровые технологии все более активно проникают во все сферы общественной жизни, в том числе в сферу государственного управления и противодействия коррупции.

На сегодняшний день в государствах — участниках СНГ цифровые технологии в целях противодействия коррупционным правонарушениям используются в системе государственных закупок, при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, кадровой работе. Цифровые технологии способствуют прозрачности деятельности органов государственной власти, устранению административных барьеров для бизнеса, что также является очевидным преимуществом цифровизации государственного управления. Первые шаги в этом направлении сделаны, однако дальнейший процесс цифровизации требует предметного изучения, анализа и обмена накопленным опытом, а также научно обоснованной оценки возможных рисков внедрения процессов цифровизации в такую чувствительную сферу, как противодействие коррупции [5, с. 26].

Цифровые технологии могут быть также использованы в качестве инструмента продвижения культуры прозрачности.

Так, например, в Индии граждане могут сообщать о характере, количестве, структуре, типах, местоположении, частоте и значениях фактических коррупционных деяний, с которыми они столкнулись; некоторые сообщения на веб-сайте уже привели к арестам и обвинительным приговорам. Такая инициатива позже была продолжена в Греции, Кении, Зимбабве, Пакистане и некоторых других странах, которые последовали этому опыту и решили запустить такие веб-сайты.

База данных K-Monitor в Венгрии собирает сообщения СМИ о коррупции и структурирует их таким образом, чтобы люди могли просматривать данные по категориям, таким как учреждение, местоположение, политическая партия и др. Венгерский союз гражданских свобод и K-Monitor в сентябре 2020 г. запустили совместную программу мониторинга коррупции для ежеквартального анализа того, как правительственные меры в условиях пандемии подпитывают коррупцию и подрывают верховенство закона.

В Нигерии база данных по борьбе с коррупцией Acid является платформой для отчетности. На ее веб-сайте также размещены

интерактивные инструменты, которые позволяют гражданам отправлять текстовые сообщения или сообщения о коррупции в Твиттере на Карты Google, чтобы называть имена коррумпированных чиновников и повышать осведомленность, технология может быть использована для отслеживания незаконных транзакций и обмена информацией [6, с. 3].

В России на сегодняшний день перечень государственных и ведомственных информационных систем, цели и задачи функционирования которых в той или иной степени направлены на противодействие коррупции включает:

1. *Государственная информационная система в области противодействия коррупции «Посейдон»* (далее — система «Посейдон»).

Система «Посейдон» создана в целях информационно-аналитического обеспечения деятельности федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, Банка России, иных организаций по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в том числе по проведению с использованием информационно-коммуникационных технологий анализа и проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции¹.

Одними из основных задач системы «Посейдон» являются информационно-аналитическое обеспечение деятельности должностных лиц и подразделений Администрации Президента РФ, государственных органов, государственных органов субъектов РФ, Банка России и других субъектов по проведению анализа и проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции, а также формирование на основании запросов статистических и информационно-аналитических материалов по вопросам противодействия коррупции.

Система «Посейдон» включает в себя:

— программно-аппаратный комплекс центрального сегмента системы «Посейдон» предназначенный для автоматизации деятельности по профилактике коррупционных и иных правонарушений, сбора, учета, хранения и анализа информации, для проведения анализа и проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

¹ О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 18. Ст. 3053.

— программно-аппаратный комплекс многоцелевого назначения «Посейдон-Р» предназначен для обеспечения работы пользователей системы «Посейдон» с программно-аппаратным комплексом центрального сегмента системы «Посейдон», в том числе для автоматизированного ввода, учета и хранения справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Координатором системы «Посейдон» является Администрация Президента РФ, а функции оператора системы выполняет ФСО России.

2. *Специальное программное обеспечение «Справки БК»* (далее — ПО «Справки БК»).

Данное ПО предназначено для автоматизации процесса заполнения и перевода в машиночитаемый формат сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых в соответствии с законодательством РФ.

3. *Федеральная государственная информационная система «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации»* (далее — ЕИСУ).

ЕИСУ создана в целях повышения эффективности межведомственного взаимодействия и внутренней организации деятельности по управлению кадровым составом государственной гражданской службы РФ при реализации государственной функции по осуществлению кадровой работы в государственных органах в соответствии со ст. 44 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹ посредством использования информационно-коммуникационных технологий, включая обеспечение электронного юридически значимого кадрового документооборота².

Единая система является федеральной государственной информационной системой в области государственной службы, на официальном сайте которой размещается реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

В Единую систему входит подсистема обеспечения соблюдения требований к служебному поведению, урегулирования конфликта интересов и противодействия коррупции.

Она призвана обеспечить, в том числе:

— обработку справок о доходах и расходах, проведения анализа указанных в них сведений, а также осуществления межведомственного взаимодействия в сфере противодействия коррупции;

— учет уведомлений, заявлений и иных документов, направляемых гражданскими служащими в целях обеспечения соблюдения ограничений, запретов и требований, исполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции;

— ведения реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия;

— формирование ведомственных планов противодействия коррупции и др.

4. *Единая система межведомственного электронного взаимодействия* (далее — ЕСМЭВ).

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия»³ создана федеральная государственная информационная система «Единая система межведомственного электронного взаимодействия», позволяющая органам и организациям осуществлять информационный обмен на основе унифицированных правил взаимодействия между информационными системами органов и организаций, в том числе правоохранительных и иных государственных органов по вопросам противодействия коррупции.

В органах прокуратуры продолжается работа по расширению возможностей информационной системы межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры РФ (далее — ИС МЭВ ГП РФ), в системе зарегистрировано более 18 тыс. пользователей и насчитывается свыше 50 видов сведений. Увеличивается число запросов, направляемых в органы государственной власти с использованием ИС МЭВ ГП РФ, в 2022 г. работниками органов прокуратуры направлено на 35 % больше запросов, чем в 2021 г. Существенная часть запросов ориентирована на пресечение нарушений коррупционной направленности.

5. *Специальное программное обеспечение — Единый портал прокуратуры Российской Федерации* (далее — СПО ЕПП).

СПО ЕПП позволяет обеспечивать наиболее значимые функции деятельности прокуратуры, в том числе противодействие коррупции. На портале выложены нормативные правовые и иные акты в сфере противодействия коррупции, антикоррупционной экспертизы,

¹ Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

² О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 03.03.2017 № 256 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 11. Ст. 1573.

³ Собрание законодательства РФ. 2010. № 38. Ст. 4823.

методические материалы; формируется реестр недействительных удостоверений, организована возможность подачи обращений со стороны физических и юридических лиц о фактах коррупции в электронном виде.

6. *Внешние источники информации (X-Compliance, «Спарк», «Маркер»).*

X-Compliance — созданный информационной группой «Интерфакс» первый российский сервис, который позволяет проводить комплексную проверку хозяйствующих субъектов в соответствии с требованиями российского и международного законодательства в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, противодействия коррупции. Информационные ресурсы X-Compliance позволяют оперативно получать сведения о зарегистрированных юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, информацию о деятельности организации, ее руководстве, связях хозяйствующих субъектов между собой (в том числе об их аффилированности), об имеющихся долгах и о судебных процессах. Кроме того, с помощью указанного ресурса проверяется исполнение требований законодательства по борьбе с коррупцией.

«СПАРК» — система позволяющая осуществлять проверки хозяйствующих субъектов, поиск связей между компаниями и физическими лицами по владельцам, телефонам, адресам, сведения об исполнительных производствах компаний, включая завершённые и многое другое.

«Маркер» — система мониторинга и анализа рынка закупок, которая объединяет и анализирует данные о закупках, заказчиках и поставщиках с более 300 торговых площадок. Система позволяет вести мониторинг торгов и оценивать потенциал продаж в различных сегментах рынка, а также является инструментом для контроля закупок, выявлять признаки нарушений законодательства.

7. *Государственная автоматизированная система правовой статистики (далее — ГАС ПС).*

В соответствии со ст. 51 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹, в целях исполнения обязанности по ведению государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре и осуществлению федерального статистического наблюдения на основе первичных статистических данных,

предоставляемых государственными органами, Генеральная прокуратура Российской Федерации осуществляет создание, развитие, ввод в эксплуатацию и обеспечение функционирования государственной автоматизированной системы правовой статистики и является ее оператором. Для эксплуатации ГАС ПС предполагается использовать государственные информационные системы и программно-технические средства иных государственных органов, обладающих соответствующими первичными статистическими данными.

В целях совершенствования модернизированного специального программного обеспечения опытная эксплуатация специального программного обеспечения ГАС ПС на объектах пилотной зоны временно приостановлена до особого указания².

Помимо этого, с августа 2023 г. в России вступило в силу законодательство о цифровом рубле³. В перспективе планируется, что такая специфическая форма национальной денежной единицы позволит сделать прозрачными все финансовые операции.

Выводы

Коррупция как негативное социально-правовое явление обладает способностью трансформироваться и встраиваться в объективные социальные процессы, оказывая влияние на общество и государство. В связи с такой изменчивостью и динамичностью она приобретает новые формы и использует новые средства и инструменты, в том числе цифровые и информационно-телекоммуникационные технологии, что увеличивает ее масштабы и, соответственно, негативное воздействие [2, с. 66].

В этой связи меры ответной реакции государства, направленные на профилактику и предупреждение коррупции, выявление и нейтрализацию коррупционных источников и угроз, снижение коррупционных рисков, обеспечение прозрачности должны быть адекватными и эффективными. Одним из таких инструментов являются цифровые и информационно-телекоммуникационные

² О временном приостановлении опытной эксплуатации государственной автоматизированной системы правовой статистики : приказ Генерального прокурора РФ от 10.01.2023 № 3 (документ официально не публиковался).

³ О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240009> (дата обращения: 24.07.2023).

¹ Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

технологии, использование которых следует именно в сфере государственного и муниципально-расширять и совершенствовать, прежде всего, пального управления.

Список литературы

1. Беляев К. А. Информационные и телекоммуникационные проекты в реализации антикоррупционной политики в городе Казани // Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности в сфере противодействия коррупции на современном этапе развития АПК : сб. науч.-практ. мат. Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 4–5 декабря 2020 г.). Выпуск IV / под общ. ред.: Бадрутдинова М. С., Титова Н. Л., Шрша Р. Б. ; под науч. ред.: Алексеева С. Л., Даренкова А.А, Рахимова С. Ф., Сергеевой Ю. С. Казань : Татарский инст. переподготовки кадров агробизнеса, 2021. С. 151–158.

2. Меркурьев В. В., Соколов Д. А. Изменчивость как неотъемлемое свойство преступности // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения) : сб. мат. II Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 марта 2022 г.) / науч. ред. В. В. Меркурьев, Ю. А. Тимошенко ; сост. М. В. Ульянов, Н. В. Сальников ; Ун-т прокуратуры РФ. Москва, 2022. С. 66–78.

3. Мигачев Ю. И., Поляков М. М., Чекмарев Г. Ф. Публичные органы власти в Российской Федерации и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 60–67. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.060-067

4. Никонов П. В. Роль информационно-коммуникационных технологий и компьютерной информации в совершении коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения) : сб. мат. I Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27 января 2021 г.) / под общ. ред. О. С. Капинус; [науч. ред. В. В. Меркурьев, П. В. Агапов ; сост. М. В. Ульянов, Н. В. Сальников] ; Ун-т прокуратуры РФ. Москва, 2021. С. 132–136.

5. Севальнев В. В., Черепанова Е. В. Правовые основы противодействия коррупции в государствах — участниках СНГ в условиях цифровизации // Международное публичное и частное право. 2022. № 3. С. 25–28. DOI: 10.18572/1812-3910-2022-3-25-28

6. Трунцевский Ю. В. Незаконные финансовые потоки в условиях цифровизации: понятие, характеристика и международные меры противодействия // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 6. С. 2–5. DOI: 10.18572/2071-1190-2021-6-2-5

7. Цирин А. М. Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 10. С. 97–109.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 21.08.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.08.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.9.018; 343.22
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-193-201

С. 193–201

ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЦИДИВА

Татьяна Викторовна Филоненко

*Дальневосточный Юридический институт (филиал)
университета прокуратуры Российской Федерации, Владивосток, Россия
tanya.f-vlad@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается одна из проблем современной криминологии: отсутствие механизма учета постпенитенциарного рецидива. В работе даются понятия постпенитенциарного рецидива и постпенитенциарной преступности. Анализируя официальные статистические данные, автор приходит к выводу об их недостаточности для вычисления масштабов постпенитенциарной преступности и анализа ее характеристик. Современные системы учета сравниваются с советской системой специального учета постпенитенциарного рецидива, построенной по динамической модели. Это давало гораздо больше информации для вычисления реальных показателей постпенитенциарного рецидива. В России статистика смешивает несколько подвидов криминологического рецидива: пенологический, постпенологический, пенитенциарный и постпенитенциарный рецидивы. В результате снижаются возможности для изучения причин и факторов, провоцирующих каждый из этих видов рецидива. Ухудшаются возможности для выработки эффективной системы профилактики рецидива. Поэтому нет возможности исследовать реальные масштабы как уголовно-правового (легального), так и подвидов криминологического рецидива (в том числе постпенитенциарного). В статье предлагаются примерные расчеты уровня постпенитенциарного рецидива на базе имеющихся статистических данных. В заключение формулируются авторские предложения по совершенствованию систем учета рецидивной преступности.

Ключевые слова: постпенитенциарный рецидив, постпенитенциарная преступность, рецидивометрия, коэффициент постпенитенциарного рецидива, механизм учета постпенитенциарного рецидива

Для цитирования: Филоненко Т. В. Проблемы учета постпенитенциарного рецидива // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 193–201. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-193-201

Research article

PROBLEMS OF ACCOUNTING FOR POST-PENITENTIARY RECIDIVISM

Tatyana V. Filonenko

*Far Eastern Legal Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, Russia
tanya.f-vlad@mail.ru*

Abstract. The article deals with one of the problems of modern criminology: the lack of a mechanism for accounting for post-penitentiary recidivism. The paper gives the concepts of post-penitentiary recidivism and post-penitentiary criminality. Analyzing official statistical data, the author concludes that they are insufficient for calculating the scale of post-penitentiary crime and analyzing its characteristics. Modern accounting systems are compared with the Soviet system of special accounting of post-penitentiary recidivism, built on a dynamic model. This provided much more information for calculating real indicators of post-penitentiary recidivism. In Russia, statistics mixes several subtypes of criminological recidivism: penological, post-penological, penitentiary

and post-penitentiary recidivism. As a result, there are fewer opportunities to study the causes and factors that provoke each of these types of recidivism. Opportunities to develop an effective system of recidivism prevention are diminished. In addition, the terminology used by different accounting entities differs. Therefore, there is no possibility to study the real scale of both criminal (legal) and subtypes of criminological recidivism (including post-penitentiary). The article offers approximate calculations of the level of post-penitentiary recidivism on the basis of available statistical data. In conclusion, the author's proposals for improving the systems of recording recidivism are formulated.

Keywords: post-penitentiary recidivism, post-penitentiary crime, recidivometry, recidivism intensity, post-penitentiary recidivism rate, post-penitentiary recidivism accounting mechanism

For citation: Filonenko TV. Problems of accounting for post-penitentiary recidivism. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):193-201. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-193-201 (In Russ.)

Введение

В современной криминологии отсутствует единый механизм учета постпенитенциарного рецидива. Еще в 2011 г. В. В. Городнянская отмечала, что официальная статистика не позволяет комплексно оценить постпенитенциарную преступность, поскольку не содержит существенных характеристик постпенитенциарного рецидива, в том числе «сведений о фактически отбытом сроке лишения свободы лицами, совершившими новые преступления, об основаниях их освобождения, о перерывах в преступной деятельности, о виде исправительного учреждения, где такие лица отбывали наказания по предыдущему приговору» [1, с. 38]. Однако и в настоящее время уровень этого вида преступности эффективно не измеряется, и «никакой официальной статистики по этому вопросу просто нет» (В. И. Селиверстов) [2, с. 69]. Указанные обстоятельства затрудняют выработку мер по предотвращению рецидива.

Основное исследование

1. Дискуссия о видах рецидива

В криминологии часто делят рецидив на уголовно-правовой, криминологический и пенитенциарный [3, с. 612]. При этом терминологической однозначности по этому вопросу до сих пор нет. К примеру, пенитенциарным рецидивом называют как совершение последующего преступления после отбывания наказания за предыдущее преступление в виде лишения свободы [4, с. 78], так и совершение преступления в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы [3, с. 612]. Некоторые авторы (В. В. Городнянская, Е. А. Тохова) называют совершение лицом, освобожденным из исправительного учреждения, нового преступления в течение срока судимости постпенитенциарным рецидивом [1, с. 8; 5, с. 18–19].

Для обозначения разных подвидов криминологического рецидива представляется оптимальным использовать четыре понятия:

пенологический, постпенологический, пенитенциарный и постпенитенциарный рецидивы. Их содержание зависит от периодов времени, в течение которых лицо совершает новое преступление, а также от вида наказания.

Пенологический рецидив предполагает совершение нового преступления лицом, отбывающим уголовное наказание либо лицом, в отношении которого не завершены уголовно-исполнительные мероприятия (при назначении уголовного наказания в виде штрафа) [1, с. 24]. Соответственно, постпенологический рецидив означает совершение нового преступления в течение срока судимости после отбывания наказания либо за пределами срока неотбытой части наказания при условно-досрочном освобождении.

В принципе, понятия пенологического и постпенологического рецидива связаны с любыми видами уголовных наказаний, примененных к лицу. В то время как пенитенциарный и постпенитенциарный рецидив относятся к наказаниям, связанным с лишением свободы (или более широко — связанных с изоляцией лица от общества). Пенитенциарным рецидивом следует считать совершение преступления в местах лишения свободы лицом, отбывающим наказание. Постпенитенциарный рецидив предполагает совершение преступления лицом, освобожденным из мест лишения свободы. Таким образом, пенитенциарный и постпенитенциарный рецидивы являются разновидностью пенологического и постпенологического рецидива.

Однозначного понимания постпенитенциарного рецидива в науке нет. Е. П. Полянская понимает под постпенитенциарным рецидивом любую ситуацию, когда преступления совершаются освобожденным из мест лишения свободы [6, с. 152]. Однако большая часть исследователей (Н. Т. Чахалян, П. В. Тепляшин и др.), упоминая постпенитенциарный рецидив, включает в него совершение лицом, отбывшим наказание в виде лишения свободы,

умышленного преступления в случае, если судимость не снята и не погашена в установленном законом порядке [7, с. 64; 8, с. 76].

Представляется, что понятия пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива нужно связывать не конкретно с лишением свободы как видом наказания, а с условиями отбытия наказаний, то есть с изоляцией от общества. Именно реальная изоляция влияет на личностные характеристики субъекта и причины его последующего поведения. Поэтому к субъектам постпенитенциарного рецидива следует относить не только лиц, ранее осужденных к лишению свободы, но и иных лиц, которым было назначено наказание, связанное с изоляцией от общества (принудительные работы — ст. 53.1 УК РФ; арест — ст. 54 УК РФ; лишение свободы на определенный срок — ст. 56 УК РФ; содержание в дисциплинарной воинской части — ст. 55 УК РФ; пожизненное лишение свободы — ст. 57 УК РФ).

Таким образом, под постпенитенциарным рецидивом предлагаю понимать совершение лицом, осужденным к реальному отбыванию наказания, связанного с изоляцией от общества, после освобождения из исправительного учреждения повторного умышленного преступления в период действия срока судимости за предыдущее преступление.

Постпенитенциарный рецидив соотносится с постпенитенциарной преступностью как общее и частное. Он характеризует случаи совершения конкретным лицом повторного умышленного преступления в течение срока судимости после освобождения из исправительного учреждения.

Как пишет В. В. Городнянская, «рецидивная постпенитенциарная преступность состоит из множества преступных деяний, совершенных в течение определенного времени и на определенной территории лицами, освобожденными из мест лишения свободы в течение сроков их судимости» [9, с. 108]. По мнению А. В. Денисова, она «охватывает совокупность повторных преступлений, совершенных лицами, освобожденными из исправительных учреждений и имеющими не погашенную и не снятую в установленном законом порядке судимость, вновь осужденными к наказанию в виде лишения свободы или без изоляции от общества, а также общее количество таких лиц» [10, с. 22].

В литературе предлагают разные перечни характеристик преступности: состояние, структура, динамика, коэффициент преступности, уровень, общественная опасность, интенсивность, территориальная распределенность [4, с. 61–74; 12, с. 50–52; 13, с. 103–112].

Указанные признаки можно использовать и для постпенитенциарной преступности. По мнению А. В. Денисова, для постпенитенциарной преступности важнейшими показателями являются уровень, структура, динамика и интенсивность рецидива [10, с. 22–26]. Однако однозначности в криминологии нет даже в отношении таких, казалось бы, устоявшихся понятий. Поэтому всегда нужно уточнять терминологическую базу исследования во избежание разночтений. Например, под состоянием преступности В. В. Лунеев понимает общее учтенное число преступлений и лиц, их совершивших, за определенный период времени и на определенной территории [11, с. 109]. С другой стороны, Я. И. Гишинский использует понятие «объем преступности» для обозначения абсолютного количества преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени [12, с. 50]. Правда, надо отметить, что последний термин не является общепринятым.

Под интенсивностью постпенитенциарного рецидива А. В. Денисов предлагал понимать время пребывания освобожденного из исправительного учреждения на свободе до момента совершения нового преступления в определенный промежуток времени [10, с. 22–26]. В работах А. И. Долговой интенсивность преступности выражается в коэффициентах, которые исчисляются путем сопоставления сведений о преступности с данными о населении (коэффициенты рассчитываются либо на все население, либо на население в возрасте уголовной ответственности по специальным формулам) [13, с. 104].

Уровень преступности также определяется в литературе неоднозначно. С одной стороны, уровень показывает общее число учтенных или реально совершенных преступлений в абсолютных величинах [11, с. 109–110; 13, с. 103]. С другой стороны, есть и иное мнение: уровень преступности определяется как показатель ее интенсивности и определяется с помощью коэффициента преступности (есть формулы для общего коэффициента преступности и для коэффициента криминальной активности населения) [4, с. 39].

Последний подход представляется более обоснованным, поскольку «...уровень всякой, в том числе рецидивной, преступности — это величина относительная (выражаемая в процентах, промилле, коэффициентах и т. п.), представляющая собой отношение общего числа преступлений или преступлений того или иного вида к определенной базе» [1, с. 40]. Лексически «уровень» — это степень величины, развития

чего-либо, то есть характеристика сравнительная, относительная.

2. Официальная статистика о рецидиве

В РФ получить сведения о рецидиве вообще и о постпенитенциарном рецидиве в частности можно лишь косвенным образом из анализа статистики. Так, в сборниках «Состояние преступности в России», выпускаемых ГИАЦ МВД РФ, имеется графа «число преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления»¹, откуда большинство исследователей и берут данные о рецидиве. Однако эти сведения учитывают также рецидив после применения наказаний без изоляции от общества и иных мер уголовно-правового характера, например условного осуждения; вывести из них показатели постпенитенциарного рецидива невозможно. Из данных судебной статистики также нельзя вывести показатели пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива, так как они учитывают лиц, впервые осуждаемых к лишению свободы.

Еще одним способом получить примерное представление об уровне рецидива является анализ статистических данных по видам исправительных учреждений. Например, по данным ФСИН, на 1 января 2021 г. во всех исправительных колониях (далее — ИК) отбывали лишение свободы 378 688 человек, из них: в колониях-поселениях — 29 753 осужденных, в ИК общего режима — 77 695 человек, в ИК строгого режима — 222 207 человек, в ИК особого режима — 24 402 правонарушителя, в ИК особого режима для пожизненно лишенных свободы содержалось 1967 осужденных. В этот же период в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, содержалось 104 220 человек; в воспитательных колониях отбывали наказание 949 несовершеннолетних; в тюрьмах — 1055 осужденных [14, с. 6, 12, 14; 15, с. 12].

Из анализа этих данных очевидно, что большая часть осужденных — 222 207 человек — содержится в учреждениях строгого режима (58,68 % от общего числа лиц, находившихся в ИК на 1 января 2021 г.). Согласно подпункту «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ отбывание лишения свободы в ИК строгого режима назначается мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких

преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, а также при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение свободы (такое же положение закреплено в ч. 5 ст. 74 УИК РФ).

Следовательно, можно предположить, что большая часть осужденных, отбывающих наказание в колониях строгого режима, относится к рецидивистам. Однако говорить о прогностическом анализе рецидивной преступности на основе таких данных не имеет смысла: во-первых, точных цифр по составу осужденных статистика не дает; во-вторых, никаких сведений о количественных показателях постпенитенциарного рецидива вывести из этой информации невозможно.

Сходные выводы по уровню рецидива позволяют сделать и другие статистические данные. Так, по данным МВД РФ, за январь — июнь 2023 г. было выявлено 401 678 лиц, совершивших преступления; из них 125 543 чел. — ранее судимых за преступления, что составляет 31 % от общего числа выявленных лиц². По информации судебного департамента при Верховном суде РФ за 2022 г., всего по УК РФ было осуждено 578 751 чел., из них 222 974 чел. имели неснятые и непогашенные судимости на момент рассмотрения дела судом (что составляет 39 % от общего числа осужденных)³.

Однако указанные варианты характеризуют постпенальную преступность в целом, а не собственно постпенитенциарную. Кроме этого, одним из ключевых недостатков существующей системы учета является отсутствие единообразия терминологии, используемой субъектами учета [16, с. 63–67]. В сборниках «Состояние преступности в России»⁴, выпускаемых ГИАЦ МВД РФ, в графу «число преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления» входят как преступления ранее судимых лиц, так и преступления лиц, освобожденных от уголовной ответственности. При этом данные статистики МВД не отражают сведения о количестве преступлений, признанных совершенными при рецидиве, что делает невозможным исследование масштабов уголовно-правового (легального) рецидива [16, с. 63–67].

² Состояние преступности в России за январь — июнь 2023 г. М.: ГИАЦ МВД РФ.

³ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 03.09.2023).

⁴ Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года // Официальный сайт МВД РФ. Раздел «Состояние преступности». URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 03.09.2023).

¹ Состояние преступности в России за январь — июнь 2023 г. Москва: ГИАЦ МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35919430/> (дата обращения: 03.09.2023).

В отчетах судебного департамента есть раздел «Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России» (за год и полугодие), в котором, в свою очередь, есть формы «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания», «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации», «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»¹.

В последней форме (п. 11.2) есть сведения о количестве осужденных, имеющих неснятые и непогашенные судимости на момент совершения повторного преступления, и сведения об осужденных, ранее не судимых.

Как видим, терминология, единицы учета и методика подсчетов во всех системах отличается. В результате статистические данные разных ведомств не дополняют друг друга и не коррелируют друг с другом; они просто отражают некие количественные показатели.

Получить примерное представление об уровне постпенитенциарного рецидива на сегодняшний день более или менее позволяет статистика ФСИН. В частности, в форме «Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых» есть таблица «Характеристика осужденных, которые осуждены к лишению свободы впервые / второй раз / 3 и более раз». Например, на 2021 год количество лиц, осужденных к лишению свободы во второй раз, составило 74 467 чел., а осужденных в третий и более раз — 140 676 человек². Сложив эти цифры, можно установить, что на 2021 год количество лиц, осужденных к лишению свободы два и более раз, и содержащихся в исправительных колониях, составляет 215 143 чел. Более поздние данные на настоящий момент закрыты: Федеральный закон от 28.02.2023 № 55-ФЗ «О внесении изменения в статью 5 и приостановлении действия части 7 статьи 8 Федерального закона “Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации” и об особенностях осуществления официального статистического

учета на территориях отдельных субъектов Российской Федерации»³.

Из этих же данных можно высчитать, что всего на 2021 год в ИК для взрослых содержалось 352 573 человека. Следовательно, количество лиц, осужденных к лишению свободы два и более раз, содержащихся в ИК в 2021 году составляет 61 % от общего числа взрослых осужденных за этот период⁴.

Однако полученные данные нельзя считать уровнем постпенитенциарного рецидива, поскольку это понятие включает в себя не только те деяния, за которые лицо повторно осуждалось к лишению свободы, но и повторные преступления, влекущие любой иной вид уголовных наказаний. Кроме этого, форма «Характеристика лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах» уже не дает аналогичной раскладки по годам применительно к тюрьмам и изоляторам. К тому же указанные данные ФСИН не дают информации о том, сколько времени прошло с момента совершения первичного преступления до момента совершения последующего, а также о том, были ли повторные деяния совершены в рамках срока судимости или за ее пределами.

Рецидивная преступность в настоящее время высчитывается по формуле:

$$R = \frac{N_{\text{пр}}}{N_{\text{осужд}}}$$

где $N_{\text{пр}}$ — это количество лиц, ранее совершивших преступления (в том числе лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы), а $N_{\text{осужд}}$ — общее количество осужденных (за определенный период).

Процент рецидива в местах лишения свободы определяется по формуле:

$$R_{\text{проц}} = \frac{N_{\text{отб}}}{N_{\text{осужд}}}$$

где $N_{\text{отб}}$ — это количество лиц, ранее отбывших наказание в виде лишения свободы,

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2022 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 03.09.2023).

² Статистические данные // Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 03.09.2023).

³ О внесении изменения в статью 5 и приостановлении действия части 7 статьи 8 Федерального закона «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» и об особенностях осуществления официального статистического учета на территориях отдельных субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 28.02.2023 № 55-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280031> (дата обращения: 03.09.2023).

⁴ Статистические данные // Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 03.09.2023).

а $N_{\text{осужд}}$ — общее количество осужденных (за определенный период).

На основе этой формулы можно рассчитать процент рецидива в местах лишения свободы, основываясь на данных ФСИН на 2021 г.:

$$\frac{215\,143}{352\,573} = 0,61 \text{ (61 \%)}$$

где 215 143 — количество лиц, отбывающих наказание в ИУ второй и более раз, то есть ранее отбывших наказание; 352573 — общее количество взрослых осужденных, отбывающих наказание в ИУ.

Этот показатель — 61 % — условно можно считать показателем постпенитенциарного рецидива для мест лишения свободы. Конечно, в эту цифру не входят случаи, когда рецидив повлек наказание, не связанное с лишением свободы.

В советский период применялась динамическая модель учета постпенитенциарного рецидива. Показатель постпенитенциарного рецидива рассчитывался по формуле:

$$R_{\text{ппр}} = \frac{N_{\text{пр1/пр2/пр3}}}{N_{\text{осв1/осв2/осв3}}}$$

где $N_{\text{пр1/пр2/пр3}}$ — это количество лиц, совершивших преступления в течение 1 года (2-х лет, 3-х лет) после освобождения из мест лишения свободы; а $N_{\text{осв1/осв2/осв3}}$ — общее количество лиц, освободившихся из исправительных учреждений в течение 1 года (2-х лет, 3-х лет).

Такая модель подсчета является наиболее точной, но, к сожалению, имеющиеся статистические данные не дают возможности ее применить (по указанным параметрам данные не обобщаются).

А. В. Денисов, критикуя недостаточность имеющихся методик подсчета, предложил формулу расчета коэффициента постпенитенциарного рецидива (ППР) в следующем виде:

— *общее количество осужденных, отбывающих наказание в исправительном(-ых) учреждениях (ИУ) на определенный момент / количество лиц, отбывающих наказание в ИУ второй и более раз* = показатель ППР;

— *100 % / показатель ППР* = коэффициент постпенитенциарного рецидива среди лиц, содержащихся в ИУ [8, с. 25–26].

Таким образом, формула, по мнению А. В. Денисова, должна быть следующей:

$$P_{\text{ппр}} = \frac{N_{\text{осужд1}}}{N_{\text{осужд2}}}$$

$$K_{\text{ппр}} = \frac{100\%}{P_{\text{ппр}}}$$

где $P_{\text{ппр}}$ — показатель ППР; $N_{\text{осужд1}}$ — общее количество осужденных, отбывающих наказание в исправительном(ых) учреждениях (ИУ) на определенный момент; $N_{\text{осужд2}}$ — количество лиц, отбывающих наказание в ИУ второй и более раз;

$K_{\text{ппр}}$ — коэффициент ППР среди лиц, содержащихся в ИУ.

Используя данные формулы, можно рассчитать показатель ППР и коэффициент ППР на основе данных ФСИН за 2021 год:

$$\frac{352\,573}{215\,143} = 1,6 \text{ (показатель ППР)}$$

$$K_{\text{ппр}} = \frac{100\%}{1,6} = 62,5$$

где 352 573 — общее количество взрослых осужденных, отбывающих наказание в ИУ; 215 143 — количество лиц, отбывающих наказание в ИУ второй и более раз.

Как видим, цифры получаются близкие (61 % по одной методике и 62,5 % по другой). По данным А. В. Денисова, коэффициент ППР за 2019 г. составил 56,75 %, что позволяет сделать вывод о росте коэффициента ППР.

Однако полученные таким образом цифры не дают реального представления о постпенитенциарном рецидиве, предлагая лишь приблизительную картину.

3. Предложения по совершенствованию учета рецидива

Последние выборочные исследования постпенитенциарного рецидива проводились в 2011 году Юридическим институтом Томского государственного университета в Томской и Кемеровской областях, что отражено в диссертации В. В. Городнянской [17]. Диссертант проводила выборочное репрезентативное исследование на основе соотношения числа постпенитенциарных рецидивистов к числу лиц, освобожденных из исправительных учреждений за определенный период. В качестве базы были взяты данные о 580 лицах, отбывших лишение свободы впервые в ИК общего режима Томской и Кемеровской областей и освободившихся в 2006–2007 гг., и о 205 лицах, отбывших лишение свободы в ИК строгого режима Томской и Кемеровской областей и освободившихся в 2006–2007 гг. Через ИЦ УВД, ГУВД

субъектов РФ на каждого бывшего осужденного через индивидуальные запросы были получены сведения о том, кто из отбывших лишение свободы в исправительных учреждениях совершил повторное преступление в течение трех лет с момента освобождения [1, с. 42].

По данным В. В. Городнянской, из осужденных, отбывавших лишение свободы в колониях строгого режима, в течение трех лет после освобождения вновь совершили преступление 29,6 %, а среди освобожденных из колоний общего режима постпенитенциарный рецидив составил 55 % в течение трех лет после освобождения [1, с. 64].

Использованные В. В. Городнянской методы, по сути, позволили повторить в рамках отдельной выборки советскую систему динамического учёта постпенитенциарного рецидива. Приведенные данные являются на сегодняшний день самыми точными сведениями об уровне постпенитенциарного рецидива из тех, которыми располагает отечественная криминология. Однако этим данным более 10 лет, что не позволяет говорить об их актуальности и прогностической точности для современного этапа развития российского общества.

Можно, конечно, говорить, что официальная статистика вообще не может дать полную информацию о повторных преступлениях в связи с их высокой латентностью. Однако это не повод отказаться от попыток совершенствования системы учета преступлений, в том числе постпенитенциарного рецидива. Из этого тезиса следует только то, что терминология, используемая в механизме учета постпенитенциарного рецидива, должна быть формализована. Например, нужно создать формы для сбора сведений о коэффициенте постпенитенциарного рецидива в широком смысле (учитывать все случаи совершения повторных преступлений лицами, освобожденными от наказаний, связанных с изоляцией от общества, без учета сроков судимости); а также сведения о коэффициенте постпенитенциарного рецидива в узком смысле (случаи совершения повторных преступлений лицами, освобожденными от наказаний, связанных с изоляцией от общества, в пределах срока судимости), с выделением особо значимого постпенитенциарного рецидива.

Особо значимый постпенитенциарный рецидив — это термин, предложенный В. В. Городнянской. По полученным ею данным на 2011 г., подавляющее большинство рецидивных преступлений (82 %), совершенных в пределах трех лет, совершается в течение двух лет после освобождения из мест лишения

свободы [1, с. 34]. На этом основании она предложила ввести в научный оборот термин «особо значимый постпенитенциарный рецидив», под которым необходимо понимать совершение нового преступления (преступлений) лицом, освобожденным из исправительного учреждения в течение двух лет после освобождения [1, с. 34].

В статистических формах должны отражаться интенсивность и уровень постпенитенциарного рецидива. Кроме этого, как справедливо указывает А. В. Денисов, должны быть выработаны показатели, по достижении которых коэффициент постпенитенциарного рецидива можно было бы считать низким или высоким. Необходимо добавить, что высокие и низкие показатели коэффициента постпенитенциарного рецидива должны определяться в зависимости от конкретно-исторической ситуации, численности населения региона и других факторов.

Однако это возможно только в перспективе. Сначала нужно получить опыт сбора полной информации о постпенитенциарном рецидиве и подвергнуть ее анализу. На сегодняшний день полнота статистических данных явно недостаточна, чтобы провести достоверный анализ постпенитенциарной рецидивной преступности.

Следует обратиться к опыту советской системы специального учета постпенитенциарного рецидива. У этой системы, конечно, тоже были свои недостатки. Так, она не позволяла собрать необходимые данные для выявления причин постпенитенциарной преступности и прогнозирования эффективных способов ее предотвращения. Учетные карточки не содержали сведений о времени, прошедшем после освобождения из исправительного учреждения до совершения нового преступления [10, с. 22–26]. Однако указанные проблемы можно решить, совершенствуя уже имеющуюся методику.

В качестве одного из направлений рецидивометрии и одного из направлений совершенствования систем учета представляется целесообразным осуществить сравнительное исследование эффективности наказания в виде лишения свободы применительно к виду исправительных учреждений, в которых осуществлялось отбывание наказания в виде лишения свободы.

Такое исследование необходимо проводить в форме сбора и последующего анализа статистических данных. Оптимальная форма сбора статистических данных, достаточных, по нашему мнению, для обоснованных выводов, представлена в таблице 1.

Таблица 1 — Форма статистической отчетности для исследования постпенитенциарного рецидива

[Table 1 — Statistical reporting form for the study of post-penitentiary recidivism]

№ п/п	Вид исправительного учреждения	Количество лиц, освобожденных из мест лишения свободы, за отчетный период (по годам)*	Количество лиц, совершивших преступления после освобождения из исправительного учреждения							
			В течение 1-го года после освобождения	В % к графе 2 (за первый год)	В течение 2-го года после освобождения	В % к графе 2 (за второй год)	В течение 3-го года после освобождения	В % к графе 2 (за третий год)	Всего за 3 года после освобождения	В % к графе 2 (за 3 года)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Колонии-поселения									
2	Исправительные колонии общего режима									
3	Исправительные колонии строгого режима									
4	Исправительные колонии особого режима									
5	Воспитательные колонии									
6	Женские исправительные колонии									
7	Тюрьмы									

* напр., за 2020 г., за 2021 г. и т. д.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день статистика не отражает состояние постпенитенциарного рецидива. Имеющиеся данные основаны на выборках, недостаточных для исследования. Статистические данные по постпенитенциарному рецидиву целесообразно дополнить такими критериями, как

пол преступников, возраст, вид и тяжесть совершенного преступления, вид исправительного учреждения. Предлагаемая методика позволит собрать данные, необходимые как для криминологической характеристики личности постпенитенциарного рецидивиста, так и для криминологической характеристики постпенитенциарной рецидивной преступности.

Список источников

1. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 247 с.
2. Селиверстов В. И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 2. С. 65–73.

3. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : Инфра-М, 2022. 800 с.
4. Криминология : учебник для аспирантов / под ред. И. М. Мацкевича. Москва : Норма : Инфра-М, 2022. 386 с.
5. Тохова Е. А. Предупреждение постпенитенциарного рецидива преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 189 с.
6. Полянская Е. П. Роль постпенитенциарного рецидива в расследовании преступлений в сфере семейных отношений // Функционирование учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы : материалы Межвузовской научно-практической конференции. Псков : Псковский филиал Академии ФСИН России. 2019. С. 151–154.
7. Чахалян Н. Т. Образование осужденных к лишению свободы как мера профилактики постпенитенциарной рецидивной преступности // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сборник научных статей. Вып 3 / отв. ред. Н. Н. Ивашко. Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 64–67.
8. Тепляшин П. В. Постпенитенциарный рецидив как критерий оценки эффективности Европейских пенитенциарных систем (критический анализ) // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4. С. 74–78.
9. Городнянская В. В. Структура рецидивной преступности (постпенитенциарный рецидив) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 105–108.
10. Денисов А. Д. Коэффициент постпенитенциарного рецидива как основной критерий оценки эффективности деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы России // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 1 (36). С. 22–26.
11. Лунеев В. В. Криминология : учебник для академического бакалавриата. Москва : Юрайт, 2015. 686 с.
12. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб и доп. Санкт-Петербург : Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. 517 с.
13. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. проф. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2005. 912 с.
14. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь — декабрь 2020 г. Информационно-аналитический сборник. Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2021. 418 с.
15. Одинцова Л. Н., Коломытцев Н. А. Наказание и основные средства исправления осужденных : учебное пособие. Москва : Российская криминологическая ассоциация : издатель Бакланов Г. В., 2022. 60 с.
16. Филиппова О. В. К вопросу об уголовно-правовом и криминологическом понятии рецидива преступлений // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 63–67.
17. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 24 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 07.08.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.10.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.35
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-202-210

С. 202–210

СУБЪЕКТЫ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Светлана Александровна Хлебунова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
tvkh1954@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования выступают субъекты антитеррористической и антиэкстремистской деятельности в Российской Федерации. Основная цель исследования направлена на выявление основных субъектов, противодействующих экстремизму и терроризму, а также на формирование подхода их классификации. Гипотеза исследования предполагает, что представленные в действующем законодательстве субъекты противодействия экстремизму и терроризму как органы публичной власти, не охватывают всех участников рассматриваемых правоотношений. В борьбе с проявлением экстремизма и терроризма активную позицию занимают институты гражданского общества и участники, международных отношений, которые не относятся к органам публичной власти. В качестве основного метода исследования применялся сравнительно-правовой анализ действующих правовых источников, регламентирующих деятельность по противодействию экстремизму и терроризму. В результате проведенного исследования определен основной круг субъектов, противодействующих экстремизму и терроризму, а также установлены субъекты, которые помогли их классифицировать. Выводы, к которым приходит автор исследования: 1) субъектами противодействия экстремизму и терроризму выступают как органы публичной власти, так институты гражданского общества и участники международных отношений в рассматриваемой сфере деятельности; 2) выявленные связи между субъектами позволяют их классифицировать: а) по уровню управления: федеральному, региональному, местному; б) по количественному составу: единичные и групповые; в) по территории деятельности: внутригосударственной и международной. Полученные результаты можно использовать при изучении субъектов антиэкстремистской и антитеррористической деятельности, а также для совершенствования механизмов противодействия этим антисоциальным явлениям.

Ключевые слова: классификация субъектов, экстремизм, терроризм, противодействие экстремизму и терроризму, правоотношения субъектов

Для цитирования: Хлебунова С. А. Субъекты антитеррористической и антиэкстремистской деятельности в Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023 № 4 (39). С. 202–210. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-202-210

Research article

SUBJECTS OF ANTI-TERRORIST AND ANTI-EXTREMIST ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Svetlana A. Khlebunova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
tvkh1954@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the subjects of anti-terrorist and anti-extremist activities in the Russian Federation (hereinafter — the Russian Federation). The main purpose of the study is aimed at identifying the main actors countering extremism and terrorism, as well as at forming an

approach to their classification. The hypothesis of the study suggests that the subjects of countering extremism and terrorism presented in the current legislation as public authorities do not cover all participants in the legal relations under consideration. As the main research method, a comparative legal analysis of existing legal sources regulating activities to counter extremism and terrorism was used. As a result of the conducted research, the main circle of subjects countering extremism and terrorism has been identified, as well as the subjects that helped classify them have been identified. Conclusions reached by the author of the study: 1) the subjects of countering extremism and terrorism are both public authorities, civil society institutions and participants in international relations in the field of activity under consideration; 2) the identified links between the subjects allow them to be classified: a) by the level of management: federal, regional, local; b) by the quantitative composition: individual and group; c) by the territory of activity: domestic and international. The results obtained can be used to study the subjects of anti-extremist and anti-terrorist activities, as well as to improve the mechanisms for countering these antisocial phenomena.

Keywords: classification of subjects, extremism, terrorism, countering extremism and terrorism, legal relations of subjects

For citation: Khlebunova SA. Subjects of anti-terrorist and anti-extremist activity in the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):202-210. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-202-210 (In Russ.)

Введение

В положениях действующего законодательства, регламентирующего противодействие экстремизму и терроризму, субъекты представлены «федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации (далее — РФ), органами местного самоуправления»¹, но их идентификация не приводится. Во-первых, подобный подход предполагает широкий круг субъектов, которые представлены органами государственной власти и органами местного самоуправления. При этом, в положениях законодательства отдельно выделены Президент РФ и Правительство РФ. Во-вторых, органы публичной власти имеют разную степень участия в отношениях, связанных с противодействием экстремизму и терроризму. Одни непосредственно и регулярно осуществляют противодействие экстремизму и терроризму, другие оказывают помощь первым с учетом возложенных на них компетенций. В-третьих, неопределенный состав участников, приводит к другой проблеме, связанной с неправильным пониманием субъектов, которых соотносят только с правоохранительными органами. Как справедливо замечают К. В. Боричев и М. Ю. Павлик, «в средствах массовой информации встречается высказывание относительно Федеральной службы безопасности (далее — ФСБ) как единственного государственного органа,

который осуществляет борьбу с экстремизмом и терроризмом» [1, с. 96]. Стоит заметить, что правоохранительные органы осуществляют ведущую деятельность, связанную с противодействием экстремизму и терроризму, но не относятся к единственным государственным органам. В-четвертых, содержатся положения, связанные с деятельностью и ответственностью участников, представляющих институты гражданского общества и международные отношения, которые не входят в органы публичной власти. В-пятых, участие, деятельность и взаимодействие субъектов в борьбе с экстремизмом и терроризмом основано на положениях действующего отечественного законодательства и ратифицированных с Российской Федерацией международных договорах. Поэтому стоит согласиться с мнением Н. В. Николаева, что «система противодействия представляет совокупность субъектов, противодействующих экстремизму и терроризму, а также нормативно-правовые акты, которые регулируют их деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию подобной деятельности, минимизации и ликвидации последствий их проявлений» [2, с. 81].

Следовательно, выявление участников противодействия экстремизму и терроризму выступает основной задачей для конкретизации субъектов правоотношений. Круг предполагаемых субъектов значительно шире и не ограничен органами публичной власти, поскольку включает институты гражданского общества и участников международных отношений. Субъекты рассматриваемых отношений имеют разную степень ответственности и полномочий, но их деятельность связана

¹ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»: Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 [п. «д» ст. 4]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102741687&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения: 19.09.2023).

и направлена на достижение общей цели борьбы с экстремизмом и терроризмом. Исследование представляет теоретический и практический интерес, связанный с определением основного состава субъектов антитеррористической и антиэкстремистской деятельности, а также выявлению подхода для их классификации.

Материалы и методы исследования

Основу материалов исследования составили: Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ), федеральные законы «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ, «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022), указы Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (далее — Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года) и от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее — Стратегия национальной безопасности РФ), а также научные труды по заявленной проблематике, находящиеся в открытом доступе в научной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU».

В процессе определения субъектов антитеррористической и антиэкстремистской деятельности применялся общенаучный и специальный методы исследования. Методом обобщения и сравнения исследованы публикации научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU». Запрос по ключевым словам, таким как «субъекты противодействия экстремизму» показал 349 публикаций, а «субъекты противодействия терроризму» — 323 публикации. Большинство авторов рассматривают один субъект антитеррористической или антиэкстремистской деятельности, либо взаимодействие субъектов, которые представлены органами публичной власти [1–19].

На основании сравнительно-правового метода, рассмотрены основные законы и нормативные правовые акты, которые регламентируют противодействие экстремизма и терроризма. Методология исследования правовых источников позволила подтвердить, что в положениях отечественного законодательства, содержится информация о субъектах антитеррористической и антиэкстремистской деятельности, которые не относятся к органам публичной власти. Методологией исследования определены субъекты представляющие институты гражданского общества и участвующие в международных отношениях.

Результаты исследования и их обсуждение

К основным действующим нормативным правовым актам, регламентирующим противодействие экстремизму и терроризму относятся: Конституция РФ¹, «Стратегия национальной безопасности РФ»², «Стратегия противодействия экстремизму до 2025 года»³, а также федеральные законы «О противодействии экстремизму»⁴ и «О противодействии террористической деятельности»⁵. В правовых источниках содержатся понятия «противодействие экстремизму» и «противодействие терроризму», которые раскрываются как «деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и устранение причин экстремистских проявлений...»⁶ и «деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц»⁷. При этом, противодействующие экстремизму субъекты представлены «федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления»⁸. Отдельно не представлены субъекты, противодействующие терроризму, но они следуют из понятия «противодействие терроризму», в которое включены органы публичной власти и институты гражданского общества. Эти понятия дополняют друг друга, указывая на связь органов представляющих публичную власть с гражданскими институтами.

¹ Конституция Российской Федерации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 19.09.2023).

² О Стратегии национальной безопасности РФ : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 19.09.2023).

³ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344.

⁴ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 19.09.2023).

⁵ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 19.09.2023).

⁶ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 [подп. «е» п. 4].

⁷ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ [п. 4 ст. 3].

⁸ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 [подп. «е», «д» п. 4].

Развитие гипотезы отражено в понятии «обеспечение национальной безопасности», где «реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направлена на противодействия угрозам национальной безопасности»¹. В законодательстве понятие «национальная безопасность РФ» раскрывается как защита национальных интересов нашей страны от внешних и внутренних угроз. Безусловной угрозой национальной безопасности выступают экстремизм и терроризм, которые не ограничиваются антисоциальной деятельностью внутри одного государства, а затрагивают международное сотрудничество. Субъекты противодействия в «законах представлены как единый макросубъект — государство, сотрудничающее с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремизму и терроризму» [14, с. 86].

Выявление участников противодействия экстремизму и терроризму следует начать с рассмотрения органов государственной власти федерального уровня. Поскольку в правовых источниках не оговаривается, к какой ветви власти относятся субъекты представляющие органы государственной власти, то, вероятно, они представлены органами всех ветвей государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной. Следует заметить, что существуют должности и органы государственной власти с особым правовым статусом.

Законодательным и представительным органом является Федеральное Собрание Российской Федерации². Именно этот орган принимает законы, позволяющие эффективно осуществлять антиэкстремистскую и анти-террористическую деятельность. Он участвует в развитии международных отношений для противодействия международному терроризму и экстремизму, а также распространению оружия массового поражения.

Следующие органы государственной власти представлены судебными органами, реализующими принцип правосудия. Суды рассматривают дела о преступлениях, связанных с экстремизмом и терроризмом, определяют причастность к данной деятельности и выносят решения о степени наказания за них.

Суды, включая военные и гарнизонные, представляют исключительно федеральный уровень государственных органов, поскольку к региональному относятся мировые суды. В полномочия последних не входит рассмотрение экстремистских или террористических материалов.

В главе 7 Конституции РФ содержатся положения о «судебной власти и прокуратуре», но органы прокуратуры не относятся к судебной ветви власти. «Прокуратура Российской Федерации является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции»³. Надзорные функции по исполнению законов, включая противодействию экстремизму и терроризму, осуществляют органы прокуратуры. Согласно ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре «прокурорский надзор за деятельностью правоохранительных органов нацелен на обеспечение верховенства закона; единства и укрепления законности; защиты прав человека; защиты государственных интересов»⁴. Стоит согласиться с мнением А. В. Майорова и Е. Н. Майоровой, что «прокурорский надзор выступает определенным механизмом, обеспечивающим соблюдение законов» [19, с. 33]. Прокуратура РФ представляет орган государственной власти, но имеет особый правовой статус.

Особым правовым статусом обладает и Следственный комитет РФ. Этот орган проводит следственные действия по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности, а также осуществляет международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства.

Следовательно, органы законодательной и судебной власти, а также органы прокуратуры и следствия относятся к субъектам правоотношений противодействия экстремизму и терроризму.

В положениях правовых источников отдельно указаны Президент РФ и Правительство РФ, как основные «координаторы направлений государственной политики, которые устанавливают компетенции федеральных

¹ О Стратегии национальной безопасности РФ : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [подп. 4 п. 5].

² Конституция Российской Федерации. Ст. 94.

³ Конституция Российской Федерации. Ст. 129.

⁴ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 26.09.2023).

органов исполнительной власти и руководят их деятельностью»¹. Президент РФ и Правительство РФ относятся к субъектам противодействия экстремизму и терроризму, они представляют федеральный уровень публичной власти. Президент РФ обладает исключительным правовым статусом и не относится к органам исполнительной власти, но именно в его подчинении находятся органы исполнительной государственной власти. Согласно ч. 3 ст. 110 Конституции РФ, «Правительство РФ руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, за исключением федеральных органов исполнительной власти, руководство которых осуществляет Президент РФ»². Следовательно, «правоохранительными органами и вооруженными силами, так называемым «силовым блоком» руководит Президент РФ, а органами государственной исполнительной власти — Правительство РФ» [15, с. 92].

Законодательством ведущая роль в борьбе с экстремизмом и терроризмом отводится органам исполнительной власти, поскольку они выполняют основные мероприятия, связанные с предупреждением, выявлением и предотвращением деятельности экстремистов и террористов, а также ликвидацией последствий такой деятельности. Основные функции правоохранительных органов и вооруженных сил РФ, а также органов государственной исполнительной власти (гражданских структур), содержатся в законах и нормативных правовых актах по противодействию экстремизму и терроризму, а также в ведомственных правовых источниках этих органов. Непосредственной антитеррористической и антиэкстремистской деятельностью реализуют: ФСБ РФ, МВД РФ, Росгвардия РФ, Министерство обороны РФ, Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Остальные министерства, службы и агентства (Министерство здравоохранения и социального развития РФ, Министерство экономического развития РФ, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федеральное агентство воздушного транспорта и т. д.) относятся к «гражданским» структурам, которые «участвуют в формировании и реализации основных направлений государственной политики

в области противодействия экстремизму и терроризму, но в пределах своих компетенций»³. Они помогают правоохранительным органам и вооруженным силам в реализации государственной политики по борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Должностные лица и органы государственной власти субъектов Российской Федерации продолжают государственную политику противодействия экстремизму и терроризму, а также представляют субъекты правоотношений. На региональном уровне участниками противодействия экстремизму и терроризму руководит «высшее должностное лицо субъекта РФ: «глава республики или губернатор области, края, округа, города федерального значения»⁴. Субъекты правоотношений на региональном уровне представлены органам законодательной и исполнительной власти государственных органов. Законодательным органом субъекта РФ выступает постоянно действующий орган государственной власти субъекта РФ, его наименование и структура устанавливаются с учетом исторических национальных традиций⁵. К исполнительным органам государственной власти субъектов РФ относятся «гражданские» министерства, службы, агентства, а также территориальные правоохранительные органы и вооруженные силы РФ. Основные функции региональных органов исполнительной власти заключаются в реализации совместных действий с министерствами, службами и агентствами органов исполнительной государственной власти федерального уровня.

Продолжением общегосударственной политики в рассматриваемых правоотношениях выступают органы местного самоуправления. В отличие от федеральных и региональных органов они обладают значительно меньшей компетенцией. В приоритетном порядке обязаны осуществлять профилактические мероприятия против экстремизма и терроризма, участвовать в процессе минимизации и ликвидации последствий экстремистской

³ О компетенции федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в области противодействия терроризму: постановление Правительства РФ от 04.05.2008 № 333 [подп. «а» п. 1] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76635/ (дата обращения: 21.09.2023).

⁴ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ [ст. 31] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 19.09.2023).

⁵ Там же, п. 2, 3 ст. 7.

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. Ст. 4.; О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. Ст. 5.

² Конституция Российской Федерации. Часть 3 ст. 110.

и террористической деятельности, согласовывать свои действия и совместно их осуществлять с органами исполнительной власти федерального и регионального уровня. Решать вопросы в данной области уполномочены представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация и другие органы местного самоуправления¹.

Субъекты рассматриваемых правоотношений представлены органами государственной власти федерального уровня всех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. В составе субъектов правоотношений федерального уровня имеются должности и органы с особым правовым статусом: Президент РФ, органы прокуратуры и следственного комитета. На региональном уровне участниками выступают органы законодательной и исполнительной государственной власти. Продолжают общегосударственную борьбу с экстремизмом и терроризмом органы местного самоуправления.

В положениях законодательства по противодействию экстремизму и терроризму совместно с органами публичной власти активное участие в борьбе с антисоциальными явлениями отводится институтам гражданского общества и международному сотрудничеству.

Сегодня понятие «гражданское общество» большинство политологов рассматривает как «социально-экономическую основу демократического государства» [16, с. 124]. Как замечает В. В. Меркулов «гражданское общество представляет собой сферу нерегулируемого самовыражения свободных личностей и образовавшихся добровольно организаций граждан, которую необходимые законы защищают от непосредственного вмешательства и необоснованной регламентации со стороны органов государственной власти» [17, с. 128]. Гражданское общество представляет собой многогранную категорию, включающую как отдельного индивида, так и негосударственные организации. Следует отчасти согласиться с позицией Д. Г. Шустрова, «отмечающего двуединую сущность института гражданского общества, которая включает, с одной стороны, объединения людей (в том числе общественные объединения, семью как социальный институт, средства массовой информации,

а также местное самоуправление), а с другой — ценности, на которых основывается гражданское общество и которыми руководствуются ее элементы, прежде всего гуманизм, верховенство права, плюрализм, свобода, демократия, равноправие, светскость, собственность, свобода труда, экономическая свобода, конкуренция и др.» [18, с. 48]. В этой связи, важное значение занимает формирование в гражданском обществе общей идеологии негативного отношения к проявлениям экстремизма и терроризма, а также понимания юридической ответственности за действия, связанные с распространением, хранением или изготовлением экстремистских и террористических материалов, либо финансирование такой деятельности.

Между тем, частично соглашаясь с позицией автора следует заметить, что семья является объединением индивидов, которые могут состоять из граждан РФ и не граждан (иностранцев граждан и лиц без гражданства). Последняя категория может управлять на местном уровне, а также создавать негосударственные организации. Так, «иностранцы граждане, постоянно или преимущественно проживающие на территории муниципального образования, обладают при осуществлении местного самоуправления правами в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами»². При этом, в законодательстве прямо предусмотрена ответственность «граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства за осуществление экстремистской деятельности в форме административной, уголовной и гражданско-правовой»³. Следовательно, представленные категории индивидов являются участниками отношений по противодействию экстремизму и терроризму, которые непосредственно осуществляют борьбу с антисоциальными явлениями или против них самих проводится подобная деятельность.

Выступая элементами гражданского общества общественные и религиозные организации, средства массовой информации способны влиять на сознание людей и охватывать значительно большую аудиторию, поэтому государственные органы внимательно следят за недопустимостью распространения ими или с их помощью экстремистской и террористической информации. В случае выявления

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ [ст. 14, 15, 16] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 21.09.2023).

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ. Часть 1 ст. 3.

³ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. Ст. 15.

подобной деятельности общественные и религиозные организации, а также средства массовой информации привлекаются к юридической ответственности, а их деятельность запрещается.

Объединяет субъекты федерального, регионального, местного уровней и институты гражданского общества в осуществлении деятельности по противодействию экстремизму и терроризму межведомственное и международное сотрудничество. Межведомственное сотрудничество на территории России по противодействию экстремизму и терроризму представлено Национальным антитеррористическим комитетом и Межведомственной комиссией по противодействию экстремизму. Эти организации формируют единую систему межведомственного сотрудничества в борьбе с экстремизмом и терроризмом, а также объединяют и связывают деятельность в этой сфере отношений органов публичной власти и институты гражданского общества.

Межведомственное сотрудничество не ограничивается исключительно территорией Российской Федерации, оно включает сотрудничество на международном уровне. Международное сотрудничество выражается как в целом от имени российского государства, так и сотрудничеством с отдельными иностранными организациями или органами. Например, Организация Объединенных Наций и Совет Безопасности при ООН, где Россия является постоянным членом, который участвует в международных отношениях, связанных с противодействием экстремизму и терроризму. Органы государственной власти и особенно правоохранительные органы, сотрудничают с международными организациями Интерпол, Европол и т. д. Получается, что все эти органы и организации можно отнести к субъектам рассматриваемых правоотношений.

Таким образом, установлено, что субъекты противодействия экстремизму и терроризму не ограничены органами публичной власти, их количественный состав расширяют участники представляющие, институты гражданского общества и международные отношения.

Конкретизация субъектов противодействия экстремизму и терроризму позволила сформировать подход для их классификации. Классификация проводится с учетом установленной между субъектами связи и осуществляемой деятельности.

Во-первых, классифицировать субъекты правоотношений возможно по уровню управления. Он соответствует распределению

органов государственной власти и органов местного самоуправления в единой системе уровней публичной власти предусмотренных Конституцией РФ¹, но только частично, поскольку субъекты правоотношений не все являются таковыми. Субъекты, не относящиеся к органам публичной власти можно распределить по полномочиям, которые они выполняют в занимаемой структуре и соответствуют уровню: федеральный, региональный и местный. К субъектам, составляющим федеральный уровень, относятся: федеральные органы государственной власти, средства массовой информации федерального значения, международное сотрудничество с организациями или органами, верховные религиозные и центральные общественные организации. К региональному уровню относятся: органы государственной власти субъектов РФ (региональные органы), региональные средства массовой информации, соответствующие данному уровню общественные и религиозные организации. К местному уровню субъектов относятся: граждане РФ, лица без гражданства, иностранные граждане², общественные и религиозные организации местного уровня, органы местного самоуправления.

Во-вторых, субъекты правоотношений представлены как в единственном числе, так и группой. Следовательно, их можно классифицировать по количественному составу. К субъектам, представленным в единственном числе относятся: Президент РФ, Генеральный прокурор РФ, иностранное государство, глава республики, края, области, округа, города федерального значения, глава муниципального образования, гражданин РФ, лицо без гражданства, иностранный гражданин. Субъекты правоотношений, состоящие их из двух и более числа участников, образуют группу субъектов, к ним относят: министерства, службы, агентства, организации, объединения.

В-третьих, классификацию можно проводить по территории взаимодействия субъектов правоотношений. Субъекты осуществляют противодействие экстремизму и терроризму непосредственно на территории Российской Федерации, их внутригосударственное взаимодействие основано на связи и сотрудничестве между отечественными органами, организациями и индивидами. Другое взаимодействие связано с международным сотрудничеством, представленным между двумя государствами или несколькими странами,

¹ Конституция РФ. Ст. 132.

² Там же, ч. 3 ст. 62.

а также сотрудничеством отечественных органов и организаций с международными.

Заключение

Проведенное исследование действующего отечественного законодательства по противодействию экстремизму и терроризму, позволило выявить значительное количество субъектов данных правоотношений. Субъекты противодействия экстремизму и терроризму представленные органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в действительности не охватывают всех участников, что соответствует выдвинутой гипотезе и согласуются с положениями законодательства.

В результате исследования установлено, что субъектами противодействия экстремизму и терроризму выступают как органы публичной власти, так и субъекты, которые представляют институты гражданского общества и международные отношения. Рассмотренные отношения между субъектами позволили выработать подход для их классификации. Классифицировать субъекты антитеррористической и антиэкстремистской деятельности предлагается: 1) по уровню властных полномочий или управления: федеральный,

региональный, местный; 2) по количественному составу: единичный или групповой субъект; 3) по территории деятельности: внутригосударственной или международной.

Полученные результаты исследования позволяют конкретизировать субъектов, участвующих в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Исследование расширяет теоретические знания о количественном составе субъектов, формирует понимание степени участия каждого из них в противодействии экстремизму и терроризму, на какой территории осуществляется их деятельность и взаимодействие, а также какими полномочиями они обладают.

Выявленный состав субъектов противодействия экстремизму и терроризму позволяет систематизировать знания о рассматриваемых правоотношениях, а также пересмотреть предложенное в законодательстве понятие «субъекта», с учетом выявленных участников, представляющих институты гражданского общества и международные отношения. Предложенная классификация субъектов может быть использована, раскрыта и дополнена в последующих научных исследованиях многообразного состава участников антитеррористической и антиэкстремистской деятельности.

Список источников

1. Боричев К. В., Павлик М. Ю. О роли органов государственной охраны в противодействии терроризму // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 94–103.
2. Николаева Н. В., Исаева Л. А. Роль и место правоохранительных органов Российской Федерации в противодействии экстремизму и терроризму // Colloquium-Journal. 2019. № 25-10 (49). С. 80–81. EDN: YJZWUZ.
3. Абазов А. Б. Взаимодействие органов внутренних дел Российской Федерации и местного самоуправления в противодействии экстремизму и терроризму // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 3. С. 75–79. EDN: CUETIJ.
4. Гатауллин Р. А. Взаимодействие государственных органов власти и органов субъектов Российской Федерации в сфере противодействия терроризму / Р. А. Гатауллин // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9, № 2 (34). С. 79–87. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-2-9. EDN XHUPKE.
5. Кувардин В. В., Богомолова К. И. Роль органов прокуратуры в противодействии экстремизму и терроризму в современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2 (151). С. 244–250. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-2-244-250 EDN: FUXHXW.
6. Петренко М. В. Роль современных СМИ в борьбе с террористическими угрозами // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. № 4-5. С. 56–63. DOI: 10.26653/2076-4685-2017-4-5-06 EDN: TAOIFE.
7. Сальников Е. В. Органы местного самоуправления как субъект противодействия экстремизму // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 6. С. 21–35. EDN: KXMSXN.
8. Мальчук Д. А. Роль таможенных органов в предупреждении преступлений экстремистской направленности // Вопросы российской юстиции. 2022. № 18. С. 441–449. EDN BVKCVV.
9. Мухамеджанова Г. Х. Предмет и пределы прокурорского надзора в сфере противодействия терроризму и экстремизму в сети Интернет // Социальное управление. 2023. Т. 5, № 6. С. 240–246. EDN: KWWWKUS.
10. Макушев И. Г. Понятие взаимодействия субъектов противодействия терроризму в Российской Федерации и его правовое регулирование и некоторые проблемы правового регулирования // Закон и право. 2018. № 6. С. 146–147.

11. Антонов Я. А. Особенности деятельности государственных органов и актуальные проблемы право применения в сфере противодействия терроризму // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 34–38.

12. Макушев И. Г. Правовое обеспечение взаимодействия субъектов противодействия терроризму в концепции противодействия терроризму в Российской Федерации // Национальная безопасность России: актуальные аспекты : мат. Всеросс. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 29 марта 2018 г.) Санкт-Петербург : ГНИИ Нацразвитие, 2018. С. 114–120.

13. Аверин А. Н., Понеделков А. В., Колимбет П. С., Стельмах С. А. Субъекты противодействия экстремизму // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Право. 2020. № 9. С. 77–82.

14. Профилактика экстремизма в молодежной среде : учебное пособие для вузов / А. В. Мартыненко [и др.] ; под общей редакцией А. В. Мартыненко, Л. А. Потаповой. 2-е изд. перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. 297 с.

15. Чепурнова Н. М. Сущность и содержание конституционного принципа разделения властей в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 86–94. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10077 EDN: WRJNAM.

16. Политология : учебник / коллектив авторов ; под. ред. В. И. Буренко. 2-е изд., стер. Москва : КНОРУС, 2013. 392 с.

17. Меркулов П. А. Политология : учебник для бакалавров, обучающихся по специальности «Организация работы с молодежью». Орел : Издательство Орловского филиала РАНХиГС, 2015. 328 с.

18. Шустров Д. Г. Институты гражданского общества: виды, взаимодействие, эффективность // Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы : монография / под ред. С. А. Авакьян. Москва : Юстицинформ, 2015. С. 46–62.

19. Майоров А. В., Майорова Е. Н. Прокурорский надзор за деятельностью правоохранительных органов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7. № 4. С. 32–38. DOI: 10.47475/2618-8236-2022-17406 EDN: GYGDEP.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 29.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 30.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

Научная статья
УДК 343.35
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-211-215

С. 211–215

КОРРЕЛЯЦИЯ КАТЕГОРИЙ В СИСТЕМЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Ольга Константиновна Хотькина

Академия ФСИН России, Рязань, Россия

O_Khotkina@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0009-1165-2198>

Аннотация. Статья посвящена анализу основных категорий и мер борьбы с коррупцией в Российской Федерации. В качестве объекта исследования выступили общественные отношения, нарушаемые преступлениями коррупционной направленности. Предмет исследования составили основные понятия антикоррупционного законодательства, их взаимосвязь, меры и способы противодействия коррупции, которые способны обеспечить безопасность общества от коррупционных преступлений.

Теоретической базой исследования выступили концептуальные положения и взгляды ученых-криминологов. В процессе исследования использовались как общенаучные методы (анализ, синтез, описание, систематизация, индукция, сравнение и диалектический метод), так и частнонаучные методы (формально-юридический и системный). В качестве цели исследования выступили особенности и тенденции коррупционной преступности, соотношение основных категорий, используемых в антикоррупционном законодательстве, выявление криминологических мер борьбы с преступностью коррупционного характера.

Для достижения цели исследования были решены следующие задачи: проанализировано действующее законодательство в части противодействия коррупции; изучены действующие меры по минимизации коррупционных правонарушений.

Аналізу подверглись такие категории антикоррупционного законодательства как «предупреждение коррупции», «профилактика коррупции», «пресечение коррупционных преступлений», «системная коррупция».

Исследование вопроса коррупции позволило сделать вывод, что термины, используемые законодателем, требуют доработки. Изучение основных категорий, связанных с коррупционной преступностью, помогло выделить характерные данному явлению признаки. Результатом работы явилось выделение комплексных предупредительных мер коррупции на основе ее характерных признаков.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, признаки коррупции, противодействие коррупции, меры борьбы, предупреждение, профилактика, комплекс мероприятий

Для цитирования: Хотькина О. К. Корреляция категорий в системе антикоррупционного законодательства России // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 211–215. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-211-215

Research article

CORRELATION OF CATEGORIES IN THE SYSTEM ANTI-CORRUPTION LEGISLATION IN RUSSIA

Olga K. Khotkina*Academy of Law Management
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
O_Khotkina@mail.ru* <https://orcid.org/0009-0009-1165-2198>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main categories and measures to combat corruption in the Russian Federation. The object of the study was public relations violated by crimes of corruption. The subject of the study was the basic concepts of anti-corruption legislation, their relationship, measures and methods of combating corruption, which can ensure the safety of society from corruption crimes.

The theoretical basis of the study was the conceptual provisions and views of criminologists. During the research process, both general scientific methods (analysis, synthesis, description, systematization, induction, comparison and dialectical method) and specific scientific methods (formal legal and systemic) were used. The purpose of the study was the features and trends of corruption crime, the correlation of the main categories used in anti-corruption legislation, and the identification of criminological measures to combat corruption-related crime.

To achieve the purpose of the study, the following tasks were solved: the current legislation in terms of combating corruption was analyzed; the current measures to minimize corruption offenses were studied.

Such categories of anti-corruption legislation as “prevention of corruption”, “prevention of corruption”, “suppression of corruption crimes”, “systemic corruption” were subjected to critical analysis.

The study of the issue of corruption led to the conclusion that the terms used by the legislator require improvement. The study of the main categories associated with corruption crime helped to identify characteristics characteristic of this phenomenon. The result of the work was the identification of comprehensive preventive measures for corruption based on its characteristic features.

Keywords: corruption, corruption crimes, signs of corruption, anti-corruption, countermeasures, prevention, prophylaxis, set of measures

For citation: Khotkina OK. Correlation of categories in the system anti-corruption legislation in Russia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):211-215. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-211-215 (In Russ.)

Введение

В современной России коррупция преобразовалась в системное явление, которое постоянно пребывает в структуре социума, оказывая негативное влияние на общественные отношения и социальные связи. О масштабах коррупции в нашей стране свидетельствуют многочисленные факты, которые общеизвестны. Практически каждый житель Российской Федерации с момента рождения (медицинское обслуживание) и кончая смертью (продажа мест на кладбище) становится элементом системной коррупции.

Основой финансовой базы, обеспечивающей коррупцию, является теневая экономика — одно из направлений деятельности организованной преступности. Эти незаконные

действия усиливают экономические риски для населения. Таким образом, коррупция является не следствием бедности, а ее причиной. Поэтому важнейшей задачей современного общества является ограничение коррупции и недопущение ее становления как средства решения проблем или получения желаемого.

В настоящем исследовании были проанализированы основные категории антикоррупционного законодательства, по итогам чего был ряд правовых.

Материалы интерактивных социологических опросов, свидетельствуют о негативном отношении респондентов к коррупции, которые дают очень высокую оценку уровню зараженности коррупцией во всех ветвях власти [1, с. 56].

Описание исследования

Коррупция может принимать такие формы, как взяточничество, фаворитизм, nepotизм, лоббизм, протекционизм, семейственность, противозаконная приватизация и т. д.

Существуют различные классификации коррупционных деяний. Однако выделение исчерпывающего перечня видов коррупции не представляется возможным.

В современной литературе мы наблюдаем появление нового понятия коррупции — системная коррупция. Данная категория упоминается практическими работниками и учеными-криминологами, когда они хотят подчеркнуть криминальную организованность государственных служащих, служащих негосударственных организаций в единое преступное сообщество (систему) для продажи властных полномочий [2, с. 220].

Одной из важнейших мер является предупреждение коррупции. При этом в законодательстве Российской Федерации нет нормативно закрепленного определения и разграничения данной меры со смежными категориями, такими, например, как профилактика.

На наш взгляд термины «предупреждение» и «профилактика» коррупционной преступности не являются тождественными понятиями. В то же время в юридической литературе существует мнение, что вышеупомянутые термины категорически отличаются друг от друга.

Утверждается, что профилактика применяется к каким-либо преступлениям в тот момент, когда появляется информация о планируемых преступных деяниях. А. И. Долгова считает, что «в подобных случаях профилактика служит переходным мостом между предупреждением преступности и правоохранительной деятельностью» [3, с. 320].

По мнению Л. А. Ефименко, предупреждение и профилактику преступлений можно сопоставить как род с видом [4, с. 26].

Так, например, понятие «пресечение коррупционных преступлений» взаимосвязано с профилактикой и предупреждением коррупции. Пресечением преступных коррупционных деяний называется комплекс мер, нацеленных на своевременное выявление признаков покушения на коррупционное преступление, чем обуславливается принятие мер по борьбе с коррупцией.

Исходя из этого, предупреждение коррупционных преступлений способствует пресечению коррупции, что ограждает потенциального коррупционера от совершения им преступных деяний.

Профилактика коррупции, в свою очередь, подразумевает под собой выявление планируемых, предполагаемых коррупционных преступлений и устранение коррупционных предпосылок.

Таким образом, можно предположить, что профилактика коррупции и предупреждение коррупции являются отличными друг от друга понятиями.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» является основополагающим нормативным актом и закрепляет основные меры борьбы с коррупционными преступлениями¹.

В соответствии с социологическими опросами, проводимыми в онлайн режиме, одной из самых простых, но действенных мер борьбы с коррупцией является обязательная ежегодная открытая отчетность о доходах и имуществе должностных лиц и их родных [1, с. 57]. Также надо отметить, что, по мнению респондентов этих интерактивных социологических опросов, политика, направленная против коррупции, требует применения антикоррупционных мер не только в аппарате публичной власти, но и во всех сферах жизни общества [1, с. 57].

Министерство труда Российской Федерации, например, признает важным улучшение средств поощрения гражданских служащих, которые информируют о попытках их склонения к совершению коррупционного преступления².

Также, в «Методике формирования и развития профессиональной культуры государственного органа» закреплено, что «для того, чтобы исключить проступки гражданских служащих, которые не могут быть совместимы с заявленными требованиями к их поведению, необходимо регулярное проведение комплекса разъяснительных мероприятий, подчеркивая при этом важность передачи информации о предполагаемых коррупционных преступлениях, нарушениях требований заявляемых к поведению должностных лиц и пр.»³.

Считаем допустимым разъяснение в локальных актах организаций всех форм собственности антикоррупционных стандартов.

¹ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 25.08.2023).

² Методика формирования и развития профессиональной культуры государственного органа : утв. Минтрудом России // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315498/ (дата обращения: 28.08.2023).

³ Там же.

Например, установление признаков, разграничивающих невозможность получения подарка в силу «взяточнического» подтекста, регулирование иной оплачиваемой деятельности, владение ценными бумагами и т. д.

Так, в антикоррупционном законодательстве термин «коррупция» сведен к обычному перечислению посягательств, обозначающих суть преступности в должностной сфере, на самом деле подменяющих понятие коррупции.

Важно отметить, что в определении коррупции, которое закреплено законодателем, указано на противозаконный характер деяния¹. Однако лицо в состоянии извлекать противозаконную выгоду за исполнение законных действий, которые закреплены в качестве его прямых обязанностей. Например, получение взятки за моментальное решение вопроса с «необходимым» результатом, что и так входит в его должностные обязанности.

Целесообразно выделение категории «коррупция» как отдельного наказуемого деяния, характеризуемого определенными признаками, что позволит четко наличие коррупционного состава преступления в действиях виновного.

Ущерб, вызванный коррупционными преступлениями, не часто представляется однозначным и понятным по причине трудности точной квалификации коррупционных деяний.

Полагаем, что термин «коррупция» требует доработки законодателем, так как закрепление однозначного и точного толкования терминов в нормативных правовых актах — это один из важнейших механизмов минимизации неблагоприятных последствий. Именно точное формулирование термина «коррупция» в законодательстве способствует внесению ясности и эффективности борьбы с преступлениями коррупционного характера.

Кроме того, для успешной профилактики коррупции на всех уровнях государственного управления прослеживаем необходимость:

- 1) создания и внедрения плановой политики по борьбе с коррупцией как на всех уровнях, а также в каждой организации и учреждении, не зависимо от форм собственности;
- 2) взаимодействия с правоохранительными органами в целях борьбы с коррупцией;
- 3) утверждения источников и каналов информации о предполагаемых коррупционных преступлениях, путем мониторинга

специальным отделом, информированием в средствах массовой информации, социальных сетях;

4) проведения коллективных инициатив, направленных на противодействие коррупции;

5) осуществления мониторинга эффективности внедрения мер, предупреждающих коррупцию.

Реализация комплекса мероприятий, направленных на достижение определенных результатов в борьбе с коррупцией, минимизация и устранение последствий коррупционных преступлений олицетворяет цели Указа Президента Российской Федерации «О национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы»².

Основными антикоррупционными мероприятиями, способствующими предупреждению коррупции и минимизации последствий коррупционных преступлений, должны стать:

1) развитие системы обязанностей заповедей, ограничений, установленных в целях борьбы с коррупцией;

2) проведение внутриведомственного контроля, привлечение к ответственности лиц в случае несоблюдения норм права в сфере борьбы с коррупцией;

3) улучшение механизмов надзора за доходами и расходами, в том числе направление информации в органы прокуратуры Российской Федерации для национализации имущества, в отношении которого отсутствуют сведения, повествующие о приобретении его на законные и легальные доходы;

4) анализ действующего законодательства по борьбе с коррупцией для его систематизации, а также ликвидация противоречий и пробелов [5, с. 126].

Заключение

Итоги проведенного исследования состоят в достижении его целей и решении поставленных задач по разъяснению категорий антикоррупционного законодательства, исследованию их корреляции и выявлению основных направлений и мер по борьбе с коррупцией.

К числу мер, которые требуют развития и регламентации в сфере профилактики коррупции можно отнести проведение анализа коррупционных рисков, развитие

¹ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 25.08.2023).

² О национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы : Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999/ (дата обращения: 25.08.2023).

использования современных технологий с целью более обширного антикоррупционного просвещения граждан и выявления коррупционных схем, предоставление обязательного отчета лицами об имеющемся у них имуществе и доходах, которые явно несоразмерны их заработным платам.

Предлагается установление разъяснений в локальных актах антикоррупционных стандартов, таких как создание и внедрение внутренней политики, взаимодействие с правоохранительными органами, утверждение источников и каналов информации о предполагаемых коррупционных преступлениях,

совершенствование системы запретов и дозволений.

На сегодняшний день коррупция является серьезнейшей угрозой для всего мира, в том числе и нашего государства. Коррупционные преступления порождают немалое количество негативных последствий. Коррупционная преступность оказывает влияние на рост теневой экономики, приводит к ослаблению государственного бюджета, уменьшению налоговых поступлений. Бесспорно, что противостояние такому негативному явлению, как коррупция, явно остается актуальным, что и позиционирует дальнейшие исследования в этой области.

Список источников

1. Бажанов С. А. К вопросу о некоторых проблемах коррупции в современной России (по материалам интерактивного социологического опроса) // Образование и право. 2023. № 4. С. 55–57.
2. Скаков А. Б. О повышении эффективности борьбы с коррупцией в Республике Казахстан // Шестые юридические чтения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Сыктывкар, 2019. С. 210–224.
3. Долгова А. И. Криминология / А. И. Долгова, 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. 368 с.
4. Ефименко Л. А. Криминологический анализ взаимосвязи правосознания и преступности несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 217 с.
5. Хотькина О. К. Приоритетные направления противодействия коррупции в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (74). С. 123–128.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 21.09.2023/16.10.2023.
Дата рецензирования статьи / Revised: 27.09.2023/25.11.2023.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 34.341
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-216-222

С. 216–222

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ СПОРТСМЕНОВ
ПО ДЕЛАМ ОБ «АНТИДОПИНГОВОЙ ЧИСТОТЕ»****Ангелина Сергеевна Чернядьева***Юрисконсульт ООО «ВЕК», Симферополь, Россия**lina1198@inbox.ru* <https://orcid.org/0000-0001-8121-0963>

Аннотация. В статье проанализированы особенности международно-правового контроля за употреблением спортсменами запрещенных веществ и проведен сравнительно-правовой анализ отечественных правил обеспечения «чистоты» спорта и международных. В работе показано, что современные методы международно-правовой защиты прав спортсменов в этой сфере несовершенны и нуждаются в существенной доработке. Автором были проанализированы процессуальные аспекты антидопинговых проверок, влияющих на уровень международно-правовой защиты прав спортсменов, на примере ситуации с российской фигуристкой К. Валиевой.

Раскрыты правовые недостатки антидопингового расследования в отношении российской фигуристки, связанные с нарушением прав человека. Показано, что режим защиты прав несовершеннолетних спортсменов носит условный характер и не может считаться эффективным. Это не соответствует международно-правовым стандартам повышенной защиты прав ребенка (как уязвимого лица) и особым условиям привлечения его к ответственности.

Ключевые слова: антидопинговая чистота, допинг, международно-правовой контроль, антидопинговые правила, защита прав спортсменов, права человека

Для цитирования: Чернядьева А. С. Процессуальные аспекты международно-правовой защиты прав спортсменов по делам об «антидопинговой чистоте» // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 216–222. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-216-222

Research article

**PROCEDURAL ASPECTS
OF THE INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF THE RIGHTS
OF ATHLETES IN CASES “ANTI-DOPING PURITY”****Angelina S. Chernyadyeva***Legal Adviser of ООО “VEK”, Simferopol, Russia**lina1198@inbox.ru* <https://orcid.org/0000-0001-8121-0963>

Abstract. The article analyzes the peculiarities of international legal control over the use of prohibited substances by athletes and provides a comparative legal analysis of domestic and international rules to ensure the “purity” of sport. The paper shows that modern methods of international legal protection of athletes’ rights in this sphere are imperfect and need significant

improvement. The author analyzed the procedural aspects of anti-doping inspections that affect the level of international legal protection of athletes' rights, using the example of the situation with the Russian figure skater K. Valieva.

The legal shortcomings of the anti-doping investigation against the Russian figure skater related to the violation of human rights were revealed. It is shown that the regime of protection of the rights of juvenile athletes is conditional and cannot be considered effective. It does not comply with international legal standards of increased protection of the rights of the child (as a vulnerable person) and special conditions for bringing him/her to responsibility.

Keywords: anti-doping purity, doping, international legal controls, anti-doping rules, protection of athletes' rights, human rights

For citation: Chernyadyeva AS. Procedural aspects of the international legal protection of the rights of athletes in cases "anti-doping purity". *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):216-222. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-216-222 (In Russ.)

Введение

Внимание к сфере спорта обусловлено его значимостью для всего мирового сообщества. По мнению Генеральной Ассамблеи ООН (далее — ГА ООН), одна из главных функций спорта — «...развитие человеческого потенциала, сокращение масштабов нищеты, гуманитарная помощь, укрепление здоровья, профилактика ВИЧ/СПИДа, воспитание детей и молодежи, равенство мужчин и женщин и устойчивое развитие»¹.

В Программе ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. отмечена важная роль спорта как фактора в области социального прогресса. По мнению ООН, спорт «способствует утверждению принципов терпимости и уважения и содействует расширению прав и возможностей женщин и молодежи, отдельных лиц и общин, а также достижению целей в области здравоохранения, образования и социальной интеграции»².

По справедливому замечанию К. А. Бекашева, наиболее важной обязанностью всех государств в соответствии с Уставом ООН является уважение прав человека и его основных свобод во все сферах жизни общества [1, с. 167–168; 2, с. 119–220; 3, с. 48–54].

На протяжении многих лет наши спортсмены добиваются больших успехов на международных соревнованиях. Практика последних

лет участия российских атлетов на соревнованиях мирового уровня (чемпионаты мира, Олимпийские игры и т. д.) показала, что в большинстве видов спорта (лыжный спорт, плавание, женское одиночное фигурное катание) российские спортсмены показывают блестящие результаты и завоёвывают призовые места. Россияне стали побеждать даже в тех видах спорта, в которых у страны не было наград высшей пробы на протяжении длительного времени (например, пловец Е. Рылов завоевал первую за 25 лет золотую медаль в плавании).

Однако, в это же время, в ряде видов спорта ситуация остается сложной. Например, значительно ухудшилось положение российских спортсменов, выступающих в легкой атлетике. С момента дисквалификации Общероссийской общественной организации «Всероссийская федерация легкой атлетики» РФ лишилась возможности проводить на своей территории международные соревнования по данному виду спорта, а также выступать на них под национальным флагом и с использованием национального гимна³.

Спортивные достижения — результат не только кропотливого и долгого труда атлетов, но и заслуга государства, которое на протяжении многих лет непрерывно уделяет большое внимание сфере спорта, в том числе — «чистоте» завоеванных наград. В нашей стране первые правила по борьбе с допингом были приняты в 2011 году приказом

¹ Утверждение мира и построение более счастливой жизни на планете посредством спорта и воплощения олимпийских идеалов : Резолюция ГА ООН от 06 ноября 2013 г. A/RES/68/9. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/68/9> (дата обращения: 20.09.2023).

² См.: Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. A/RES/70/1. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

³ Прощай, королева спорта. Россию вычеркнут из легкой атлетики? // Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/sport/summer/proshchay_koroleva_sporta_rossiyu_vycherknut_iz_legkoj_atletiki (дата обращения: 20.09.2023) ; РУСАДА выявило 16 случаев нарушения антидопинговых правил с начала 2022 года // Спорт Экспресс. URL: <https://www.sport-express.ru> (дата обращения: 20.09.2023).

Министра спорта РФ № 311. Цель их принятия — недопущение употребления запрещенных в спорте препаратов российскими спортсменами и борьба с ними на национальном уровне¹.

24 июня 2021 года Приказом Министра спорта РФ № 464 были утверждены Общероссийские антидопинговые правила². Новые меры по борьбе с допингом представляют собой специфический комплекс спортивных правил и процедур, нацеленных на всеобщее и скоординированное применение способов борьбы с допингом (далее — антидопинговые правила). Отечественное антидопинговое законодательство благотворно повлияло на результаты борьбы с применением запрещенных веществ, стимулируя атлетов вести «честную борьбу» за медали [4, с. 377]. Согласно отчету РУСАДА, за 2022 год было выявлено всего 16 новых случаев употребления допинга, что составляет 0,14 % от общего числа взятых проб (всего за весь 2022 г. было взято 11 053 проб)³.

Также в рамках борьбы с допингом РУСАДА выпустило Справочное руководство для спортсменов по Всемирному антидопинговому кодексу (далее — ВАДА). Цель данного пособия — помочь спортсменам понять антидопинговые правила (часть 1 Справочника). Таким образом, антидопинговое агентство РФ заинтересовано в том, чтобы борьба с употреблением допинга была плодотворной и результативной.

Постановка проблемы

Борьба с употреблением допинга ведется не только на национальном, но и на международном уровне. 19 февраля 2005 г. по инициативе ЮНЕСКО была принята Международная конвенция по борьбе с допингом в спорте. Ее целью является содействие предотвращению применения допинга в спорте и борьба с ним в интересах его искоренения (ст. 1)⁴. Конвенцию можно считать авторитетным источником

международного права: ее участниками являются 189 государств⁵.

В соответствии со ст.12 настоящей Конвенции государства — участники поощряют и поддерживают проведение допинг-контроля в период проведения соревнований и во внесоревновательный период. Также участники поощряют и поддерживают заключение между спортивными организациями и антидопинговыми организациями соглашений, позволяющих их участникам проходить тестирование надлежащим образом уполномоченными группами допинг-контроля из других стран.

Помимо этого государства, ратифицировавшие Конвенцию, обязуются оказывать содействие находящимся под их юрисдикцией спортивным организациям и антидопинговым организациям в получении доступа к аккредитованной лаборатории допинг-контроля для проведения анализов в целях проведения допинг-контроля.

Подчеркнем, что вышеназванные обязанности государства, прежде всего, направлены на борьбу с применением допинга *внутри государства* [5, р. 106]. Однако, данная Конвенция также предусматривает международное сотрудничество в рамках международной борьбы с применением запрещенных веществ (раздел 3 Конвенции).

Например, согласно ст. 14 государства содействуют сотрудничеству между антидопинговыми организациями, находящимися под их юрисдикцией и под юрисдикцией иностранных государств.

Обращает внимание, что есть нормативная связь между нормами Конвенции и деятельностью ВАДА. Так, в преамбуле Конвенции прямо указывается на необходимость принимать во внимание Всемирный антидопинговый кодекс, принятый Всемирным антидопинговым агентством (2003 г.); ст. 16 предусматривает международное сотрудничество в области проведения допинг-контроля. Среди принимаемых мер можно выделить: оказание содействия в обеспечении своевременного передвижения через границы надлежащим образом уполномоченных групп допинг-контроля при проведении мероприятий по допинг-контролю (п. «b»); сотрудничество в целях содействия своевременной транспортировке или перемещению через границы проб таким образом, чтобы обеспечить их безопасность

¹ Об утверждении общероссийских антидопинговых правил : приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ от 21 апреля 2011 г. № 307 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071816/> (дата обращения: 20.09.2023).

² Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил : приказ Минспорта России от 24.06.2021 № 464 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389373/ (дата обращения: 20.09.2023).

³ РУСАДА с января по август взяло у спортсменов около 8 тысяч проб // Спорт Экспресс. URL: <https://www.sport-express.ru> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте от 19 октября 2005 г. // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2835.

⁵ Status of ratification of conventions and agreements adopted under the auspices of UNESCO (as at 1 July 2021). URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378425_eng (дата обращения: 20.09.2023).

и сохранность (п. «с»); содействие заключению и реализации договоренностей о взаимном тестировании между назначенными в соответствии с Кодексом антидопинговыми организациями (п. «f»). Очевидно, что в данном случае имеется в виду прежде всего ВАДА.

В связи с этим отметим еще одну важную норму Конвенции — требование соблюдать права человека, установленные в международных документах (преамб). Думается, что таким образом авторы Конвенции выстраивали связующий механизм (сотрудничество государств — деятельность ВАДА — обеспечение прав спортсменов). Это особенно важно, так как, как мы увидим в дальнейшем, в документах Антидопингового агентства защите прав спортсменов не уделяется должного внимания.

Обсуждение

В ходе последней зимней олимпиады разразился абсурдный и надуманный допинговый скандал с российской фигуристкой К. Валиевой, который показал несовершенство механизма обеспечения и защиты прав спортсменов в антидопинговой сфере. Спортсменка была одной из главных претенденток на золотую медаль Олимпиады-2022, она является чемпионкой Европы 2022 г. и обладательницей трех мировых рекордов¹. Выступление российских фигуристок, в том числе К. Валиевой, должно было запомниться российским болельщикам полностью «российским» пьедесталом в женском одиночном фигурном катании.

После проведения олимпийских командных соревнований в адрес спортсменки, завоевавшей титул олимпийской чемпионки, были выдвинуты обвинения в употреблении запрещенного препарата — триметазида. Обвинения были выдвинуты на основе вскрытых проб К. Валиевой, взятых в декабре 2021 года². Из-за этого была отложена, потом перенесена, а в дальнейшем отменена процедура награждения победителей и призеров командных соревнований по фигурному катанию.

В данной статье мы постараемся раскрыть некоторые вопросы, которые возникли в ходе анализа этой ситуации и выявить нарушения прав человека, допущенные международными антидопинговыми организациями в ходе антидопингового расследования в отношении К. Валиевой.

¹ Валиева Камила Валерьевна // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Валиева,_Камила_Валерьевна (дата обращения: 20.09.2023).

² Допинговый скандал вокруг Камилы Валиевой // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Допинговый_скандал_вокруг_Камилы_Валиевой (дата обращения: 20.09.2023).

После окончания Олимпийских игр — 2022 в Пекине Спортивный арбитражный суд (*The Court of Arbitration for Sport*) (далее — CAS) выпустил релиз, согласно которому было начато судебное расследование по делу К. Валиевой; его временные рамки «для вынесения окончательного решения» не представляется возможным определить³.

26–28 сентября 2023 г. состоялись слушания по делу. Однако они не увенчались результатом. Спортивный арбитражный суд отложил рассмотрение дела до 9–10 ноября 2023 г.⁴. К этой дате коллегия арбитров CAS завершит процедуру сбора доказательств и суд заслушает заключительные заявления сторон. После заслушивания показаний сторон Суд должен вынести вердикт.

Неоспоримо, что защита прав человека должна носить правовой характер [6, с. 5–6; 7, р. 182–184]. Очевидное затягивание разрешения дела К. Валиевой свидетельствует об неэффективности механизмов защиты прав спортсменов в ВАДА и CAS. Анализируемая ситуация породила множество вопросов.

1. Обвинение было выдвинуто 8 февраля 2022 года по результатам проб, сданных К. Валиевой в декабре 2021 г.⁵ Следовательно, анализы проверялись 1,5 месяца. Возникает вопрос: *в чем была причина столь продолжительной проверки?* Почему запрещенное вещество в пробе было обнаружено спустя длительное время, а не сразу после сдачи анализов? Был ли соблюден разумный срок проверки анализов?

Согласно подп. 4.8.7.1 п. 4.8.7 ст. 4.8 Международного стандарта расследований и тестирований ВАДА, под термином «разумный срок» понимается период, во время которого спортсмен должен быть проинформирован о том, что его данные вносятся в Регистрируемый пул тестирования. Такое уведомление является обязательным. Однако в ходе судебного

³ TAS/CAS. Media Release. Switzerland World anti-doping agency (WADA) v. Russian Anti-Doping Agency (RUSADA) and Kamila Valieva. The Court of Arbitration for Sport (CAS) has registered the statement of appeal filed by WADA and opened an arbitration procedure. URL: <https://www.tas-cas.org/en/media/media-release-archive.html> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ TAS/CAS. Media Release. Figure Skating in the Arbitration Proceedings Involving RUSADA, the ISU, WADA and Kamila Valieva. The CAS hearing has been adjourned and will resume on 9-10 November 2023. Lausanne, 28 September 2023. P.1 URL: <https://www.tas-cas.org/en/media/media-release-archive.html> (дата обращения: 20.09.2023).

⁵ ISU оставляет за собой право обжаловать результаты расследования РУСАДА по делу Валиевой // Спорт-Экспресс. URL: <https://www.sport-express.ru/> (дата обращения: 20.09.2023).

разбирательства выяснилось, что в отношении К. Валиевой международными организациями не были предоставлены доказательства о том, что спортсменка была предупреждена об ее включении в данный пул. Тем самым, международные организации нарушили свои обязанности и право спортсменки быть проинформированной об ее внесении в Регистрируемый пул.

Затянутость проверки проб не осталась без внимания в ходе судебного разбирательства. В своем решении CAS отметил, что результат пробы, взятой в декабре, должен быть обнародован не менее, чем за две недели до начала Олимпийских игр 2022 г.¹ [14]. Однако этот срок не был соблюден. Аргументы международных организаций, пытавшихся тем самым обосновать затянутость проверки, CAS счел недопустимыми и недостаточными для удовлетворения апелляции. Этот факт стал одним из аргументов стороны защиты К. Валиевой, принятый судом.

2. В данной ситуации также стоит обратить внимание на проблему несоблюдения международными антидопинговыми организациями сроков расследования. В связи с тем, что разбирательство началось в феврале 2022 г. по результатам проб, сданных в декабре 2021 г., стоит разобраться с проблемой *давности привлечения спортсмена к ответственности*. Если пропуск сроков имел место быть, станет ли ВАДА нести ответственность за несоблюдение сроков расследования? Были ли нарушены со стороны спортивных федераций положения антидопинговых правил? Как должны были поступить национальные спортивные организации в данном случае?

В ст. 17 Всемирного антидопингового кодекса ВАДА закреплен срок давности для привлечения атлетов к ответственности за нарушение антидопинговых правил. Спортсмен не может понести наказание за нарушение правил, если он не был уведомлен о начале антидопинговых процедур не менее чем за 10 дней до начала их проведения. Однако, данная статья подлежит обязательному соблюдению только со стороны национальных антидопинговых агентств. Следовательно, к ответственности будет привлечена только РУСАДА. Думается, что данная норма нуждается в корректировке. ВАДА наряду с национальными антидопинговыми организациями

должно нести ответственность за допущенные нарушения или неправомерные действия. В этой связи, закрепление в акте норм об ответственности ВАДА за халатное отношение к своим обязанностям станет важным шагом, который поможет избежать несправедливого разбирательства в отношении спортсмена.

3. Важным является вопрос о *презумпции невиновности спортсмена*. Будет ли атлет считаться лицом, не нарушившим антидопинговые правила до тех пор, пока судом не будет доказано обратное?

Во Всемирном антидопинговом кодексе (далее — кодекс) не закреплены положения, прямо говорящие о презумпции невиновности или презумпции виновности спортсмена. Однако, в подп. 3.2.1 п. 3.2 ст. 3 кодекса говорится о том, что атлеты, находящиеся под подозрением в употреблении допинга, должны доказать обратное². Иными словами, по факту речь идет о *презумпции виновности*. Единственным способом донести свою позицию является разрешение дела в CAS. Соответственно, решение ВАДА остается в силе до принятия окончательного вердикта Спортивным Арбитражным судом.

Думается, что такой подход является неверным. Спортсмен не должен считаться нарушившим антидопинговые правила до принятия решения CAS.

4. Четвертым вопросом, которым стоит задаться в ходе анализа этой ситуации является вопрос о *целесообразности срочной антидопинговой проверки* во время соревнований. Чем была вызвана такая спешность? Не является ли поведение ВАДА злоупотреблением полномочий организации?

Следует согласиться с А. А. Сардеевым, утверждавшим, что «антидопинговые комиссии часто злоупотребляют своими полномочиями и проводят допинг-тестирования во время проведения соревнований. Во время проведения антидопинговых процедур спортсмен не может сконцентрироваться на выступлении, что в дальнейшем плохо сказывается на выступлениях и его профессиональной карьере» [8, с. 338].

5. Последним важным вопросом, на который стоит обратить внимание, является вопрос о том, *закреплены ли в антидопинговых правилах способы защиты прав несовершеннолетних спортсменов?*

В соответствии с п. 1.3.2 Антидопинговых Правил национальные антидопинговые агентства должны уведомлять всех атлетов, как

¹ TAS/CAS. Court of arbitration for sport (CAS) ad hoc division — XXIV Olympic winter games in Beijing. The CAS ad hoc division declines to impose a provisional suspension on the Russian figure skater Kamila Valieva. URL: <https://www.tas-cas.org/en/index.html> (дата обращения: 20.09.2023).

² Всемирный антидопинговый кодекс 2021 г. С.148. World anti-doping Agency // WADA. URL: <https://www.wada-ama.org/en> (дата обращения: 20.09.2023).

совершеннолетних, так и несовершеннолетних о включении их в список спортсменов, подлежащих тестированию как в соревновательный, так и во внесоревновательный период.

Согласно Определениям Всемирного антидопингового кодекса (прил. 1) *защищаемым лицом* является спортсмен или другое физическое Лицо, которое на момент нарушения антидопингового правила: не достигло возраста шестнадцати (16) лет; не достигло возраста восемнадцати (18) лет и не включено в Регистрируемый пул тестирования и ни разу не принимало участия в каком-либо Международном спортивном мероприятии по открытой категории; или по иным причинам, кроме возраста, признавалось как не имеющее юридического основания принимать участие в соответствии с применимым национальным законодательством [9, р. 1–57]. Так как на момент нарушения антидопинговых правил спортсменке не исполнилось 16 лет, она является защищаемым лицом.

Одной из важнейших черт процессуального статуса несовершеннолетних спортсменов является их право на неразглашение информации по судебному разбирательству, инициированному в отношении защищаемых лиц. Соответственно, в отношении К. Валиевой должно соблюдаться правило о неразглашении информации на протяжении всего судебного разбирательства. Его должны были обеспечить международные организации, однако этого не сделали. Соответственно, данное право спортсменки было нарушено, о чем необходимо сказать в ходе судебного разбирательства. Этот факт должен считаться аргументом в пользу спортсменки и служить одним из оснований оправдательного вердикта.

В соответствии с п. 10.6.2 кодекса ВАДА, к спортсмену, нарушившему антидопинговые правила и являющемуся защищаемым лицом, может быть применена мера наказания в виде выговора. Он может избежать наказания в виде дисквалификации, если докажет, что его вина была незначительна или допинг попал в организм вследствие халатности. Заметим, что данное правило немного отличается от норм, которые применяются к совершеннолетним атлетам. Однако, выбор меры ответственности остается за судебным учреждением и в деле К. Валиевой ВАДА настаивает на максимально жестком наказании, предусмотренном для

совершеннолетних спортсменов — четырехлетней дисквалификации.

Таким образом, дополнительный защитный механизм для *защищаемых лиц* носит условный характер и не может считаться эффективным.

Заключение и выводы

Таким образом, подведем итог.

Во-первых, международно-правовые стандарты прав человека не учитываются должным образом в документах ВАДА. Государства-участники международной конвенции о борьбе с допингом в спорте обязаны соблюдать такие стандарты. Однако они, обеспечивая, в соответствии с обязательствами, предусмотренными в Конвенции, работу ВАДА, не могут рассчитывать на равноценное поведение ВАДА. Такое положение не допустимо. ВАДА, как организация, в полномочия которой входит привлечение спортсменов к ответственности, обязана в полном объеме учитывать их признанные права и гарантии человека.

Во-вторых, выявлена *проблема давности привлечения спортсмена к ответственности и неопределенность сроков начала/окончания антидопинговой проверки*. В связи с этим предлагается установить правило, что ВАДА должно нести ответственность за несвоевременность выполнения своих обязанностей. Нарушение сроков проверки, представляется, должно рассматриваться как обстоятельство, влияющее на правомерность привлечения к ответственности спортсмена.

В-третьих, предлагается внести изменения в п. 3.2.1 ст. 3 Антидопингового кодекса и добавить пункт *о презумпции невиновности спортсмена*.

В-четвертых, практика ВАДА *проведения срочных антидопинговых проверок в ходе соревнований представляется нецелесообразной*. Антидопинговые комиссии имеют возможность злоупотреблять своими полномочиями и мешать спортсменам показать истинный результат во время соревнований.

В-пятых, *специальный режим защиты прав защищаемого лица*, предусмотренный антидопинговыми правилами, носит условный характер и не может считаться эффективным. Это не соответствует международно-правовым стандартам повышенной защиты прав ребенка (как уязвимого лица) и особым условиям привлечения его к ответственности.

Список литературы

1. Бекашев К. А. Международное публичное право : учебник. Москва : Проспект, 2019. 1046 с.
2. Аничкин Е. С., Бирюков С. В., Самович Ю. В. Стратегия российской государственно-правовой политики и вопросы обеспечения прав человека. Барнаул : Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2015. 278 с.
3. Хмиль И. В. Международно-правовые механизмы обеспечения права на образование // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2022. № 1 (31). С. 48–54.
4. Казанцева Н. В., Амосова Т. В. Допинг в российском спорте: технологии формирования негативно-оценочной медиаповестки // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 375–379.
5. Shahlaei F. When Sports Stand Against Human Rights: Regulating Restrictions on Athlete Speech in the Global Sports Arena // Loyola of Los Angeles Entertainment Law Review. 2017. Vol. 38 № 1. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3332884> (дата обращения: 20.09.2023).
6. Абашидзе А. Х. Международная защита прав человека : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : РУДН, 2020. 512 с.
7. Paolo D. Human Rights in Youth Sport. London, New Yourk, 2005. 353 p.
8. Садреев А. А. Права спортсменов на международных соревнованиях // Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир : сборник материалов всероссийской молодежной научной конференции (Екатеринбург, 20–21 апреля 2018 г.). Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. С. 337–343.
9. Cooper J. Protecting human rights in sport: is the Court of Arbitration for Sport up to the task? A review of the decision in Semenya v IAAF // Int Sports Law J. 2023. Vol. 23. P. 151–175. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40318-023-00239-4>

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 23.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.11.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОРЯДКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Научная статья
УДК 340
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-223-226

С. 223–226

ПОЛИЦЕЙСКИЙ УРЯДНИК В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЦАРСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА — НАЧАЛА XX ВЕКА (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Фархад Саэтгалиевич Сибгатуллин

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт
войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия*
farkhad.sibgatullin@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>

Аннотация. В статье рассматривается роль полицейского урядника в местном административном полицейском аппарате Российской империи в конце XIX века — начала XX века. Автор в своей статье отмечает, что необходимость изучения проблем функционирования государственных институтов правоохранительной направленности в их исторической ретроспективе обусловлено реформированием правоохранительных органов современности.

По мнению автора, создание института полицейских урядников в 1878 году играло важное значение для местного полицейского аппарата и было обусловлено условиями исторической обстановки — активизацией революционного движения. В статье подробно рассматриваются вопросы комплектования полицейских урядников, материальное обеспечение их деятельности и функциональные обязанности.

Автор отмечает, что введение должности полицейского урядника позволила усилить немногочисленную, несовершенно и разрозненную сельскую полицию. Не смотря на то, что учреждение должности полицейского урядника рассматривалась как временная мера, деятельность полицейских урядников осуществлялась довольно длительное время.

Ключевые слова: полицейский урядник, становой пристав, Российская империя

Для цитирования: Сибгатуллин Ф. С. Полицейский урядник в правоохранительной системе царской России в конце XIX века — начала XX века (историко-правовой аспект) // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 223–226. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-223-226

Research article

POLICE OFFICER IN THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM OF TSARIST RUSSIA IN THE LATE XIX CENTURY — EARLY XX CENTURY (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Farkhad S. Sibgatullin

St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute
of the National Guard of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
farkhad.sibgatullin@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>

Abstract. The article examines the role of a police officer in the local administrative police apparatus of the Russian Empire at the end of the XIX century — the beginning of the XX century. The author notes in his article that the need to study the problems of functioning of state institutions of law enforcement orientation in their historical retrospect is due to the reform of law enforcement agencies of our time.

According to the author, the creation of the institute of police officers in 1878 played an important role for the local police apparatus and was conditioned by the conditions of the historical situation — the activation of the revolutionary movement. The article discusses in detail the issues of recruitment of police officers, material support of their activities and functional responsibilities.

The author notes that the introduction of the post of a police officer made it possible to strengthen the few, imperfect and fragmented rural police. Despite the fact that the establishment of the post of a police officer was considered as a temporary measure, the activities of police officers were carried out for quite a long time.

Keywords: police officer, police officer, Russian Empire

For citation: Sibgatullin FS. Police officer in the law enforcement system of tsarist Russia in the late XIX century — early XX century (historical and legal aspect). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):223-226. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-223-226 (In Russ.)

Введение

Учрежденная в 1878 году должность полицейского урядника играла важнейшую роль в местном административном полицейском аппарате Российской империи в конце XIX века — начала XX века, но, несмотря на данные обстоятельства, деятельность указанной категории полицейских служащих не стала объектом специального изучения. В настоящее время в связи с продолжающимся реформированием правоохранительных органов современной России все большую актуальность приобретает изучение проблем функционирования государственных институтов правоохранения в исторической ретроспективе.

Описание исследования

Учреждение должности полицейских урядников было обусловлено условиями исторической обстановки. В последние годы царствования Александра II происходила активизация революционного движения, что требовало от государственной власти

ответных мер. С целью усиления органов местной власти по «Высочайшему утвержденному 9 июня 1878 года Временному Положению о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по Общему Учреждению управляемых», был учрежден новый правоохранительный институт [1]. Известный правовед, общественный деятель, один из основоположников российского либерализм, исследователь А. Д. Градовский усматривал в институте урядников «усиление физической силы местной полиции», преимущественно посредством увеличения ее численности [2, с. 426]. Изначально, предполагалось ввести до пяти тысяч урядников во всех 46-ти губерниях, но данное количество могло быть впоследствии увеличено.

Должность полицейского урядника учреждалась для несения службы на местах, для работы с населением. Урядник находился в непосредственном подчинении станового пристава и прямом подчинении — уездного исправника. Полицейские урядники должны были всесторонне оказывать помощь

становым приставам в реализации должностных полномочий по обеспечению общественного порядка и борьбы с преступностью. Кроме того, полицейские урядники осуществляли руководство деятельностью десятских, сотских на закрепленной части участка или стана. Таким образом, на местном уровне было сформировано дополнительное звено органов правопорядка. Урядник становился надежной опорой для станových приставов, а также непосредственным руководителем для низшей сельской полиции — сотских и десятских.

Первоначально, комплектование полицейских урядников происходило из числа вольнонаемных людей. Циркуляр министра внутренних дел Российской империи № 2945 от 20 июля 1881 года «О порядке комплектования нижних чинов полиции» установил порядок комплектования должностей полицейских урядников. В соответствии с Циркуляром МВД, губернаторы ежегодно, в июне-июле месяце, должны были направлять в окружные войсковые штабы ведомости, с указанием вакансий полицейских служителей в различных городах губернии, с обязательным указанием размера жалования и содержания. В свою очередь, командиры полков и отдельных частей, из числа желающих проходить службу на должностях полицейских урядников должны были отобрать «наиболее соответствующих по нравственности, усердию и раторности» [3, с. 18]. После увольнения с военной службы отобранные кандидаты за счет государственной казны направлялись в полицейские управления, где они ранее изъявили проходить службу. По мнению власти, такой порядок комплектования должностей полицейских урядников «представляется выгодным и полезным, как потому, что люди, переходящие в полицию, несомненно надежнее, так и потому, что они охотнее перейдут на службу в полицию, до прибытия их на родину, т. е. до избрания ими другого рода службы или занятий» [3, с. 19]. Урядник на должность назначался уездным исправником, после прохождения испытания в виде собеседования. По своей сути испытания проходили формально, и фактически проходили в виде собеседования. Полицейский урядник должен был быть неподкупным, честным и не злоупотреблять спиртными напитками. Становой пристав и уездный исправник «за неисполнение или медлительность при исполнении приказаний начальства, за нерадение и беспорядки по службе, а также неисполнении инструкции» могли привлечь урядника к ответственности в виде выговора и замечания, ареста, а также «вычета из получаемого урядниками

жалования» [3, с. 57]. В случае совершения полицейскими урядниками преступных деяний, подлежащих исполнительным или уголовным наказаниям, они по решению полицейских управлений передавались суду и могли быть подвергнуты к ссылке в Сибирь, лишению всех прав и состояния, лишению должности, заключению в тюрьму, к каторге и др.

При отсутствии собственного жилья по месту несения службы, полицейские урядники обеспечивались жильем оборудованным отоплением и освещением за счет обывателей участка. Полицейским урядникам предписывалось постоянно проживать на своем участке, выехать за пределы которого им позволялось с разрешения станového пристава. Исключениями являлись случаи преследования «беглых, беспаспортных и дезертиров», а также «проведение розысков по преступлению и преследование преступников по горячим следам» [4, с. 249–250].

Вооружение полицейского урядника составляла шашка драгунского образца, которая отпускалась из Военного министерства. Дополнительно он мог иметь собственное огнестрельное оружие. Форменное обмундирование полицейского урядника составляла шапка, фуражка, кафтан, шаровары, сапоги, кушак и шинель установленного образца. У него должна была быть собственная лошадь. Материальное обеспечение полицейского урядника составляло жалование в размере не свыше 200 рублей в год, выплаты на обмундирование в размере 50 рублей. Кроме того, на содержание лошади, уряднику выделялось 100 рублей и на ремонт шашки 55 копеек [3, с. 13–14].

В пределах участка урядники обеспечивали охрану общественного порядка и безопасности, и пресекали противоправные действия в отношении государственной власти. Так, уряднику вменялось пресекать распространение среди населения «зловредных суждений и слухов», антиправительственных картин, листовок, книг. Он должен был следить за тем, чтобы не проводились различного рода собрания и сходки «противные тишине и спокойствию». Кроме того, полицейский урядник осуществлял надзор в сфере торговли спиртными напитками, контролировал состояние переправ, мостов, дорог, телеграфных сообщений, противопожарных средств, межевых знаков. С целью реализации своих должностных полномочий, полицейский урядник как в дневное, так и в ночное время должен был совершать объезд или обход своего участка, в ходе которого проверять населенные пункты, заводы и фабрики, проверять ночные дозоры и караулы. Полицейский урядник должен

был принимать все меры к спасению жизни и имущества жителей, осуществлял негласный надзор за поведением подозрительных и неблагонадежных лиц. В пограничных районах на полицейских урядников возлагалась обязанность задерживать контрабандистов. До 1887 года полицейские урядники имели полномочия по ведению следствия, поддержке обвинения по уголовным делам, ведению делопроизводства [5, с. 57–58].

Несмотря на то, что учреждение должности полицейского урядника рассматривалась как временная мера, данный институт просуществовал до 1903 года, когда была сформирована уездная полицейская стража. С этого периода термин «урядник» стал применяться в отношении начальника волостного отряда полицейских стражников, который был наделен иным кругом полномочий, чем полицейский урядник образца 1878 года.

Создание института полицейских урядников в 1878 году явилось важнейшим этапом преобразования местного административно-полицейского аппарата. Совершенствование уездной полиции, позволила усилить немногочисленную, несовершенную и разрозненную сельскую полицию. Благодаря этим мерам была достигнута главная цель уездных органов правопорядка. Несмотря на многие положительные стороны института полицейских урядников, имелись и негативные моменты. Так низкий образовательный и культурный уровень полицейских урядников, низкое жалование обуславливали факты коррупции среди них. Урядникам допускались факты пренебрежения и превышения должностными полномочиями.

Заключение

В завершение статьи хотелось бы заметить, что многие негативные моменты, связанные с деятельностью правоохранительных органов второй половины XIX века характерны и для современной действительности. Меры, которые были предприняты государственной властью в современной России по реформированию органов внутренних дел, по сути оказались временными. Не до конца, решены вопросы социального обеспечения сотрудников ОВД, в частности существуют проблемы медицинского и пенсионного обеспечения, обеспечения жильем. Все вышеуказанные факторы обуславливают низкий престиж службы в органах внутренних дел.

Вопрос повышения эффективности деятельности правоохранительных органов всегда стоял довольно остро в нашей стране. Такие проблемы, как исполнение несвойственных функций, проблемы избыточного документационного оборота, социальные проблемы и другие были характерны для правоохранительных органов России на всех исторических этапах своего развития, они остаются не решенными и в настоящее время. Вероятно, данный факт определяется, тем обстоятельством, что законодатель и правоприменитель должным образом не учитывает исторический опыт прошлого, ограничиваясь ремонтом фасада здания государственного управления, не вникая в решение глубинных проблем органов правопорядка, что в конечном итоге на предыдущих исторических этапах приводило к различного рода социальным потрясениям в виде восстаний, революций и переворотов.

Список источников

1. Справочная книжка для полицейских урядников. Санкт-Петербург : Типография И. С. Леви и К^о. 1878. 166 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007883490/ (дата обращения: 10.01.2023).
2. Градовский А. Д. Начала русского государственного права : в 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург : типография М. Стасюлевича, 1883. URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3988988/> (дата обращения: 10.01.2023).
3. Справочная книга для полицейских урядников // издание книжного магазина юридической литературы. Санкт-Петербург : Типография Н. А. Лебедева, 1887. 169 с. URL: https://archive.org/details/libgen_00854248 (дата обращения: 10.01.2023).
4. Справочная книга для чинов полиции на 1900 год / сост. А. Букуновский. Москва : Губернская типография. 1900. 29 с.
5. Органы и войска МВД России : краткий исторический очерк / В. Ф. Некрасов, А. В. Борисов, М. Г. Детков [и др.] ; гл. ред. А. Г. Горлов. Москва : Объединенная редакция МВД России, 1996. 462 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 05.02.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.03.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.04.2023.

ОТЗЫВ официального оппонента на диссертацию Саеггараева Вильсура Фирдавиеовича на тему «Организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции»

Павел Александрович Кабанов^{1,2}

¹Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань, Россия;

²Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

kabanovp@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>

Аннотация. Цель экспертного анализа рукописи — оценка качества проведенного диссертационного исследования Саеггараева Вильсура Фирдавиеовича «Организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции», представленного на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки в диссертационный совет ДС 03.2.001.02, созданный на базе Академии управления МВД России.

Метод исследования: в качестве основного используется общенаучный метод сравнения и производные от него методы сравнительного правоведения.

Результаты исследования: оппонентом описываются основные достоинства диссертационного исследования, его актуальность, абсолютная научная новизна и практическая значимость, а также высказываются критические суждения по некоторым вопросам, отраженным в диссертации, которые позволят в будущем глубже исследовать институт сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества по вопросам противодействия коррупции.

Научная новизна: сравнение результатов диссертационного исследования В. Ф. Саеггараева проводится с зарубежным антикоррупционным законодательством, подзаконными нормативными актами и аналогичными по проблематике научными произведениями зарубежных авторов, которые ранее не привлекались другими исследователями в качестве литературных источников. Оппонентом вводятся в научный оборот новые литературные источники на нескольких иностранных языках по теме исследования.

Практическая значимость: предложенные автором механизмы аналитической оценки диссертационного исследования по вопросам сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества в противодействия коррупции можно использовать в будущем для оценки качества научных исследований антикоррупционной направленности.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, координация, взаимодействие, содействие, профилактика коррупции, эффективность противодействия коррупции

Для цитирования: Кабанов П. А. Отзыв официального оппонента на диссертацию Саеггараева Вильсура Фирдавиеовича на тему «Организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции» // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 227–238. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-227-238

Review

REVIEW

**official opponent on the thesis of Vilsur F. Saetgarayev
on the topic “Organizational-legal mechanism of cooperation
between internal affairs bodies and civil society institutions
in the field of combating corruption”**

Pavel A. Kabanov

¹Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia;²Nizhny Novgorod Academy of the MIAffairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

kabanovp@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>

Abstract. The purpose of the expert analysis of the manuscript is to evaluate the quality of the conducted dissertation research of Vilsur F. Saetgarayev “Organizational and legal mechanism of cooperation between internal affairs bodies and civil society institutions in the sphere of combating corruption”, submitted for the degree of Candidate of Legal Sciences in the specialty 5.1.2 Public-legal (state-legal) sciences to the dissertation council DS 03.2.001.02, created on the basis of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Method of research: the general scientific method of comparison and derived from it methods of comparative jurisprudence are used as the main one.

Research results: the opponent describes the main merits of the dissertation research, its relevance, absolute scientific novelty and practical significance, as well as critical judgments on some issues reflected in the dissertation, which will allow in the future to further explore the institution of cooperation between internal affairs bodies and civil society institutions on anti-corruption issues.

Scientific novelty: comparison of the results of V. F. Saetgarayev’s dissertation research is carried out with foreign anti-corruption legislation, by-laws and similar on the problematic issues scientific works of foreign authors, which were not previously attracted by other researchers as literary sources. The opponent introduces into scientific turnover new literary sources in several foreign languages on the topic of research.

Practical significance: the mechanisms of analytical evaluation of the dissertation research on cooperation between internal affairs bodies and civil society institutions in combating corruption proposed by the author can be used in the future to assess the quality of scientific research in the field of anti-corruption.

Keywords: corruption, anti-corruption, law enforcement, law enforcement agencies, coordination, interaction, assistance, prevention of corruption, effectiveness of anti-corruption efforts

For citation: Kabanov PA. Review official opponent on the thesis of Vilsur F. Saetgarayev on the topic “Organizational-legal mechanism of cooperation between internal affairs bodies and civil society institutions in the field of combating corruption”. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):227-238. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-227-238 (In Russ.)

Введение

Противодействие коррупции — сложная и ответственная задача, решаемая различными субъектами в пределах своих полномочий, требующая консолидации, координации и эффективного использования имеющихся сил и средств (инструментов и технологий) для достижения общей цели — снижения уровня коррупционного поведения в обществе.

Действующие международно-правовые документы, российское базовое и отраслевое, федеральное и региональное антикоррупционное законодательство требует от органов публичной власти повышения эффективности противодействия коррупции с привлечением к этой деятельности представителей институтов гражданского общества. Не случайно частью 7 статьи 3 федерального закона

«О противодействии коррупции» сотрудничество государства с институтами гражданского общества закреплено в качестве основного принципа противодействия коррупции в Российской Федерации¹. Дополнительное закрепление этого универсального принципа противодействия коррупции в последующем было отражено в части 5 статьи 2 отраслевого федерального антикоррупционного закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»². Учитывая важность и социальную значимость реализации данного принципа, в апреле 2010 года решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции при нем была создана рабочая группа по взаимодействию со структурами гражданского общества. На данную комиссию возлагаются вопросы по обеспечению координации деятельности органов публичной власти с институтами гражданского общества по формированию и реализации государственной политики противодействия коррупции. В последующем аналогичные рабочие органы стали появляться и на региональном уровне. Например, близкая по наименованию и содержанию деятельности рабочая группа существует в составе Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Свердловской области — рабочая группа по взаимодействию с институтами гражданского общества³. Следует отметить, что вопросы эффективного взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества по вопросам реализации государственной политики противодействия коррупции, находят свое отражение в национальных планах противодействия коррупции, в том числе в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы.⁴ В то же время вопросы взаимодействия

федеральных и региональных органов власти с институтами гражданского общества по вопросам реализации государственной политики противодействия коррупции остаются неурегулированными, а в научном плане, неразработанными. Хотя следует отметить, что вопросы взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества по вопросам противодействия коррупции отдельными отечественными специалистами исследовались (В. В. Астанин [1], Ю. В. Трунцевский [12], А. В. Порлукаров [8], Е. А. Шапкина [11], А. В. Молотов [7] и другие [3; 4; 5; 13]), в том числе и одним из официальных оппонентов по данной диссертации [2; 6]. Однако все эти исследования носили общий характер, создавая теоретическую основу для будущих исследований, но не касались вопросов взаимодействия институтов гражданского общества с органами внутренних дел по реализации государственной политики противодействия коррупции. Изложенное позволяет утверждать, что представленная для экспертной оценки рукопись обладает не только актуальностью, но и абсолютной научной новизной. В связи с этим заслуживает одобрения и поддержки выбор автором темы диссертационного исследования. Ее актуальность, научная новизна и практическая значимость достаточно убедительно раскрывается во введении к рассматриваемой работе и, на наш взгляд, не могут вызывать никаких сомнений [9, с. 4–20].

Экспертная оценка содержания диссертационного исследования

Заявленной целью диссертационного исследования является теоретическое обоснование и разработка предложений по совершенствованию правового регулирования сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции [9, с. 8].

На основе заявленных целей диссертантом сформулированы следующие основные задачи диссертационного исследования, которые, по мнению автора, успешно решены:

— сформулирован понятийно-категориальный аппарат, относящийся к вопросам правового регулирования сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции;

— изучены сущностные характеристики организационно-правового механизма сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции, определены принципы

¹ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 10.07.2023 № 286-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

² Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (в ред. от 05.12.2022 № 498-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

³ О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Свердловской области : указ губернатора Свердловской области от 09.10.2015 № 449-УГ // Собрание законодательства Свердловской области. 2016. № 10 (2015). Ст. 1611.

⁴ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы : Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 34. ст. 6170.

этой деятельности, систематизированы формы ее реализации;

— определены возможности использования в правоприменительной практике органов внутренних дел Российской Федерации зарубежного опыта сотрудничества по вопросам противодействия коррупции правоохранительными структурами и институтами гражданского общества;

— разработаны проекты нормативных правовых актов, направленных на совершенствование механизма правового регулирования рассматриваемой деятельности с учетом действующего законодательства и особенностей правоприменительной практики органов внутренних дел по профилактике коррупции и минимизации ее негативных последствий;

— выработаны предложения по формированию механизма сотрудничества рассматриваемых субъектов с учетом нормативной правовой базы, регламентирующей оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел по борьбе с коррупцией и ликвидацией ее негативных последствий, а также положительного опыта этой деятельности;

— сформированы предложения и рекомендации, направленные на создание оптимального механизма научно-методического обеспечения сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции [9, с. 8–9].

Научная новизна представленного диссертационного исследования, его теоретическая и практическая значимость в первую очередь обусловлены тем, что обозначенная автором проблема не была предметом монографических исследований, в том числе и на уровне кандидатских диссертаций по публично-правовым наукам.

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод познания социальных явлений и процессов. Наравне с этим соискатель использовал и частно-научные методы: статистические и социологические, что позволяет проверить достоверность основных выводов, положений и предложений диссертанта и адекватность интерпретации полученных им результатов.

Диссертантом изучены статистические данные по исследуемой проблеме, нормативные правовые акты, диссертационные исследования, научные и учебные произведения отечественных и зарубежных авторов, а также иные публикации по избранной теме. В период 2019–2022 гг. Вильсуром Фирдависовичем опрошено 400 респондентов, имеющих

непосредственное отношение к исследуемой проблематике и обладающих профессиональной антикоррупционной компетентностью. Всё это свидетельствует о достаточности эмпирической базы проведенного диссертационного исследования, проверяемости и достоверности полученных автором научных результатов.

Структура диссертационного исследования В. Ф. Саегараева традиционна для работ подобного уровня. Она состоит из введения, двух глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и приложения.

Общий объем рукописи диссертационного исследования составляет 295 страниц машинописного текста. Библиографический список [9, с. 208–243] насчитывает 261 источник. Среди использованных автором источников имеются международные и национальные нормативно-правовые акты, научные и учебные работы по избранной проблематике. Приложения [9, с. 244–295] в количестве 10 единиц оформлены в виде таблиц, диаграмм, схем, графиков, проектов нормативных правовых актов и проектов процессуальных документов, наглядно отражающих процесс и результаты проведенного исследования.

Наиболее ценными положениями проведенного В. Ф. Саегараевым диссертационного исследования по степени их значимости для современной российской юридической науки и практики согласованного противодействия коррупции органами внутренних дел и институтами гражданского общества, на наш взгляд, являются:

а) разработанные автором доктринальные категории: «сотрудничество органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции» [9, с. 13; 41], «организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции» [9, с. 14; 61];

б) описаны, объяснены и доктринально обоснованы реализуемые организационно-правовые формы сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества по противодействию коррупции:

— совместная деятельность в составе рабочих групп и комиссий;

— совместная образовательная и научно-исследовательская деятельность;

— общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов;

— независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов;

— совместная деятельность в ходе предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия,

расследования коррупционных правонарушений, а также при обеспечении защиты лиц, заявляющих о фактах коррупции [9, с. 14];

в) разумные предложения по совершенствованию современного российского базового федерального антикоррупционного законодательства и иного федерального законодательства [9, с. 15–16; 259–260];

г) авторская Концепция совершенствования сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества по противодействию коррупции, включающая в себя создание комиссии по антикоррупционному аудиту и контролю за ходом и результатами реализации государственной антикоррупционной политики в составе общественных советов при МВД России и его территориальных органах [9, с. 16; 261–268; 269–272].

Анализ содержания диссертационного исследования В. Ф. Саэтгараева позволяет прийти к выводу о том, что автором разработан оригинальный организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации и институтов гражданского общества, направленный на повышение эффективности противодействия коррупции.

Достоверность результатов (положений, выводов и рекомендаций), сформулированных в диссертационном исследовании соискателя, обеспечивается:

а) методологией исследования, включая репрезентативность проведенного им социологического опроса достаточного количества специалистов, обладающих профессиональной антикоррупционной компетентностью;

б) экспертной оценкой (рецензированием) основных результатов диссертационного исследования при представлении их к публикациям в периодические научные рецензируемые издания;

в) апробацией результатов исследования при публичном обсуждении на научных мероприятиях различного статуса и уровня, в том числе в рамках Евразийского антикоррупционного форума.

По результатам проведенного автором исследования им опубликовано достаточное количество научных произведений, в том числе **восемь** из которых в рецензируемых научных периодических изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по названной юридической научной специальности (5.1.2. Публично-правовые науки).

В представленной работе и опубликованных произведениях соискателя много и других выводов, предложений и рекомендаций, требующих одобрения и поддержки, а возможно и внедрения в деятельность органов внутренних дел. Однако принятый мною добровольно статус официального оппонента требует поиска в проведенном исследовании дискуссионных положений, на которые соискателю необходимо дать дополнительные пояснения (уточнения) и продемонстрировать навыки и умения научной дискуссии в процессе публичной защиты своего исследования. При ознакомлении с содержанием диссертационной работы Вильсура Фирдавиевича дискуссионные положения меною были обнаружены.

В самом общем виде наши суждения относительно дискуссионного характера затрагиваемых диссертантом отдельных вопросов взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества в процессе реализации государственной политики противодействия коррупции можно свести к следующему.

Во-первых, на наш взгляд, выглядит безупречной предложенная автором в положениях, выносимых на защиту, доктринальная дефиниция «сотрудничество органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции». Под ней он понимает целенаправленную, регламентированную антикоррупционным законодательством, добровольную форму взаимодействия заинтересованных субъектов, реализующуюся во взаимном влиянии, объединении и консолидации совместных усилий по нейтрализации (предотвращению и борьбе) коррупционных правонарушений, а также минимизации и (или) ликвидации негативных проявлений и последствий в различных сферах общественных отношений [9, с. 13]. Здесь спорным выглядит утверждение автора о том, что сотрудничество органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции регламентируется антикоррупционным законодательством, поскольку в федеральном и региональном антикоррупционном законодательстве закреплён лишь принцип сотрудничества между государством и институтами гражданского общества, а механизмы регламентации этого сотрудничества не предусмотрены. С таким же успехом автор мог бы указать на то, что данное общее положение закреплено в статье 10 Федерального закона «О полиции»¹

¹ О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

и скорректировать положение без ущерба содержанию. Однако самое сомнительное в этой дефиниции — цель такого сотрудничества: консолидация совместных усилий по нейтрализации (предотвращению и борьбе) коррупционных правонарушений, а также минимизации и (или) ликвидации негативных проявлений и последствий в различных сферах общественных отношений. Здесь возникает несколько вопросов. Первый вопрос: что означает вводимый автором термин «нейтрализация коррупционных правонарушений»? Какое место в системе нейтрализации коррупционных правонарушений занимает их предотвращение? Какое место в системе нейтрализации коррупционных правонарушений занимает борьба с ними или борьба между ними? Как соотносятся используемые автором в этом положении категории с терминологией федерального антикоррупционного законодательства: «противодействие коррупции», «предупреждение коррупции», «профилактика коррупции», «минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений». Второй вопрос: что означает словосочетание «минимизации и (или) ликвидации **негативных проявлений** (выделено рецензентом — П.К.) и последствий в различных сферах общественных отношений»? Какие это негативные проявления в различных сферах общественных отношений и в чем их суть? Как связаны эти проявления с коррупционным поведением? Фактически автором сформулирована непонятная цель данного сотрудничества. Автору следовало бы сформулировать очевидную и понятную цель такого взаимовыгодного и общественно-полезного сотрудничества, например, повышение эффективности противодействия коррупции. В то же время в первом параграфе первой главы диссертант предлагает относительно точное и полное раскрытие содержания доктринальной дефиниции «сотрудничество органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции». Под ним он понимает систематическую, совместную и согласованную в установленном порядке деятельность независимых субъектов, основанную на действующих нормативных правовых актах, направленную на профилактику коррупции, борьбу с ней и минимизацию (ликвидацию) её последствий, посредством оптимального задействования имеющихся ресурсов и применения эффективных форм и методов [9, с. 38–39].

Второе выработанное диссертантом определение «организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел

и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции» обладает теми же очевидными недостатками, что и упомянутое выше. Автор утверждает, что организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции — это регламентированная антикоррупционным законодательством система организационно-правовых средств, с помощью которых осуществляется совместная деятельность, направленная на противодействие коррупционным правонарушениям, а также на минимизацию и (или) ликвидацию их последствий в различных сферах жизни общества [9, с. 14, 61, 79]. Удивительно, но автор даже не подозревает о наличии лексической ошибки в этом определении. В тексте диссертации он указывает графически схему противодействия коррупции в соответствии с положениями федерального антикоррупционного законодательства, выделяя три элемента системы такого противодействия: профилактику коррупции, борьбу с коррупцией и минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений [9, с. 27]. И это верно. Однако в рассматриваемом определении, вопреки требованиям законодательства и собственным взглядам, соискатель умудряется включить в его содержание к общему термину «противодействие коррупционным правонарушениям» ещё и структурный элемент такого противодействия — минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений. Полагаю, что и это доктринальное определение автора далеко от совершенства и нуждается в более детальной проработке в будущих исследованиях автора.

Во-вторых, отмечая ценность организационно-правовых форм сотрудничества, описанных автором [9, с. 49–50] и представленных им в качестве положений, выносимых на защиту [9, с. 14], следует отметить, что диссертант прав, утверждая, что предложенный им перечень не является исчерпывающим [9, с. 50, 53]. Действительно, часть «е.1» статьи 114 Конституции Российской Федерации предусматривает взаимодействие Правительства Российской Федерации и иных органов публичной власти с институтами гражданского общества в выработке и проведении государственной политики¹. Это положение

¹ Конституция Российской Федерации : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

в полной мере относится к вопросам сотрудничества органов государственной власти, включая и органы внутренних дел, в формировании и реализации государственной политики противодействия коррупции. Более того, складывающаяся правоприменительная практика включает в себя участие институтов гражданского общества на стадии разработки документов антикоррупционного планирования, в том числе Национального плана противодействия коррупции, ведомственных планов противодействия коррупции федеральных органов исполнительной власти, региональных и муниципальных антикоррупционных программ и планов противодействия коррупции. Эта форма сотрудничества институтов гражданского общества с органами публичной власти несколько лет назад исследовалась нами совместно со специалистами ВНИИ МВД России [2, с. 8–10]. Безусловно, эта форма сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества может оказаться востребованной, поскольку предполагает привлечение представителей институтов гражданского общества к разработке Плана МВД России по противодействию коррупции. Полагаем, что автор мог бы сосредоточиться на исследовании сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества и при использовании других антикоррупционных инструментов (антикоррупционного просвещения, антикоррупционной пропаганды, антикоррупционного мониторинга), что существенно обогатило бы содержание его исследования.

В-третьих, неубедительной выглядит аргументация автора о заимствовании зарубежного опыта сотрудничества правоохранительных структур и институтов гражданского общества в противодействии коррупции, изложенная в третьем параграфе первой главы [9, с. 80–112]. Такая оценка обусловлена тем, что практически весь параграф построен на обращении к ненадлежащим источникам либо произведена подмена зарубежного опыта международным. Так, начиная с начала параграфа [9, с. 80–88] автор рассматривает международный опыт противодействия коррупции без обращения к вопросам сотрудничества органов публичной власти с институтами гражданского общества по противодействию коррупции. Далее автор последовательно рассматривает: а) особенности антикоррупционной деятельности правоохранительных органов зарубежных государств по противодействию коррупции [9, с. 88–99]; б) перечисляет международные

общественные организации по противодействию коррупции при ООН [9, с. 100]; в) указывает международные межрегиональные общественные организации по противодействию коррупции [9, с. 101–105]; г) описывает институт омбудсмена в различных государствах [9, с. 106–107]. Но при этом забывает указать, какое отношение имеет этот государственный институт к противодействию коррупции, взаимодействию с органами внутренних дел, а также сотрудничеству с институтами гражданского общества. В этом же параграфе автор рассматривает особенности общественного контроля в правоохранительных органах зарубежных государств с перечислением наиболее эффективных форм такого контроля [9, с. 108–109]. В результате поверхностного анализа вторичной информации со ссылками на отечественные литературные источники, автор указывает наиболее эффективные формы социального контроля в правоохранительной сфере. В связи с этим автор предлагает некоторые из перечисленных форм общественного контроля использовать в Российской Федерации [9, с. 111]. Эти формы сотрудничества правоохранительных структур и институтов гражданского общества по противодействию коррупции автором предлагаются и в положениях, выносимых на защиту [9, с. 15]. В силу значимости этих форм сотрудничества приводим их дословно:

- привлечение независимых экспертов (краудсорсинг);
- общественные расследования;
- коллективные обращения граждан (в том числе в виде электронных петиций);
- общественный антикоррупционный контроль (мониторинг) со стороны неправительственных организаций;
- деятельность независимых консультативных органов с широким участием наиболее авторитетных общественных деятелей;
- организация работы информационного канала («web-линии») для приёма информации от граждан о фактах коррупции;
- ведение реестров лиц, обвиняемых в коррупции и доведение их до сведения общественности;
- обеспечение защиты лиц, оказавших содействие компетентным органам в борьбе с коррупцией;
- система вознаграждений, стимулирующая прямое участие общественности и конкретных граждан в выявлении коррупционных преступлений;
- система постоянного мониторинга за рассмотрением заявлений граждан о фактах коррупции («online контроль»);

— совместная реализация антикоррупционных учебных программ;

— совместные исследования и выработка мер по наиболее рациональному противодействию коррупции.

Более того, автор предлагает дополнить федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» новой формой общественного контроля — общественным расследованием [9, с. 110; 258].

Вызывают недоумение предлагаемые автором некоторые формы сотрудничества институтов гражданского общества с правоохранительными органами по противодействию коррупции, поскольку они уже реализуются в Российской Федерации, в том числе в органах внутренних дел. Например, привлечение независимых экспертов предусмотрено Соглашением о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой Российской Федерации и Министерством внутренних дел Российской Федерации, утвержденного ТПП РФ, МВД России 20.11.2008 № 499. Более того, совместные исследования по вопросам противодействия коррупции между ВНИИ МВД России и институтами гражданского общества проводятся уже давно, а совместная реализация антикоррупционных учебных программ (**организация и осуществление антикоррупционного образования** — более точное наименование формы сотрудничества — *примечание официального оппонента — П.К.*) используется при обучении как представителей институтов гражданского общества, так и представителей правоохранительных органов, в том числе сотрудников органов внутренних дел. Предлагаемые диссертантом меры по материальному стимулированию антикоррупционного доносительства как формы сотрудничества правоохранительных органов с институтами гражданского общества уже давно реализуются на территории Российской Федерации и стали предметом научных исследований отечественных специалистов, в том числе и официального оппонента [6].

Вопросы сотрудничества институтов гражданского общества и органов публичной власти по вопросам противодействия коррупции, включая правоохранительные органы, являются актуальными не только для России, но и для зарубежных государств. Об этом свидетельствуют научные публикации авторитетных зарубежных специалистов, исследующих вопросы противодействия коррупции [14; 15], в том числе в Юго-Восточной Азии (Бангладеш [16], Индии [17], Индонезии [18; 19], Ираке [20], Иране [21; 22], Южной Корее [23], Пакистане [24]), Восточной

Европе (Сербии [25]), на Африканском континенте [26], включая Нигерию [27; 28; 29]. Этот список можно продолжить, но и приведенного достаточно, чтобы подчеркнуть значимость феномена сотрудничества институтов гражданского общества с органами государственной власти по вопросам противодействия коррупции за рубежом, включая и правоохранительные органы. При этом все эти исследования ссылаются на национальное антикоррупционное законодательство, обширные эмпирические данные и складывающуюся практику взаимодействия. В то же время соискатель не только не использовал литературные источники зарубежных авторов (вторичные результаты) по теме своего диссертационного исследования, но даже первоисточники — сами зарубежные нормативные акты, которые имеются на русском языке. Например, закон Республики Узбекистан от 03.01.2017 г. № ЗРУ-419 «О противодействии коррупции» (ст. 14) для реализации принципа взаимодействия государства и гражданского общества (ст. 4) предусматривает следующие формы взаимодействия:

— участвовать в разработке и реализации государственных и иных программ в области противодействия коррупции;

— участвовать в повышении правового сознания и правовой культуры населения, формировании в обществе нетерпимого отношения к коррупции;

— осуществлять общественный контроль за исполнением законодательства о противодействии коррупции;

— вносить предложения по совершенствованию законодательства о противодействии коррупции;

— участвовать и в иных мероприятиях в соответствии с законодательством¹.

В то же время статья 23 закона Республики Казахстан «О противодействии коррупции» предусматривает, что физические лица, общественные объединения и иные юридические лица при противодействии коррупции принимают следующие меры:

1) сообщают об известных им фактах совершения коррупционных правонарушений в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан;

2) вносят предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики по вопросам противодействия коррупции;

¹ О противодействии коррупции : Закон Республики Узбекистан от 03.01.2017 № ЗРУ-419 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017. № 1. Ст. 2.

3) участвуют в формировании антикоррупционной культуры;

4) осуществляют взаимодействие с другими субъектами противодействия коррупции и уполномоченным органом по противодействию коррупции;

5) запрашивают и получают в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан, от государственных органов информацию о деятельности по противодействию коррупции;

6) проводят исследования, в том числе научные и социологические, по вопросам противодействия коррупции;

7) проводят разъяснительную работу в средствах массовой информации и организуют социально значимые мероприятия по вопросам противодействия коррупции¹.

Полагаю, что обращение к первоисточникам (зарубежным нормативным правовым актам по вопросам противодействия коррупции) существенно обогатило бы представление автора о формах сотрудничества и/или взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества по вопросам противодействия коррупции.

В-четвертых, оценивая положительно дискуссию автора по использованию в нормативных правовых актах терминов «содействие» и «сотрудничество» по вопросам сотрудничества институтов гражданского общества с органами публичной власти, хотелось бы отметить, что диссертант, развивая идеи предшественников, перешел за предметные границы специальности 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки, рассматривая вопросы сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества при осуществлении правоохранительной (оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной) деятельности [9, с. 154–161]. В то же время данную терминологию автору следовало бы рассматривать в рамках «родной» научной специальности, где вопросов качества их использования не меньше чем в науках криминального цикла. Например, в рамках ведомственного награжденного права, где предусмотрено награждение граждан Российской Федерации и иных лиц за осуществление конкретной полезной деятельности для органов публичной власти. Например, в МВД России предусмотрено награждение представителей институтов гражданского общества нагрудным знаком

¹ О противодействии коррупции : Закон Республики Казахстан от 18.11.2015 № 410-V ЗПК // Казахстанская правда. 2015. 20 нояб.

МВД России «За содействие МВД»², в Росгвардии³, Росфинмониторинге⁴ и некоторых других ведомствах — медалью «За содействие». Это положение можно было бы легко развить в рамках специального направления — стимулирования (поощрения) органами публичной власти представителей институтов гражданского общества за содействие в реализации государственной политики противодействия коррупции в соответствии с п. «d» ст. 13 Конвенции ООН против коррупции, о чем автор упоминает в диссертации [9, с. 165]. Благо, что правотворческая деятельность органов публичной власти уже имеет нормы, предусматривающие награждение федеральными ведомственными наградами — медалью Минюста России «За содействие» — независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов за заслуги при добросовестном осуществлении ими своих антикоррупционных функций⁵.

В-пятых, автор предлагает собственную Концепцию совершенствования сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества по противодействию коррупции [9, с. 263–268], которая имеет право на существование, но обладает существенным недостатком: непонятно какие именно институты гражданского общества должны сотрудничать с органами внутренних дел. Ведь таких институтов много. У одних имеются закрепленные федеральным либо региональным законодательством полномочия по противодействию коррупции (Торгово-промышленные палаты РФ, Общественная палата РФ, общественные палаты субъектов РФ, общественные советы при органах публичной власти). У других такие полномочия отражены в уставных

² О некоторых вопросах поощрения в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 28.07.2020 № 525 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ О ведомственных наградах Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : приказ Росгвардии от 14.02.2017 № 50 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁴ О ведомственных наградах Федеральной службы по финансовому мониторингу : приказ Росфинмониторинга от 20.05.2015 № 151 (в ред. от 01.04.2022 № 68) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 10.06.2015.

⁵ О ведомственных наградах Министерства юстиции Российской Федерации : приказ Минюста России от 19.04.2023 № 71 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

документах (Национальный антикоррупционный комитет и др.), третьи приняли эти полномочия на себя добровольно, получив подтверждение своей антикоррупционной компетентности (независимые эксперты, уполномоченные на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов). Более того, непонятно каким дополнительным критериям должны соответствовать представители этих организаций для вхождения в состав комиссий при органах (организациях и учреждениях) внутренних дел.

В-шестых, работа не свободна от описок, грамматических ошибок, странных словосочетаний, досадных искажений персональных данных авторов, внесших существенный вклад в развитие исследуемой автором тематики. Например, автор указывает, что органы предварительного расследования наделены уголовно-процессуальным законодательством **«серьезными полномочиями»** (выделено официальным оппонентом — П.К.) [9, с. 158]. На наш взгляд, слово «серьезными» является избыточным, поскольку УПК РФ наделяет **необходимыми** полномочиями по борьбе с преступностью не только органы предварительного расследования, но и другие правоохранительные органы.

В тексте работы обнаружен технический брак. Автор пишет, что «в соответствии с Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 699 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» МВД России обеспечивает исполнение законодательства о противодействии коррупции и собственную безопасность в системе МВД России (подп. 84, 85 п. 11 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации)» [9, с. 149]. В подстрочнике на этой же странице автор указывает следующие выходные данные: Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 26.12.2016. № 52 (Часть V). Ст. 7614. Фактически указ Президента РФ от 1 марта 2011 года имеет другой номер 248 и определяет численность и структуру центрального аппарата МВД России, а Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации утратило силу в связи с принятием нового нормативного правового акта, указанного автором в подстрочнике. При этом

автор забыл указать, что территориальные органы внутренних дел МВД России в соответствии с подп. 50 п. 13 Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации также обладают полномочиями по противодействию коррупции и обеспечению собственной безопасности.

Диссертант, описывая вклад различных авторов в развитие основ деятельности по оперативно-розыскному предупреждению преступлений, указывает в числе таковых И. П. Кувалдина [9, с. 127]. Фактически доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Валерий Павлович Кувалдин действительно исследовал вопросы оперативно-розыскного взаимодействия, говорю об этом не понаслышке — он преподавал мне и моим сокурсникам учебную дисциплину ОРД в Горьковской высшей школе МВД СССР. К тому же, автор, обращаясь к мониторингу эффективности взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества по вопросам противодействия коррупции, указывает на доктринальную позицию по этому вопросу доктора юридических наук, профессора Виктора Викторовича Астанина, ссылаясь на первоисточник [9, с. 197], но в тексте рукописи указывает неверно персональные данные — инициалы этого автора «А. А. Астанин».

Выводы по результатам экспертной оценки диссертационного исследования

Проведенный анализ положений и выводов по вопросам сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества по вопросам противодействия коррупции, содержащихся в диссертации, свидетельствует о высоком уровне исследования, проведенного В. Ф. Саеггареевым, его проблемном характере, обоснованности и перспективности основных положений и выводов к которым он пришёл. Высказанные же замечания прежде всего обусловлены научной новизной, широким кругом затронутых в диссертации вопросов, а также субъективными пристрастиями официального оппонента, направленными на поиск, обнаружение и фиксацию новых направлений по исследуемой проблематике.

В целом диссертация В. Ф. Саеггареева представляет собой обстоятельное, творческое, самостоятельное исследование одной из основных проблем современной российской

юридической науки, обладающее внутренним единством. А основные положения, выводы и предложения имеют существенную научную новизну, характеризуются теоретической и практической значимостью. Они в полном объеме отражены в научных произведениях автора, с содержанием большинства из которых оппонент знаком и даже использовал их результаты в своей научно-исследовательской деятельности.

Необходимо отметить, что основные положения, выводы и предложения, изложенные в автореферате, соответствуют содержанию диссертации [10].

Изложенное выше позволяет сделать однозначный вывод о том, что диссертация Саэтгараева Вильсура Фирдависовича на тему: «Организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел

и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития публично-правовых наук и повышения эффективности правоприменительной деятельности. Она соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук (части 2 п. 9, п. 10, п. 13, п. 14) Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 18.03.2023 № 415) «О порядке присуждения ученых степеней».

Список источников

1. Астанин В. В. Об эффективных механизмах взаимодействия государства с гражданским обществом в сфере противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2011. № 4 (40). С. 5–8.
2. Газимзянов Р. Р., Кабанов П. А. О состоянии вовлеченности институтов гражданского общества в деятельность органов публичной власти Республики Татарстан при разработке важнейших антикоррупционных программных документов // Следователь. 2011. № 9. С. 8–10.
3. Глушкова С. И. Взаимодействие институтов гражданского общества с органами государственной власти по противодействию коррупции (обзор материалов антикоррупционного форума Свердловской области 2020 года) // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 1 (32). С. 178–183.
4. Дорофеева Ж. П., Дудаев А. Б. Конституционно-правовая сущность взаимодействия общественных объединений с правоохранительными органами в сфере противодействия коррупции // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2018. № 1. С. 53–58.
5. Завгородний А. В. Взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 4 (43). С. 337–346.
6. Кабанов П. А. Материальное стимулирование антикоррупционного доносительства в Российской Федерации: вопросы правового регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Том. 14, № 1. С. 92–104. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.1.92-104
7. Молотов А. В. Взаимодействие органов публичной власти и общественности в сфере противодействия коррупции // Гражданское общество и правовое государство. 2011. Т. 2. С. 18–21.
8. Полукаров А. В. Административно-правовое регулирование взаимодействия государства и институтов гражданского общества в механизме противодействия коррупции в социальной сфере // Право. Экономика. Безопасность. 2016. № 3 (9). С. 55–67.
9. Саэтгараев В. Ф. Организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции : дис. ... канд. юрид. наук. Москва : Академия управления МВД России, 2023. 295 с.
10. Саэтгараев В. Ф. Организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва : Академия управления МВД России, 2023. 26 с.
11. Шапкина Е. А. Конституционные основы взаимодействия государства и институтов гражданского общества в противодействии коррупции // Государственный аудит. Право. Экономика. 2011. № 1. С. 36–40.
12. Шмырев Д. В., Трунцевский Ю. В. Координация деятельности в области противодействия коррупции: понятие, формы, способы // Гуманитарные науки в XXI веке. 2017. № 36. С. 94–104.
13. Юегина Е. И. Административно-правовая характеристика проблем взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2014. № 8 (80). С. 866–872.
14. Ngendakuriyo F, Zaccour G. Should civil society organizations cooperate or compete in fighting a corrupt government? // Mathematical Social Sciences. 2017. Vol. 85. P. 30–36. DOI: 10.1016/j.mathsocsci.2016.11.001

15. Mukhammadieva M. Ya. International Civil Society Initiatives In The Fight Against Corruption And Their Demands // *The American Journal of Political Science Law and Criminology*. 2021. Vol. 3, no. 3. P. 130–136. DOI: 10.37547/tajpslc/Volume03Issue03-20
16. Md Hosain M. Role of Civil Society to Combat Corruption in Bangladesh: A Legal and Policy Analysis // *International Journal of Legal Studies and Research (IJLSR)*. 2018. Special Issue — June. P. 138–157.
17. Lalruatfela S. Civil Society against Corruption: A Study of the Role of PRISM in Mizoram // *Senhri Journal of Multidisciplinary Studies*. 2019. Vol. 4, no. 1. P. 63–69. DOI: 10.36110/sjms.2019.04.01.008
18. Akmal D. U., Pipih L. K., Syafrijal M. M. Law Enforcement of Corruption Cases Through a Participatory Society As an Effort to Protect Constitutional Rights // *Corruptio*. 2021. Vol. 2, no. 2. P. 99–112. DOI: 10.25041/corruptio.v2i2.2368
19. Juwita R. Democracy and Anti-Corruption Strategy: The Role of Civil Society in Preventing and Combating Corruption in Indonesia // *Asia Pasific Fraud Journal*. 2016. Vol. 1, no. 2. P. 165–176.
20. Muhedeen J. J., Murad H. R., Ali H. M. The Role of investigative journalism in combating corruption in Kurdistan region : (an analytical study) // *Journal of University of Raparin*. 2023. Vol. 10, no. 2. P. 1–26. DOI: 10.26750/Vol(10).No(2).Paper1
21. Barati A. N. et al. The Role of Specialized Civil Society in Challenge Corruption with Glance to I.R.I. // *Journal of Public Administration and Governance [S.l.]* 2017. Vol. 7, no. 3. P. 174–189. DOI: 10.5296/jpag.v7i3.11762
22. Estebari A. H. The Impact of Civil Society on Control of Corruption: A Comparative Study of Russia and Iran // *Potentia: Journal of International Affairs* 2021. Vol.12. P. 91–123. DOI: 10.18192/potentia.v12i0.5807
23. Varkani A. M., Barati A. N. The Comparative Study of civil Society Organizations in Combat Corruption in I.R.I and South Korea with Overview to the United Nations Convention against Corruption (UNCAC) // *Journal of Asian Development*. 2017. Vol 3, no. 2. P. 222–236. DOI: 10.5296/jad.v3i2.11882
24. Gabbay S. M. Pakistan's Intractable Corruption Provides Terror Groups Agency // *Advances in Social Sciences Research Journal*. 2023. Vol. 10, no. 4. P. 390–396. DOI: 10.14738/assrj.104.14586
25. Korać S. T., Bulatović A. Uloga organizacija građanskog društva u konstituisanju antikorupcijske politike u Srbiji // *Српска политичка мисао*. 2023. Vol. 79, no. 1. P. 101–123. DOI: 10.5937/spm79-42800
26. Gebeyehu N. Z. The Role of African Civil Society in Combating Corruption // SSRN. 2015. May 17 <https://ssrn.com/abstract=2607272> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2607272>
27. Muhammad S. Y. Enhancing the Role of Civil Society Organizations in the Fight against Corruption in Nigeria // *Journal of Social and Development Sciences*. 2017. Vol. 7, no. 4(S). P. 6–14. DOI: 10.22610/jsds.v7i4(S).1499
28. Targema T. S., Suntai D. I. Media and the Civil Society in the Fight against Corruption: The Case of Nigeria // *IJORAS*. 2018. Vol. 1, no. 1. P. 49–67.
29. Ukase U., Bem A. The Role of Civil Society in the Fight against Corruption in Nigerias Fourth Republic: Problems, Prospects and the way forward // *European Scientific Journal*. 2015. Vol. 11, no. 2. P. 1857–1881.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 11.09.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.10.2023.

ПРОЕКТ ЭТИЧЕСКОГО КОДЕКСА СУБЪЕКТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СОЗДАНИЮ, ПРИМЕНЕНИЮ И УТИЛИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ НА ОСНОВЕ БИОПРИНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ПО ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ПАЦИЕНТАМИ И ДОНОРАМИ КЛЕТОК, ПО ОБОРОТУ ДОНОРСКИХ КЛЕТОК, БИОЧЕРНИЛ И БИОПРИНТНЫХ ТКАНЕВЫХ (ОРГАННЫХ) КОНСТРУКТОВ*

Альбина Александровна Шутова¹, Ильдар Рустамович Бегишев²

^{1,2}*Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия*

¹*shutova1993@inbox.ru*

 <https://orcid.org/0000-0003-3015-3684>

²*begishev@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

Аннотация. Проект Этического кодекса субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструктов (далее — Этический кодекс), представляет собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться субъекты, осуществляющие деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструктов. Представленный проект Этического кодекса направлен на укрепление авторитета медицинских работников, повышение доверия пациентов к биопринтным технологиям и предотвращение потенциальных негативных последствий в результате их применения. Принципы, отраженные в Этическом кодексе, служат основой для совершенствования системы правового регулирования биопринтных технологий. Цифровое развитие системы здравоохранения неизбежно повлечет изменение нормативного регулирования биопринтных технологий, поэтому предложенный проект Этического кодекса представляет собой попытку формирования этических основ, которые могут быть заложены в основу правотворческого процесса данной цифровой технологии, и ее практической реализации в клинической медицине. Этические принципы в кодексе подразделены на информационные блоки, сформированные исходя из этапов реализации биопринтной технологии. Проект Этического кодекса предназначен для юристов — ученых и практиков, медицинских работников, членов комитетов по клинической этике, специалистов по медицинской этике, представителей правотворческих органов, государственных ведомств, бизнес-сообщества и общественных организаций, пациентов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами цифровой трансформации системы здравоохранения.

Ключевые слова: 3D-биопечать, 3D-биопринтер, биопринтная ткань, биопринтные технологии, биопринтный орган, биочернила, донор, здравоохранение, клетка, конструкт, медицина, медицинская помощь, медицинская услуга, медицинская этика, медицинский работник, медицинское изделие, пациент, право, принцип, производитель, процедура, разработчик, цифровые технологии, этика, этический кодекс

Для цитирования: Шутова А. А., Бегишев И. Р. Проект Этического кодекса субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструктов // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 239–247. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-239-247

Research article

PROJECT OF AN ETHICAL CODE OF SUBJECTS IMPLEMENTING ACTIVITY OF CREATING, APPLYING AND UTILIZING MEDICAL PRODUCTS BASED ON BIOPRINTING TECHNOLOGIES, INTERACTING WITH PATIENTS AND CELL DONORS, TURNOVER OF DONOR CELLS, BIOINK AND BIOPRINT TISSUE (ORGAN) CONSTRUCTS

Albina A. Shutova¹, Ildar R. Begishev²

^{1,2}*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*

¹*shutova1993@inbox.ru*

 <https://orcid.org/0000-0003-3015-3684>

²*begishev@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

Abstract. The draft Code of Ethics of Entities Engaged in the Creation, Use and Disposal of Medical Devices Based on bioprint technologies, interaction with patients and cell donors, turnover of donor cells, biocherrnills and bioprint tissue (organ) constructs (hereinafter — The Code of Ethics), is a set of general principles of professional service ethics and basic rules of official conduct, which should guide the subjects engaged in the creation, use and disposal of medical devices based on bioprint technologies, interaction with patients and cell donors, turnover of donor cells, bio-ink and bioprint tissue (organ) constructs. The presented draft Code of Ethics is aimed at strengthening the authority of medical professionals, increasing patient confidence in bioprinting technologies and preventing potential negative consequences as a result of their use. The principles reflected in the Code of Ethics serve as the basis for improving the system of legal regulation of bioprint technologies. The digital development of the healthcare system will inevitably entail a change in the regulatory regulation of bioprint technologies, therefore, the proposed draft Code of Ethics is an attempt to form ethical foundations that can be laid in the basis of the law-making process of this digital technology and its practical implementation in clinical medicine. The ethical principles in the code are divided into information blocks formed based on the stages of the implementation of bioprint technology. The draft Code of Ethics is intended for lawyers, scientists and practitioners, medical professionals, members of clinical ethics committees, medical ethics specialists, representatives of law-making bodies, government departments, the business community and public organizations, patients, as well as a wide range of readers interested in the digital transformation of the healthcare system.

Keywords: 3D-bioprinting, 3D-bioprinter, bioprint tissue, bioprinting technologies, bioprint organ, bioink, donor, healthcare, cell, construct, medicine, medical assistance, medical service, medical ethics, medical staff, medical product, patient, law, principle, producer, procedure, developer, digital technologies, ethics, Ethical code

For citation: Shutova AA, Begishev IR. Project of an Ethical Code of subjects implementing activity of creating, applying and utilizing medical products based on bioprinting technologies, interacting with patients and cell donors, turnover of donor cells, bioink and bioprint tissue (organ) constructs. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):239-247. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-239-247 (In Russ.)

Введение

3D-биопринтинг является одной из самых перспективных направлений в области регенеративной медицины, позволяющей спасти жизни людей, длительное время ожидающих органы для последующей трансплантации. Стоит поддержать мнение С. Д. Ксенофоновой, полагающей, что «3D-биопринтинг способствует решению проблем недостаточности пригодных для пересадки человеческих органов» [1]. Учитывая положительные стороны биопечати и её перспективное влияние на общество, имеется необходимость в особом внимании к этой технологии с точки зрения этических и правовых аспектов. На данный момент технология находится на этапе своего активного развития, уже создаются конструкции и макеты органов, тканей: кожа, хрящ, кость¹. В связи с этим важным является изучение биоэтических вопросов. Некоторые ученые утверждают то, что, учитывая рост 3D-биопечати, самое время подумать об «Этике биопечати» [2; 3]. На основе имеющихся исследований в этой области можно утверждать то, что уже ведутся активные дискуссии о биоэтических принципах, включая использование клеток, в том числе стволовых клеток, клеток животных для проведения дальнейших исследований. В рамках изучения этической стороны биопечати следует использовать комплексный подход, позволяющий изучить вопросы как самой технологии, так и производства клеток и трансплантации органных конструкторов, напечатанных на биопринтере.

Однако, как и для каждой новой технологии, этическим принципам и правовым нормам 3D-биопечати предстоит пройти долгий путь, пока они не установятся. В связи с этим предложенный проект Этического кодекса представляет собой попытку формирования этических основ, которые могут быть заложены в основу правотворческого процесса данной цифровой технологии и ее практической реализации в клинической медицине.

Основная часть**1. Преамбула**

Учитывая важную роль медицинских инноваций и цифровых технологий в системе здравоохранения и традиционно большое значение этических принципов в медицине, руководствуясь общепризнанными нравственными принципами и нормами медицинского

сообщества, документами по медицинской этике и отраслевыми стандартами в сфере классификации, регистрации и сертификации медицинских изделий на основе биопринтных технологий и правилами контроля качества производства таких изделий, принимается настоящий Этический кодекс субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструкторов.

2. Основные понятия

2.1. Биопринтные технологии — совокупность методов разработки и производства тканевых (органных) конструкторов на основе биочернил с использованием 3D-биопринтера.

2.2. Биопринтные тканевые (органные) конструкторы — ткань или орган, созданные посредством использования биопринтной технологии и предназначенные для замены больной либо несостоятельной части тела человека (животного).

2.3. Биочернила — смесь, состоящая из донорских клеток и синтетических субстанций, имитирующих внеклеточный матрикс, используемая для производства тканевых (органных) конструкторов.

2.4. Донорская клетка — элементарная система, способная к размножению и взаимодействию с синтетическими субстанциями для производства биочернил, полученная от живого донора, трупа или животного.

3. Общие положения

3.1. Этический кодекс представляет собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться субъекты, осуществляющие деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструкторов.

3.2. Целью Этического кодекса является установление этических норм и правил служебного поведения субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструкторов, содействие

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

укреплению авторитета медицинских работников, повышение доверия пациентов к биопринтным технологиям и предотвращение потенциальных негативных последствий в результате их применения.

3.3. Принципы, указанные в Этическом кодексе, служат основой для развития системы правового регулирования биопринтных технологий.

3.4. Медицинские изделия на основе биопринтных технологий должны разрабатываться, производиться и применяться исключительно в целях оказания медицинской помощи (медицинской услуги) или в научно-исследовательских целях.

3.5. Медицинским работникам запрещено принуждать пациента применять медицинские изделия на основе биопринтных технологий в отношении него, если это не продиктовано условиями крайней необходимости.

3.6. Медицинские работники должны сокращать количество доклинических и клинических исследований (испытаний) на животных.

3.7. Медицинские организации должны предоставлять финансовую поддержку для исследований и разработок в области биопринтных технологий, а также для их внедрения в клиническую практику.

4. Специальные положения

4.1. Этический кодекс не умаляет достоинство и действия кодексов профессиональной этики медицинских работников, а дополняет и раскрывает особенности их деятельности при применении ими медицинских изделий на основе биопринтных технологий.

4.2. Должностное лицо предприятия, учреждения, организации разработчика (производителя) медицинских изделий на основе биопринтных технологий обязано ознакомиться с положениями Этического кодекса и соблюдать их в процессе своей профессиональной деятельности.

4.3. Медицинский работник, работающий в медицинской организации, обязан ознакомиться с Этическим кодексом и соблюдать его в процессе своей профессиональной деятельности.

4.4. Каждый медицинский работник должен принимать все необходимые меры для соблюдения положений Этического кодекса, а каждый пациент и донор клеток вправе ожидать от него поведения, соответствующего положениям Этического кодекса.

4.5. Знание и соблюдение медицинскими работниками положений Этического кодекса является одним из критериев оценки качества

их профессиональной деятельности и служебного поведения.

5. Этические принципы оборота донорских клеток

5.1. Принцип взятия клеток

Медицинские работники должны организовать процедуру взятия донорских клеток в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

5.2. Принцип качества

Медицинские работники должны осуществлять исследование качества донорских клеток на жизнеспособность и способность к размножению.

5.3. Принцип тестирования

Медицинские работники должны осуществлять тестирование донорских клеток на наличие вирусной, бактериальной, протозойной, грибковой и прионной инфекции.

5.4. Принцип биохранения

Медицинские работники должны обеспечить безопасное хранение донорских клеток в биобанке.

5.5. Принцип транспортировки

Медицинские работники должны обеспечить безопасную транспортировку донорских клеток.

5.6. Принцип клинической эффективности

Медицинские работники должны обеспечить клиническую эффективность применения донорских клеток.

5.7. Принцип объекта гражданских прав

Донорские клетки, взятые для производства биопринтных тканевых конструктов, являются объектами гражданских прав.

6. Этические принципы оборота биочернил

6.1. Принцип разработки

Медицинские работники должны организовать процедуру разработки биочернил в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

6.2. Принцип применения

Медицинские работники должны организовать процедуру применения биочернил в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

6.3. Принцип качества

Медицинские работники должны осуществлять исследование качества биочернил на жизнеспособность.

6.4. Принцип тестирования

Медицинские работники должны осуществлять тестирование биочернил на наличие вирусной, бактериальной, протозойной, грибковой и прионной инфекции.

6.5. Принцип биохраниения
Медицинские работники должны обеспечить безопасное хранение биочернил в биобанке.

6.6. Принцип транспортировки
Медицинские работники должны обеспечить безопасную транспортировку биочернил.

6.7. Принцип клинической эффективности
Медицинские работники должны обеспечить клиническую эффективность применения биочернил.

6.8. Принцип объекта гражданских прав
Биочернила являются объектами гражданских прав.

7. Этические принципы оборота биопринтных тканевых (органных) конструкторов

7.1. Принцип доклинических исследований (испытаний)
Медицинские работники должны организовать процедуру доклинических исследований (испытаний) биопринтных тканевых (органных) конструкторов в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

7.2. Принцип клинических исследований (испытаний)
Медицинские работники должны организовать процедуру клинических исследований (испытаний) биопринтных конструкторов в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

7.3. Принцип трансплантации
Медицинские работники должны организовать процедуру трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

7.4. Принцип качества
Медицинские работники должны осуществлять исследование качества биопринтных тканевых (органных) конструкторов на жизнеспособность и способность к трансплантации.

7.5. Принцип тестирования
Медицинские работники должны осуществлять тестирование биопринтных тканевых (органных) конструкторов на наличие вирусной, бактериальной, протозойной, грибковой и прионной инфекции.

7.6. Принцип биохраниения
Медицинские работники должны обеспечить безопасное хранение биопринтных тканевых (органных) конструкторов в биобанке.

7.7. Принцип транспортировки
Медицинские работники должны обеспечить безопасную транспортировку биопринтных тканевых (органных) конструкторов.

7.8. Принцип клинической эффективности
Медицинские работники должны обеспечить клиническую эффективность применения биопринтных тканевых (органных) конструкторов.

7.9. Принцип переносимости
Медицинские работники должны учитывать переносимость трансплантируемых в организм пациента биопринтных тканевых (органных) конструкторов.

7.10. Принцип доступности результатов исследований (испытаний)
Результаты доклинических и клинических исследований (испытаний) биопринтных тканевых (органных) конструкторов подлежат обязательному опубликованию в научных журналах.

7.11. Принцип доступности результатов трансплантации
Результаты трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов подлежат обязательному опубликованию в научных журналах.

7.12. Принцип объектов гражданских прав
Биопринтные тканевые (органные) конструкторы до завершения процедуры трансплантации являются объектами гражданских прав.

8. Этические принципы взаимодействия с донорами клеток

8.1. Принцип анамнеза
Медицинские работники перед назначением процедуры выбора донора клеток должны исследовать его здоровье и изучить анамнез донора.

8.2. Принцип добровольного донорства
Процедура взятия клеток у донора осуществляется на добровольной основе. Добровольное донорство клеток возможно за плату.

8.3. Принцип запрета на принуждение
Запрещено оказывать давление на донора для получения его клеток в целях производства биочернил, угрозы применения к нему насилия, убийства, иные формы принуждения, влекущие уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

8.4. Принцип этического соответствия
Медицинские работники в процессе процедуры выбора донора клеток должны учитывать его религиозные, культурные и социальные убеждения.

8.5. Принцип генетического соответствия
Медицинские работники в процессе процедуры выбора донора клеток должны учитывать генетические заболевания донора клеток и его родственников.

8.6. Принцип наследственного соответствия

Медицинские работники в процессе процедуры выбора донора клеток должны учитывать наследственные заболевания донора клеток и его родственников.

8.7. Принцип гистосовместимости

Медицинские работники перед назначением процедуры выбора донора клеток должны осуществлять тестирование на гистосовместимость.

8.8. Принцип биологической совместимости

Медицинские работники перед назначением процедуры выбора донора клеток должны осуществлять тестирование на биологическую совместимость.

8.9. Принцип инфекционной реакции

Медицинские работники должны устранять риски, связанные с введением вирусной, бактериальной, протозойной, грибковой и прионной инфекции в организм донора клеток.

8.10. Принцип иммунологической реакции

Медицинские работники должны устранять риски, связанные с иммунологической реакцией и иммунным ответом организма донора клеток.

8.11. Принцип аллергической реакции

Медицинские работники должны устранять риски, связанные с аллергической реакцией организма донора клеток.

8.12. Принцип информированного согласия

Донор клеток должен быть извещен об осуществлении в отношении него процедуры взятия донорских клеток, о возможных побочных эффектах и непредвиденных реакциях. Донор клеток должен быть извещен о том, каким образом и в каких целях будут использованы его донорские клетки. Процедура взятия донорских клеток допускается при наличии информированного согласия донора.

8.13. Принцип защиты прав и интересов

Донор клеток имеет право на защиту своих прав и интересов при осуществлении процедуры взятия донорских клеток.

8.14. Принцип хранения и защиты данных

Медицинские работники должны хранить персональные данные доноров клеток в базе данных с учетом требований информационной безопасности.

8.15. Принцип конфиденциальности

Медицинские работники должны извещать доноров клеток о том, что их персональные данные собираются и обрабатываются.

Сведения о донорах клеток, состоянии их здоровья, иные сведения, полученные в ходе процедуры взятия клеток у донора, составляют врачебную тайну.

8.16. Принцип пропаганды донорства

Медицинские работники должны осуществлять пропаганду донорства на постоянной основе в целях привлечения потенциальных доноров к сдаче клеток.

9. Этические принципы взаимодействия с пациентами

9.1. Принцип анамнеза

Медицинские работники перед назначением процедуры трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов должны исследовать здоровье и изучить анамнез пациента.

9.2. Принцип сохранения здоровья пациента

Пациенты могут являться донорами своих клеток для последующего производства биопринтных тканевых (органных) конструкторов, если им не установлен запрет по медицинским показаниям.

9.3. Принцип этического соответствия

Медицинские работники в процессе процедуры выбора донора клеток должны учитывать религиозные, культурные или социальные убеждения пациента.

9.4. Принцип генетического соответствия

Пациент должен быть извещен о наличии генетических заболеваний у донора клеток и его родственников.

9.5. Принцип наследственного соответствия

Пациент должен быть извещен о наличии наследственных заболеваний у донора клеток и его родственников.

9.6. Принцип гистосовместимости

Медицинские работники перед назначением процедуры трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов должны осуществлять тестирование на гистосовместимость.

9.7. Принцип биологической совместимости

Медицинские работники перед назначением процедуры трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов должны осуществлять тестирование на биологическую совместимость.

9.8. Принцип инфекционной реакции

Медицинские работники должны устранять риски, связанные с введением вирусной, бактериальной, протозойной, грибковой и прионной инфекции в организм пациента.

9.9. Принцип иммунологической реакции
Медицинские работники должны устранять риски, связанные с иммунологической реакцией и иммунным ответом организма пациента.

9.10. Принцип аллергической реакции
Медицинские работники должны устранять риски, связанные с аллергической реакцией организма пациента.

9.11. Принцип информированного согласия
Пациент должен быть извещен о применении в отношении него медицинских изделий на основе биопринтных технологий, о возможных побочных эффектах и непредвиденных реакциях. Процедура трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструктов допускается при наличии информированного согласия пациента.

9.12. Принцип защиты прав и интересов
Пациент имеет право на защиту своих прав и интересов при применении в отношении него медицинских изделий на основе биопринтных технологий.

9.13. Принцип хранения и защиты данных
Медицинские работники должны хранить персональные данные пациентов в базе данных с учетом требований информационной безопасности.

9.14. Принцип конфиденциальности
Медицинские работники должны известить пациентов о том, что их персональные данные собираются и обрабатываются. Сведения о пациенте, состоянии их здоровья, иные сведения, полученные в ходе процедуры трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструктов, составляют врачебную тайну.

9.15. Принцип цифровой модели пациента
Разработка и применение цифровой модели пациента осуществляется медицинскими работниками в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

9.16. Принцип послеоперационного наблюдения
Медицинские работники должны осуществлять послеоперационный уход и контроль пациентов в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

10. Этические принципы разработчиков и производителей медицинских изделий на основе биопринтных технологий

10.1. Принцип благополучия
Разработка и производство медицинских изделий на основе биопринтных технологий

должны быть направлены на благо пациентов и общества, а не только на достижения интересов бизнеса. Разработчики и производители медицинских изделий на основе биопринтных технологий должны убедиться, что их продукты обеспечивают клиническую эффективность, повышают качество медицинской помощи (медицинской услуги) и улучшают здоровье пациентов.

10.2. Принцип безопасной разработки
Разработчики и производители медицинских изделий на основе биопринтных технологий при разработке и производстве продуктов должны обеспечивать безопасность жизни и здоровья человека, окружающей среды, интересов собственности.

10.3. Принцип безопасного внедрения
Внедрение медицинских изделий на основе биопринтных технологий в клиническую практику должно быть обосновано и основано на доказательной медицине, а также на методах проверки, воспроизводимости и надежности.

10.4. Принцип безопасного применения
Разработчики и производители медицинских изделий на основе биопринтных технологий должны обеспечить качественную установку, настройку, обслуживание и ремонт продуктов на постоянной основе с соблюдением протоколов безопасности. Документация по безопасному применению медицинских изделий на основе биопринтных технологий должна быть ясной и доступной.

10.5. Принцип ограничения конкуренции
Медицинские изделия на основе биопринтных технологий не должны использоваться для придания человеку новых способностей, влекущих ограничение конкуренции.

10.6. Принцип прозрачности и объяснимости
Разработчики и производители медицинских изделий на основе биопринтных технологий должны гарантировать, что их продукты разработаны с учетом прозрачности и объяснимости процедуры и результатов. Разработчики и производители медицинских изделий на основе биопринтных технологий должны предоставлять медицинским работникам полную информацию о том, как работает их продукт и какие результаты стоит от него ожидать.

10.7. Принцип послерегистрационного мониторинга
Производители медицинских изделий на основе биопринтных технологий после регистрации продукта и вывода его на рынок должны осуществлять постоянный мониторинг его работы в целях выявления побочных эффектов или непредвиденных реакции при его применении.

10.8. Принцип контроля

Разработчики и производители медицинских изделий на основе биопринтных технологий должны осуществлять контроль выведенных на рынок продуктов на соответствие требованиям безопасности, надежности и эффективности. В ходе испытаний медицинских изделий на основе биопринтных технологий не должны создаваться условия, которые могут угрожать жизни и здоровью человека.

10.9. Принцип ответственности

Разработчики и производители медицинских изделий на основе биопринтных технологий должны убедиться в том, что их продукты соответствуют высоким стандартам качества и безопасности, перед тем как предоставлять их на рынок. Разработчики и производители медицинских изделий на основе биопринтных технологий должны быть готовы взять на себя ответственность за любые проблемы, возникающие из-за некорректного использования продукта.

11. Этические принципы медицинских работников по применению медицинских изделий на основе биопринтных технологий

11.1. Принцип созидания

Медицинские работники должны применять медицинские изделия на основе биопринтных технологий исключительно в целях оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

11.2. Принцип безопасности

Применение медицинских изделий на основе биопринтных технологий должно быть надежным и безопасным, а получаемые на их основе результаты не должны быть направлены на причинение вреда жизни и здоровью пациентам. Медицинские работники должны обеспечить создание прозрачной системы доклинических и клинических исследований (испытаний), которые гарантируют соответствие таких изделий высоким стандартам качества и безопасности.

11.3. Принцип добровольного информированного согласия

Медицинские работники должны информировать пациентов обо всех аспектах их медицинского обследования и вмешательства при применении в отношении них медицинских изделий на основе биопринтных технологий.

11.4. Принцип квалификации медицинских работников

Медицинские работники должны знать и соблюдать действующие нормативные правовые акты, регулирующие их профессиональную

деятельность, должны быть обучены применению медицинских изделий на основе биопринтных технологий, знать стандарты оказания медицинской помощи (медицинской услуги) с использованием медицинских изделий на основе биопринтных технологий. Медицинские работники имеют право на профессиональную подготовку или повышение квалификации по программам «Применение медицинских изделий на основе биопринтных технологий» в системе непрерывного медицинского образования на бесплатной основе.

11.5. Принцип соответствия

Медицинские изделия на основе биопринтных технологий должны соответствовать действующим стандартам оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

11.6. Принцип защиты прав и интересов медицинских работников

Медицинский работник имеет право на защиту своих прав и интересов при применении медицинских изделий на основе биопринтных технологий. При применении медицинских изделий на основе биопринтных технологий необходимо минимизировать риски возможных негативных последствий для медицинских работников.

11.7. Принцип государственного контроля

Деятельность по процедуре трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкций подлежит лицензированию.

12. Этические принципы субъектов, осуществляющих деятельность по утилизации медицинских изделий на основе технологий медицинской робототехники

12.1. Принцип естественной утилизации

Медицинские изделия на основе биопринтных технологий с истекшими сроками годности должны быть утилизированы с учетом требований биологической безопасности. В этом случае должно быть организовано уничтожение персональных данных пациентов и иной служебной информации, обращавшейся в медицинском изделии на основе биопринтных технологий.

12.2. Принцип специальной утилизации

Медицинские изделия на основе биопринтных технологий, с истекшими сроками годности, могут быть использованы в научных и образовательных целях, не связанных с оказанием медицинской помощи (медицинской услуги). В этом случае должно быть организовано обезличивание персональных данных пациентов, обращавшихся в медицинском изделии на основе биопринтных технологий.

Заключение

На данный момент 3D-биопринтинг является одной из самых прорывных инновационных технологий и в целом революционизирует индустрию медицинских технологий. В биопринтинге коммерческие интересы становятся все более заметными, но ответственность перед обществом за жизнь и здоровье конкретного человека еще недостаточно ясна и требует своего разрешения.

Дискуссии среди ученых за последние года сводятся к попытке разрешить колебание между юридическими попытками регулирования 3D-биопринтинга и концепцией полного запрета на такую деятельность. Полагаем, что в этом ключе стоит предпринять попытку объединения справедливого баланса между интересами всего человечества и отдельно

взятой личности, а также новой технологии. Наряду с предоставлением потенциальных решений для некоторых актуальных биоэтических проблем трехмерная биопринтинг создает и новые реальные вызовы, требующие внимания общественности и научного сообщества. В связи с этим предпринята попытка комплексного исследования этических принципов, которые могут быть заложены в основу правового регулирования, представляется нам первым шагом в соблюдении баланса между внедрением технологии в клиническую практику и рисками, которые могут возникнуть с ее применением [4]. Поэтому полагаем, что государственное вмешательство в разработку новых технологий крайне важно, поскольку оно определит будущее технологии [5, с. 86].

* Препринт научной статьи «Инициативный проект Этического кодекса субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструкций» размещен на сайте Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова. URL: <https://ieml.ru/podrazdeleniya-universiteta/izdatelstvo-poznanie/preprinty-kiu/3-2023>

Список источников

1. Ксенофонтowa Д. С. Правовое и биоэтическое изменение коммодификации человеческих, в том числе биопринтных, органов и тканей // *Lex russica* (Русский закон). 2020. № 9. С. 100–107.
2. Vijayavenkataraman S., Lu W. F. & Fuh J. Y. H. (2016). 3D bioprinting — An Ethical, Legal and Social Aspects (ELSA) framework. *Bioprinting*. Vol. 1-2. P. 11–21. DOI: 10.1016/j.bprint.2016.08.001
3. Шутова А. А., Бегишев И. Р. Инициативный проект этического кодекса субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструкций : препринт № 3 за 2023 г. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. 23 с. DOI: 10.21202/978-5-8399-0803-1_2023_3_23
4. Kirillova A., Bushev S., Abubakirov A. Bioethical and Legal Issues in 3D Bioprinting // *Int J Bioprint*. 2020. Vol. 6, no. 3. P. 272. DOI: 10.18063/ijb.v6i3.272
5. Шутова А. А. Регулирование и охрана отношений в сфере биопринтных технологий. Москва : Проспект, 2022. 104 с. EDN: RQFNTB.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 24.10.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 30.10.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.11.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**АГАЕВ ГЮЛОГЛАН АЛИ ОГЛЫ**

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А.

guloglanmvd@gmail.com

БАРАНЧИКОВА МАРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Орел, ул. Игнатова, д. 2.

marina-baranchikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-003-2707-9874>

БЕГИШЕВ ИЛЬДАР РУСТАМОВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательский институт цифровых технологий и права; профессор кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова.

420111, Казань, ул. Московская, д. 42.

begishev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

ГОНЧАРОВ ДЕНИС ЮРЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Челябинский государственный университет; профессор высшей школы права, Югорский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

denis667777@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3347-2533>

INFORMATION ABOUT AUTHORS**GULOGLAN A. AGAYEV**

Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Customs Investigations of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

67 Bolshaya Morskaya str., litera A, St. Petersburg 190000, Russia.

guloglanmvd@gmail.com

MARINA V. BARANCHIKOVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy head of the Department of Criminal Law and Criminology, Oryol Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

2 Ignatova str., Orel 302027, Russia.

marina-baranchikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-003-2707-9874>

ILDAR R. BEGISHEV

Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher, Institute of Digital Technologies and Law; Professor, Department of Criminal Law and Procedure Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML).

42 Moskovskaya str., Kazan 420111, Russia.

begishev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

DENIS Yu. GONCHAROV

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor Departments of Prosecutor's Supervision and Organization of Law Enforcement, Chelyabinsk State University; Professor of Higher Law School, Ugra State University.

129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

denis667777@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3347-2533>

ГОРБУНОВА КСЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА

Инспектор учебного отдела, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.

125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
gorbynya.rambler.ru@yandex.ru

ГРИГОРЬЕВА МАРТА КОНСТАНТИНОВНА

Эксперт по международным отношениям ООО «Севергрупп», Москва, Россия.

talakina.marta@gmail.com

ДЕНИСОВИЧ ВЕРОНИКА ВЛАДИМИРОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

LtybctyejV1984@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3125-6570>

ДРАНИЧНИКОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

dr131nt@gmail.com

ЗУЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной и правоохранительной деятельности, Южно-Уральский государственный университет (НИУ); профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Челябинский государственный университет.

4540001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

zuevsergej@inbox.ru

КАБАНОВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России; профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

420111, Казань, ул. Московская, д. 42.

kabanovp@mail.ru

KSENIA A. GORBUNOVA

Inspector of the Educational Department of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin.

9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow 125993, Russia.
gorbynya.rambler.ru@yandex.ru

MARTA K. GRIGORYEVA

Expert on international relations of Severgroup LLC, Moscow, Russia.

talakina.marta@gmail.com

VERONIKA V. DENISOVICH

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Chelyabinsk State University.

129 Bratyev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

LtybctyejV1984@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3125-6570>

NATALYA V. DRANICHNIKOVA

Senior lecturer of the department of criminal law disciplines of the Institute of Law of the Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

dr131nt@gmail.com

SERGEY V. ZUEV

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Judicial and Law Enforcement Activity, South Ural State University (NRU); Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

zuevsergej@inbox.ru

PAVEL A. KABANOV

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of Criminal Law and the University of Kazan innovation process them. V. G. Timiryasova.

42 Moskovskaya str., Kazan 420111, Russia.

kabanovp@mail.ru

КАЙГОРОВОДА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

kaigorodoff@mail.ru

OLGA S. KAIGORODOVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Organization of Crime Investigation and Forensic Examinations, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

75 Amurskaya str., Tyumen 625049, Russia.

kaigorodoff@mail.ru

КВИТЧУК АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры специальной и автомобильной техники, Санкт-Петербургский университет МВД России.

198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1.

pr.ankvt@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8248-3004>

ANATOLIY S. KVITCHUK

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Special and Automotive Technology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

1 Letchika Pilyutova str., St. Petersburg 198206, Russia.

pr.ankvt@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8248-3004>

КИРЕЕВ ВАЛЕРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных,
д. 129.

kireevvv@is74.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>

VALERY V. KIREEV

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

kireevvv@is74.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>

КИСЕЛЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права, юридический факультет, Институт экономики, управления и права, Государственный университет просвещения; старший научный сотрудник центра исследований и экспертиз, юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

125993, Москва, Ленинградский проспект, д. 49.

SPIN-код: 3570-8911

AuthorID: 819975

WoSResearcherID: ABX-2279-2022

alskiselev@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>

ALEXANDER S. KISELEV

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Civil Law of the Faculty of Law of the Institute of Economics, Management and Law of the State University of Education; Senior Researcher at the Center for Research and Expertise of the Faculty of Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

49 Leningradskiy prospekt, Moscow 125993, Russia.

SPIN code: 3570-8911

AuthorID: 819975

WOS ResearcherID: ABX-2279-2022

alskiselev@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>

КОЙНОВ МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ

Старший преподаватель кафедры организации охраны общественного порядка, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

koynovmax@mail.ru

MAKSIM Yu. KOYNOV

Senior lecturer of the Department of Public Order Protection, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs.

75 Amurskaya str., Tyumen 625049, Russia.

koynovmax@mail.ru

МАЙОРОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и муниципального права, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

major.a@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3705-0402>

YELENA N. MAYOROVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Department of Constitutional Law and Municipal Law, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Bratyev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

major.a@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3705-0402>

МИРАСОВ РОДИОН РАМАЗАНОВИЧ

Аспирант кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Института права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

mirasov_rr@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-6210-643X>

RODION R. MIRASOV

Graduate student of the Departments of Prosecutor's Supervision and Organization of Law Enforcement, Chelyabinsk State University, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

mirasov_rr@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-6210-643X>

ОРДАН АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

ordanav@susu.ru

<https://orcid.org/0009-0004-1346-8769>

ANATOLIJ V. ORDAN

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination, South Ural State University (NRU).

76 prospect Lenina, Chelyabinsk 454080, Russia.

ordanav@susu.ru

<https://orcid.org/0009-0004-1346-8769>

ПАСС АНДРЕЙ АРКАДЬЕВИЧ

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский гос. университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

pass_andrey@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>

ANDREY A. PASS

Doctor of History Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Sciences and International Relations, Chelyabinsk State University.

129 Bratyev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

pass_andrey@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>

ПЕРЕМОЛОТОВА ЛИЛИАННА ЮРЬЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент,
Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний.

390000, Рязань, Сенная ул., д. 1.

SPIN-код: 6561-8929

AuthorID: 406412

lady.peremolotova@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0005-5317-9731>

LILIANNA Yu. PEREMOLOTOVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Academy of Law and Management
of the Federal Penitentiary Service,

1 Sennaya str., Ryazan 390000, Russia.

SPIN-code: 6561-8929

AuthorID: 406412

lady.peremolotova@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0005-5317-9731>

ПОЛЯКОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

Старший преподаватель кафедры «Современные образовательные технологии», Институт открытого дистанционного образования, Южно-Уральский гос. университет (НИУ).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

vip.poliakovasv@mail.ru

SVETLANA V. POLYAKOVA

Senior Lecturer, Department of Modern Educational Technologies, Institute of Open Distance Education, South Ural State University (NRU).

76 prospect Lenina, Chelyabinsk 454080, Russia.

vip.poliakovasv@mail.ru

ПУЧКОВ ВЛАДИСЛАВ ОЛЕГОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, Уральский государственный экономический университет; доцент кафедры публичного права, Гуманитарный университет.

620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62.

v.o.puchkov@uslu.su

<https://orcid.org/0000-0002-0700-1562>

VLADISLAV O. PUCHKOV

Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of Commercial Law Department, Ural State University of Economics; Assistant Professor of Public Law Department, Liberal Arts University.

62 Vosmogo Marta str., Yekaterinburg 620144, Russia.

v.o.puchkov@uslu.su

<https://orcid.org/0000-0002-0700-1562>

РУБАН АЛИСА ДМИТРИЕВНА

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.

198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилутова, д. 1.

a_lisa13.13@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9931-7926>

ALISA D. RUBAN

Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Criminology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

1 Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg 198206, Russia.

a_lisa13.13@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9931-7926>

РЯБЧИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Старший преподаватель кафедры криминалистики, Уфимский юридический институт МВД России.

450103, Республика Башкортостан, Уфа,
ул. Муксинова, д. 2.

r_s.91@mail.ru

SERGEY A. RYABCHIKOV

Senior Lecturer of the Criminology Department of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

2 Muksinova str., Ufa 450103,
Republic of Bashkortostan, Russia.

r_s.91@mail.ru

САБИТОВ РАШИД АКРЕМОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории правовых исследований, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.

Profsabitov@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5659-5571>

САГАЙДАК АЛЬБИНА ЮРЬЕВНА

Кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД РФ.

198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1.

a-sagaidakk@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5980-8771>

САФОНОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, СЗФ Российский государственный университет правосудия (Санкт-Петербург); доцент кафедры публичного права, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

197046, Санкт-Петербург,
ул. Александровский парк, д. 5, лит. А.

svn205@gmail.com

СИБГАТУЛЛИН ФАРХАД САЕТГАЛИЕВИЧ

Адъюнкт, факультет подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ.

198264, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1.

farkhad.sibgatullin.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>

СКОРОБОГАТОВ АНДРЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова.

420111, Казань, ул. Московская, д. 42.

av.skorobogatov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

RASHID A. SABITOV

Doctor of Legal Sciences, Professor, Leading researcher at the Educational and Scientific Laboratory of Legal Research, Chelyabinsk State University.

129 Br. Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

Profsabitov@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5659-5571>

ALBINA Yu. SAGAJDAK

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

1 Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg 198206, Russia.

a-sagaidakk@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5980-8771>

VLADIMIR N. SAFONOV

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg); Associate Professor of the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

5 Aleksandrovskiy park str, litera A, St. Petersburg 197046, Russia.

svn205@gmail.com

FARKHAD S. SIBGATULLIN

The post graduate of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training and Additional Professional Education, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

1 Letchika Pilyutova str., St. Petersburg 198206, Russia.

farkhad.sibgatullin.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>

ANDREY V. SKOROBOGATOV

Doctor of History Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov.

42 Moskovskaya str., Kazan 420111, Russia.

av.skorobogatov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

СОКОЛОВ МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ

Заведующий отделом служебных проверок, подготовки кадров, профилактики коррупционных и иных правонарушений, Университет прокуратуры РФ.

117638, Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.

checkagp@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-1753-4692>

СОЛОВЬЕВ СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, председатель Общественной палаты Миасского городского округа; заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные и правовые дисциплины», Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76

solovevsg@susu.ru

СУМАЧЕВ АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75

alekssumachev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1133-9574>

ТИХОМИРОВА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА

Кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Орел, ул. Игнатова, д. 2.

olgapimakova@yandex.ru

ФИЛОНЕНКО ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА

Кандидат юридических наук, декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации, советник юстиции, Дальневосточный Юридический институт (филиал) университета прокуратуры РФ.

690000, Приморский край, Владивосток, ул. Суханова, д. 8.

tanya.f-vlad@mail.ru

MAXIM S. SOKOLOV

Head of the Department of Service Checks, Personnel Training, Prevention of corruption and other offenses, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

2 Azovskaya str, bldg 1, Moscow 117638, Russia.

checkagp@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-1753-4692>

SERGEY G. SOLOVEV

Doctor of Legal Science, Professor, Chairman of the Public Chamber in Miass; Head of the Department Social and Humanitarian and Legal disciplines, South Ural State University (National Research University).

76 prospect Lenina, Chelyabinsk 454080, Russia.

solovevsg@susu.ru

ALEXEY V. SUMACHEV

Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs.

75 Amurskaya str, Tyumen 625049, Russia.

alekssumachev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1133-9574>

OLGA G. TIKHOMIROVA

Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer, Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs, V. V. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

2 Ignatova str, Orel 302027, Russia.

olgapimakova@yandex.ru

TATIANA V. FILONENKO

Candidate of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Professional Retraining and Advanced Training, Counselor of Justice, Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

8 Sukhanova str, Vladivostok 690000, Primorskiy kray, Russia.

tanya.f-vlad@mail.ru

ФОМИЧЕВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Орел, ул. Игнатова, д. 2.

andry2453@yandex.ru

ANDREY A. FOMICHEV

Candidate of Legal Sciences, Lecturer of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs, V. V. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

2 Ignatova str., Orel 302027, Russia.

andry2453@yandex.ru

ХЛЕБУНОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

tvkh1954@mail.ru

SVETLANA A. KHLEBUNOVA

Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement Activities in the Department of Internal Affairs, Chelyabinsk State University.

129 Brat'yev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

tvkh1954@mail.ru

ХОТЬКИНА ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и организации профилактики преступлений, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.

O_Khotkina@mail.ru

SPIN code: 6965-4070.

Author ID: 761555.

<https://orcid.org/0009-0009-1165-2198>

OLGA K. KHOTKINA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, associate professor of the department of criminology and organization of crime prevention, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.

1 Sennaya str., Ryazan 390000, Russia.

O_Khotkina@mail.ru

SPIN code: 6965-4070

Author ID: 761555

<https://orcid.org/0009-0009-1165-2198>

ЧЕРЕЦКИХ АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА

Старший преподаватель кафедры информационно-аналитического и документационного обеспечения деятельности сотрудников ОВД, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

acheretskih@bk.ru

ANTONINA V. CHERETSKIKH

Senior Lecturer of the Department of Information-Analytical and Documentary Support for the Activities of Internal Affairs Officers, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs.

75 Amurskaya str., Tyumen 625049, Russia.

acheretskih@bk.ru

ЧЕРНЯДЬЕВА АНГЕЛИНА СЕРГЕЕВНА

Юрисконсульт, ООО «ВЕК» (г. Симферополь).

295013, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, д. 41.

lina1198@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8121-0963>

ANGELINA S. CHERNYADYEVA

Legal Adviser of ООО "VEK" (Simferopol).

41 Sevastopolskaya str., Simferopol 295013, Republic of Crimea, Russia.

lina1198@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8121-0963>

ЧИКУЛИНА АЛИНА РАДИКОВНА

Старший преподаватель, кафедра уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Юридический Институт, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

4545080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

alina_ibragimova11@mail.ru

ALINA R. CHIKULINA

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminology and Forensic Examination, Institute of Law, South Ural State University (National Research University).

76 prospect Lenina, Chelyabinsk 454080, Russia.

alina_ibragimova11@mail.ru

ШАХМАЕВ МАРАТ МУХТАРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры специальной подготовки, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

shah-72@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1031-9563>

MARAT M. SHAKHMAEV

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Special Training, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs.

75 Amurskaya str, Tyumen 625049, Russia.

shah-72@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1031-9563>

ШЕРШИКОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Заместитель председателя Центрального районного суда г. Челябинска; аспирант кафедры «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза», Юридический институт, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

irina241277@icloud.com

IRINA A. SHERSHIKOVA

Deputy Chairman of the Central District Court of Chelyabinsk; graduate student of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Science of the Law Institute of South Ural State University (National Research University).

76 prospect Lenina, Chelyabinsk 454080, Russia.

irina241277@icloud.com

ШИПУНОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Старший преподаватель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75

gorod.ow@mail.ru

OLGA V. SHIPUNOVA

Senior Lecturer Chair of Crime Detection and Forensics, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs.

75 Amurskaya str, Tyumen 625049, Russia.

gorod.ow@mail.ru

ШУТОВА АЛЬБИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт цифровых технологий и права; доцент кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова.

420111, Казань, ул. Московская д. 42.

shutova1993@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3015-3684>

ALBINA A. SHUTOVA

Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher, Institute of Digital Technologies and Law; Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML).

42 Moskovskaya str., Kazan, 420111, Russia.

shutova1993@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3015-3684>

ЯСТРЕБОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

iastrebovati@susu.ru

<https://orcid.org/0009-0006-1804-373X>

TATYANA I. YASTREBOVA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination, South Ural State University (NRU).

76 prospect Lenina, Chelyabinsk 454080, Russia.

iastrebovati@susu.ru

<https://orcid.org/0009-0006-1804-373X>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«Правопорядок создается нравами, а не законом»

Равиль Алеев

*www.правопорядок74.рф
www.pravoporyadok74.ru*